

Содержание

Страница главного редактора
 «Спасибо в карман не положишь» 3

ПРОЗА

Валерий Бродовский
 Рассказы 5
Игорь Берг
 Странное путешествие в Мюнхен. Повесть...53
Иван Аксенов
 Рассказы 117
Виктор Кустов
 Запах талых снегов. Повесть..... 183

ПОЭЗИЯ

Валентина Дмитриченко
 Стихотворения..... 101
Олег Воропаев
 Стихотворения..... 107
Владимир Авдеев
 Стихотворения..... 113

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Петр Чекалов
Надежда Откидач
 Андрей Терентьевич Губин.....239
Олег Игнатьев
 Мучительная тяга к мастерству 247

КРАЕВЕДЕНИЕ

Николай Маркелов
 «В рассуждении завоевания Индии»..... 271

Сведения об авторах 321

Главный редактор **В.Бутенко**

Литературное

Ставрополье

№ 2_

(2017)

© Правительство
 Ставропольского края

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6
УДК 821.161.(470.630)-8
Л 64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова,**

Л 64 Литературное Ставрополье. Альманах. –
Ставрополь. 2017 г. № 2.

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 26-31-50

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Технический редактор: А.А.Рудометова

Дизайн, верстка: О.О. Буданов

Сдано в набор 10.06.2017. Подписано в печать 20.06.2017.

Формат 130x200 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,6.

Заказ № 5532 Тираж 979 экз.

ООО «Алатырь» Россия, 115114, г. Москва,

2-й Кожевнический переулок, дом 1

ISBN 978-5-906930-47-7

«Спасибо в карман не положишь...»

Так сложилась судьба, что врачом отработал я почти сорок лет. Начинал в сельской глубинке, в маленьком стоматологическом кабинете, в поселке Целина. И поныне перед моими глазами доктора той районной больницы. Конечно, они были людьми разными, с особыми жизненными интересами. Но большинство из них были преданны своей богоданной профессии. Пребывание вместе с ними, приятельство многое мне дало и, прежде всего, в профессиональном плане. А вот дружба с ровесником моей мамы, Александром Петровичем Тумашем, помимо этого, благоприятствовала жизненному становлению и моему, и иных коллег. Александр Петрович, уроженец Ростова, выпускник знаменитого местного мединститута, был личностью незаурядной. Высокий, с осанистой фигурой, в тонких очках, он обращал внимание и доброжелательным видом и неторопливой походкой. В юности окончил шахматную школу и играл на уровне мастера спорта. Был мудрым советчиком, обладал редким чувством юмора. Блестяще знал литературу: «Золотого теленка», «Двенадцать стульев», стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина цитировал дословно. При этом, будучи заместителем главного врача, он контролировал деятельность подразделений больницы, обладал энциклопедическими знаниями. Фронтальной врач, затем помощник начальника эвакогоспиталя, Тумаш не любил рассказывать о войне. Достоинство, свободомыслие и скромность никогда не покидали его. Однажды пове-

СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

дал он о том, как в годы войны у спецпункта раздатчица, выдавая по карточкам хлеб, уронила паек на землю. Стаявший рядом узбек (это было в Ташкенте) поднял его, отряхнул, поцеловал и положил на прилавок. Такое святое отношение к хлебу как символу человеческого бытия исповедовал и сам Александр Петрович, живший с женой в стандартной «двушке», не имевший ни импортных гарнитуров, ни дачи, ни машины. Вся жизнь его была подчинена врачеванию, спасению людей, любви к ним...

Я недаром вспомнил о Тумаше, выдающемся человеке и враче. Нынешняя российская медицина, напичканная аппаратурой, обогащенная новейшими методами исследования и материалами, современными эффективными лекарствами, стала одной из отраслей бизнеса. Да, еще существует бесплатный врачебный прием. Есть в больницах и поликлиниках внимательные, отзывчивые доктора. Но значительная часть эскулапов стала иной! Они рвутся в частные кабинеты и клиники, где можно с пациентов «драть шкуру», думая о материальном достатке. Трудно нынче найти высококвалифицированного и, как ни странно это звучит, человеческого врача. Пишу это с болью, ибо порушены традиции отечественной медицины, которая сама ныне больна. Оказывается, нравственность, о которой давно уже не говорят в мединститутах, – со времен Гиппократова была и остается матерью врачевания. Человек с алчной душой может стать миллионером, но никогда не станет целителем от Бога!

Недавно рассказала мне знакомая, как в ответ на ее слова благодарности один молодой хирург с иронией бросил: «Спасибо в карман не положишь...» Те же слова и я слышал от докторов. Верно, в карман суют взятки. Это стало у нас обыденным делом. Неужели человеческая жизнь столь обесценилась, что подлежит исчислению в рублях или долларах? А клятва российского врача? А чувство сострадания и милосердия?

Не пристало гадать. Как там, у Гоголя? «Русь, дай ответ! Не дает ответа...».

Никас Шафранов – гений современности

Автомобильная площадка перед зданием краевого музея изобразительных искусств была забита почти полностью. Такого количества дорогих иномарок, собранных здесь, Андрей не мог припомнить, разве что, когда приезжал академик Зураб Церетели. С трудом втиснув свой подержанный «Лексус» в узкую щёлку между припаркованными машинами - и как раз вовремя: сзади уже напирали два мордатых «немца» - он покинул салон, направляясь к старинному особняку, еще в советские годы переданному под музей.

У входа, в ожидании появления «самого выдающегося в мире художника», о чем гласили многочисленные постеры, развешанные по всему городу, собралась большая толпа людей, в основном, женщин, что несколько озадачило Андрея. На общем фоне особо выделялись дамы в возрасте «слегка за...», явно относящие себя к «исключительным». Ведя между собой приличествующую сему возвышенному моменту неторопливую беседу - естественно об искусстве, ну о чем еще можно говорить «людям из высшего общества» у стен такого культурного заведения, - они взирали на окружающих с высоты общественно-политической и финансовой значимости своих мужей, не без гордости демонстрируя друг перед другом свои замысловатые наряды и драгоценности, ослепительно поблескивавшие в лучах яркого солнца. Лениво цедя слова, дамы с интересом поглядывали по сторонам сквозь полуприкрытые опухшая накладных ресниц.

**ВАЛЕРИЙ
БРОДОВСКИЙ**

ПРОЗА

Здесь же в толпе, в нарядах, подчеркивавших все достоинства молодых тел, стояли их соперницы. С неким презрением рассматривая «рейтузниц» - хозяек зажиточных домов, с чьими мужьями они спали, содержанки втайне завидовали семейным, мечтая когда-нибудь и самим оказаться законными хозяйками особняков.

Чуть в стороне от всех держались самые обычные любительницы вернисажей. От дам «успешных во всех смыслах» эти отличались неброскостью своих туалетов и несколько потухшими взорами, которые время от времени бросали на дорогие наряды богатых соплеменниц.

«Обласканный» недобрым взглядом женщин, опасавшихся за сохранность своих туалетов, Андрей не без труда добрался до вестибюля, где поджидал Владимир – его давний приятель, работавший в музее хранителем фондов.

- Что-то не припомню такого столпотворения! – выдохнул Андрей, протягивая для приветствия руку. – Пряма, армагеддец какой-то!

- Так имя какое сурьезное, что ты! – Владимир мультяшно выпучил глаза. – Сам мусью Шафранов изволили почтить! Неслыханное везение для нашего уездного городка, доложу тебе!

Уловив в его голосе сарказм, Андрей, оправляя на себе пиджак, ухмыльнулся:

- Я смотрю: ты его не жалуешь?!

- Что есть, то есть!- не стал отрицать Владимир, привычно ударяясь в философствование – его любимое занятие. - Шафранов и иже ему подобные – такая глубоко несимпатичная мне публика! Но, что ты хочешь?! Удивительную формацию людей породило наше время, Андрюша, - людей, возвеличивающих душевную пустоту! Я воспитан на школе старых мастеров, и, откровенно говоря, мне по барабану все, что делает Никас, потому как к настоящему искусству это не имеет никакого отношения...

Владимир был немногим старше Андрея. Когда-то, очень давно, он окончил Суриковский институт - один из престижнейших ВУЗов страны, но художником так по большому счету и не стал, зато много и охотно критиковал других, впрочем, часто по делу. Переспорить его в вопросах живописи было невозможно.

- Сейчас художник тот, кто может позволить себе купить краски и холст. Не зарываясь глубоко, слизнул помадку с нужной информации в интернете и ходит с умным видом. Ты с ним поговори об искусстве, он тебя просветит –

мама не горюй! Забросает холст всеми цветами радуги и достает потом галерейщиков своими «нетленками»: примите искусство! Мильон стоит, но отдам, не скупясь. Видел, небось, такие картинки: голова - не голова, глаз - не глаз, в общем, задница, одним словом, и восклицает: «Вот так я вижу современное искусство, а ты, народ, хавай его, если не хочешь прослыть дураком!»

- Ну, это, пожалуй, больше к абстракционизму подходит! - решил блеснуть эрудированностью Андрей. - Шафранов, по-моему, неплохо рисует! И потом: старых мастеров никто не отвергает, но новое время рождает новых кумиров! - выпалил он с некоторым вызовом в голосе.

- Идолы, ты хотел сказать? - поправил его Владимир.

- Пусть так! Видишь, сколько ценителей пришло посмотреть на картины художника!

- Ценителей? Я тебя умоляю! Оценщиков! Зал, где висят его «открытки» - пустой! - Брезгливо скривив губы, Владимир кивнул в сторону столпившихся во дворе людей. - Думаешь, они действительно пришли увидеть его «божественную» живопись? Вся эта шобла собралась, чтобы пообщиться к НЕБОЖИТЕЛЮ, распиаренному СМИ. Еще бы: будет, что потом знакомым рассказать! Как же: лично видел-с, лично прикоснулись...

Владимиру, как и многим людям творческих профессий, был свойственен определенный цинизм в оценках мастерства своих коллег. Так, во всяком случае, казалось Андрею. Привычно ссылаясь в беседах на любовь к старым мастерам, он на деле с трудом, но еще мог признать талант за некоторыми из давно почивших. Что же касалось современников, то возвеличивать способности последних было выше его сил.

Андрей вернулся к разговору о публике.

- Столько лет хожу на выставки, но никогда не встречал таких лиц! Откуда они все ...

Он пытался подобрать нужное слово.

- Повылазили? - договорил за него Владимир. - Ну, тут как раз всё просто! Все эти дамочки с перелицованными мордуленциями, их надермаколенные мамашки и дочурки-жеманницы - родня наших денежных тузов и местечкового власть имущего актива. Энти на другие выставки не ходють! - перешел он на просторечный язык. - Им тузовое имя подавай. Сейчас будут своих мужичков раскручивать на покупку «шедевра» от Никаса, а кто побогаче - на собственный «патрет» в одежке наложниц султана Су-

леймана. Нынче богатые моду завели - иметь в спальне изображение жен или любовниц в неглиже...

До официального открытия выставки еще оставалось немного времени, и Андрею не терпелось попасть в экспозиционный зал, чтобы успеть ознакомиться с работами модного художника. Несколько лет назад, начав приобретать картины разных авторов, он привлек в консультанты Владимира. Вот и сегодня собирался присмотреть с его помощью что-нибудь новое для своей коллекции. Кроме эстетической составляющей, такая покупка, как полагал Андрей, несла в себе и определенные материальные выгоды, ведь в случае необходимости работу известного автора всегда можно перепродать.

Главный выставочный зал находился этажом выше. Увлекая Андрея к лестничному маршу, Владимир попытался отговорить его от покупки.

- Шафранов не тот художник, чьи картины стоит покупать...

- Стоит-стоит! – твердо заявил ему Андрей, тем самым пресекая все дальнейшие разговоры на эту тему. – Твоя задача – посоветовать лучшее из выставленного. Не думаю, что «открытки» Никаса, как ты пренебрежительно называешь его картины, висят в домах исключительно недалеких людей. В цене бы только сойтись!

- Ну, дело государево, - не стал настаивать Владимир. – А в цене сойдешься, даже не сомневайся. Шафранов только на публику заявляет, что продает за миллионы, а на деле, уверяю, опустит стоимость до низшего предела.

- Дай-то бог! Очень хочется купить что-нибудь.

- Кто-то из мудрых сказал: если картина стоит больше, чем я могу за нее заплатить, то для меня она становится предметом роскоши, а не искусства! Правда, до такой мудрости не все дорастают, - проговорил Владимир, искоса поглядывая на Андрея, но тот сделал вид, что не расслышал его слов.

Состоятельные люди, с удовольствием окружающие себя дорогими атрибутами роскошной, как они полагали, жизни, что, понятное дело, вызывало у них головокружение от собственной значимости, у Владимира вызывали лишь искреннее недоумение. Андрей был уверен, что в его приятеле сидела старая обида на судьбу, ведь ни одна из написанных им картин так никогда и не была продана. Впрочем, это совсем не мешало скромному хранителю музейных фондов зарабатывать неплохие комиссионные на сделках.

Профессионально разбиравшийся в живописи, Владимир помогал своими советами не только Андрею, но и некоторым другим коллекционерам.

Залы, где экспонировались картины Шафранова, к удивлению Андрея действительно оказались пусты, лишь две крупногабаритные женщины и сопровождавший их не менее фактурный мужчина, обмениваясь восторженными репликами, вальяжно перемещались от стены к стене.

- Романтик! Боже мой, какой романтик! – делая на французский манер ударение на последний слог, восхищалась пожилая дама в длинном черном бархатном платье с поясом на том месте, где, очевидно, когда-то была талия. Ее левую грудь украшала большая алая роза. - Вы обратили внимание, как много шаров он рисует? Хрустальные шары... Ах! Очень мило! Хрупкой души человек, что тут скажешь.

- Извини, дорогая, художники не рисуют, художники - пишут! – тактично поправила обладательницу фантастического цветка дама помоложе. – Знаешь, пожалуй, ты права! Как психолог, я могу констатировать, что столь яркая палитра красок говорит о чрезвычайной утонченности его души, я бы даже сказала - ранимости! Он мне видится очень необычным человечком! Восхитительно!

- Мда, думаю, вы обе правы! – ворковал рядом мужчина, то ли поддерживая их за локотки, то ли, наоборот, опираясь. Лет семидесяти, с наголо обритой головой и редкой седой бородкой, сплетенной в косичку, он походил на персонажа из американских комиксов. – Трепет! У меня его талант вызывает трепет! Вы понимаете, - тут мужчина медленно вытянул по направлению одной из картин руку, прикрыл глаза, замерев на мгновение, - я чувствую, как от них исходит благо...

- О, боже! - Услышав столь патетическую оценку творчества Шафранова, из груди Владимира непроизвольно вырвался тихий стон. Он немедленно потянув Андрея в соседний зал. - Нет, ну ты слышал? Экстрасенс, твою бородку! Благо он чувствует! Я всегда говорил, что женщина-психолог – это неустроенный в жизни человек, часто с диагнозом, а мужчина-психолог – это вообще не мужчина!..

Обычно, если позволяло время, Андрей приходил задолго до официального открытия выставки. Можно было не спеша изучить экспозицию, услышать мнение местных художников, как правило, уже слонявшихся по залам. Со многими из них он был знаком. Однако сегодня ни одного художника здесь не оказалось.

- Твои коллеги так увлеченно работают над своими картинами, что не нашли времени прийти сюда? – спросил он Владимира, не скрывая иронии.

- А на что тут смотреть? – вскинул тот брови.

- Ах, ну да, я забыл: Шафранов – это плохо! – Андрей усмехнулся. – Володь, что бы ты ни говорил сейчас, это будет выглядеть как зависть. Никас умеет не только писать, но и продавать. Он успешен, богат! Его менее известным собратьям по кисти и мастихину, очевидно, не просто задушить в себе чувство зависти. Всякий творческий человек непременно причисляет себя к гениям, отказывая в этом всем остальным. Как говорил классик: сложно наступить на горло собственной гордыне. Картинами Шафранова восхищаются многие известные люди страны. Ну, не все же они полные идиоты?

Андрей был рад, что, наконец, высказался. «Иногда не мешает ставить критиканов на место!»

Привыкнув, что приятель всегда прислушивается к его мнению, Владимир выразил удивление на лице.

- Ты так считаешь? Вот так все разом взяли и стали завидовать? Хм! Ты мне сейчас напоминаешь простого гончара, который искренне полагает, что разбирается в памятниках куда лучше, чем скульптор.

Сравнение с гончаром Андрея оскорбило.

- Да уж куда нам?! Мы ведь художественных коридоров не проходили! А ничего, что у меня высшее образование?

- И что, тебя на твоём факультете экономики, или что ты там оканчивал, учили понимать балет? Может, ты можешь отличить Доменико Чимарозу от Доминика Скарлатти, а Клода Моне от Эдуарда Мане?

- Интересно, все, кто не состоялся как художник, пошли в критики Шафранова? – Ответил уколom на укол Андрей.

Не выказывая обиды, Владимир ответил со свойственной ему иронией:

- Нет, не все! Некоторые, как видишь, стали хранителями!

- Ну ладно, художники не пришли - тут, как говорится, все ясно: зависть и даже не спорь! – чуть притушив запал, продолжал Андрей, полагая, что обмен колкостями он выиграл. – Но объясни мне, почему на ваши выставки не ходят артисты, музыканты, писательская братия - в общем те, кого принято называть богемой?

- Я тебя умоляю! Ты много видел музыкантов или поэтов, которые понимают живопись?

- Не думаю, что и вы, художники, что-то смыслите в стихах или тонкостях музыки! Очевидно, здесь проблема общекультурного обнищания нашего общества...

- Ну, не скажи, не скажи! - Губы Владимира расплылись в улыбке. - Я, к примеру, очень даже люблю классическую музыку! В былые времена, когда еще не щадил хвосты колонков и белок, стирая их о холсты, обязательно ставил пластинку Баха или Бетховена. - Картинно подбоченясь, словно стоял у мольберта, Владимир взял в правую руку невидимую кисть. - Как сейчас помню: малюешь барышню, возлежащую пред тобой на диване в чем мать родила, в ожидании, когда ты закончишь работу и начнёшь угощать ее шампанским, или, на худой конец, чайком с заварным пирожным, если на игристое с икоркой денег не хватает, а из старенького патефона звуки доносятся! Очень хорошо, доложу тебе, писалось под Баха и Бетховена, нда! А вот под Штрауса совсем не писалось! Под Штрауса дамам непременно хотелось пуститься со мною в пляс. Так и кидались на шею! А я ж не мог, ты же понимаешь! Я в этот момент в образе был... эээ... в образе творца! Как можно мастеру, творящему под величественную музыку свое искусство, танцевать с какой-то там бабенкой, сорри - обнаженной моделью? Никак нельзя! Обижались, призывали к грехопадению! Но я под Бетховена - ни-ни! Я, может, поэтому и не женат до сих пор, потому как молоденькие женщины Бетховена не очень уважают, а под «Ласковый май» или там «Мираж», я... хе-хе...

Словно продолжая писать невидимую картину, Владимир выставил руку еще дальше, и так забавно это у него получалось, что Андрей живо представил себе возлежащую на старом диване с торчащими пружинами голодную модель не первой молодости, желавшую закружить крупную фигуру Владимира в танце и... расхохотался.

- Вот, а ты говоришь: художники не любят музыкантов, поэтов и... кого ты там еще назвал?

- Артистов!

- А это кто такие?

Их дружный хохот разорвал тишину небольшого зала, чем привлек внимание вошедшей следом за ними неразлучной тройцы восторженных «психологов». Осуждающий взгляд последних красноречиво напомнил весельчакам, что музей - не место для столь мальчишеского поведения...

Уже много лет в средствах массовой информации разгорались страсти вокруг имени Шафранова, чье лицо ча-

сто мелькало на телеэкранах рядом с известными артистами, депутатами, политиками. Одни медийные лица, любившие потусоваться и попиариться не важно где, не важно с кем, называли художника гением, требуя от него взаимного восхваления. Другие же уверяли, что в его искусстве нет и толики творчества, лишь ремесло человека, страдающего дурновкусием.

Вознесение Никаса Шафранова на олимп искусства не было столь быстрым и безмятежным, как могло показаться со стороны. Чтобы сделать себя тем, кем стал, ему пришлось через многое пройти, например, мимо настоящих творцов, осознав в какой-то момент, что самому ему никогда не подняться до их уровня мастерства; через многое перешагнуть, например, через определенные моральные принципы, включающие в себя такие понятия, как профессиональная честь, достоинство. Решив однажды, что мораль еще никого не сделала богатым, Никас пошел путем наименьшего сопротивления. Умереть в нищете и безвестности, как заканчивали жизнь многие талантливые, но так никогда и не узнанные широкой публикой творцы, он не собирався. Просчитав все ходы, ведущие к популяризации, Шафранов стал действовать, и начал с... имени.

Коля, Колян, Колюсик! Свое родное имя ему никогда не нравилось. Паспортно-официальное Николай казалось непрезентабельным. Решив сменить его на более звучное, он остановился на имени Никас, которое, как полагал, подходило ему больше. Ну на каких еще просторах России, с её Иванами да Марьями, встретишь такое редкое и запоминающееся имя?! Следующим этапом должен был стать пиар...

Просиживая часы напролет со своими друзьями в каком-нибудь модном парижском кафе, молодой Пабло Пикассо, чья история жизни весьма импонировала Шафранову, дабы утвердить свою значимость, как художника новой формации, частенько любил размахивать большим пистолетом перед лицами более старших коллег, критиковавших его творчество. Особенно от него доставалось тем, кто был обласкан прессой. Пикассо утверждал, что писать так, как они, он может левой ногой, но такая живопись давно не актуальна, и он намерен открыть миру новые течения. Со временем так оно и случилось, и имя художника еще при жизни стало синонимом новизны в искусстве.

То ли пистолет не нашелся, то ли характер оказался не такой горячий, как у великого испанца, но Шафранов пошел иным путем, применив до гениальности простой трюк.

Разослав некоторым известным лицам страны их портреты, написанные, как с кальки, с доступных из прессы фотографий, он сопровождал свои «творения» легендой, что, дескать, его картины уже имеются у первых лиц страны. Да что там страны! Сам папа римский был счастлив получить собственный парадный портрет от русского гения, а уж всемирно известная актриса Софочка Лорен – та просто в него влюблена! Так, во всяком случае, Никас неустанно рассказывал всем подряд. Большим подспорьем для дальнейшего собственного продвижения стал альбом с портретами все тех же известных персонажей, выпущенный им за кровные деньги. Правда, о последнем обстоятельстве Шафранов умалчивал, скромно намекая очередному собеседнику на «царский подарок, сделанный ему сверху». От кого «сверху», он не уточнял, лишь загадочно отводил глаза в сторону. Клиенту оставалось догадываться, а коллегам завидовать: целует же Господь некоторых в лоб! «Далеко не многие могут позволить себе иметь портрет от Шафранова, - вкрадчиво внушал Никас очередному потенциальному заказчику, - а ты можешь!»

И вот, желая вызвать у друзей-корешей зависть, счастливый хозяин новой картины, утопая в кружевных воротниках испанского идаляго или в парадном облачении короля Сигизмунда, уже сидит на рисованном троне с супружницей, вчера только отошедшей от газовой плиты, а нынче ставшей владелицей многих квадратных метров на лазурном побережье. «Тока ты братву Сигизмундами не рисуй! – просит он художника, расплачиваясь за «шедевр». – Пусть я один им буду, понЯл?»

«Ну, о чем разговор?! - Шафранов понимающе кивает в ответ. – Нужны другие костюмы, эпохи, кумиры? Не вопрос!»

Такой путь к собственному возвеличиванию на Западе был известен давно. К тому же он не был суров, как те потасовки, какие устраивал на заре своего становления молодой Пабло. Правда, Пикассо действительно оказался талантливым живописцем и новатором. Но, прославив своё имя на весь мир, к концу жизни он вернулся к упрощённым формам, достигнув понимания, что высшая идея любого искусства заключена в простоте. Забросив живопись, мастер стал работать с глиной, ваяя из нее сосуды.

Историю жизни великого художника Шафранов знал наизусть, но лепить в старости вазочки не собирался: не настолько еще был богат и знаменит, как того хотелось. Да и в философии уступал знаменитому коллеге по при-

чине малограмотности. Продолжая одаривать состоятельных людей своими альбомами, он уверял, что в следующем выпуске разместит их лики (однозначно, святые!) рядом с портретом президента страны. Новые клиенты благоговейно закатывали глаза, выдыхая на американский манер: «О, май гад! Это реально круто!»

Верным оказался еще один расчет Шафранова: никто из его заказчиков в живописи не разбирался. Те же, кому он дарил, если понимали - всячески откращивались от картин художника. Но, об этом, естественно, «божественный» Никас распространяться не желал.

Приобретая «искусство» от Шафранова, нувориши полагали, что покупают место в высшем обществе, куда он большими стараниями пробил дорожку. «Обычный художник пишет то, что можно продать, а хороший продает то, что пишет», - говорил на закате своей жизни помудревший Пикассо. Никас продолжал писать то, что продавалось. С годами заказов стало прибавляться...

Вернувшись обратно в главный экспозиционный зал, мужчины столкнулись с небольшой группой людей, возглавляемой старой знакомой Владимира, искусствоведом Эвелиной Майер - частым гостем всевозможных выставок. Как обычно, профессор находилась в окружении молодых коллег из университета, в котором преподавала. Владимир двинулся ей навстречу:

- Эвелина Марковна, рад вас видеть! Пришли прикоснуться к вечному?

Поправив на носу очки в толстой роговой оправе, профессор махнула рукой:

- Бог с вами, Володя, я уже видела эту галиматью в Москве! Вот, привела своих показать воочию, что такое антиискусство.

- Так уж и анти? - Владимир злорадно поглядел на Андрея, словно говоря: «Ну, что я тебе твердил!»

- Это все, что угодно, только не живопись. Так писать нельзя! - Извинившись за простуду, Майер потянула из своей сумочки носовой платок. - Любой студент художественного училища знает, что краски разного цвета, умело смешанные, должны играть на холсте, как хороший актер в театре. Это и называется живописью! А что мы видим у Шафранова?

- Полноте, Эвелина Марковна! - Владимир придал лицу выражение умиления. - О нем столько хорошего пишут ваши собратья по перу!

- О, еще как пишут! – согласилась профессор. – Им ведь тоже хочется есть. Если Шафранов заплатит мне приличные деньги, я, пожалуй, продам душу дьяволу и напишу о нем всё, что попросит и даже больше! Хотя нет! - Майер на секунду задумалась. – Жить потом с этим позором...

- Нда! Начинающего художника понимает всего-то несколько человек, а знаменитого – почти никто! – многозначительно изрек Владимир, вовлекая ее в дальнейший разговор.

Эвелина Марковна прошла вдоль стены, где висели картины столичного автора. Следом за ней тенью двигалась вся ее свита. У портрета известного телеведущего, всю жизнь посвятившего изучению животного мира, она остановилась.

- Любая картина – это иллюзия! Художник должен найти способ убедить зрителя в правдоподобии своей лжи, иначе он просто ремесленник. Думаю, таких, с позволения сказать, «гениев», в каждом среднем городке можно найти с десяток, но, слава богу, не все они являются чьими-то выдвигенцами, иначе наша жизнь стала бы намного гаже. – Майер сморщила лоб, отчего тяжелые очки сползли на кончик носа. - В последнее время Шафранова стало слишком много! Я уже опасаясь включать микроволновку, вдруг он и оттуда заверещит!

В ее словах было много правды. Лицо Никаса очень часто мелькало на экранах телевизоров и обложках глянцевого журналов, как правило, никакого отношения к искусству не имеющих. Впрочем, так достигалась популяризация многих людей.

- Вы совершенно правы, Эвелина Марковна! – захлопав ресницами, неожиданно вступила в их диалог юная особа из ее окружения. Вглядываясь в хорошенькое личико девушки, Владимир невольно подтянулся, что не ускользнуло от Андрея. – Я вот недавно смотрела передачу про ремонт в санитарных комнатах... э-э-э... ну, в туалетах, проще говоря, так представьте себе, он и там обозначился! Рассказывал, какой у него дома, извините, унитаз стоит. Вы представляете? – Глаза девушки потешно расширились. – Это же ни в какие рамки: художник и туалет!

- Что вы говорите? – Еще больше втянув в себя выдающийся вперед живот и включив все свое обаяние, Владимир мило улыбнулся красотке. – Каков, однако! - Деликатно взяв девушку под руку, он неожиданно для всех, кроме

Андрея, спросил ее: - А как вы относитесь к Бетховену? Мне кажется, он вам должен нравиться!

Обожаю Бетховена! – ответила девушка, отчего-то покраснев. – Как можно его не любить?!

- Согласен! Вы знаете, под его музыку так хорошо пишутся жанровые картины! Если хотите, я вам как-нибудь расскажу об этом, - заверещал Владимир, но, перехватив полный убийственного холода взгляд Майер, тут же выпустил руку девушки своей. - И всё же, Эвелина Марковна, как вы находите выставку? – вернулся он к диалогу с ней.

- Среди достойных моего внимания и времени я ее не нахожу! Как говаривал Йозеф Бойс: «Художником может быть каждый, кто таковым себя считает!» Это как раз тот случай. Ну, нравится Шафранову терзать холст – его право!

- Именно об этом я только что рассказывал своему другу! – В очередной раз показав Андрею ухмылку победителя, Владимир снова повернулся к понравившейся ему девушке. – Бойса не читал, но его высказывание очень совпадает с дюшановским тезисом: Искусством может быть все, что угодно!

- Пусть эти перлы мудрости останутся на совести обоих мужей, - решительно отгораживая девушку от него, строгим тоном произнесла Майер. - А вы, Володя, прекратите поедать глазами нашу Ксению!

Любвеобильный Владимир, подлив голосу еля, попытался закинуть дальше удочку:

- Ксения?! Какое прелестное имя! А что, Эвелина Марковна, замужем наша Ксения или как? Я-то, если помните, человек пока что свободный от брачных пут, но, видя такое совершенство, готов к окольцеванию, и если...

- Никаких «если»! – все так же решительно ответила Майер. – Между прочим, у меня еще Левушка, мой племянник, не оживившийся!

Невольно оказавшись объектом их разговора, девушка зарделась:

- Ой, ну что вы, право!

Через секунду она скрылась за спинами своих подруг, чем вызвала гомерический хохот у окружающих.

- Жа-аль! – весело протянул Владимир. – Против вашего музыкального Лёвы, Эвелина Марковна, с его тяжелым роялем, мне не сдюжить! Ну вот, снова день не задался! Прожит зря!

- Как же зря? А выставка Шафранова? – Впервые за весь разговор Майер улыбнулась ему, и тут же перекинула вни-

мание на Андрея: – Молодой человек, смотрите, не поддавайтесь на уговоры этого хитреца! Я слышала: вы приобретаете картины? Уж поверьте мне – здесь, - она махнула рукой вдоль стены с картинами, - ничего достойного вы не найдете. Не стоит пополнять ряды людей, не способных отличить хорошую картину от раскрашенного рисунка. Запомните: опасен не бездарный художник, опасны его почитатели! Чем больше их, тем ниже культура общества.

- Эвелина Марковна, о чем вы говорите?! Любовь народа к Никасу безгранична! Публика его обожает!

- Народ у нас всеядный, что не кинь – все съест, а уж если упаковать в блестящую обертку...

Андрей чувствовал себя неловко, осознавая, что слова Владимира обращены в первую очередь к нему.

Одна из стен зала была полностью увешана портретами... кошек, чьи головки Шафранов искусно дорисовал к женским фигурам, скомпилированным с картин известных мастеров. Определенно, эти представительницы домашней фауны, столь любимые женщинами, проложили наикратчайший путь к большей части его аудитории. Остановившись возле одной такой работы, Эвелина Марковна покачала головой:

- Гюстав Флобер как-то сказал: художник должен присутствовать в своём произведении, как Бог во вселенной – быть вездесущим и невидимым! Что божественного мы можем увидеть здесь, позвольте вас спросить? Тонкую душу живописующего кошковеда?

Слово «живописующего» в устах человека, ответственного за каждое произнесенное слово, прозвучало как «живописателя», неся определенный оттенок, что заставило всех рассмеяться. Бегло осмотрев кошачью галерею, Майер подступила к картине под названием «Король – Солнце».

- Ну, а здесь, извините, уже диагноз!

Это была известная работа Доминика Энгра «Император Наполеон», написанная художником в 1806 году. Долго не мудрствуя, Шафранов вместо головы полководца изобразил... солнце с отходящими от него лучами. «Реформатор» старого произведения не удосужился даже сменить императорскую мантию на королевское платье.

Андрей хорошо помнил картину по репродукциям в многочисленных художественных альбомах, которые он собирал.

После такой оценки «творчества» московского художника в зале наступила тишина, во время которой Андрей

почувствовал себя неловко, словно это его уличили в воровстве. Первым заговорил Владимир, в голосе которого скрывалась привычная ирония:

- Ну, не будем строги к «таланту»! Кажется, Эжен Делакруа говорил, что картина должна радовать глаз. Скольких людей радуют эти кошечки и солнышко-короли!

- Прежде всего картина должна питать душу! – сухо отреагировала на его иронию Эвелина Марковна. Зажав платком нос, она в очередной раз пыталась сдержать чих. - Я знаю людей, которые владеют приличными библиотеками, но при этом совсем не читают книг. Им доставляет удовольствие казаться умными. Картину нужно читать! Произведение искусства тем и отличается от ширпотреба, что вы его всегда видите разным.

- Нечитающий владелец библиотеки напоминает мне, пардон, евнухов: те, вроде, тоже жили в гаремах да что толку!

Шутка Владимира вызвала сдержанную улыбку у чопорной университетской публики. Скользя взглядом по циферблату часов, Майер заторопилась:

- Опаздываю в университет...

- Эвелина Марковна, все порываюсь спросить вас: вот о чём говорят искусствоведы, когда собираются вместе? – задал он вопрос.

Профессор недоуменно пожала плечами.

- Вероятно, о том же, о чем и художники: о форме, содержании произведения, смысле, структуре! Но могут поговорить и о норковой шубке, если близко зима! - пошутила она, чем снова повеселила свое женское окружение.

- Это вы хорошо думаете о художниках, Эвелина Марковна! – засмеялся Владимир. – В действительности, когда мы собираемся, то говорим о том, как подорожали краски, что холст нынче не тот, не репинский, как бывал прежде, и что настоящее искусство сейчас уже никому не нужно.

- Вот как?! Видимо, это настоящие художники так рассуждают, Володя, а придворные говорят о яхтах, виллах за границей, галереях и академиях имени себя любимых. А вы пишете картины? – удивилась она. – Что-то я не припомню их на выставках!

- О, я еще удивлю мир! – без тени смущения на лице заявил Владимир. – Какие мои годы!

Андрей с трудом сдержал улыбку. Уже много лет его приятель выдавал эту заготовленную фразу всем интересующимся его творчеством, очевидно, сам давно перестав верить себе.

- Что ж, будем ждать! - Майер грациозно, насколько это позволяла ее располневшая с годами фигура, задвигала бедрами, держа путь к выходу из зала, но вдруг резко остановилась.

- Знаете, я только сейчас поняла, что меня смущает в работах Шафранова, кроме, конечно, мещанства! Краски! Я их не вижу! Такое ощущение, что это слегка подкрашенные репродукции на холстах.

- Не поверите, Эвелина Марковна, но так оно и есть! - просиял Владимир. - А я-то полагал, что вы сразу обнаружили подвох!

Осмотревшись и не заметив вблизи посторонних глаз, он отвел от стены одну из картин, подставив свету ее бок. Все увидели края штамповки, затянутые скобами. Изготовленный на специальном цифровом дубликаторе методом трафаретной печати, позволявшей перенести на холст любой рисунок или фотографию, такой «шедевр» мог выпускаться в неограниченном количестве. Массовое издание не только обесценивало оригинал, но и опошляло искусство.

- Ризография? - Майер ужаснулась. - Шафранов, видимо, полагает, что здесь это пройдет? Ничуть не бывало! - Глаза Эвелины Марковны, увеличенные линзами очков, грозно расширились. - Что вы хотите - обесцененное искусство! - вздохнула она. - Это такой же плевок нам всем, какой в свое время сделал Пьеро Мандзони. Но я этого так не оставлю! Я напому своим московским коллегам-искусствооведам, воспевающим всякую бездарность, что такое настоящая живопись...

Проводив гостей до выхода, Владимир вернулся невероятно довольный:

- Ну, теперь жди драчки между Майер и столичными писателями! Я, правда, надеялся, что Эвелина захочет публично «раздеть» Никаса.

- Хочется скандала?

- Очень! Скучно, понимаешь, живем! Хочется хорошего мордобоя, в фигуральном смысле, конечно! Эх, Андрюха, ты вообще понял, что сейчас произошло? - похлопал его по плечу Владимир.

- Ничего особенного. - В Андрее еще не прошла обида на приятеля за сравнение его с неграмотным народом. - Очередная субъективная оценка творчества Шафранова. Ты, конечно, будешь утверждать, что искусствоведы не ошибаются в своих суждениях и их слово последнее в инстанции...

- Нет, не буду, - не стал с ним спорить Владимир. - Деньги у тебя есть, а знаний, извини, не хватает. Всего тебе все равно не объяснишь. Но я сейчас о другом. Ты, можно сказать, только что присутствовал при историческом моменте - очередном массовом исходе евреев из мест обетованных! Такого в стенах нашего музея еще не случилось, чтобы искусствоведы покидали площадку до открытия выставки!

- А при чём тут евреи? - не понял Андрей.

- Ну, как при чём, как при чём? Не секрет, что все галереи мира, музеи, концертные площадки, артистические сцены притягивают детей Израилевых, как манна небесная.

Наступал момент открытия выставки. Главный зал стал наполняться шумной публикой.

- Выходит, Шафранов обманывает людей, выставляя копии своих работ? - Андрей понизил голос. - Но зачем успешному живописцу идти на такой обман? Продавай оригиналы!

- Их всегда мало, а копий можно наштамповать. Это даже не копии, это - мусор! - Владимир глазами выискивал в толпе возможных знакомых. - Вообще-то, в приличном обществе за такое морду бьют. А насчет успешности... Успех даже таких прохиндеев, как Никас, таит в себе опасность: рано или поздно начинаешь копировать себя, если ты понимаешь, о чём я. Это даже хуже, чем копировать других, потому что приводит художника к бесплодности. Ты меня осуждаешь за то, что я плохо думаю о почитателях Шафранова, дескать, народ лучше знает, что ему нужно и его не обманешь. Это верно: народ обмануть нельзя, если он сам того не желает! Всякий обыватель, а ты обыватель, и не надо обижаться, думает, что понимает искусство. Но если художник учится творить искусство, то зритель должен учиться его понимать, чтобы подняться над своей безграмотностью. Художник обязан поднять обывателя на верхнюю полку культуры, а не опускаться на дно ящика. Для одного музыка - три струны на балалайке, а другому нужен оркестр, сложная композиция. Вот, как-то так!

- Что с моей коллекцией? Много мусора я приобрел с твоей помощью? - озадаченный сегодняшним курсом ликбеза, уныло интересовался Андрей.

- С твоей коллекцией все нормально! - успокоил его Владимир. - Картины мы тебе подбираем хорошие, достойные. Конечно, больших денег за них ты не выручишь, надумай продать, потому как мастера эти никому не известны, да и вряд ли когда будут на слуху, но и Шафранова через

пятьдесят лет никто не вспомнит, разве что дурным словом, и уж точно я тебе не продал ни одной «банки от Мандзони».

- Кто такой этот Мандзони? – полюбопытствовал Андрей, вспомнив упоминание о нем Майер.

- О, эту историю должен знать всякий, кто решил кинуть бабло в топку повышения собственной значимости...

В мае 1961 года итальянский художник-концептуалист Пьеро Мандзони закрутил в консервных банках по тридцать граммов собственных фекалий, заготовив таким образом девяносто штук. На каждой из баночек он на четырех языках честно написал: «Стопроцентное натуральное дерьмо художника», и продал их по цене... золота. В 2007 году одна из этих баночек была продана на «Сотбис» за рекордные 124 тысячи евро.

...Шум в зале нарастал. Наконец, в сопровождении директрисы музея и представителя местной власти перед собравшимися показался сам автор. Тут же появились журналисты местного телевидения и радио. Оператор принялся устанавливать штатив под видеокамеру, наводя ее объектив на московского гостя.

Андрей с Владимиром стояли к Шафранову довольно близко, так, что могли слышать его разговор с представителями прессы.

Две дородные дамы, не особо церемонясь, протиснулись между приятелями, став впереди них. Затаив дыхание, они с вожделием взирали на столичного гостя, пытаясь поймать каждое его слово.

- Какой мужчина! – наконец выдохнула одна из них в каком-то экстазе, и ее лицо озарилось счастливой улыбкой. – Какой человек!

При слове «человечек» Андрея передернуло. Оно у него почему-то ассоциировалось с одним голливудским компьютерным киноуродцем. Скрестив руки на груди, Владимир стоял рядом, нацепив на лицо маску стороннего наблюдателя.

Откинув со лба заученным движением головы прядь длинных волос, Шафранов, не обращая внимания на собравшихся, сосредоточился на журналистах.

- Где мне статья? Здесь нормально? – попытывался Шафранов у молодой журналистки, разматывавшей нужные метры шнура для микрофона. – Как с освещением? Может, добавить софитов?..

- Все хорошо! – не поднимая головы, безучастно ответила девушка. – Да вы не волнуйтесь, мы вас уже достаточно поснимали в аэропорту!

Избалованный повышенным вниманием, художник, очевидно, от местной прессы ожидал большего уважения к собственной персоне, но привыкшая к многочисленным интервью со знаменитостями девушка не выказывала к нему особого интереса. Шафранов заметно занервничал.

- Проверьте, пожалуйста, все еще раз! Я недавно давал интервью в Новосибирске, и там у них что-то не сработало. И да, снимите меня... - оглядевшись по сторонам, он встал рядом с высоким мужчиной, одетым в строгий деловой костюм, – снимите меня с заместителем вашего губернатора!

Стоявшая прежде рядом с Шафрановым, директора музея неловко отодвинулась в сторону. Наконец оператор подал знак. Все так же, не поднимая головы, журналистка бросила:

- Картинка готова! У нас будет несколько минут!

- Как, и все? – Голос Никаса сник. Эта пигалица явно не воспринимала его подобающим образом. Словно призывая к помощи местного высокого начальства, Шафранов обиженно воскликнул: - Несколько минут – это очень мало! Ну, не каждый же день к вам приезжают известные всему миру художники?

- Знаменитостей у нас хватает! – придав голосу стали, холодно отреагировала на его замечание журналистка. - Вы не волнуйтесь! – повторила она. - Сейчас мы снимаем картинку для новостной программы, а вечером вас пригласят в студию на запись!

Публика замерла, осуждающе поглядывая на представительницу местной прессы, столь недостойно, по их мнению, поведшую себя. Но Шафранов, как человек опытный, умело обыграл ситуацию в свою пользу.

- Значит, у меня еще будет возможность встретиться с поклонниками моего таланта? Прекрасно! Надеюсь, ваши никому не известные знаменитости не сильно на меня обидятся!

- Не сильно, у нас добрый народ! - парировала девушка, будучи явно не в духе. - Тем более, что ваши почитатели останутся за кадром: в студии вы будете один на один с ведущей.

Решив больше не вступать с прессой в пререкания – себе дороже, - Шафранов нервно потер ладони.

- Пожалуй, начнем...

С этого момента он ни на минуту не забывал, что находится перед камерой. Первой выступила директор музея. Представляя публике известного художника, она, к своей чести, не стала особо рассыпать комплименты в его адрес. Работники музея знали, как неохотно их руководительница согласилась на проведение этой незапланированной выставки, на которую пришлось затрачивать и время, и средства. Произнеся дежурные в таких случаях слова, директор предложила автору рассказать о своем творчестве.

Андрей приготовился услышать очередную историю становления художника. Как правило, такие выступления были похожи: люблю рисовать с детства, ходил в художественную школу, особую роль на мое творчество повлияло искусство такого-то живописца и так далее. Однако, Шафранов, вопреки ожиданию, говорить о себе не стал. Со стороны это могло характеризовать его, как человека скромного. На деле он так часто придумывал о себе всевозможные небылицы, что сам окончательно запутался в них. Попав несколько раз в неловкие ситуации, когда дотошные журналисты уличали его во лжи, Никас решил, что впредь ему стоит меньше говорить на официальных церемониях. Так он, к тому же, будет выглядеть загадочнее. поприветствовав гостей, художник не преминул высказать обиду в адрес так и не посетившего его выставку губернатора, заметив, что в других краях его уважают больше, и перешел ко второй части своего «выступления», по всей видимости тщательно отрепетированной. Так, во всяком случае, показалось Андрею.

«Всемирно известный гений» в свойственной ему лениво-вальяжной манере рассказал, как буквально был завален просьбами местных властей осчастливить своим визитом их земляков и, несмотря на «страшную загруженность и выставочную деятельность, расписанную на годы вперед», он (светлый человек!) никак не мог им в этом отказать.

- ...И вот я здесь! – потупив взор, тихо сказал Шафранов. Зал тут же принялся неистово рукоплескать ему. – Знаете, как это важно для нас, художников, когда на твою выставку идёт простой народ!..

Безусловно, этой фразой он стал ближе СВОЕМУ зрителю, роднее. Густо пахнувшие парфюмерией соседки приятелей обмякли. Казалось, еще мгновение и женщины бросятся на шею любимому «человечку». Тем временем Никас, закончив короткую речь, медленно, с каким-то упоением,

стал стягивать со своей руки часы, сопровождая действие комментарием:

- Я снимаю свои золотые «Картье» и надеваю часы, подаренные вашим губернатором! Надеюсь, они будут не хуже моих «Картье»! – снова сделал он ударение на названии знаменитой французской ювелирной и часовой фирмы, ловко пряча в карман пиджака один хронометр и выуживая из него другой...

Одна из тайн настоящего искусства состоит в том, что каждая творческая личность переживает периоды наполненности и опустошённости. Эгоцентризм человека, выступавшего сейчас перед аудиторией, не предполагал последнего. В каждом его жесте, слове, взгляде читалась только наполненность, причём не творчеством, а самим собой, своей значимостью. Разочарованию Андрея не было предела. От встречи с «гением» он ожидал много: разговора об искусстве, своих исканиях, сомнениях. Отрепетированная не на одной площадке «игра» заезжего гастролера продолжалась. В какой-то момент Андрею стало даже приятно от того, что в зале так и не появились первые лица края и города. Но ведь для чего-то они пригласили Шафранова?!

- Да никто его не приглашал! – поведал ему тихо на ухо всезнающий Владимир. - Стыдно им тут объявляться! Ну, не совсем же глупые?! Губеру позвонили из Москвы, так, мол, и так: выставку провести, деньги на ее проведение выделить, из средств местного бюджета сделать закупку картин!

Услышав сзади бормотание, одна из дамочек резко обернулась, злобно сверкнув стекляшками модных очков. Приятели мешали народу ловить слова «известного аффтара».

- Неужели сам министр культуры позвонил? – удивился Андрей.

- Нет, конечно! Было бы откровенным свинством занимать такую должность и не понимать, кто такой Шафранов. Народ поговаривает, что за ним стоит один известный кинорежиссер, представляющий культуру в Госдуме. По слухам Никас отстегивает ему за продвижение приличные проценты.

Услышав известное имя, Андрей возмутился:

- Киноделу что, зарплаты «думца» мало? На жизнь не хватает?

- Старый уже! Муза сбежала, кино не снимает, а кушать-то хоцца!

- Музы – да, они такие! Они молодых любят!

Едва Шафранов закончил манипуляции с часами, как из бездонного кармана его пиджака донеслась мелодичная трель мобильного телефона, который хозяин, готовясь выступать перед публикой, почему-то не отключил, забыв, очевидно, о правилах приличия или намеренно...

Андрей даже повертел головой по сторонам, пытаясь выискать в толпе тайного руководителя этого действия, так слаженно срежиссированного.

Медленно вынув на свет дорогой прибор связи – еще один по значимости атрибут современных успешных людей или им подражающих, – Капронов, не сочтя нужным извиниться перед публикой, поднес его к уху.

- Послушайте, я сейчас нахожусь далеко от Москвы, в очень приличном городе, где открываю свою персональную выставку, – намеренно растягивая слова, медленно выговорил он неведомому собеседнику, успев шепнуть в зал, что звонят из Госдумы, – и передо мной... – тут он отвел взгляд от лица журналистки, полного неприкрытого сарказма, и снова произнёс по слогам, – три ты-ся-чи камер, а вы меня отвлекаете!..

В голосе Шафранова почувствовалось наигранное раздражение, впрочем, недолгое и негромкое. Он вообще старался никогда не выходить из себя, твердо запомнив однажды услышанное от знакомого врача: чтобы прожить долгую жизнь, нужно в любых ситуациях беречь нервы! Мечтая еще многие годы славить свое искусство, Никас берёг себя, естественно, для народа.

Публика глотала всё: и детскую игру в «а мои часики лучше!», и «три тысячи камер» вместо одной старенькой. Андрей с удивлением рассматривал лица окружающих. Каким восторгом горели их глаза! Им посчастливилось жить в ЕГО эпоху, прикоснуться к «вечности»...

Закончив краткий разговор с невидимым собеседником, Шафранов, больше не сказав ни слова, схватил заместителя губернатора за руку и потащил по залам показывать свои работы. Натасканные парни из охраны чиновника тут же окружили их полукольцом. С этой минуты никто кроме этого высокого мужчины, наделённого властью «отпускать деньги» на закупку картин, художника не интересовал. Стоявшей в некоторой растерянности директрисе музея не оставалось ничего другого, как предложить зрителям осмотреть выставку и тут же исчезнуть в своем кабинете.

Ропот отчаяния пробежался по залу: уж слишком быстро закончилась долгожданная встреча публики с ее ку-

миром. Особо ретивые из воздыхателей Никаса, не желая мириться с таким положением дел и в надежде на продолжение экстаза, немедленно последовали за ним, собравшись в некоторое подобие хвоста кометы под названием «Шафранов».

Андрей с брезгливостью смотрел им вслед. На душе было скверно от осознания, что еще каких-то полчаса назад он и сам мог оказаться пылью этого хвоста. Сейчас он был благодарен Владимиру и Майер, преподавшим ему короткий, но необходимый урок искусствознания.

- Ну, будем покупать Никаса? – спросил Владимир, пытаясь уловить по лицу Андрея его настроение.

«Я просто думал вложить деньги...», - хотел было оправдаться Андрей, и, через силу улыбнувшись, решительно произнес:

- К черту Никаса! Будем учиться скромности, пока ее не отменили...

Подруги

Они дружили со школьной скамьи – Томка и Алька. Продолжали водить дружбу даже когда, окончив школу и поступив в ВУЗы, разъехались по разным городам дальше образовываться. Лишенные чувства соперничества, подруги искренне радовались успехам друг друга. Всякий раз, возвращаясь на каникулы в свой родной городок, старались как можно больше времени проводить вместе, делясь своими девичьими секретами, загадывая счастливое будущее.

В последний раз их встреча состоялась в тот год, когда они получали дипломы об окончании учебы. Это событие подруги отмечали вместе на малой родине. Алька к тому времени только что вышла замуж за молодого инженера, а Томка ходила в невестах у своего будущего мужа. Обе были молоды, счастливы, полны сил и радужных надежд, ведь жизнь только начиналась. Она же и раскидала подруг по дальним уголкам необъятной страны, даря призрачную надежду на новые встречи, да они и не получались. В первое время Томка и Алька часто созванивались, потом незаметно перешли на эпистолярный жанр, посылая друг другу редкие письма и открытки. Со временем, увязнув в семейном быту и трудовых буднях, стали ограничиваться лишь поздравлениями с днем рождения да Новым годом, а после нескольких смен адресов – совсем потерялись.

С тех пор прошло много лет. Прожитые годы приучили Томку к одной непреложной истине: время меняет людей

и редко в лучшую сторону. Скука обыденной жизни и ворох житейских проблем в душе многих образуют пустоту, которую мало кто способен заполнить успехами своих знакомых. С новыми подругами Томке не везло: не встретился тот человек, кому можно было открыть нараспашку свой внутренний мир, не опасаясь забрызгать его грязью, довериться, как прежде доверялась Альке. Лишь одна она умела развеять все Томкины сомнения и печали. Как же давно это было!

Через всю свою жизнь пронесла Томка, как нечто светлое, не растоптанное, щемящее чувство преданности их школьной дружбе. Алька по-прежнему была ей дорога, но с годами все больше как воспоминание. Странное чувство опутывало Томку. С одной стороны, ей, конечно, хотелось увидиться со своей старой подругой, с другой же, она испытывала определенные опасения. Жизнь – штука сложная, и часто оказывается так, что ожидание доброй встречи бывает лучше, чем сама встреча, несущая разочарование.

С развитием интернета многие бросились искать потерявшихся друзей, однокашников, дальних родственников. Воспоминания о прошлых годах, былой симпатии или дружбе с магнетической силой потянули людей друг к другу. Уже потом, с позиций приобретенного опыта, по-новому взглянув на внутреннее содержание тех, кого искали, многие пожалуют о своем душевном порыве. Успехи одних, которые могли бы служить примером для подражания, у других часто вызывают ненависть, которая хуже всякой опухоли изъедает человека изнутри, ведь жизнью обычно бывает доволен лишь тот, кто сам достигает намеченных высот.

Интернет Томка не любила, считая пустой тратой времени «прогулки» по соцсетям, а потому компьютер и не заводила. Это был ее осознанный выбор. Она много читала, как и прежде предпочитая книги на бумажных носителях, имея в собственности вполне приличную библиотеку, сохранившуюся с прошлых лет. Когда уставала от чтения, включала телевизор, благо спутниковое вещание предлагало большой выбор каналов. Но после неожиданной смерти мужа, одиночество и душевная опустошенность подвигли ее на поиски школьной подруги. Ей повезло: номер Алькиного телефона оказался у одной из их одноклассниц, с которой Томка иногда созванивалась. В тот же вечер она связалась с Алькой. Уже с первых минут разговора стало очевидно, что с годами чувства подруги к ней не претер-

пели особых изменений: Алька искренне обрадовалась ее звонку. Томка была счастлива.

В тот первый раз они проговорили долго. Молчаливая по своей натуре Алька о себе сообщала скупо. Коротко рассказала о супруге, давно погибшем на одной из строек века, о том, что больше выходить замуж не захотела, и на то была причина. Посочувствовала Томке, в свою очередь поведавшей ей о недавно скончавшемся муже, которого та безмерно любила да не уберегла от инфаркта. Разговор плавно перешел на детей.

Для Томки это была большая тема. Они с мужем вырастили двоих сыновей, дали хорошее образование, старались по возможности ни в чем не отказывать, ограничивая в желаниях лишь себя. Надеялись, что дети скрасят их старость.

- Тяжко мне с ними! - жаловалась она подруге, без утайки поведав обо всех своих тревогах. - Два здоровенных лба вымахали, а работать не хотят, сидят у меня на шее. То одному подкинь денег, то другому. Ленивые! Думала: женятся, внуков мне нарожают да куда там! Чтобы создать семью, нужна ответственность, а они ее боятся...

Алька стенания подруги выслушивала молча.

- Вот, откладываю понемногу старшему на автомобиль! - продолжала Томка. - Стыдно ему, видишь ли, на маршрутках ездить! Жалуется, что один из курса остался безлошадный. У самого-то характер неуживчивый, оттого и работы постоянной нет. Все с начальниками скубется, считает, что батрачит на мироедов. Вот и выметают его отовсюду, а он тогда в запой ударяется. В общем, беда! А ведь умный! Куплю ему машину, может, перестанет пить. Младший тоже хорош, недалеко от него ушел. Это они в отца своего, только тот выпивал да дело знал. Вон, успел им по квартире купить...

Алька продолжала молчать, и это насторожило Томку.

- Ну да ладно! Что это я все о себе да о себе! Ты-то как, Алевтина? Помнится, сын у тебя был! Один?

- Единственный! - несколько сухо, как показалось Томке, ответила подруга. - Денег не просит! Лежит. Уж скоро тридцать лет, как лежит...

Потемнело в голове у Томки от ее слов. Ведь знала же, что у подруги сын - инвалид с детства, не ходячий! Знала, да разве чужое горе долго помнится?! Стыдно-то как! За жалобы на жизнь свою сытую стыдно, за то, что не искала Альку столько лет, не интересовалась ее судьбой...

Люди всегда ищут сострадания своим печалям, но сами редко делятся теплом с другими, не верят, что кому-то может быть хуже. После этого разговора Томка всю ночь не сомкнула глаз, проплакала. Жалела Альку с ее несчастным сыном, себя жалела, мужа покойного, сыновей. Утром вызвала карету скорой помощи - давление подскочило. Приехавший на вызов врач - весь какой-то пожеванный, с отеком лицом, то ли от хронического недосыпа, то ли от частого употребления горячительных напитков - вызвал у Томки настороженность. Измерив давление и прослушав сердце, доктор поинтересовался, нет ли у нее хронических заболеваний. Болезнями она отягощена не была, да и «скорую» вызвала впервые в жизни. Оглядевшись по сторонам, врач насупил, собрав в кучку лохматые брови, задумался на мгновение, бросив на нее острый, как сверло взгляд, отчего у Томки в груди все захолонуло.

- Что, все так плохо? – через силу улыбнулась она, стараясь не показывать своего волнения, но голос предательски задрожал.

- Хм! Как в той песне: «А до смерти четыре шага...», – пробубнил врач и вдруг бросил, как пощечину дал: - Никак, голуба, с потомками не сладила?

Благовоспитанной Томке столь фамильярное обращение со стороны незнакомого мужчины не понравилось.

- Что это вы?! Мы вроде как на брудершафт с вами еще не пили!

- И не будем! – немедленно заявил врач, скривив лицо в брезгливой гримасе. - Я с пациентками-выпивохами - ни-ни, боже упаси! Я вообще уж года три как не пью и тебе, голуба, не советую! Женский алкоголизм – страшное дело, потому как лечению особо не поддается. Это я тебе как врач сообщаю!

С шумом втянув широкими ноздрями воздух, доктор многозначительно кивнул на початую бутылку водки, стоящую у изголовья кровати. Дождаясь приезда «скорой», Томка боролась с головной болью старым дедовским способом, прикладывая ко лбу пропитанное водкой полотенце, отчего запах алкоголя разлился по всей квартире. Слова врача, произнесенные назидательным тоном, смутили ее, приведя на мгновение в смятение. Она попыталась оправдаться, чувствуя, как загорелись уши:

- Да я вообще не...

- Вот и не начинай! – В уголках его губ появилась легкая улыбка. - Ладно, не бери в голову: шучу я! Ну, так что случилось, поссорились?

Томка с трудом сдержала готовые вырваться наружу эмоции. «Шутит он, скотина! Не твоего ума дело, что случилось! Делай, что надо и... проваливай!» - выругалась она про себя, но вслух лишь как-то жалостно прокашляла. Не в ее характере было скандалить.

- Э-хе-хе! - вздохнул тем временем мужчина, продолжая свой монолог. - Половина всех хворей у людей от нервозности, которая случается по разным причинам. У тебя, голуба, как я предполагаю, из-за них! - Он взглядом показал на место рядом с подушкой, где в золотой рамке лежала фотокарточка, на которой была запечатлена Томка с сыновьями. - Наша чрезмерная родительская озабоченность судьбой своих отпрысков часто не что иное, как наш же собственный эгоизм! - заливался словоохотливый врач, но Томка, с детства страшившаяся людей в белых халатах, все больше следила за его манипуляциями, нежели за словами. Порывшись в медицинском саквояже, мужчина извлек из него шприц и несколько ампул. - От детей мы ждем такого же участия к себе, какое отдаем, а когда не получаем - обижаемся, нервничаем. К чему все это приводит? - Доктор выжидающе посмотрел на нее и сам ответил: - Правильно, к повышенному давлению, инсульту и, как правило, к преждевременному знакомству с деревянным бушлатом. Так-то вот, моя хорошая!

- Какому еще бушлату? - не поняла Томка, во все глаза рассматривая шприц в его руке.

- Сосновому или дубовому! Это, как говорится, у кого на что денег хватит. Покойнику, правда, разницы особой-то нет.

- Вы, в смысле, про...

Томка была наслышана о цинизме медиков, для которых не существует тайн в человеческом организме, отчего к жизни они относятся немногим лучше, чем к смерти, оценивая ее в копейку, но сама с этим столкнулась впервые. Из суеверия она опасалась даже произносить слово «гроб» вслух.

- Значится, обидела молодежь-то?

Да с чего вы взяли? - вспыхнула, наконец, Томка, едва удерживаясь от желания наругать этому бесцеремонному докторишке, чье дело бегать по вызовам, а не лезть человеку в душу, но упоминание об инсульте уже ввергло ее в некий ступор. От этого заболевания ушла из жизни ее мать. Томке до боли стало жалко себя.

- Тут и следователем не нужно быть, чтобы догадаться!

- Я смотрю: вы очень догадливый? – бросила Томка, схватив фотографию.

Проводив взглядом снимок, перекочевавший на прикроватный столик, мужчина устало смежил веки, опустив руки на колени.

- Конечно, не Пуаро, но, когда долго работаешь на «скорой», поневоле начинаешь чувствовать людей. Врачебная дедукция, если хочешь! Все очень просто: в прихожей нет мужских вещей, значит, живешь без мужика. На снимке двое молодых людей - ну кого еще будет так страстно обнимать женщина, как не сыновей? Живут они отдельно - это я опять же определил по отсутствию мужских вещей: тужель, там, курток... Парни, скорее всего, не женаты - нет фото с невестками, собственно, как и с внуками. Какая бабушка не поставит на виду карточку с мордуленциями своих любимых внуков? Что-то не складывается у них с этим делом. Такое обстоятельство для людей нашего с тобой возраста очень даже огорчительно. Вот я и подумал: сидишь, небось, разглядываешь часами лица любимых чад, на которых имела определенные надежды, вспоминаешь, какими были в детстве ангелочками да диву даешься, в кого превратились, и воешь потихоньку, так, чтобы, не дай бог, соседи ничего не заподозрили.

Спросив, где можно помыть руки, врач направился в ванную комнату.

- Я так понимаю, голуба, что это вы сейчас о себе говорили? – язвительно бросила ему вслед Томка.

- В том числе! - не стал отрицать доктор, вернувшись скоро назад. – Отношения с детьми часто оставляют в наших сердцах глубокие царапины. С годами они обычно исчезают, но иногда превращаются в рубцы...

В этот момент Томке отчего-то стало жаль этого немолодого, усталого человека, у которого, очевидно, были свои претензии к жизни.

- У меня трое: два сына и дочь, - набирая шприц, продолжал врач. – Ну, с мальчишками-то все понятно: живут себе и... пусть живут! У меня к ним претензий по большому счету нет. Что с мужиков возьмешь, особенно если жены у них матерые, что твоя волчица! А вот дочь... Болела она часто в детстве, думали не выживет. Слава богу, выросла, замуж вышла и... укатила в Канаду! Куда, зачем?! Вот, теперь живем, считаем месяцы, когда свидимся на пару-тройку дней в году и копим новые царапины. Раньше за нее боялись, теперь уж и за внучат переживаем, как они там,

на чужбине-то. Русские должны жить на своей земле. Здесь места всем хватит. Твои-то, надеюсь, здоровы? – спохватился доктор, заметив, что лицо пациентки приобрело выражение глубокого несчастья. В эту минуту он пожалел о том, что вторгся в ее душевное пространство.

Не очень набожная Томка на всякий случай трижды перекрестилась:

- Тьфу-тьфу-тьфу, слава богу: в добрый час сказать, в худой промолчать!

- Вот и славно! - кивнул облегченно врач. – Это, голуба, самое главное для нас. Были бы детки живы да здоровы, а все остальное мелочи жизни. Так что повода для волнений у тебя - как там тебя по бабушке-то кличут-величат? - по большому счету и нет!

И такой проникновенный был в этот момент у него голос, что Томка не сдержалась, смахнула с ресниц слезу.

- Тамара я, Ивановна! Можно просто – Тамара.

- А вот мокреть лицу не надо! – увидев выступившую на ее глазах влагу, запротестовал доктор. – Сколько лет работаю, а ни разу еще не видел, чтобы слезами кровяное давление понижали. В них одна лишь соль и никакой пользы для твоего красивого, хоть и помятого, как после пьянки, лица нет.

- Да, где там та красота?! – махнула рукой Томка, отчего-то сразу повеселев. – Это я в молодости ничего была, парни заглядывались!

Увидев, как оживилось ее лицо, доктор заулыбался.

- Вот в это верю, Тамара Ивановна! Чаше смейся! Смех особо важен для психического здоровья человека. Ну, подставляй «булочку»! Сейчас сделаю тебе волшебный укольчик, и пока он не начнет свое действие, посижу немного, нервишки твои заговорю. Я это умею!

- Да уж догадалась! Прямо психотерапевт какой-то. Тогда, может, чайку? – предложила Томка.

- Благодетельница! – сложив ладошки перед собой, доктор включил все свое обаяние. - Вот ежели бы кофейку, то благодарности моей не было б границ. Напарница моя прихворнула, на смену не вышла, пришлось одному справляться, а ночка, скажу тебе, та еще выдалась! – Он снова устало вздохнул. – Нынче ночью много людей надумало к Господу на ПМЖ отъехать! Молодых сколько, что ты! Пьющих, пользующих всякую дурь! Куда катится человечество?! Ну, ничего, пусть поживут, еще на этом свете отмолят свои грехи, а там кому как повезет. Зачем их с собой-то к Богу переть, верно? Мало ему своих забот, что ли?..

Словоохотливый доктор сумел-таки расположить Томку к разговору. Пожаловавшись на нерадивых сыновей, она подсознательно ожидала сочувствия к себе, однако ее речь вызвала у него обратную реакцию.

- Ты, Тамара Ивановна, после моих страшилок про инсульт и прочее задумайся, а цзадумавшись, уясни: стараясь много и густо помочь своим отпрыскам, мы не только не прививаем им иммунитет против жизненных сложностей, но и, зачастую, разрушаем его в зародыше! Они от этого только слабеют. Это как в медицине: закаляешь организм – он противостоит болезням, нет – подсаживаешь на лекарства. Ты своих парней подсадила на деньги, чего же им подошвы стирать, суетиться? Так что научись беречь свои нервышки и о своей старости думай сама, не надейся на других. Ни правительство, ни даже собственные дети не обязаны нам помогать.

- Да как же так?! – удивилась Томка его словам. – Мы же в России живем! У нас всегда было принято помогать старикам.

- Помогать, но не содержать!

- Что же плохого, если дети ответят нам своей любовью?

- Говори прямо: мечтаешь, что будут содержать! Дай-то бог таких детей! Только в наше время не у всех молодых хватает на это сил. Им бы своих деток на ноги поставить. Природой, между прочим, именно так и задумано! Если хочешь, это законы биологии, Тамара Ивановна, а человеческие желания и побуждения – психология отношений, замешанная на разуме!

- А разве не этим мы отличаемся от животных? – Томка не понимала его. – Зачем нам тогда разум дан?

- Разум - вещь нужная! Без него не шить модное пальто и не запустить ракету в космос, да только он наделил человека еще и некоторыми заболеваниями, каких нет у животных. Такая вот арифметика получается, голуба! Так что живи проще и не требуй от детей компенсации за годы, потраченные на них. Иногда своими наилучшими, как нам кажется, побуждениями мы можем далеко от себя оттолкнуть их. Не повторяй моих ошибок, голуба...

После ухода врача Томка еще долго размышляла над его странными словами. Своими речами он дал ей новый, неожиданный толчок к жизни, которого так не хватало после смерти супруга. Всего-то и поговорила ничего с посторонним человеком, а почувствовала, как стало отлегать от сердца.

К обеду заявился старший из сыновей. Томка пожаловалась на плохое самочувствие, упомянула о приезде «скорой». Сын посочувствовал, впрочем, как ей показалось, как-то неискренне, дежурно. Сказал, что надо бросать подработку.

- А на что жить будем? – спросила она. – Сосете с братом от матери...

- Не будь жадной, ма! – ответил. – Тебе самой что, много надо?

Ей действительно мало чего было нужно в быту. Привыкла жить скромно. Заглянув на кухню, сын выгреб из холодильника все, что было, сел есть.

- Подкинешь немного бабла? Скоро устраюсь на новую работу – верну. Обещали хорошую должность!

Все это Томка слышала не в первый раз. Отрицательно замотала головой, с трудом выдохнув «нет». Сын удивился. Похоже, к такому ответу он не был готов. Едва процедив: «Пока!», покинул квартиру с плохо скрываемой ухмылкой на лице. Был уверен: через пару дней мать не выдержит, сама позвонит, даст столько, сколько попросит.

Раньше Томка не могла подолгу выносить разлуку, поэтому старалась с детьми не ссориться, боялась охлаждения в отношениях. Сейчас же даже не сильно обиделась на сына, словно неожиданно лопнула, истончившись, та невидимая струна, которая их соединяла. Она вспомнила врача. «Вот чертов «психолог»! Пробил-таки меня своими разговорами! И то верно: когда-нибудь это должно было прекратиться...»

В последующие недели Томка еще два созванивалась с Алькой, приглашала вместе с сыном к себе в гости. Алька отказывалась, звала к себе: «Тебе проще приехать». Томка решалась. Старший сын не звонил, «держал марку». С младшим история повторилась. Этот даже не навестил. Попросил денег по телефону. Отказала. Сын подумал, что недопонял мать, перезвонил еще раз. Снова отказала. Больше не объявлялся.

Обида на детей просыпалась в ней время от времени. Иногда, особенно по вечерам, хотелось выть волчицей, кусать пальцы, но терпела. Она выжидала больше месяца, но сыновья по-прежнему не показывались. Томка решилась. Отказавшись от подработки, взяла на основной работе отпуск, в котором не была несколько лет, и уехала к подруге.

Алька встретила ее радостно, но без излишней сентиментальности. Она и в юности была кремень. Томка же, увидев ее сына, худое, искривленное болезнью тело ко-

того было приковано к инвалидному креслу, не смогла удержать слезу и надолго повисла на плече подруги. Поймав на себе взгляд широко распахнутых глаз несчастного парня, излучавших столько любви, что ее можно было даривать всем желающим, Томка обняла его.

- Я ему много о тебе рассказывала! – шепнула Алька ей на ухо...

Квартира подруги была обставлена более чем скромно. Не думала Томка, что в их богатой стране так бедственно могут жить люди. Словно извиняясь за свою невзрачную обстановку, Алька бросила в воздух: «Все средства ушли на лечение!» и ушла накрывать на стол. Не многие люди имеют смелость признаться в своей бедности. Томка это поняла и... была признательна подруге за искренность.

После долгого праздничного ужина, запершись в ванной, Томка не сдержалась, дала эмоциям пролиться слезами. Она невольно сравнивала Алькиного сына со своими детьми: большими, сильными, здоровыми.

Вначале Томка лишь пару дней намеревалась погостить у Альки, но перед самым ее приездом та неудачно подвернула ногу и теперь сама нуждалась в помощи. Томка решила остаться до конца отпуска. Одно лишь угнетало ее – отсутствие информации о сыновьях, обиды на которых, как это обычно и бывало, у нее быстро сошла на нет. По прилету в северную столицу, еще в аэропорту, она потеряла свой мобильный телефон, а возможно, и местные ловкачи выкрали. Номера же телефонов своих близких она никогда не заучивала...

Приехав домой, Томка нашла свою квартиру опечатанной. Она позвонила соседке в дверь. Увидев ее, та всплеснула руками:

- Ты куда пропала? Твои мальчишки весь город на ноги поставили!

- Небось, похоронили уже? Ждут, когда можно будет квартиру продать да деньги поделить?

- Да ты что, с ума сошла? Полиция тебя всюду разыскивает! Всех соседей допросили...

«Вот черт! С полицией промашка вышла! - запоздало сообщила Томка. - Надо было соседку предупредить об отъезде, да теперь уж поздно».

- Ребята твои осунулись, по сто раз на дню звонят, спрашивают, не появилась ли? Все твои привычные места исходили, на работу заглядывали. Младший как появится, так

и стоит, как в воду опущенный, корит себя за что-то. Вы что, поругались?

- Да с чего ты взяла?..

«Ищут?! Это хорошо, это нормально! - радовалась в душе Томка. - Значит, не все еще потеряно. Хорошие они у меня...»

Узнав от соседки о приезде матери – сама она сообщать не стала, - вскорости прибежали сыновья, кинулись обниматься.

- Ты куда исчезла? На работе сказали – отпуск взяла? Почему не сообщила нам, куда уезжаешь? – посыпались вопросы.

У Томки душа плакала от счастья, но теперь была ее очередь «держат марку», и она все больше молчала, назидательно.

- Слушайте, повторять не буду! – наконец произнесла Томка ровным голосом. – Даю материнский наказ: в ближайшее время каждому определиться с работой!

- Да работаем уже, работаем! – воскликнул младший.

- Жениться! – продолжала Томка, не показывая на лице радость. - Знаю, что давно встречаетесь с девушками. Под венец не гоню, но и сожителство ваше не приму более, потому как стыдобы этой не приемлю - не в подворотне выросли! Внуков хочу в законном браке, чтобы все честь по чести было. Ежели подруги ваши на роль матерей не годятся – отпустите их с миром. Дети должны расти в полной семье и душевной гармонии. Если у вас на этот счет свои соображения, – она указала на дверь (как же ей тяжело было протянуть в ту сторону руку!), - ступайте за порог и из сердца вон! Моя душа уже отмаялась. Неопределенности я больше не желаю...

Трудно было говорить своим детям такое, но чувствовала Томка, что как прежде быть не должно.

Через несколько дней позвонила Алька, открылась подруге:

- Присох мой сын к тебе, как вторую мать полюбил! Да и я уже успела соскучиться: все время тебя вспоминаю! Спасибо, что приехала, взбодрила нас!

- Так, может, переедешь к нам? – выпалила Томка давно заготовленное предложение. – Ну что тебя там держит?

- Менять Питер на... - Алька задумалась.

- Ну да, как же! По музеям да театрам ходите? Не можете лишить себя такого удовольствия? Так и у нас имеются, пусть и не такие важные. Я как наглоталась вашей сырости, так бегом обратно. У нас тут и море рядом, и горы, а солнца сколько! Для здоровья как раз то, что надо...

В этом году зима в Санкт-Петербурге выдалась долгая и особенно холодная. Да и весна, как обычно, обещала быть промозглой. Выходить с коляской на прогулку Альке было затруднительно. Сын дряхлел на глазах: зимой ему всегда становилось хуже. Она сидела у его кровати и о чем-то думала. В конце концов решилась и набрала нужный номер.

- Том, как ты смотришь на то, чтобы мы приехали?

- Давно пора! – обрадовалась Томка. – Ни о чем не думай, я все устрою. Сыновья помогут: встретят, доставят. Отдохнете у нас на югах...

- Мы не в гости – насовсем...

Возложив на себя все хлопоты по поиску подходящей квартиры, Томка удачно подобрала вариант обмена с доплатой, и уже к лету Алька с сыном переехала на новое место жительства. Стоимость петербургской квартиры оказалась на порядок выше, и существенная разница в цене легла на ее банковский счет.

Бывшим питерцам столица южного края сразу понравилась. Город, утопающий в зелени и многочисленных цветниках с ранней весны и до поздней осени, особенно приглянулся Алькиному сыну. Теперь у парня появилась возможность чаще и подолгу бывать на свежем воздухе. За этим строго следила тетя Тома, посвящая ему все свое свободное время.

Однажды Томка привела к ним в дом врача, специализировавшегося на лечении больных детским церебральным параличом. Он долго осматривал молодого человека, ощупывал его конечности, надавливал на какие-то точки, задавал вопросы.

- Очень жаль, конечно, что столько времени упущено! - после долгого молчания заговорил врач. – Начинать лечить такие заболевания необходимо с младенчества, используя особые методы. – Затаив дыхание, Алька слушала его, сидя рядом с подругой. - Хочу, чтобы вы знали: я ничего не обещаю! – заявил он честно. - Лечение таких состояний, как правило, долгое и может тянуться годы. Требуется громадное терпение всех: пациента, родственников, врачей. Я буду готов приступить к работе на некоторых условиях: окончив первый курс, мы вместе решим, имеет ли смысл дальше заниматься вашим сыном. Если все пойдет так, как я рассчитываю, - он еще раз пристально посмотрел на инвалида, - то молодой человек встанет на ноги года через три-четыре. Бог даст, возможно, и раньше. Естественно, это немалый

срок, но что такое несколько лет в сравнении с долгими годами более полноценной жизни впереди?!

Услышав эти слова, Томка с облегчением вздохнула:

- Значит, беретесь?

- Пока лишь на первый курс!

Алька сомневалась. Всю жизнь она возила сына к различным врачам, многие из которых были светилами медицины, пробовала китайские методики врачевания и даже показывала экстрасенсам, но, кроме потраченных денег и пустых надежд это ничем не заканчивалось.

- Думаю, в какой-то момент он научится себя обслуживать, освободит вас от излишней опеки. Дальше будет видно. И помните: чуда не будет, предстоит тяжелый труд! Подумайте хорошо, – покидая их, сказал врач.

Алька раздумывала долго, прежде чем согласиться снова побороться за сына. Томка обещала ей всячески помогать в этом...

Был обычный воскресный полдень. Неспешно прогуливаясь по аллеям Центрального парка, небольшая группа людей старалась держаться сени вековых каштанов, спасаясь от летнего зноя. Впереди, степенно переваливаясь с ноги на ногу, словно бывалый моряк, катил детскую коляску с ее внуком Томкин старший сын. Рядом с ним шла его жена – красивая породистая казачка, в которой Томка души не чаяла. Немного отстав от них, медленно, стараясь, как и учили, ровно ставить ступни, двигался Алькин сын, одной рукой опираясь на костыль с подлокотником, а другой слегка держась за материнское плечо.

- Когда следующий курс лечения? – восхищаясь его все более уверенной поступью, спросила Томка, наблюдая за ним сзади.

- Уже скоро! Доктор расписал упражнения, мне необходимо их закрепить, - ответил парень.

- Сын сказал, что скоро сам начнет ходить в магазин за продуктами! – гордо заявила Алька и счастливая улыбка озарила ее лицо. – Помощник!

Томка подхватила подругу под руку.

- Вот и славно! Нам скоро понадобятся помощники.

- Да?! – Алька с любопытством глянула на нее. – Ну-ка, рассказывай!

- Готовимся к очередной свадьбе! Младший созрел.

- Ну, поздравляю! Хороший он у тебя! Здорово моему помогает...

Наступало время обеда, и все дружно свернули к выходу из парка. Каждое воскресенье, по заведенной Тамарой традиции, они все вместе обедали у нее.

Чуть поодаль, стоя возле старого бассейна, двое кормили хлебом пару величественных лебедей, обмениваясь друг с другом короткими репликами. Заметив покидавшую парк группу, мужчина проводил ее взглядом.

- Твои пациенты? – полюбопытствовала его спутница, сдунув с ладони в воду последние крошки.

- Инвалид-колясочник с тридцатилетним стажем, - ответил мужчина. - Несколько курсов тяжелого труда и вот – пошел!

- Поздравляю! – искренне порадовалась женщина его успеху. – Сколько людей ты поставил на ноги?

- Не я один! Видишь ли, это особая категория больных. Если бы у этого несчастного не было такой мощной поддержки со стороны родных и друзей, замечу - настоящих друзей, мне было бы намного сложнее бороться с его недугом, быть может, и невозможно.

- Настоящих друзей? Они еще существуют в наше время денежно-товарных отношений? И кто такой, по-твоему, настоящий друг?

Задумавшись, ее спутник бросил близко подлетевшим воробьям оставшуюся корку хлеба.

- Зная историю дружбы этих двух женщин, я бы назвал другом человека, кто не будет стесняться моей бедности, отстраняться от моих проблем и в присутствии которого мне не будет стыдно рассуждать о них вслух, не опасаясь быть высмеянным!

Они пошли по дорожке, наслаждаясь звуками лета.

- Ты доволен своей работой?

- Всегда, когда испытываю пиковые ощущения счастья. Ты знаешь, что это такое?

- Как и все, наверное. Каждый человек хоть раз в жизни бывал счастлив.

- Вершина нашего, врачебного, счастья - это когда инвалид, которому судьбой отказано ходить, видеть, слышать, вдруг становится ОБЫЧНЫМ человеком, и ты имеешь к этому прямую причастность...

Станица Темнолесская

Однажды перебирая архивы, я случайно натолкнулся на старую газетную заметку о том, как в купеческом Ставрополе отдыхали горожане. По выходным дворяне и купцы

любили выезжать целыми семьями на природу, устраивали пикники, конные и пешие прогулки. Особой популярностью у них пользовалась станица Темнолесская, представлявшая, по заверению автора, - «редкий и милый уголок, расположенный в исключительно живописной местности».

К моменту обнаружения заметки, я как раз задался целью обзавестись дачей для отдыха там семьей и с друзьями. Посетив станицу, благо отстоящую от нашего городского жилья не далее, чем в двадцати верстах, мы нашли ее замечательной, несмотря на некоторое запустение после недавнего развала страны. Природа здесь действительно покоряла своей красотой. Сделав выбор в пользу деревни, а не дачного участка в одном из многочисленных кооперативов, тесно прижатых к Ставрополю, мы приобрели небольшой турлучный домик, экологически чистый, как сейчас принято говорить, с примыкающим к нему довольно большим садовым участком. Еще в стародавние времена в станице был заведен порядок: когда рождался казачок, для него на выселках выделялся гектар земли, чтобы ко времени обзаведения семьей было, где поставить хату.

За несколько лет мы обжились на новом месте, познакомились с соседями. Всякий раз, приезжая в Темнолесскую, с удовольствием и подолгу гуляли по ее окрестностям. Вот и очередной приезд не стал исключением, да и погода благоволила. С утра, пока мои домочадцы еще продолжали пребывать в объятиях Морфея, я успел принести из ближайшего леса пару оберемков прутьев и сложил небольшую декоративную плетенку, повесив по углам доставшиеся от прежних хозяев глиняные горшки. Покинув после утреннего чая двор, мы с женой вышли на улицу, на ходу определяясь, по какой тропе отправиться сегодня на прогулку. За прошедшие годы у нас появились любимые места. Здесь что ни тропа, то отрада для городского жителя. Казалось бы, давно излазив все окрест, мы почти всякий раз открываем для себя что-то новое: то цветок попадетсЯ невиданный, краснокнижный, то бабочка фантастического окраса, а птиц, непуганых охотничьими выстрелами, вокруг кружит столько, что в пору завести большой альбом для фотографий. И никто эту красоту не поганит, потому как места эти государством охраняемые. Местные, правда, ходят по грибы, собирают боярышник с шиповником, черемшу. Запах черемшовый - духмяный, привораживающий! Ранней весной, едва только сойдет снег, она густым ковром покрывает опрелую прошлогоднюю листву, окрашивая лес изумрудным цветом. Иные станичники

в сезон мешками вывозят черемшу на ставропольские рынки, дабы горожане компенсировали недостачу витаминов в организме после зимы.

В советские времена Темнолесская считалась зажиточной станицей, чему способствовали бескрайние поля с колосящейся нивой, раскинувшиеся на сотни гектаров фруктовые сады да многочисленные фермы с огромными стадами крупного рогатого скота и отарами овец. Много живности было и на базах у сельчан. Сейчас, к великому сожалению, уж давно нет былого величия. Последовавшие за распадом Советского Союза годы шатаний привели к вырождению садов. Не стало и живности, отчего фермерские постройки быстро пришли в негодность. Некогда золотящиеся от зрелых хлебов поля давно заросли колючим татарником. Лишь немногие из них еще возделываются редкими фермерами да арендаторами.

Раскинувшись более чем на десять километров между двумя возвышенностями – с южной стороны горой Стрижамент, а с северной – ее продолжением, Сейной, нависающей над мелководным в этих местах Егорлыком, воды которого берут начало несколькими верстами выше, проходят через Калмыкию и останавливают свой ход в Ростовской области, впадая в Пролетарское водохранилище, станица расположилась на месте древнего Сарматского моря. Свидетельством тому служат окаменелости ископаемых, время от времени обнаруживаемые в русле реки.

Темнолесская лишь на 17 лет младше Ставрополя. Ростовская Одессы, основанная в 1794 году, станица, конечно, не столь известна в мире, как знаменитый приморский город, но и ее история имеет свои загадки и тайны. Здесь за каждым изгибом дороги неоднозначное прошлое тесно переплетается с неопределенным настоящим и неизвестным будущим...

Сойдя с дороги, ведущей к соседнему хутору Липовчанскому, мы поднимаемся метров на триста в гору, к большому деревянному кресту – оберегу южной границы станицы, играющему еще и роль указателя к Спасо-Преображенскому реабилитационному центру, открытому в 2004 году на базе бывшей ученической бригады Русской православной церкви для трудотерапии и социальной адаптации наркозависимых. На отведенных центру 240 гектарах земли руками послушников выращиваются домашний скот и птица, восстанавливаются сады. Есть на территории центра и своя ча-

совня - символ возрождения духовности православного народа.

Под птичий перелив останавливаемся у креста. С этого места хорошо просматривается гора Стрижамент, столь густо поросшая широколиственным лесом с преобладанием бука, ясеня и дуба, что еще в старину его окрестили Темным. Собственно, он и дал название станице. Вершина Стрижамента представляет собой ровное плато с нависающими по краям известняковыми карнизами, создавшими уникальное природное образование Каменный хаос с могучими диковинными останцами, пещерами и многочисленными нишами, в которых в старину прятались от правосудия лихие люди, а в годы войны – партизаны, нагоняя ужас на немцев, квартировавших в станице.

На самой высокой точке горы, у обрыва к долине реки Кубань, в 1789 году было основано укрепление – Темнолесский ретраншемент, где из турлука, крытого камышом, здесь были построены пороховые и продовольственные склады, лазарет, казармы и офицерские дома. Чуть позже, в 1804 году, укрепление выросло в крепость. По версии историков, от французского слова «ретраншемент» - «крепость» и пошло название горы. Правда, у казаков было своё, собственное, наименование. «Ветер тут сильный гуляет, буквально стриждёт!» - говаривали они. Так со временем из двух корней и сложилось известное нам название - Стрижамент...

С утра на бровках даже сухие прошлогодние былиночки не шевельнулись, но вот с горы легким накатом подул ветерок, всколыхнул тяжелые, налитые соком травы, наполнив воздух запахами многочисленных медоносов. Кое-где в шахматном порядке видна отава – ровная трава молочной спелости, скошенная уже в этом году. Это кто-то из местных прошелся ручной косой, запасаясь к ночи кормом для буренки. Идем дальше, держа путь в сторону реабилитационного центра. Дорога тянется по краю небольшого байрака, внизу которого серебристой змейкой бежит-перекатывается ручеек. Когда-то он поил пять небольших прудиков, каскадом спускавшихся почти к самой станице. Теперь же все они превратились в музгу, заилились, затянулись камышом, лишь в одном из них еще сохранилось немного воды. Весь байрак порос дикоросами, но еще помнит старшее поколение, какие тут прежде густились травы, которую косари заготавливали на зиму. «Нонче уж не осталось животинки у том количестве, чтобы поедать мураву да вытаптывать кусточки!» - жаловался как-то нам местный старожил.

Проходим очередную лесополосу, призванную защищать сады от сильных низовых ветров, за которой замечаем в нескольких местах легкие дымки, но опасности пожара нет. Там, в заброшенных садах у самой кромки леса, поселились небольшой коммуной «анастасиевцы»...

В девяностые годы прошлого, двадцатого столетия, некий фотограф, предприниматель и писатель Владимир Пузаков-Мегре начал издавать цикл небольших рассказов про сибирскую отшельницу – ведунью и целительницу Анастасию, якобы встреченную им в глухих лесах. Уж какими неизвестными путями свела их судьба, то остается загадкой, а только умевшая «заглядывать в будущее» ведунья влюбилась в Мегре и даже родила от него сына, которого нянчили дикие звери. И стала отшельница Анастасия через книжки Мегре доносить людям истину, что надо де вернуться к праведной жизни, слившись с природой духовно и телесно, как предки наши далекие жили. По ее учению выходило, что для полного счастья человеку достаточно иметь всего один гектар земли, который способен прокормить его в течение целого года садом и огородом, дать одежду, топливо и много чего другого. «Развитие цивилизации – блажь человеческая, которая к добру не приведет, а только погубит народы. Останутся лишь те, кто у земли», - передавал Мегре своим читателям слова ведуньи.

Кому-то это могло показаться забавным, но сотворенная Владимиром Пузаковым сказка о лесной женщине и ее поучениях тут же нашла горячий отклик у множества людей. И потянулся народ в леса. С появлением каждой новой книги приверженцев жизни в союзе с природой становилось больше. Скоро в стране их только официально насчитывалось более миллиона человек, зарегистрировавшихся в движение «Звонящие кедры России». Все же есть в нашем народе тайная тяга к жизни в коммуне. Так, несколько вполне благополучных и обеспеченных семей из Ставрополя и образовали по соседству со станицей небольшое поселение, где проживают круглый год, продолжая, правда, ездить в город на работу. Со временем «анастасиевцы» обзавелись генераторами, провели в свои лесные домики свет. По слухам, в последнее время некоторые из них стали поглядывать на станицу, очевидно, собираясь обосноваться в ней. И то верно: детки подрастают, школа нужна, опять же газ, стационарное электричество. Куда от цивилизации...

Заметив возле одной музги большие белые пятна, спускаемся вниз и неожиданно обнаруживаем нескольких рас-

терзанных овец, чьи белые шкуры мы ошибочно приняли за цветы. Одна из содранных шкурок заброшена на терновый куст, словно ориентир. «Волки!» - догадались мы и осторожно, беспрестанно оглядываясь, ретируемся назад. На Стрижаменте водятся кабаны, зайцы, лисы. Несколько лет назад туда для разведения завезли оленей и косуль. Однако, волки здесь прежде не водились, разве что в стародавние времена. За этим следили местные лесники. На всякий случай по дороге подхватываю сухую крепкую палку: надежды на нее мало, разве что для собственного успокоения. Услышав в камышах треск сухостоя, замираем, готовясь отразить нападение хищников. К счастью, это наш новый сосед, старый чеченец. Словно ветхозаветный Моисей, разводивший своим посохом волны моря, он выходит к нам навстречу в своей неизменной широкополой войлочной шляпе и длинном, явно с чужого плеча, прорезиненном плаще. Став напротив нас, старик неспешно упирается подмышкой на чабанский посох и гортанно бросает, подслеповато щурясь:

- Салам! Вам мои овцы не попадались?

Ответно приветствуем его и обрисовываем картину, увиденную несколькими минутами раньше.

- Нет, эти животные не мои! - лениво произносит он, прикрывая рукой зевоту. - Эти несчастные ягены с утра там лежат. Заметили: волки мясо не съели? Хищник сейчас не голодный. Вот зимой да, много утащили овец! - Он снова громко зевнул. - Сейчас матерые обучают своих щенков охоте! Время у них такое. Режут овце горло, рвут пополам и бросают. Значит, не видели? Голов десять отбилось. Прячутся где-то в зарослях...

- А эти погибшие чьи? - неохотно интересуюсь я, чтобы поддержать разговор.

- Аллах знает! Может, Казима, а может, Магомеда-даргинца.

Карачаевца Казима я знаю. Его большая семья давно обжилась в станице. Живут, в основном, за счет большого хозяйства. Дагестанцы же с чеченцами стали переезжать сюда недавно. Скупают по дешёвке старые дома или поселяются на заброшенных фермах. Некоторые вместе с домашним скарбом перевозят скот, продолжая и здесь заниматься привычным делом - скотоводством. Из коренных же редко кто держит несколько овец для собственного потребления. По нынешним временам дорогое удовольствие заводить живность. Обещание правительства о субсидиях для желающих открыть фермерские хозяйства так и осталось на бумаге, а у сельчан денег нет.

- Молоко надо? – вдруг предлагает старик. – Хорошее, жирное! Сыр, творог, домашнее масло? Берите, дешево продаю!

Мы вежливо отказываемся, ссылаясь на то, что все это можно купить в городе. Наши слова приводят чеченца в уныние.

- Видишь, как получается: город кормим - сами нищенствуем! Все в город уезжают! – Нервно возвысившись, его голос срывается на фальцет. - Мои дети тоже подались! Не хотят возиться со скотиной. Говорят: не прибыльно. Так что, когда мы, старики, умрем, в селе даже яиц не у кого будет купить.

Мне хочется вернуться к теме волков.

- Откуда появились? - спрашиваю.

- Это наши, чеченцкие! – оживает старик. – От войны сбежали!

Я прикинул по памяти примерное расстояние до соседней республики.

- Далеко, однако, забрались!

- Жить захочешь – на край земли пойдешь! Не только человек спасается, хищник тоже!

Есть в его словах какой-то намек.

- Так вроде война давно закончилась!

Какое-то время старик молчит, пристально глядя мне в глаза, словно решаясь что-то сказать, затем перехватывает посох и обходит нас стороной, очевидно, намереваясь продолжить поиск своих овец.

- Эта война еще долго будет идти, пока жива наша память, - произносит он тихо, и тут же добавляет: - Смотрите, наши волки нападают тихо! Ростом они меньше обычного серого и хорошо маскируются. В метре от тебя будут сидеть в засаде – не заметишь. Ходите с палкой и железным зубом, - дает он на прощанье совет и, откинув в сторону полу плаща, демонстрирует висящий на брючном ремне длинный нож в кожаном чехле...

С некоторой опаской мы решаемся продолжить нашу прогулку, держась как можно ближе к станице. Пройдя еще немного, оказываемся в начале широкой сдвоенной лесополосы, пересекающей пополам высохший яблоневый сад. Пролетающая посреди нее старая грунтовая дорога почти вся поросла терновником и крушиной. По осени, когда зеленая листва последнего сменяется кровавым багрянцем, «дворянская аллея», как мы окрестили ее для себя, становится особенно хороша. Пройдя по ней метров триста, вы-

ходим на косогор, откуда открывается чудесный вид на станицу, широко раскинувшуюся перед нами. Долго вглядываемся вдаль, угадывая знакомые строения. Прямо напротив, с северной оконечности Темнолесской, возвышается гора Сейна, именуемая в народе «стенной». Это польское название переводится и как стена, и как сено или пастбище. Я задаю вопрос, откуда оно появилось здесь, собственно, как и название хутора Польский, расположенного неподалеку. На одном из выступов Сейны хорошо виден еще один крест – северный оберг станицы.

Далеко на горизонте отчетливо просматриваются многоэтажки Ставрополя, где мы проживаем. Это придает нам ощущение неразрывности между городом и деревней. Разве не об этом мечтали руководители исчезнувшей Страны Советов, провозглашая в свое время лозунг: «Сотрем границы между деревней и городом»? Только стоит ли стирать? Лично меня чрезмерная урбанизация деревни пугает. Что же касается связи города с селом, то современная система общения людей посредством интернета и сотовой связи итак достаточно размывла границы.

В деревне люди ведут себя проще. Здесь с тобой здороваются и стар, и млад, даже если не знает твоего имени, потому как ты ему СОСЕД, а значит, свой. «Возрождение общенациональной культуры начнется с деревенской, не забывшей о совестливости патриархальной семьи! – любит повторять один из наших соседей, местных философов, с большой нелюбовью относящийся к городу. По слухам, одна из его невесток сбежала от тусклой сельской жизни в город, забрав детей. Оставшийся с ним сын вскоре запил и рано помер. - И непременно с сельской школы, где дети и учителя живут на виду друг у друга, а потому им совестно быть бескультурными».

Потомственный казак, чьи предки были в числе первых поселенцев станицы, этот старик прожил долгую и трудную жизнь, и, вероятно, знает, о чём говорит. Но мне не столь важно, с чего начнется возрождение нашей культуры: с города ли, с села, с храма или библиотеки, с семьи или школы, скорей бы уж началось.

Место, где стоит Темнолесская, издревле было стратегически важным, так как располагалось на Кавказской оборонительной линии. Сюда и привезли под конвоем донских казаков, не желавших добровольно переселяться из обжитых мест и поднявших у себя на родине бунт. Богатые разнотравьем и всякой дичью места казакам в конце концов

приглянулись, и они довольно быстро расстроились. Уже к 1816 году станица насчитывала 170 домов и около 1400 жителей. В тридцатые годы девятнадцатого века в станицу переехали казаки из Малороссии, коих царские власти «разбавили» солдатскими семьями. Казаки всегда ревностно относились к своим обычаям и традициям, поэтому долгие годы не признавали последних, пренебрежительно называя их мужиками. К 1882 году в Темнолесской насчитывалось 2400 казаков и одна тысяча иногородних, а перед революцией 1917 года число проживающих здесь уже доходило до семи тысяч. Гражданская и Великая Отечественная войны, а также постперестроечное время внесли свои коррективы. На сегодняшний день в станице проживает менее трех тысяч человек различных национальностей, среди которых казаков – меньше трети.

Наибольшего расцвета станица достигла в советскую эпоху. С того времени остались здесь средняя образовательная школа, Дом культуры с различными кружками для детей, детский сад, небольшая библиотека и даже крохотная поликлиника. Была раньше и участковая больница на полтора десятка койко-мест, но давно закрылась за отсутствием финансирования. В центре села располагается Михайлов храм Русской православной церкви. Сохраняют станичники и свой замечательный хор – гордость Темнолесской.

Практически в каждом населенном пункте нашей страны стоит обелиск с выбитыми на нем именами жителей, погибших в военное лихолетье. В 1967 году установили такой и в нашей станице. Местные жители помнят и чтят героев, отдавших свои жизни за мир. В летопись Темнолесской занесены и станичники, особо отличившиеся перед Отечеством. Одним из таких был Николай Васильевич Галушкин, служивший офицером в Собственном Его Императорского Величества Конвое Николая Второго. Геройски повоевав на фронтах Первой мировой войны, он затем стал активным участником Белого движения. В 1920 году Николай Васильевич эмигрировал в Европу. Умер Галушкин в 1964 году в США, где и похоронен.

Еще один из жителей станицы, Александр Ильич Рыбников, уже в советские годы удостоился высокого звания Героя Советского Союза. Во время боев за Кёнигсберг он повел свой батальон врукопашную схватку с гитлеровцами, уничтожив большое количество противника. После войны герой проживал в Ессентуках, где и был погребен в 1989 году.

Дала Темнолесская и своего генерала, Михаила Иосифовича Суржикова, кадрового офицера Красной армии, дослужившегося до звания генерал-майора. В 1943 году в боях против фашистских захватчиков генерал Суржиков погиб.

Нашу жизнь красят люди, имеющие особую, подвижническую душу. Именно их руками создавался местный музей, занимающий небольшое помещение при школе, где скрупулезно собирается и хранится память о родной станице. В ее истории было и несколько страниц, наполненных именами людей, известных всей стране. О судьбе декабристов, пытавшихся в 1825 году поднять восстание против самодержавия, известно, пожалуй, каждому российскому школьнику. Одним из знаменитых заговорщиков был Александр Иванович Одоевский – князь, поэт, писатель. Прожив несколько лет в сибирской ссылке, он был переведен на Кавказ, в знаменитый Тенгинский полк, штаб-квартира которого с 1830 года базировалась в станице Темнолесской. В этом же полку служил и примкнувший к кружку декабристов, служивших на Кавказе, сочувствующий им Николай Васильевич Майер – доктор, разночинец, вольнодумец и протестант. В войне с горцами участвовал и поручик Михаил Лермонтов, служивший недалеко, в Пятигорске. В 1837 году в Ставрополе он и познакомился с Одоевским и Майером. Скоро их знакомство переросло в дружбу. Создавая роман «Герой нашего времени», Лермонтов, по свидетельству очевидцев, своего доктора Вернера «срисовал» с Майера, с которым много общался. Есть версия, к сожалению, пока не подтвержденная документально, что поэт мог посещать Николая Васильевича в станице, так как последнему целых полгода было запрещено покидать крепость.

Пройдет немногим меньше века и в России случится то, о чем мечтали декабристы – падет царское самодержавие. Пришедшее в феврале 1917 года на смену царизму Временное правительство не сумеет удержать власть, и уже в октябре того же года ее в свои руки возьмут большевики.

Революции, как правило, совершаются в столицах, но рано или поздно в этот процесс вовлекается, в той или иной степени, все население страны. Не все офицеры и генералы императорской армии приняли обе революции 1917 года. Большинство присягавших царю вступило в так называемое Белое движение, целью которого было восстановление монархии. Начавшаяся гражданская война дошла и до Темнолесской, ставшей в 1918 году на время местом дислокации штабов известных лидеров белогвардейского движе-

ния - генералов Шкуро, Покровского, Боровского. Совсем рядом, в станице Надеждинской, ныне село Надежда, стоял со своим войском генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель, а в Ставрополе – генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. Много позже некоторые из них оставят свои воспоминания о том времени.

Александр Александрович Боровский – личность широкому читателю малоизвестная, но хорошо знакомая историкам. Генерал-лейтенант Русской Императорской, а затем Добровольческой армий, воюя на Кавказе против большевизма, имел, по воспоминаниям барона Врангеля, «репутацию большой личной храбрости, но сильно запылал». В 1918 году, сражаясь с красноармейцами, Александр Александрович на короткое время закрепился в Ставрополе, но был вытеснен в Темнолесскую, откуда собирался нанести решительный удар по большевикам. По выражению того же Врангеля, генерал Боровский «пропил Ставрополь, так и не сумев вернуть его». По общим отзывам это послужило причиной окончательного оставления Ставропольской губернии белыми войсками. Какое-то время Боровский еще воевал, но также бесславно. Как и многие другие генералы, он был вынужден покинуть Россию и в 1939 году умер на чужбине, в югославском Скопле.

Другим известным руководителем Белого движения, отметившимся в станице Темнолесской, был генерал Виктор Леонидович Покровский. Блестящий летчик, он отлично зарекомендовал себя на фронтах Первой мировой войны. Прибыв после революции на Кавказ в чине капитана, Покровский, пожалуй, один из немногих, кто, будучи не казакom и даже не кавалеристом, был повышен Кубанской Радой – в то время высшим органом Казачьего края - до чина полковника, а вскорости и генерала. О жестокости Виктора Леонидовича ходило немало слухов. Его личный конвой состоял исключительно из горцев, которые боготворили своего командира. Врангель так писал о нем: «Хороший организатор, смелый, но жестокий, неразборчивый в средствах». По воспоминаниям Андрея Григорьевича Шкуро, любимым изречением Покровского, зачастую вешавшего без суда и следствия попадавших в плен красноармейцев и сочувствующих им, было – «вид повешенного оживляет ландшафт». Весной 1920 года Виктор Леонидович был смещен со всех командных постов бароном Врангелем и эмигрировал в Болгарию, где намеревался собрать новые части для войны с советской властью. Через два года он был убит

в перестрелке с болгарской полицией. По одной из версий в облаве на генерала участвовали и чекисты.

Пожалуй, одним из самых известных скандальных военачальников, оставившим след в истории Белого движения на Кавказе, является генерал Шкуро.

«Темнолессцы встретили нас хорошо, поили и кормили на славу, - писал он в своих «Записках белого партизана». - Много казаков присоединилось к отряду...» Совсем другие воспоминания о появлении его «партизанского отряда» в станице Андрей Григорьевич оставил позже: «Внезапным налетом на Темнолесскую мои «волчата» пленили эскадрон красных и взяли кое-какие трофеи. Приехавший следом Покровский велел повесить всех пленных и даже перебежчиков».

Вызывает сомнение «добровольное» присоединение «многих» казаков к отряду Шкуро. Уставшие после германского фронта станичники мечтали поскорее вернуться к мирной жизни. Известно, что с казаками, несогласными встать под его знамена, Андрей Григорьевич поступал самым решительным образом, вплоть до расстрела, но в отличие от Покровского создавал иллюзию правосудия, назначая трибуналы. Везде, где задерживались даже на сутки эти два генерала, проводились репрессии. До сих пор неизвестно, сколько на самом деле погибло в те годы станичников от рук белогвардейцев и красных комиссаров.

Андрей Григорьевич Шкуро (настоящая фамилия Шкура) родился близ Екатеринодара, в станице Пашковской, в семье казака-подъесаула. Окончив 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, он рано стал участником Первой мировой войны, проявив себя бесстрашным лихим командиром. Будучи старшиной, Шкуро в 1915 году получил разрешение сформировать из кубанских казаков отряд «особого назначения» для действия в тылу на германском фронте. В том же году Андрей Григорьевич впервые успешно применил в бою легендарную тачанку, задолго до Махно и большевиков. В свой отряд, прозванный «волчьей сотней» за шапки из шкур этих хищников, которые носили его казаки, и черное знамя с рисунком волчьей головы сотник Шкуро отбирал лучших из лучших, умевших «стрелять на хруст», то есть способных поражать на звук, ходить с «лисыим хвостом» - заматывать следы и разить «волчьей пастью» - молниеносной атакой. Особый страх его «волчата» вызывали своим боевым кличем, похожим на протяжный волчий вой. Склонный к бра-

ваде, Андрей Григорьевич, вероятно, позаимствовал это у Ивана Грозного, чьи опричники для устрашения врагов всегда ездили с притороченными к седлам головами псов.

В Белом движении Шкуро начал участвовать с 1918 года в чине полковника. Его «партизанский отряд» к тому времени насчитывал десять тысяч сабель, что являлось довольно внушительной силой, с которой приходилось считаться даже царским генералам, не любившим этого выскочку. В составе Добровольческой армии в июне 1918 года Андрей Григорьевич освобождал Ставрополь, о чем потом не преминул похвалиться в своих записках: «Иные въезжали в город по трупам, а я по цветам!» Впрочем, уже через месяц он под натиском красных бежал из города. Продолжая воевать на других фронтах, в июле 1919 года за «героические действия», совершенные его отрядом совместно с английскими войсками, король Георг V наградил Шкуро одним из высших орденов Британской империи – орденом Бани (таким же орденом, например, после Второй мировой войны будут награждены полководцы Жуков и Рокоссовский). В октябре того же года конница Буденного под Воронежем перешла в решительное наступление, и с этого момента карьера генерал-лейтенанта Шкуро, успешного на Кавказе послужить у Врангеля и Деникина, закончилась.

В своих мемуарах Врангель упоминал, что еще «...в лесистых Карпатах, где «партизанил» Шкуро, его отряд постоянно пьянствовал и занимался грабежами». Барон считал, что такое поведение дискредитирует Белое движение. Выдвинув в 1920 году свой знаменитый лозунг ХСЧПБ – «Хоть с чертом против большевиков», он все-таки уволил Андрея Григорьевича из рядов Русской армии.

С 1920 года Шкуро оказался в эмиграции, сначала во Франции, затем в Германии. Чтобы как-то выжить, генерал-лейтенант одно время работал в цирке наездником, демонстрируя вольтижировку. В отличие от своего бывшего начальника, генерал-лейтенанта Деникина, отказавшегося идти в услужение гитлеровцам, Андрей Григорьевич с 1941 года и до окончания войны сотрудничал в чине генерала с немцами, руководя казачьими соединениями в Югославии. По заверению историков, Шкуро не провел ни одного боя против Красной армии. Первого июня 1945 года он, а также генерал-лейтенант Петр Николаевич Краснов и некоторые другие, служившие немцам, были переданы англичанами Смершу. 17 января 1947 года генерал-лей-

тенант Шкуро был повешен. Обычно офицеров, даже белых, красные расстреливали, но ему в этом было отказано.

В то лихолетье много станичников попало в жернова и красного террора, но история не сохранила имен командиров, отправлявших людей на виселицу или расстрел за нежелание воевать на стороне Советов. Последовавшие годы раскулачивания крепких хозяйственников, массовая коллективизация, репрессии навсегда изменили облик наших станиц, сел, деревень. Возможно, в этом и кроется причина того, что на благодатной русской земле за последние два-три десятилетия исчезли сотни и тысячи населенных пунктов. Исчез целый класс людей, настоящих хозяйственников, умевших и желавших работать на земле...

Рассуждая об истории станицы Темнолесской, мы поворачиваем обратно, к дому. По дороге я случайно задеваю носком ботинка небольшой предмет, оказавшийся навершием копья времен монголо-татарского ига. Здесь и прежде попадались наконечники эпохи поздней бронзы, а прошлым летом мой младший сын, гуляя по дну пересыхающего Егорлыка, обнаружил скребок каменного века. В этих местах жизнь кипела задолго до появления черкесов и казаков. Ветра исчезнувших столетий смели постройки древних людей, стерев и память о них.

Время – естественный враг человека, разрушающее все сотворенное им, но время и друг, помогающий осмыслить прошлое, чтобы избежать прежних ошибок. Еще много неизвестных страниц истории этой благодатной земли предстоит нам открыть, но больше предстоит написать новых.

На волков объявлена охота, и скоро их изгонят из этих мест. Об этом поведал старый чабан, прощаясь с нами. Но пока, каждый раз собираясь на очередную прогулку по окрестным местам, я на всякий случай беру с собой «железный зуб» в надежде, что никогда не встречу не только с лесным хищником, но и не услышу дикий вопль очередной «волчьей сотни», как не увижу на улицах Темнолесской и людей в черных чекистских кожанках.

К черту Никаса! Будем учиться скромности, пока ее не отменили...

Странное путешествие в Мюнхен

*История о несбывшемся... или
сбывшемся*

- Ты знаешь - сказала Рената. -
«Битлз» будут в Мюнхене выступать!
Я зевнул.
- Ну и что? Где Мюнхен и где мы?
Она вздохнула.
-Ты прав. Туда нам точно никогда
не добраться...

Рената знала, что говорила, поскольку жила в ГДР - Германской демократической республике, А Мюнхен находился в ФРГ - Федеративной республике Германия. То есть, на Западе, куда гражданам ГДР было ну никак не проникнуть. Впрочем, как и нам, советским. В те времена в ГДР стоял большой контингент войск Советского Союза. И назывался он ГСВГ - Группа советских войск в Германии. Все в Группе было неплохо. Гарнизоны располагались в городах среднего и большого размера. Офицеры жили с семьями или в благоустроенных городках или просто в квартирах, порой в одном доме с немцами. Имелись советские школы, как начальные, так и средние. Когда наша семья приехала к месту службы отца, в старинный город Гота, я и брат сначала ходили в начальную школу в том же городе. Но потом, после окончания четвертого класса нас стали каждый день возить в соседний городишко Ордруф на специальных автобусах. Ордруф был, конечно, поменьше Готы, но гарнизон там стоял куда мощнее. И шко-

**ИГОРЬ
БЕРЕГ**

ПРОЗА

ла имелась уже средняя, десятиклассная. Находилась она в средневековом замке, довольно обветшалом, но все равно очень интересном.

Впрочем, к истории, которую я намерен рассказать, все это не имеет никакого отношения. Так, штришок...

О «Битлз» я услышал от своего одноклассника Сергея. Он был наполовину русским, наполовину немцем. Отец его, немецкий коммунист, в свое время, спасаясь от преследований на родине, уехал в СССР, где успешно работал на разных должностях в немецком Поволжье. Потом его арестовали, как потенциального немецкого шпиона и, естественно, законопатили в лагерь. С честью пройдя это испытание, он стал вольнопоселенцем и там же, на Воркуте, познакомился с дочерью советского комиссара, с похорей судьбой. От брака родились два сына: Борис и Сергей.

Через какое-то время Лоренц (так его звали) связался со старинными друзьями-коммунистами в ГДР, которые теперь были при больших чинах и те помогли ему вернуться на родину. Уехал он, естественно, вместе с семьей. По какой-то странной прихоти старшего сына, не знавшего по-немецки ни слова, он отдал именно в немецкую школу. Так иногда учат плавать: бросают в воду и выплывай, как хочешь.

А младший сын, Сергей, был отправлен в советскую школу, где мы с ним и встретились, а потом и подружился.

Сергей был парень компанейский, но все же с некоторым налетом, как бы это поточнее выразиться... немецкого менталитета. Ведь жил он среди немцев, общался с ними постоянно, и это не могло не сказаться. Отец его, Лоренц на старой-новой родине дорос до больших должностей, с женой развелся и только выделял деньги (немалые) на проживание жены и сыновей. В доме, где они жили, появлялся крайне редко и у меня в памяти сохранился, как крепкий, суровый мужчина, одним видом своим вызывающий уважение.

Но это, так сказать, предисловие к моей истории. По ходу рассказа появятся и еще отступления, потому что тем, кто не жил еще в то время или был слишком маленьким, чтобы осознать, что происходит в мире вокруг него, трудно будет понять и поверить во все, что я собираюсь поведать. Я и сам, спустя много лет иногда задумываюсь: а было ли это со мной в действительности? Не придумал ли на досуге, от нечего делать? Тогда я лезу в ящик стола,

достаю заветный альбом, открываю его и успокаиваюсь. Было, все было! И нечего рефлексировать...

Итак, вернемся к нашим баранам. Как уже было сказано, Сергей познакомил меня с «Битлз», вернее с их творчеством и славой. А дальше произошло то, что случилось со многими, услышавшими эти волшебные песни: я влюбился в ливерпульскую четверку. Потом узнал и о других группах, но «битлы» всегда оставались на первом месте.

В одну из поездок в Союз (у отца был отпуск) в магазине «Мелодия» я наткнулся на грампластинку с 8-й серией «Музыкального калейдоскопа». На диске были песни Сэнди Шоу, Френка Синатры с дочерью Нэнси, еще кого-то из иностранцев. А самой последней стояла песня «квартира «Битлс» «Девушка». Музыка и слова народные». Это была, насколько мне известно, первая попытка протолкнуть к советскому слушателю что-то действительно стоящее.

Кстати, купив два экземпляра, я обменял потом один у знакомых немцев (через Серегу) на относительно свежий номер западногерманского музыкального журнала «Браво». Было такое молодежное издание, очень ценившееся у меломанов, его даже попытались в 90-х издавать у нас в России. Но продолжалось это недолго и «Браво» исчез с прилавков киосков «Союзпечати».

Восточные немцы к грамзаписям относились прогрессивнее нас. На фирме «Амига» к тому времени вышел большой диск с подборкой ранних песен «Битлз» и свободно лежал в магазинах. Помнится, на обложке они все дудели в шотландские волынки, а Ринго шел с большим барабаном.

Выходили и две «сорокапятки», подобные сейчас, кажется, называют миньонами. Что на их конвертах было - не помню. Может, как раз там и были волынки?

А большую пластинку я все-таки купил на сэкономленные от школьных обедов марки. Только вот слушать ее было не на чем. Родители копили деньги, чтобы приобрести что-то достойное: старинное фортепиано, аккордеон «Вельтмайстер». Все это потом, по возвращении в Союз совершенно не пригодилось. Зачем, спрашивается, покупали? Мы с братом так и не научились играть ни на одном инструменте. Аккордеон я упрямил родителей продать через комиссионный магазин и на вырученные деньги купил магнитофон «Комета». А фортепьяно так и стоит, абсолютно расстроенное.

Обложки моих школьных тетрадей были исписаны названиями групп. Помнится, отец, советский офицер кричал мне: «Еще раз увижу где-нибудь написано это твое «ТХЕА БЕАТЛЕС», я не знаю, что с тобой сделаю!»

И чего это его так раздражало? Чертова идеология! Когда он привез из командировки в Союз телевизор (черно-белый, естественно), они с матерью долго решали, как направить антенну: чтобы она принимала только канал ГДР или еще два канала ФРГ? Там же буржуазная пропаганда! На счастье, все обошлось, смотрели все три.

И самой любимой была, конечно, ежемесячная передача «Бит-клуб», где выступали самые популярные группы. Мы с братом даже мысленно подгоняли родителей, ехавших в нашу школу на родительское собрание, которое нам, естественно ничего хорошего не сулило: «Езжайте быстрее! Сейчас «Бит-клуб» начнется!»

Слушали «Радио Люксембург» на старом ламповом радиоприемнике. Мать тоже слушала, морщилась, но ничего не говорила. Песни-то были – хорошие!

После того, как появился телевизор, мои успехи в изучении немецкого неожиданно резко пошли в гору. Например, если за первую четверть я получил тройку, то за вторую и третью – четверки. А за четвертую вообще пятерку! И за год учительница выставила «отлично». Я настолько впитал в себя этот язык, что когда мы с матерью ходили по магазинам, продавцы спрашивали меня: «Почему ты, немецкий мальчик, здесь вместе с русской женщиной?» Спасибо немецкому телевидению...

Это я к тому веду рассказ, что когда нас с братом летом отправили в международный пионерский лагерь «Максим Горький», то там я без проблем нашел себе подружку-немку.

Лагерь был... ну, относительно международным: только русские и немцы. Представители других стран социалистического лагеря не присутствовали. И тоже относительно пионерским, поскольку приехали сюда и комсомольцы и немецкие фдэтлеры – члены аналогичной нашей комсомольской организации «Свободная немецкая молодежь». Жили в бунгало, в живописном месте среди Тюрингского леса, на берегу озера, занимались разной ерундой, которой принято заниматься в пионерлагере. Нахватали грамот в спортивных соревнованиях. Тренированные были ребята.

Еще бы! Отец занимался физподготовкой личного состава полка и для своих сыновей (нас, то есть) и их товарищей то и дело организовывал секции фехтования или

самбо. Брат в лагере даже собрал футбольную команду из сверстников, и та с успехом обыграла сборную взрослых немцев – родителей, приехавших навестить своих чад!

В общем, жили – не тужили. И пока мои одноклассники, не знавшие немецкого языка, варились в своем кругу, мы с Ренатой (так звали мою подружку) гуляли по окрестностям, целовались-обнимались. Ничего серьезного, «настоящего» между нами не было – молодые еще! У меня в Готе осталась, что называется – несбывшаяся любовь, рыжеволосая красавица-одноклассница – Людка Извекова...

Рената жила в Нойбранденбурге, много рассказывала о себе, своей семье, своем городе. В общем, повышала мой кругозор. Честное слово, ничего сейчас уже не помню!

А что мог рассказать я? Мы уехали из Союза, когда я учился в четвертом классе и теперь, повзрослев, знал о Германии больше, чем о стране Советов. Но, в общем, не расстраивался, хватало других тем для разговоров.

Подружка моя оказалась заядлой битломанкой и это нас еще больше сблизило. Мы часами могли беседовать о ливерпульских ребятах, напевать их мелодии и мечтать попасть на настоящий, живой концерт любимцев. Это, конечно же, было невозможно. Но помечтать-то не запрещено?

И вот в один прекрасный день, когда мы валялись на полянке в лесу, Рената сообщила о концерте «Битлз».

Не сказать, чтобы новость эта поначалу так уж меня вдохновила. В мире много всего интересного происходит, но нам-то, советским, мир этот закрыт! Тут даже в какую-нибудь захудалую Болгарию путевку нужно было добывать всеми правдами и неправдами. А потом выслушивать нудные наставления о том, как должен вести себя за границей советский человек, чтобы не уронить этот гордый титул.

И ведь непременно с собранной группой туристов ехал мутный тип, представляющий соответствующие органы и зорко следивший, чтобы никто из его подопечных ничего эдакого не вытворил. И уж тем более, не попробовал остаться «на Западе», попросить там политического убежища! Сто бы лет оно нам приснилось, это убежище! Однако, иногда дураки находились... В большинстве случаев они обращались к полицейским и на ломаном английском объясняли, чего хотят. Вежливые полицейские кивали, вели «жаждущего свободы» в участок, куда через полчаса приезжал представитель советского консульства с парочкой молчаливых мордovorотов, и беглеца благополучно возвращали на родину. А там, в лучшем случае, он ста-

новился «невыездным» по гроб жизни, а в худшем – могли и посадить. За неворосторженный образ мыслей, так сказать.

В общем, Мюнхен мне не светил никоим образом. Рената, хоть и немка, поехать туда тоже не могла. Власти ГДР сторожайшим образом следили, чтобы граждане их страны на Запад даже не заглядывались. Хотя у многих там были родственники и зачастую своих нищих (как они считали) братьев, сестер, внуков и внучек старались побаловать какими-нибудь достижениями западной культуры. Джинсами, например.

Несмотря на старания ШТАЗИ (тамошнего КГБ) восточные немцы смотрели в сторону Запада широко раскрытыми глазами. И даже пытались туда перебраться. Рыли тоннели под Берлинской стеной, изобретали разные технические средства, чтобы перебраться через границу или перепрыгнуть через стену. Кто-то мастерил воздушный шар, кто-то вертолет маленький построил. Рассказывали, что один инженер даже подводную лодку сконструировал – плыть через реку Шпрее, по которой проходила граница между восточным и западным Берлином.

Надо ли говорить, что вся граница была опутана колючей проволокой и заминирована, а пограничники расстреливали беглецов безо всякой жалости?

Западные немцы в долгу не оставались. В бегущих к ним они, конечно не стреляли, встречали с распростертыми объятиями. Работали пропагандистскими методами. Сам помню: однажды утром пошел на школьный автобус, а все вокруг засыпано пестрыми бумажками. На одной стороне рисунки и фотографии красиво одетых и счастливо улыбающихся людей, а на другой – письма тех, кому удалось сбежать на Запад с призывами последовать их примеру. Ох, и помotalись тогда полицейские, собирая эти листовки!

Рената подумала немного, а потом спросила:

- У тебя деньги есть?

- Марок сто пятьдесят, - ответил я, даже не догадываясь, о чем сейчас пойдет речь.

- Мало, - вздохнула она. - У меня чуть больше, двести. А надо тысяч десять.

- Но зачем? - уставился на нее я.

И она рассказала интересную историю. Оказывается, существует «тайная тропа» для того, чтобы перебраться в Западный Берлин или в Западную Германию. Дело в том, что из ФРГ в Западный Берлин сплошным потоком идут

большие трейлеры. Большому городу много чего надо. Назад они тоже едут не пустые: везут товары, произведенные на берлинских предприятиях. И вот умные люди додумались, как на этом можно заработать деньги. Очень приличные.

В трейлерах мастерят тайник, и где-нибудь на территории ГДР по предварительной договоренности в тайник залезает гражданин Восточной Германии, желающий сбежать на Запад. Заплатив, естественно, кругленькую сумму. Пограничники об этом, конечно, знают, но за определенную мзду закрывают глаза и отворачиваются в сторону. Таким способом беженец и попадает в вожделенный западный рай. Чаще всего за перевоз платят богатые родственники в ФРГ. Но можно и здесь, в ГДР скопить нужные деньги, разыскать людей, которые занимаются этим бизнесом и благополучно драпануть на Запад.

Правда, иногда пограничники устраивают тщательные проверки (начальство требует) и обнаруженные беглецы отправляются в тюрьму. Поговаривают, что в случае, если бежит какой-нибудь талантливый инженер или ученый, правительство ФРГ выкупает его. Но это все большая тайна.

- Ну и в чем здесь фокус? – спросил я, заинтригованный рассказом Ренаты.

- А в том, - щелкнула она меня по носу, - что мой родной дядя как раз и работает на таком трейлере! И людей он тоже перевозит.

- Что, твой дядя так и заявляет: «Тайно вожу перебежчиков!»? – удивился я.

- Нет, - улыбнулась Рената. – Конечно, нет. Но мы ведь все одна семья! И тайн между нами нет. Ну, разве что маленькие, личные. Он и нас предлагал туда увезти, но папа с мамой не согласились – они члены партии и не могут себе такого позволить. Ну, у них так мозги устроены. А я бы с удовольствием убежала. Но тогда у них большие неприятности будут.

- Да, ситуация, - сочувственно вздохнул я. – Есть средство, но нет желания.

И подумал о своей семье. Моим родителям тоже несладко бы пришлось, реши я сбежать в ФРГ. Отец – офицер, да к тому же еще и член партии. Полный крах карьеры! И из армии, и из партии погонят метлой. И на гражданке потом не очень-то устроишься с таким «волчьим билетом».

Но, собственно, я и не рвался на Запад. Что я там забыл, недоучившийся школьник? Тарелки мыть в какой-нибудь

забегаловке за нищенскую плату? Я, как видите, был разумным парнем и понимал все последствия необдуманных шагов. Это только родители, глядя на мои отметки в дневнике, начинали долгие нотации по поводу моей непроходимой тупости и лени.

В чем-то они, конечно, были правы. Я просто ленился учиться, полагая, что все эти химии-физики и прочие геометрии мне просто не пригодятся в жизни. Кстати, так оно и оказалось впоследствии.

А вот что я любил, так это иностранные языки и литературу. По этим предметам у меня оценки были отличными. Ну, еще по физкультуре. Остальное – сплошные тройки. Но на второй год никогда не оставался, школу закончил вовремя.

Я опять, кажется, отвлекся. Просто пытался показать себя в тот момент, когда возник вопрос: «Ехать или не ехать?» Довольно симпатичный, подтянутый парень, не чуждый физкультуры, бойко болтающий по-немецки и с относительно широким кругозором. Без ложной скромности могу сказать, что этот самый кругозор был у меня пошире, чем у сверстников.

И вот этот весь из себя положительный парень решает на авантюру. Причем, какого масштаба! Тайно съездить на несколько дней в чужую страну, более того, враждебную. И это ради какого-то концерта четырех ребят из такой же враждебной СССР страны!

Другое дело, если бы он так на концерт хора имени Пятницкого или ансамбля Моисеева (да на ту же Зыкину!) стремился! А то ведь какие-то сумасшедшие «ТХЕА БЕАТ-ЛЕС»! Уму непостижимо! Где он воспитывался, этот оболтус, в какой стране жил? И вообще, НАШ ли это человек? Однозначно – не НАШ! Ну и соответствующие выводы.

До расстрела, конечно, дело не дойдет, но срок в какой-нибудь подростковой колонии впаять могут. Не очень большой, но и не сказать, чтобы маленький. И, естественно, родителям достанется.

И как я, юный придурок, решил на это? Во всей своей дальнейшей жизни не совершал никаких опрометчивых поступков, был осторожен и не то чтобы оглядывался постоянно, но, что называется, «за спиной следил».

А тут вдруг так загорелся! Бедная Рената и сама уже была не рада тому, что рассказала мне про концерт и своего дядю-контрабандиста. Я ведь ей так прямо и заявил: «Хочу

попасть на этот концерт! Думай, как дядю уломать за бесплатно меня перевезти!»

Девчонка перепугалась чуть не до икоты. Долго упрашивала меня забыть эту дурацкую затею, пугала ШТАЗИ и КГБ, говорила, что дядя ни за что не возьмется перевозить советского мальчика, да еще и без оплаты.

Ничего не помогало. Я стоял на своем. Хочу – и точка! Просто диктатор какой-то!

Ну, немцы (особенно женщины) народ слабоватый. Это сейчас они гоношатся и пытаются Россию придавить. А тогда не так уж много времени прошло после окончания войны, и у них в подсознании все еще сидел страх перед неизбежностью наказания за все, что они у нас натворили. Даже полицейские, которые «своих» крепко держали в узде, не позволяя им никаких вольностей, на прегрешения советских смотрели сквозь пальцы. Может быть, тогда уже считали нас дикарями, как они делают сейчас? В магазине, например, русскому подростку беспрекословно могли продать спиртное, что никак не позволялось немецким мальчикам. Да много примеров можно привести...

В общем, Ренату я уговорил пообщаться с ее дядей и попробовать убедить его в том, что мне ну просто позарез нужно попасть в Мюнхен именно 24 июня этого, 1966 года. Ну и по возможности, на следующий день – назад. И это – за бесплатно! Или, по возможности за минимальную плату. То есть, марок за сто...

Еще Ренате было поручено разузнать, где именно в Мюнхене «битлы» будут выступать, и в какое время?

А вопрос с билетом или просто проникновением в зрительный зал мне придется решать самостоятельно. Что-нибудь придумая.

В общем, предварительный план составилась очень быстро. Главное было – решится, а там уж как кривая вывезет. Буду импровизировать.

Я старался не думать о том, что произойдет, если меня поймут, обо всех ужасах, которые мне предстоят в этом случае. Надеялся, что как-нибудь обойдется. А проще говоря – махнул на все рукой и решил: что будет, то и будет.

Оставалось только ждать. Как Рената свяжется со своим дядей – это была уже ее забота. Кажется, я так задурил девчонке мозги своей решимостью, что она теперь готова была выполнять любое мое желание. Да влюбилась, наверное, вот и все.

До концерта оставались считанные дни, когда она нашла меня, валяющимся на солнышке за нашими бунгало. Сделав таинственное лицо, поманила меня пальцем. Словно ведьма заманивала. Я встал и пошел за ней в лес, не задавая вопросов. Бояться мне было нечего. Какие уж тут страхи в летнем сосновом лесу!

Выйдя на укромную полянку, где мы не раз бывали, Рената так же молча указала мне на траву. Я сел.

- Дядя Хайнц хочет поговорить с тобой, - сказала она, присаживаясь рядом.

- Это еще зачем? - удивился я.

- Ну, он все-таки рискует и, наверное, хочет убедиться, что это не провокация ШТАЗИ. Ему ведь знаешь, что может быть?

- А так - он согласен? - привстал я.

Рената, положив руку мне на плечо, заставила опять сесть.

- Не знаю. По-моему, он пока не решил. Но сама идея ему кажется, понравилась. Он ведь у нас еще тот авантюрист.

- И как мы с ним встретимся? А главное - когда? До концерта ведь немного осталось!

- Успокойся. Мы сейчас еще немного пройдем до дороги, а туда он подъедет.

Я пожал плечами.

- Ну, тогда пошли знакомиться с твоим дядей! Надеюсь, мне удастся его убедить, в том, что я не агент КГБ или ШТАЗИ.

Мы шли примерно с полчаса и действительно вышли на дорогу. Не на автобан, а на обычную, не очень широкую, мощеную булыжником.

- Интересно, как он тут проедет на своем трейлере? - поинтересовался я.

Рената в ответ только загадочно улыбнулась.

Минут через двадцать из-за поворота вывернул старенький «Вартбург» и не спеша подкатил к нам.

В ГДР выпускали всего две марки легковых автомобилей: «Трабант» и «Вартбург». «Трабант», что в переводе на русский значит «Спутник», был двухтактной машинкой с пластиковым кузовом, громко тарахтящей и сильно чадающей выхлопом, что-то вроде нашего «горбатого» «Запорожца». Немцы ласково называли его «Траби». Но и чтобы купить такую «самобеглую коляску» им приходилось годами выстаивать в очереди.

«Вартбург» же по статусу равнялся нашей «Волге», хотя и сильно уступал ей как по габаритам, так и по мощности двигателя. Кстати, нашу «Волгу» в Германии прозвали «бархатным танком». Обладать «Вартбургом» мог-

ли далеко не все. Уж не знаю, по каким параметрам производился отбор достойных.

А западных автомобилей было совсем немного, и на улицах народ оборачивался, когда мимо проезжал сверкающий лаком «Мерседес» или таинственного вида «БМВ».

То, что у дяди Ренаты имелся «Вартбург», хотя и немного потрёпанный, уже говорило о его статусе. Ну, правильно, абы кого не станут допускать к постоянным поездкам в ФРГ. Человек должен быть сто раз проверенный соответствующими органами и непременно член партии.

Автомобиль подкатил к нам и остановился. За рулем сидел мужчина средних лет с большими залысынами и в темных очках. Он оглядывался по сторонам. Засаду высматривал, что ли?

Рената помахала ему и направилась к машине. Дядя Хайнц мотора не глушил. Я остался стоять на месте. Шпионские игры какие-то!

Но это я сейчас так о том моменте подумал, а тогда просто стоял и ждал.

Переговорив со своим дядей, Рената открыла заднюю дверцу и махнула мне: «Давай сюда!» Я сел в автомобиль и сказал по-немецки как можно более дружески:

- Привет!

Дядя не ответил, рассматривая меня в упор сквозь черные стекла очков. Никак я тогда не походил на агента КГБ. В моем-то возрасте!

Но мало ли что могут придумать эти органы! А вдруг у нас в Советском Союзе в государственную безопасность вербуют еще с детского сада?

Наконец осмотр был окончен, дядя снял очки и улыбнулся. Улыбка у него была такой широкой и доброй, что сразу становилось ясно – это хороший человек. Мне вдруг показалось, что где-то я его уже видел...

- Здравствуйте, молодой человек! – сказал он. – Будем знакомы – Хайнц Липке.

Я назвал себя.

- В каком классе учитесь?

Я ответил честно, скрывать мне было нечего. Никаких военных и государственных тайн не знал, и знать не хотел. А поэтому – чего опасаться?

- И вы хотите, чтобы я вам помог? – спросил герр Липке.

- Если это возможно, - робко согласился я.

- То есть, вы хотите повидать Запад? – уточнил он.

Вот уж мне этот Запад был, что называется, «до фонаря»!
И я, в свою очередь, тоже уточнил:

- Хочу увидеть «Битлз»!

Потом, чувствуя, что краснею, добавил:

- И услышать...

«Дядя» Хайнц рассмеялся, громко и весело.

- Похвальное желание, юноша, похвальное! И как вы себе это представляете?

Я смутился. У меня, конечно, был план, но в общих чертах, без подробностей. Откуда взяться подробностям, если ничего конкретного о той самой Западной Германии я не знал? Не считая того, что можно было почерпнуть из телепередач и еженедельной газеты «За рубежом» изредка попадавшей мне в полковой библиотеке. Было такое издание в Советском Союзе.

И с какого барабана он взялся мне помогать?

Только много позже я узнал, что Хайнц, в 45-м был в «гитлерюгенд» и при штурме Берлина сидел в засаде с «панцерфаустом», чтобы при удобном случае пальнуть по советскому танку. Но наши бойцы его вычислили, опасную игрушку отобрали, а самого стрелка выпороли солдатским ремнем (чтобы неповадно было) и отправили к муттерхен (мамочке) Ну не убивать же пацана?

Но в душе он злобу затаил, получается. И сейчас, завезя русского паренька на Запад, таким образом, пытался отомстить за свой позор.

- Гут, - наконец сказал Хайнц. – Я помогу вам. На Запад вы попадете. Но вот возвращение...

Я нагло ответил:

- Сам решу!

- Похвально, похвально! – рассмеялся немец. – Вы отважный юноша.

- И что дальше?

- Будьте завтра на трехсотом километре автобана в десять часов утра. Это недалеко отсюда. Рената покажет. И вот еще что. Вопрос оплаты путь вас не беспокоит. Как-нибудь решим.

Ну что же, это меня вполне устраивало. Я попрощался и вылез из машины. Подружка ждала под деревом. Она проводила взглядом отъехавший автомобиль и вздохнула:

- Как бы я хотела поехать с тобой!

- Так в чем же дело? Поехали!

- Дядя не позволяет. Ему очень не хочется неприятностей для нашей семьи.

«Ага, - подумал я, - А на неприятности для моей семьи ему плевать».

И в самом деле, что этому хитровыделанному немцу семья советского офицера? А будут у русских неприятности – так это даже хорошо! Так им, оккупантам, и надо!

Естественно, тогда я так не считал, полагая «дядю Хайнца» просто добродушным авантюристом, решившим помочь хорошему русскому пареньку. Понимание, как все обстояло на самом деле, пришло гораздо позднее.

Теперь предстояло организовать мое отсутствие, хотя и краткосрочное, в лагере. Дисциплина там была не военной, но все же кое-какая присутствовала. Надо было все обставить, как следует. А то ведь не будет меня в столовой, не посплю я пару-тройку ночей в бунгало, руководство лагеря такой шум поднимет! И родителей могут срочно вызывать, и в полицию заявят всенепреренно!

Но, во-первых, для чего существуют братья? Родной-то брат мне обязательно поможет! А во-вторых, для соседей по бунгало я что-нибудь завирательное придумаю. Что у меня, фантазия бедная? Вон, который год в общих тетрадках роман о будущем сочиняю, «Люди космоса» называется! Да еще и собственными иллюстрациями снабжаю! А кто в журнал «Пионер» рассказ фантастический на конкурс посылал? Правда, оттуда пришла вежливая отписка, что, дескать, ваш рассказ получился не очень интересный, поэтому печатать не будем. Но это не важно, рассказ-то я придумал и написал? Значит, и здесь что-то наплету!

Символичным было то, что моя встреча с дядей Ренаты происходила 22 июня! Но тогда этой символики, не зная прошлого такого солидного немца, я просто не понял. Только потом...

Ладно, это к делу не относится. Как разузнала моя подружка, «Битлз» должны были дать два мюнхенских концерта 24 июня в каком-то «CIRCUS KRONE-BAU». Время – вечернее, а значит, если все пройдет нормально, до баварской столицы я доберусь, примерно, утром 24-го. У меня останется целый день на поиски этого места и на проникновение внутрь него. Я ничего не знал о мерах безопасности во время проведения таких концертов, но надеялся на свою сообразительность и удачу. Короче – на национальный наш «Авось!» Ну не дурак ли? Хотя, зачастую, именно это волшебное слово нам, русским, и помогает.

О проблеме пропитания я как-то не задумывался. Ну, поголодаю пару деньков, эка невидаль! Раньше не прихо-

дилось так долго не есть, но в том возрасте я многого еще не успел попробовать, все было впереди...

Итак, брат. Жили мы с ним довольно дружно, порой случались и стычки. Как это обычно между братьями и бывает. Полностью свою затею я ему раскрывать не собирался – мал еще (на три года моложе)! Но все-таки прикрытые с этой стороны было необходимо. Мало ли что! Вдруг родители надумают в неурочный день нагрянуть и проверить, как тут их чада поживают? Или еще какая-нибудь напасть.

Отсутствовать я намеревался три дня. День и ночь до Мюнхена, день там, и еще сутки на обратную дорогу. Должно было хватить. Действительно, что мне, по Западной Германии еще неделю шляться? Чего я там не видел? Да еще и без денег! ГДРовские марки вряд ли пригодятся, разве что на обратную дорогу от границы до лагеря.

Я почесал в затылке. Ладно, ТУДА меня, предположим, тайно доставят. А ОБРАТНО как через границу переходить? От немецких приятелей я слышал, что с «нашей» стороны граница плотно заминирована «чтобы даже мышь не проскочила», неважно чья – демократическая или буржуазная. Да еще пространство пулеметами простреливается.

Так что нелегальный переход отпадал. Рассказывали про одного старшину-сверхсрочника (прапорщиком тогда еще не было), который, будучи в отпуске в Союзе, то ли загулял, то ли документы потерял, но на обычном советском поезде по маршруту Брест – Эрфурт ехать не мог. Тогда он, преспокойно пересек советско-польскую границу, территорию Польши, польско-германскую границу и почти в срок явился в свою часть, продолжать службу. Через некоторое время на границе кто-то заинтересовался: человек в одну сторону проехал, а назад не вернулся. Не случилось ли чего? Послали запрос в часть, где он служил – не потеряли человечка? Оттуда спокойно ответили – нет, на месте он. А в чем дело-то? И тут закрутилось! Старшину вызвали на ковер и ласково спросили – а как это ты, сукин кот, в части оказался, минуя Брест и Франкфурт-на-Одере? Он честно во всем признался. Ему, естественно, не поверили и предложили повторить этот путь, но в обратном порядке. Делать нечего, он согласился и, конечно же, повторил. Сверхсрочники, они такие!

Чем история закончилась – неизвестно, но скандал, наверняка, был большой. Сам же двойной поход стал изустной легендой в ГСВГ.

Как бы то ни было, а мне подобный подвиг не светил. Там были границы между демократическими, дружественными странами. Здесь же пролегла грань между светлым и счастливым социализмом и мрачным загнивающим капитализмом. Понимать надо!

В конце концов, я махнул на эти раздумья рукой. На месте разберемся, когда придет время, изучив условия.

Брату же я сказал, что мы с Ренатой отправляемся в небольшой турпоход, дабы навестить ее родственников, живущих неподалеку. Сначала он подозрительно спросил, не собрался ли я жениться на немке? А потом, когда я его высмеял, указав на наш возраст, занял и стал проситься со мной. Кое-как приведя его в повиновение и пообещав принести чего-нибудь вкусного и интересного, я вызвал Ренату и попросил ее не показываться на «советской» части лагеря в эти дни, объяснив ситуацию. Подружка грустно кивнула и сунула мне в карман пару купюр – вдруг пригодятся?

И на что могли пригодиться сто марок, если официальный курс марки, если правильно помню, в то время равнялся 33 советским копейкам?

Теперь надо было что-то наврать товарищам по бунгалу. А чего придумывать-то? И я повторил ту же сказочку про мифических родственников Ренаты. Пацаны смотрели на меня круглыми глазами, завидуя в душе. С одной стороны, у меня была настоящая подруга! А с другой – немка! Как-то не по-советски выходило... Это наше опасение дружеских отношений с иностранцами преследовало меня всю жизнь. И когда позже ездил к Сергею по его приглашению в ГДР – в ОВИРе (была такая структура, выдававшая визы) предупреждали о нежелательности близких контактов с незнакомыми немцами: «А то больше не выпустим!» И перед вылетом в Анголу для службы военным переводчиком – целая лекция на Старой площади в Москве: «Если вас разместили в одном купе с лицом противоположного пола иностранного происхождения – требуйте переселить в другое!» И в самой Анголе: «Не смейте контактировать с кубинцами, хотя они и дружественны нам!» Да братья-кубинцы в Анголе сделали для меня добра больше, чем вся советская военная миссия, где шел такой «стук», что аж в Москве было слышно! Идеологический идиотизм!

Я не был до конца уверен в том, что кто-нибудь не проболтается, например, вожатым о моей отлучке, но приходилось рисковать. Все-таки в мальчишках, несмотря

на постоянное идеологическое давление, оставались понятия чести и своеобразного достоинства. Предавать друга, даже просто приятеля, было позорно.

Да я сам чувствовал это давление. Помню, что когда принимали в пионеры, я на общей линейке так переволновался от этого предстоящего события, что публично грохнулся в обморок! А как мы в школе, в начальных классах ездили на так называемые «дружбы» (встречи) с немецкими пионерами! У них были синие галстуки в отличие от наших красных (ну, ладно, алых!). Во время «дружб» одно время менялись с ними галстуками. Но потом спохватились. Если немецкие пионеры в любой день могли себе купить новый, синий, то нам, советским, где взять в Германии красный? А каждый пионер непременно должен ходить в школу в галстуке! Как-то даже разрешили повязывать синий! А что делать? Положен галстук – вот и носи!

Опять отвлекся! Повторяю – это для понимания общей атмосферы, что была в то время. Несмотря ни на что, оно, время, было все же интересным...

Итак, на следующий день примерно без двадцати минут десять утра мы с Ренатой стояли у обочины автобана около знака, означавшего трехсотый километр. Эти автострады были построены еще при Гитлере, но, несмотря на прошедшую войну, выглядели великолепно. Помнится в фильме «Щит и меч» советский разведчик Йоганн Вайс разъезжал с тайными поручениями именно по таким автобанам. Большую часть эпопеи снимали здесь, в ГДР. Да и Штирлиц, отправляя пастора Шлага на задание, здесь где-то колесил...

Подружка моя заметно волновалась, вглядываясь в пролетавшие мимо машины. Может быть, ей казалось, что вездущая ШТАЗИ уже знает все о готовящемся нами преступлении против социалистической родины и вот-вот извнезапно остановившегося автомобиля выскочат ловкие люди, скрутят нас и бросят в багажник.

Я сохранял видимое спокойствие, хотя, конечно же, тоже переживал. Мне не верилось, что эти, мифические для меня «агенты ШТАЗИ» очень уж всеведущие. Но предстояло совершить такое, о чем большинство моих сверстников (да что там, и взрослых), даже подумать боялись. Боялся и я. Но ведь уже встал на этот неверный путь! А значит, обратного хода не будет, надо идти вперед, не оглядываясь.

Побаивался я и того, что «дядя Хайнц» может не выполнить своего обещания, тоже испугавшись возможных последствий.

Но вот минуло десять часов, а трейлера, который пове-
зет меня в Мюнхен, все не было.

Рената взглянула на дешевые часики из Рулы, центра
местной часовой промышленности, и робко предложила:

- Может, пойдём? Не будет его, наверное...

Тут рядом с нами заскрипели тормоза и «дядя Хайнц»,
высунувшись в открытую дверцу, скомандовал мне:

- Залезай, быстро!

Я чмокнул Ренату в щечку, забросил в кабину свой то-
щий рюкзачок и запрыгнул на подножку. Трейлер тут же
тронулся, набирая скорость. В зеркале заднего вида махала
нам вслед тоненькая девочка из Нойбранденбурга...

Некоторое время мы ехали молча. Кабина трейлера
была просторной, сзади, за сидениями даже имелось спаль-
ное место. Мне было интересно: а где этот Хайнц перевозит
контрабандных беглецов? Не в самой же кабине?

Все прояснилось полчаса спустя. Трейлер плавно за-
тормозил и свернул с автобана на пустующую площадку
отдыха.

- Пошли! – скомандовал Хайнц.

Я послушно вылез. Он обошел кабину, внимательно по-
смотрел мне в глаза.

- Не передумал?

Я покачал головой. Мне почему-то совсем не было
страшно.

- До границы осталось примерно полтора часа. Сейчас я
спрячу тебя в тайнике. Пока будем ехать, можешь даже раз-
говаривать. Но как только остановимся, молчи и даже по-
старайся не дышать. Или через раз. Да не пугайся, там еще
три человека едут. Беженцы.

Он усмехнулся.

- Вода и еда с собою есть? Вот и хорошо. Но учти, туалета
там нет. Если что – придется терпеть. В общем, сиди тихо,
с попутчиками не общайся. Когда время придет – выпущу.
А теперь – давай!

Хайнц провел меня к заднему торцу трейлера, повозил-
ся с замком и распахнул дверь.

- Полезай за мной, только осторожно.

Я заглянул внутрь кузова. Хайнц на две трети он был
заполнен какими-то ящиками. Хайнц легко забрался туда,
сдвинул пару ящиков и поманил меня. Я осторожно проти-
скивался за ним.

Наконец мы оказались у дальней стенки. Что делал там
«дядя» мне было не видно, все загоразживала его широкая

спина. Побрякивал металл, раздавался легкий скрип. Наконец Хайнц обернулся.

- Лезь!

В ребристой алюминиевой стенке у самого пола теперь имелся узкий лаз. Я несмело заглянул туда. Темно и веет теплом.

- Давай, давай! – поторопил водитель.

Что мне было делать? Я опустился на колени и протиснулся внутрь, в эту темную теплоту.

- Направо! – сказал кто-то. – Там у стенки есть коврик.

Говорили по-немецки. Ага, это и есть те самые «беженцы». Я последовал совету. В полной, между прочим, темноте, потому что люк, через который я сюда попал, уже закрылся за мной.

Кое-как удалось обнаружить этот самый коврик. Устроился на нем, прислонившись спиной к теплой металлической стенке и положив рядом свой рюкзачок. В нем у меня имелась бутылка лимонада «Вита-Кола», пара бутербродов, маленький фонарик, полотенце и мыло. Рената постаралась. А что мне еще нужно на пару дней? Авось, с голода не пропаду.

Между тем, судя по звукам, глухо доносившимся снаружи, Хайнц вернулся в кабину, запустил двигатель, и мы тронулись. Навстречу приключениям. Ужасным и опасным.

Надо было осмотреться. Я покопался в рюкзачке и нащупал фонарик. Но только вспыхнул узенький лучик, как в темноте раздался яростный шепот:

- Немедленно потушите свет! Нас могут увидеть!

В этом шепоте слышались не только ярость, но и отчетливый страх. Должно быть, немцы, решившие бежать в Западную Германию, здорово трусили. Еще бы! В той идеологической атмосфере, в которой они жили до сих пор, это казалось необыкновенным подвигом. Да, собственно, так оно и было. В случае обнаружения при попытке пересечь государственную границу с ФРГ, им могли грозить реальные тюремные сроки.

Трусил, конечно, и я. Но отгонял страх, как только мог. Не забывайте, я был тогда всего лишь подростком и, как большинство моих ровесников, склонен к некоторому легкомыслию. При всей моей серьезности, как это ни парадоксально звучит...

Итак, трейлер «дяди» Хайнца неся по автобану к границе с Западной Германией и в тайнике, сжавшись от стра-

ха, сидели три гражданина ГДР и один – СССР. Предстоял самый сложный и опасный этап этого приключения – граница.

Часы у меня были – дешевая штамповка из той же Рулы. Но стрелки на них не светились и потому время определить я не мог. Просто прикидывал, сколько минут прошло с момента моего «отъезда».

Есть и пить пока не хотелось, к тому же я помнил слова Хайнца об отсутствии туалета в тайнике. Пусть бутерброды останутся на потом, съем в Мюнхене. Нужно только потерпеть.

А вот мои невидимые попутчики терпеть, наверное, не захотели. В темноте сквозь шум двигателя послышалось бумажное шуршание, и до моего обоняния донесся колбасный аромат. Вообще, немцы мастера делать колбасы. Советские люди, приезжавшие в ГДР, и видевшие до сих пор только ливерную, да иногда докторскую колбасы, поражались изобилию этого добра в немецких магазинах. Моя мать на первых порах покупала по небольшому кусочку разных сортов, стремясь попробовать все. Она пережила голод 33-го года, ее можно было понять.

Поделиться со мной, или хотя бы предложить из вежливости, «беженцы» даже не подумали. Трескали сами, причмокивая и тихо отрывиваясь. Я слюны не глотал, потому что перед дорогой плотно позавтракал, да и знал не понаслышке немецкую прижимистость. Постарался отвлечься, прикидывая, как буду действовать в Мюнхене, как переберусь на концерт.

Что там было прикидывать? Реалий Западной Германии я не знал, а попусту мечтать как-то не хотелось. В одном я был уверен твердо: на концерте я буду и «битлов» увижу и услышу!

И еще была надежда на то, что западные немцы не сильно отличаются от восточных. Все-таки не так давно они были одним народом! Война разделила их, может быть, навсегда и с течением времени различия, конечно, будут усиливаться. Но пока-то...

Разве мог я знать, что разделение это продержится еще двадцать с небольшим лет и практически в одночасье исчезнет, как кошмар. Хотя в сознании самих немцев останется еще очень надолго.

Счет времени я, конечно же, потерял, и внезапная остановка трейлера была для меня неожиданностью. Но не для моих попутчиков. У них, видимо, часы со светящимися стрелками имелись, потому что незадолго до того,

как машина остановилась, «беженцы» перестали шуршать и чавкать. Я сидел неподвижно, и в тайнике воцарилась абсолютная тишина.

Снаружи приглушенно слышались голоса. Мне даже показалось, что я узнаю голос Хайнца. Он что-то говорил деловитым тоном, но спокойно. Собеседника его слышно не было.

Я не знал порядка прохождения такими спецфурами таможенного контроля. Логично было бы предположить, что та, в которой мы прятались, была не единственной на дороге в Западную Германию. А значит, могла существовать некоторая очередь. Пока там таможенники и пограничники проверяют документы, осмотрят каждый автомобиль. Немцы – известные аккуратисты. Орднунг мусс зайн! Порядок должен быть! Во всем!

А здесь, разумеется, особо. Важное место, как ни крути. А вдруг какой-нибудь восточногерманский шпион попытается проникнуть в ФРГ и что-нибудь там разведать? А такие наверняка существовали, как же без них! Помнится, даже какой-то фильм был, где отважный немецкий разведчик чего-то там, в бундесвере слямзил и прорывался с этим через границу, на родину. А по нему лупили из автоматов ФРГ-эшные пограничники.

Фильм я видел в одном из кинотеатров Готы. Их имелось два: «Капитоль» и «Лиаль». Нет, в воинской части, где служил отец, тоже был кинозал, где по вечерам крутили советские фильмы. И мы туда ходили, конечно же. Но для меня, со знанием немецкого, существовали и городские зрелищные места. Власти ГДР довольно спокойно относились к любой кинопродукции, хоть советской, хоть западной и мы с Сергеем частенько бегали в кино. Кстати и фильмы про индейцев с Гойко Митичем я впервые увидел там, а потом их уже запустили в советский кинопрокат.

Опять отвлекаюсь. Ну, никуда не денешься от воспоминаний!

Видимо, насчет очереди я оказался прав, потому что трейлер несколько раз трогался, проезжал немного и снова останавливался. Мы, находившиеся в тайнике, сидели, затаив дыхание. Не дай бог, чихнуть! Или еще как-нибудь выдать свое присутствие.

Потом остановка затянулась. Очевидно, наша фура достигла места контроля. Я обнаружил, что и в самом деле стараюсь дышать через раз. Со стороны скрытых тьмой «беженцев» не раздавалось ни звука. Но напряжение, кото-

рое нами владело, казалось, повисло в воздухе, и его можно было пощупать.

Кто-то прошел вдоль стенки трейлера, постукивая по ней твердым предметом, дубинкой, наверное. Разговор Хайнца с пограничником был слышен, но слов различить мне не удавалось. Тон, однако, был спокойным, и это чуточку уменьшало наш страх. Хоть бы все обошлось! И зачем я ввязался в эту авантюру?!

Машина опять тронулась, проехала еще немного и замерла. Кроме пограничного контроля существовал еще и таможенный.

Но и тут все обошлось, хотя, как я расслышал, фургон открывали для проверки. Может быть, только взглянули на груз и опять закрыли.

Меня медленно отпускало. Кажется, прорвались... Неужели, правда прорвались? Так просто?

Дышать я стал уже нормально, но все же старался не шуметь. «Беженцев» будто бы и не было здесь, в темноте. Сидели, как мыши под веником. Они не могли поверить в свою удачу.

А я потихоньку начинал в нее верить. Нет, меня совсем не радовало то, что я оказался за границей социалистического лагеря, в долгожданном для многих «Мире Свободы». Мне на это было совершенно наплевать. Ну, за границей, что из того? По большому счету я ведь и в ГДР жил за границей! Какая, на фиг, разница?

Но вот то, что я получил реальную возможность побывать на концерте... Это да, это очень грело душу.

Впереди была дорога до Мюнхена, впереди была еще одна почти непреодолимая преграда – проникновение в зал этого самого «CIRCUS KRONE-BAU», наконец – возвращение домой. Однако, первый этап я уже прошел. И прошел успешно. А значит, пройду и все остальные!

Несмотря на то, что границу мы явно пересекли, потому что теперь трейлер двигался быстро и без остановок, «беженцы», теперь уже свободные люди, молчали. Молчал и я, мне не о чем было с ними разговаривать. Чтобы как-то развлечься, я принялся гадать, кем бы они могли быть? Просто товарищами по побегу? Не очень похоже, поскольку, когда они заправлялись колбасой, кто-то из них прошептал несколько слов и мне почудился детский, а может быть, девчоночий голос. Тогда, семья? Это вероятнее всего. Ну, надоело им жить при социализме, решили рвануть на Запад. Флаг им в руки! Мое какое дело?

Несмотря на все еще не отпускавшее меня возбуждение, я каким-то образом ухитрился задремать. Сколько проспал – не знаю, наверное, пару часов. Проснулся же от толчка в плечо.

- Вы выходите, - сказал кто-то в темноте по-немецки.

Несколько секунд я непонимающе молчал. Потом, наконец, вспомнил, где и почему нахожусь, потянулся и спросил также на немецком:

- Что вы сказали?

- Вам выходить, - терпеливо повторил голос.

- Что, уже Мюнхен? – начал я приподниматься с пола.

- Не знаю, - ответил невидимый собеседник и тут слышался голос Хайнца:

- Эй, русский, давай на выход!

В темноте сдавленно охнули. Видимо, они никак не ожидали того, что вместе с ними едет русский паренек.

Теперь я увидел, что в тайнике не так уж и темно. Это водитель приоткрыл дверцу, которая вела сюда, и звал меня. Я встал на четвереньки и пополз к свету.

Спрыгнув на бетон автострады, я огляделся. Автобан, как автобан, практически такой же, как в ГДР.

- Это что, действительно Западная Германия?

Хайнц рассмеялся.

- Действительней не бывает!

- А Мюнхен где?

- До него еще ехать и ехать! Мы сейчас за Нюрнбергом.

Пересядешь в кабину, и я довезу тебя до Ингольштадта. Там у меня конечная точка. «Беженцы», кстати, едут именно туда. А тебе нужно дальше. Самому придется добираться. Пока едем, я расскажу, как это сделать.

Я пожал плечами. Самому, так самому. Хотя, конечно, рассчитывал, что меня довезут до самого Мюнхена. Но, дареному коню...

- Вот и хорошо. Давай, залезай, - сказал водитель, закрывая створки трейлера.

- Немецкий у тебя хорош, - говорил Хайнц, крутя ба-ранку. – Но для Тюрингии. А Мюнхен – столица Баварии. Это как бы отдельная страна. Жители даже называют себя не немцами, а именно баварцами. Хотя говорят на немецком. Особенный такой немецкий, с некоторым акцентом.

Но тебе и не нужно прикидываться баварцем. Будешь говорить, что живешь в Нюрнберге. Улицу сам придумаешь, если что. Так, мол, и так, еду на концерт, денег в обрез, только на входной билет, вот и добираюсь «автостопом».

- «Автостопом»? – поразился я.

- Ничего удивительного, у нас молодежь так часто делает. Выглядишь ты прилично, не сомневайся, подвезут. Вот тебе на всякий случай.

Он полез в карман, достал портмоне и протянул мне купюру. Это были сто марок. Но не ГДР-овских. На тех был изображен Карл Маркс, а на этой денежке какой-то старик в странном берете. На обороте красовался орел, растопыривший крылья.

- Расплачиваться не спеши, должны бесплатно подвезти. Это так, на черный день!

Он опять расхохотался. Весело ему, понимаешь! А я в чужой стране и мне еще назад добираться. Вот же я влип! Но отступить поздно.

- Держи вот еще.

Хайнц протянул продолговатую картонку, на которой крупными буквами было выведено: «München».

- Будешь стоять у дороги и просто ее показывать проезжающим машинам. Так всегда делается.

Я вздохнул и убрал картонку в рюкзачок. Буду, как дурак, стоять с ней, авось, найдется еще больший дурак и меня подвезет.

- На выезд из города я попрошу кого-нибудь из местных приятелей тебя подбросить. Ну, а дальше – сам...

За все время я не сказал и десятка слов. Был погружен в раздумья, слушал Хайнца и рассматривал окрестности.

Все же дороги здесь получше, чем в ГДР. Те, что были построены при Гитлере, нынешние западные немцы подремонтировали, даже немного облагородили, что ли.

После воссоединения Германий (немцы называли этот процесс «венде» - «поворот») дорожные строители пришли и в бывшую ГДР. Да что там дороги! В Эрфурте, где позже работал в газете Сергей, имелась огромная старинная базилика. Так еще в «демократические» времена ФРГ прислала в этот город несколько вагонов листовой меди и за свой счет отремонтировала крышу собора. Наверное, они тогда уже знали, что страна, в конце концов, объединится и готовились к этому заранее. Заботились, буржуи!

- Что-то ты скучный сегодня, - обратился ко мне Хайнц.

- Да так, устал немного, - отговорился я.

- Ты молодой! – возмутился немец. – Как можно за полдня устать? Да еще и ничего не делая!

- Переживаю, - буркнул я. Вот же пристал, зараза!

- Это я могу понять, - кивнул Хайнц. - Большое путешествие для юноши. К тому же, по чужой стране.

Интересно, какую страну он считает для меня чужой? Ту Германию или эту? Все-таки они обе для меня чужие.

Но спрашивать об этом не стал. Вместо этого поинтересовался ценами автобусных билетов в ФРГ.

- Ни малейшего понятия, - пожал плечами дальнобойщик. - Никогда не пользовался. Но мне кажется, что железнодорожные дешевле. А что, неплохая идея! Если сэкономишь деньги, то можешь попробовать добраться из Мюнхена до границы поездом. Хотя бы до какого-нибудь города - насколько хватит денег. А там - опять «автостопом»! Попробуй!

Это была действительно неплохая идея. По крайней мере, так можно сократить время на возвращение.

- Но как ты будешь пересекать границу?

Тут пришел мой черед пожимать плечами.

- Ни малейшего понятия! Пока не придумал.

- Не вздумай рассказывать, каким образом ты попал сюда! - озаботился Хайнц. - Пытать тебя, конечно, не будут, но допрашивать станут строго.

Можно было догадаться и самому. Остались, наверное, навыки со времен гестапо...

- Ничего не расскажу, - заверил я. - Что-нибудь обязательно наплету.

О том, что я могу попросту угодить в местную тюрьму, я старался не думать. Или, что еще хуже, передадут ГДР-овским властям, а те в свою очередь, советским. Вообще кошмар! Нет, будем решать проблемы по мере их возникновения.

Мы продолжали катить по автобану, болтая о разных пустяках. Не знаю, думал ли немец о своем опрометчивом согласии провезти контрабандой советского мальчишку в Западную Германию. Должен был думать и сожалеть. Но дело было сделано, и теперь сожалеть стало поздно. Ему оставалось только надеяться, что я не проболтаюсь о его участии. Слабая, если вдуматься, надежда. Ну как сможет пацан устоять против матерых волков из местной полиции или профессионалов из БНД? Ведь расколется при первом же нажиме!

Мысли эти Хайнц тщательно прятал в глубине своей души, но ведь кое-что и всплывало оттуда? Например: «А не пристукнуть ли этого сопляка по-тихому? И никакой проблемы не останется! Кроме труп, конечно...»

А мне, додумавшему за него такую идею, оставалось только надеяться, что ему не хватит смелость реализовать ее в реальности.

Слава богу, не хватило, и мы благополучно достигли Ингольштадта, довольно большого города по немецким масштабам. Ничем, если по правде он не отличался от подобных на восточной стороне. Разве что бетонных коробок-новостроек было поменьше. Зато цветастой рекламы – гораздо больше.

В пригороде мы остановились, и Хайнц ушел освобождать своих «беженцев». Как и что там происходило, было не моего ума дело, поэтому я сидел в кабине и не высывался. Только когда тронулись, посмотрел в зеркало заднего вида. У тротуара стояли мужчина и женщина, а рядом с ними – действительно девчонка! Значит, и вправду в тайнике ехало целое семейство.

Заехав на базу, где ему предстояло разгрузиться, водитель ушел с документами, но вскоре вернулся и позвал меня.

- Я сказал Карлу, что ты мой двоюродный племянник действительно из Нюрнберга и едешь на концерт твоих знаменитых «Битлз». Он человек хороший, согласился тебя подбросить до автобана. Еще я сказал, что ты романтик и решил добраться до цели путешествия именно «автостопом», чтобы было интереснее. Все запомнил?

- Не сомневайтесь! – кивнул я. Действительно, чего тут запоминать? Ну, школьник, ну, «битлов» люблю, ну романтика в одном месте играет. Что непонятно?

Только бы этот Карл не слишком лез с вопросами. Особенно про школу. Я ведь не знаю, чему местных подростков там учат! Может, они «Хорста Весселя» на уроках распевают!

Я, конечно, преувеличивал из юношеского максимализма. Боялись немцы своего прошлого. По крайней мере, тогда, вскоре после окончания войны. Ну, и долго потом. Они даже анекдотов о евреях не рассказывали, пугливо оглядываясь, когда кто-нибудь в разговоре затрагивал еврейскую тему. А позже, во время очередного обострения между арабами и евреями на Ближнем Востоке, широко распахнули германские двери для евреев, которые хотели уехать из Советского Союза, но не рвались именно в Израиль. Такая вот политкорректность, замешанная на страхе перед наказанием за прошлые грехи.

Карл оказался дядькой примерно того же возраста, что и Хайнц. Веселый такой мужик и с вопросами не очень приставал. Врать мне почти не пришлось. Он рассказал, что его

дочка тоже фанатеет от «Битлз», но на концерт в Мюнхен он ее не отпустил. Что-то там она накуролесила, вот и наказали. А ведь собиралась! Черт, жалко, хорошая ведь могла быть попутчица. Уж она-то в местных реалиях разбирается! И договориться с ней мне не составило бы труда. Вон, с Ренатой же смог договориться? И тут – на раз...

Молодой был, верил в свою неотразимость.

Примерно через полчаса мы действительно оказались на выезде из Ингольштадта. Городишко, сознаюсь, красивый и с вековой историей. Достаточно сказать, что именно здесь был принят «Райнхайтсгебот» – знаменитый закон о «чистоте» пива, по которому в этом напитке могут быть только вода, хмель и ячмень. С 1516 года он в Германии свято соблюдается. У нас, похоже, ничего подобного. Ну, это ведь немецкий закон, не наш...

А еще здесь учился знаменитый, но выдуманный Виктор Франкенштейн и сидели в лагерях для военнопленных во время Первой мировой войны Тухачевский и де Голль. В общем, второй по величине город Баварии.

- Стой вот тут и показывай свою картонку, - сказал Карл. – Получаса не пройдет, и тебя подберут, ручаюсь!

Денег, как Хайнц, он не предложил. Так ведь считал меня немецким подростком, у которого есть немецкие папа и мама, которые, конечно же, снабдили свое чадо в дорогу необходимыми средствами. Чего ему раскошелиться?

Вопреки его уверениям стоять мне пришлось немногим более часа. Может быть, проносящиеся мимо авто не ехали в Мюнхен?

А вот затем мне сказочно повезло! В затормозившем голубом «Ауди» не было ничего особенного, не считая, что машина эта была детищем того же Ингольштадта, где располагается штаб-квартира этой компании.

В салоне обнаружилась молодая парочка: курчавый парень и девушка-блондинка прямо таки ангельского вида. Оба были в темных очках и джинсовых костюмах. Мне на зависть.

- Привет, путник! - сказал парень. – Что, прямо в Мюнхен направляешься?

- Именно, - с достоинством ответил я.

Он снял очки и подозрительно посмотрел мне в глаза.

- Уж не на концерт ли?

- Ну... на концерт, - робея отвечивал я. Что, неужели по мне видна цель моего путешествия? Или это какие-то хитрые агенты русского парня выискивают?

- «Битлз»?- продолжил допрос парень.

- Они...

Ну, точно, выследили меня! Куда же бежать?!

- Слышишь, Ингрид, - повернулся парень к своей спутнице. – Этот ненормальный собрался на концерт «Битлз»!

И снова вопрос мне:

- А билет у тебя есть?

Блин, контролеры прямо на дороге! Я развел руками.

- Чего нет, того нет. Рассчитываю там достать...

Девушка весело взвизгнула, а парень заглушил мотор, вылез из салона, обошел капот и... обнял меня за плечи!

- Тебе несказанно повезло, о мой юный друг! – торжественно сказал он. – Ибо здесь, на пустынной дороге, ты встретил свою судьбу!

Не сказать, чтобы автобан был пустынен, скорее, наоборот. Пробок в те годы еще практически не существовало и мимо с шипением и гулом то и дело проносились автомобили всяческих марок и расцветок.

Но вот слова про судьбу... Что бы они могли значить?

Так прямо я и спросил.

- А значит это то, - продолжал дорожный проповедник, - что мы тоже едем в Мюнхен на концерт «Битлз» и у нас... есть лишний билет!

И он уставился на меня, очевидно, ожидая реакции.

Но я не оправдал его ожидания, чем очень расстроил. Я стоял, и ошалело смотрел на него, не произнося ни слова. У меня слов попросту не находилось.

Нет, так не бывает! Это какая-то провокация! Что теперь делать? Что делают в подобных случаях? А много ли я знаю этих случаев? Да ни одного, черт побери!

- Ну, паренек, ты, я вижу, совсем не рад, - протянул этот случайный знакомец, гася улыбку на лице.

Я опомнился.

- Да конечно же рад! Описать не могу, насколько! Но все это так неожиданно...

- Другое дело! – Улыбка расцвела опять. – Поверь, о путник, все истинная правда! Мы действительно едем на концерт и у нас есть лишний билет, который мы готовы уступить тебе!

Та-ак, чудеса продолжают. Хватит ли ста марок «дяди» Хайнца? А на что я буду добираться обратно? Ладно, что-нибудь придумаю!

- Согласен! – сказал я. – Поехали!

- Молодец! – хлопнул меня по плечу парень. – Ты правда любишь «Битлз»?

- Очень!- решительно сознался я.

- Тогда едем!

Хорошая машина «Ауди». Просторная, чистая, потому что практически новая. Подарок родителей на окончание школы Клаусу, Так звали моего нового приятеля. Он вместе с Ингрид учился в одной из школ Ингольштадта. А лишний билет у них образовался потому, что сестра Ингрид не смогла поехать с ними, приболела. Парочка рассчитывала билет в Мюнхене продать и этим окупить свою поездку. Выехали заранее, предполагая заночевать у своих знакомых. Ну вот, такой вышел неожиданный поворот в моей истории.

Немцы считали меня соотечественником и посмеивались нал моим тюрингским выговором. А я втихомолку ухмылялся, слушая их.

Потом случилось непредвиденное. Я проболтался. Нечаянно вставил в свой рассказ несколько русских слов. Ну, вылетело произвольно.

Клаус ошеломленно уставился на меня и машина немного вильнула. Он тут же спохватился, выровнял руль и спросил меня:

- Откуда ты русский знаешь?

А я, махнув на все рукой, взял, да и выложил им правду! И что на меня нашло?

Да, это для них было такой сенсацией, что хоть в газету пиши! Вот бы бомба была! Представляю заголовки: «Советский мальчик выбирает свободу!» «Битлз» совершили чудо!» «Русские все хотят на Запад! Только одному это удалось!»

Какая реклама была бы для моих любимых «битлов»...

Вот только захотели бы они такой рекламы? Сильно сомневаюсь. А уж обо мне и говорить не стоило!

Поэтому я тут же взял с моих новых приятелей слово, что они никому и никогда не расскажут обо мне и моем путешествии. Заставил дать самую страшную клятву.

- Чтоб я сдох! – торжественно поклялся Клаус, оторвав на секунду одну руку от руля.

- Чтоб я сохла! – поклялась Ингрид и перекрестилась на лютеранский манер.

Всю остальную дорогу до Мюнхена они донимали меня расспросами об СССР, о жизни там, о моей семье и моей учебе. А что я мог рассказать им такого уж интересного? Я сам знал о своей стране только то, что читал в газетах и слы-

шал по радио. Ну и видел ее во время редких отпусков отца, когда мы всей семьей ездили на месяц в Союз.

Но я все же постарался, как мог. Была в моих описаниях и пропаганда, конечно. Куда же без нее? Мы ведь и сами читали и слушали эту пропаганду каждый день, правда?

За разговорами и не заметили, как доехали до Мюнхена. Немцы потащили меня в попавшийся по дороге ресторанчик. Я сначала просто отнекивался, а потом прямо сказал о своем бедственном финансовом положении.

- Даже не заикайся! – строго прервал меня Клаус. – Ты наш гость и все расходы – за наш счет! Кстати, - добавил он, - билет на концерт ты получаешь тоже бесплатно. Как презент!

Я опять заупрямился, напоминая о том, что им нужно окупить свою поездку, но мои возражения уже не слушали, а тащили в этот самый ресторанчик.

Все было очень вкусно, хотя и просто: какое-то мясо с тушеной капустой. А пиво, то самое, знаменитое, баварское, пила одна Ингрид. Клаус не мог, потому что был за рулем, а мне не полагалось по малолетству. Не рассказывать же им, что пиво к тому времени я уже пробовал. Как это – жить в Германии и не попробовать пива?

Потом мы поехали на экскурсию. Светлого времени еще оставалось достаточно, и приятели решили показать мне хотя бы центр города.

Мы побывали на Мариенплац, потолкались в пестрой толпе туристов, полюбовались на здания Старой и Новой ратуши, на художников, которые на асфальте цветными мелками рисовали целые громадные картины. За небольшую денежку они могли добавить в свои «полотна» портрет заплатившего.

- А если дождь? – поинтересовался я.

- Ну, накрывают пластиковой пленкой, наверное, - задумчиво сказала Ингрид.

- Или завтра все заново рисуют! – жизнерадостно добавил Клаус.

Видели мы и огромный пивной ресторан «Хофбройхаус», где в свое время проходили собрания нацистской партии и выступал Гитлер. Вообще-то он и в другой пивной выступал, но ту разбомбили во время войны англичане.

Залов в этом заведении имелось множество, и все они были огромными, с длинными деревянными столами, за которыми сидели красномордые бургеры и отхлебывали пиво из литровых кружек, которые здесь назывались «масс».

Кое-где пели и раскачивались в такт пению. Забавное зрелище.

Ну, а потом мы поехали к знакомым моих немцев. Надо было устраиваться на ночь.

На следующее утро мы поднялись довольно поздно. Это потому, что вечером засиделись за столом. Квартира приятелей Клауса и Ингрид оказалась довольно просторной, комнат шесть, если не больше. И жила в ней... целая коммуна студентов! Тоже, наверное, человек шесть. Я сбился со счета, потому что все время кто-нибудь приходил, а кто-то исчезал из компании. Был накрыт большущий стол, который ломился от различных закусок. Но пили в основном пиво. Несколько ящиков с бутылками стояло в углу и к этой пирамиде шастали за очередной бутылкой все.

Чего скрывать, приложился и я. Но немного, всего одну бутылку взял. Зато налегал на съестное. Кто его знает, когда в следующий раз по-человечески за столом посидеть придется?

Мои немцы свято блюди клятву и моего инкогнито не раскрывали. А так на меня никто особого внимания и не обращал. Сидит себе задумчивый паренек, что-то жуует, слушает разговоры. Ну и пусть себе сидит!

Я был этому только рад. Не хватало еще стать центром внимания всей этой компании! А такое обязательно случилось бы, прознай они, кто я на самом деле.

Потом кто-то заметил, что глаза у меня уже слипаются и Ингрид показала мне кушетку для сна. Какое-то время я на ней поворочался, вспоминая все события этого сумасшедшего дня, а потом все же отрубился.

Не помню, что мне снилось в ту ночь. Может быть, вообще ничего, так как устал я сильно. Но проснулся от чьих-то громких разговоров. Потянулся, разминая суставы. Тело немного затекло, поскольку кушетка мне досталась довольно жесткая. Но что эти маленькие неудобства для парня моего возраста? Я отправился на разведку в поисках туалета.

Все благополучно нашел и сделал то, чего требовал организм, не забыв и умыться. А потом по запаху свежего кофе обнаружил кухню.

Кофе там действительно имелся и девушка, его варившая тут же предложила мне фаянсовую кружку с напитком. Н-да, это был кофе явно не сваренный в турке. Немцы вообще предпочитают просто заливать смолотый порошок кипятком и так употреблять. Нет в кофейнях, конечно, имеется все, что нужно для правильного приготовления этого

благородного напитка, но в домашних условиях, зачем заморачиваться?

К кофе полагались бутерброды с ветчиной. Яичницы тут, почему-то, не жарили. Я бы смог это сделать на всю компанию, однако, в чужой монастырь не стоило лезть со своими привычками.

Когда проснулись все и, позевывая, собрались вместе, выяснилось, что большинство народа тоже идет на предстоящий концерт. Собственно, их этих концертов, анонсировалось аж два в один день. Первый в начале шестого вечера и второй в двадцать один ноль ноль.

У кого-то были билеты на первое выступление, у нас с Клаусом и Ингрид – на второе. Ничего, подождем. Тем более, что «битлы» уже здесь, прилетели вчера. Появилась идея сходить к отелю «Байришер хоф» где они поселились. Может быть, помахают нам с балкончика. Согласились все присутствовавшие на кухне к тому времени и компания, не теряя времени, отправилась «на смотрины».

Афиши о предстоящих концертах были расклеены повсюду. Но наклеены они были прочно. Я в этом сам убедился, когда попытался потихоньку снять одну. А что, сувенир на память! Но не преуспел, к сожалению.

Этот самый «Байришер Хоф», то есть «Баварский двор» выглядел ничего себе, вполне достойным местом остановки «Битлз». Внутрь, естественно, нас не пустили. Но снаружи волновалась небольшая толпа поклонников, надевавшихся, как и мы, увидеть своих кумиров.

Примерно час мы потолкались среди этого люда, набрались различных сплетен, а потом махнули рукой на свою затею. Вечером увидим на сцене!

Сходили и к зданию цирка. К моему удивлению он и впрямь оказался настоящим цирком. Время от времени там выступали заезжие знаменитости. Вероятно, потому, что не находилось более вместительного зала. В этом же могли одновременно присутствовать три с половиной тысячи зрителей. И слушателей, естественно.

В общем, день прошел бестолково, в предвкушении. Шатались по городу, перекусывая время от времени жареными колбасками с булочкой, которые покупали с многочисленных уличных лотков. Русские почему-то упорно называют такие колбаски сосисками, хотя, по сути, они – сардельки...

К началу первого концерта вернулись к шатру «KRONEBAU». Он располагался во дворе п-образного здания и имел

довольно большие размеры. Ну, еще бы, все-таки столько зрителей вмещает!

Желающие попасть в зал уже толпились перед входом. Много было полицейских в форме, еще каких-то охранников, но уже в белых рубашках и черных галстуках.

Организовано было все аккуратно. Никто не орал, не размахивал дубинками. Немецкий, надо полагать, орду-нунг, прядок, то есть.

Что интересно, никто не выпрашивал «лишнего билета». Наверное, все желавшие послушать «битлов» были своевременно «обилечены». Таким образом, прежняя задумка Клауса и Ингрид окупить свою поездку продажей билета проваливалась. Но ведь они и так подарили его мне, отдали бесплатно? Вот и не стали бы расстраиваться сейчас, вспомни об упущенной выгоде.

Но им явно было не до этого. Общее волнение уже затронуло их. Если в толпе перед отелем они еще посмеивались, глядя на суету фанатов, то теперь их лица стали серьезными и в движениях появилась некоторая нервозность. Они жалели, что взяли билеты не на первый концерт, а только на второй!

Позже, кстати, будут, наверное, только радоваться этому факту, поскольку, хоть мимолетно, но попадут в Историю. Именно так, с большой буквы. Но об этом я расскажу чуть позже.

А пока мы всей компанией стояли немного в стороне от вливающейся в проход к шатру очереди и смотрели на нее завистливыми глазами. Я завидовал не меньше моих немецких приятелей, честно сознаюсь.

Как мы поняли, концерт начался с некоторым опозданием. Когда уже стали слышны еле различимые звуки музыки, народ все еще спешил попасть в зал. Было удивительно: как можно опаздывать на такое событие? Заранее надо приходиться, заранее!

Судя по афишам в этом концерте «битлы должны были выступать последними, как кульминация праздника. Так всегда делается на рок-концертах. Сначала выступает кто-то малоизвестный, не мировая величина. От этой музыки публика постепенно заводится, начинает раскачиваться, хлопать в ладоши, даже пританцовывать. Это действие так и называется – разогрев. Многие из тех, кто играл «на разогреве» у «звезд» позже и сами становятся «звездами» - это проверено временем.

А потом появляются ОНИ – те, ради которых все сегодня и пришли. И зал взрывается криками, кое-где начинается истерика, вздохмаченные девушки визжат, размахивают руками, словно пытаются привлечь к себе внимание тех, кто на сцене. И парни почти не отстают от них.

До «Битлз» такое тоже происходило, но стоило им взойти на Олимп, как родился феномен «битломании», когда в зале от рева зрителей почти не слышно, что играют и поют музыканты. А те, не обращая ни на что внимания, наяривают свой репертуар.

Позднее «битлам» надоело это сумасшествие, и они прекратили концертную деятельность, серьезно занявшись музыкой в студиях звукозаписи.

И как потом стало известно, эти концерты в Мюнхене, а затем в Эссене и Гамбурге были «началом конца» многочисленных турне. Все, устали! Публика пусть вопит на концертах других исполнителей.

В Мюнхене выступление «Битлз» предваряли какой-то Клифф Беннет с группой «Rebel Rousers», дуэт «Peter and Gordon» и команда из Гамбурга, но тоже поющая на английском «The Rattles». Каждый выступающий исполнил по две три песни и публика действительно завелась!

А когда ведущий, наконец, объявил, что сейчас на сцене, наконец, появятся «Битлз», уже доведенный до кондиции и изнывающий от нетерпения зал просто взорвался!

Даже на улице был слышен этот многоголосый вопль радости и воодушевления. Мы, улыбаясь, переглядывались. Через какое-то время и нам предстояло так же вопить...

Казалось, прошла целая вечность, хотя само выступление «битлов» заняло меньше получаса. Да у них, как я позже узнал, все концерты были примерно такой продолжительности. Мне кажется, что продлись они дольше, половину зрителей пришлось бы вытаскивать из зала на носилках. Во время их турне нередко были случаи, когда слабонервные девушки теряли сознание от восторга, и полицейским пришлось заниматься ими.

Очень комично описал эту ситуацию кинорежиссер Роберт Земекис в фильме «Хочу держать тебя за руку». Там девица, попавшая на шоу Эда Салливена, где выступали «Битлз», как только они появляются на сцене, тут же падает в обморок. Ее приводят в себя, она смотрит на сцену и опять теряет сознание. И так все выступление кумиров. Здорово сходила на концерт!

Но вот первые люди, несколько ошеломленные, стали выходить из «KRONE-BAU». И тут Клаус потянул меня за рукав в сторону.

- Хочешь увидеть «битлов»? - шепотом спросил он.

Я опешил.

- В каком смысле? Мы же идем на концерт!

- Нет, сейчас, до концерта!

- Каким образом?

- Потом объясню! Отзови Ингрид, и идите вон к тому углу!

Все еще недоумевая, я послушался его. Мы, стараясь сделать это незаметно, отделились от компании и не спеша пошли к стоявшему в отдалении Клаусу, который делал нам какие-то знаки.

- Так в чем дело? - спросил я его.

- Идемте, идемте быстрее! - торопил он. И не удержавшись, стал на ходу рассказывать: - Я узнал одного из охранников! Мой двоюродный дядя! Может быть, если его хорошо попросить, он проведет нас к «Битлз»!

Во-он в чем дело! Бесполезно, по-моему...

- Дохлый номер! - сказал я. - Ничего не получится! Ты видел, как их охраняют?

Клаус странно посмотрел на меня.

- Знаешь, если не пробовать, то в жизни вообще ничего не получится!

Тут я был с ним абсолютно согласен. Ингрид семенила за нами молча. А мы стремились вперед, как на штурм какой-нибудь крепости.

У служебного входа стояли несколько человек в белых рубашках и галстуках. Из тех, что контролировали проход зрителей.

- Оставайтесь здесь! - велел Клаус. А сам направился к этим охранникам. Вскоре мы увидели, как он обнимается с одним из них и оживленно что-то ему рассказывает. Охранник посмотрел в нашу сторону и нерешительно покачал головой. Клаус вновь стал ему что-то бурно втолковывать. Наконец охранник кивнул, и наш приятель замахал рукой: «Идите сюда!»

Это становилось действительно поразительным. Особенно для меня. Вот так, с налета, найти подходящего родственника и воспользоваться его помощью? С другой стороны, каких только чудес со мной не происходило за последние два дня! Может быть, и это случится?

Двоюродный дядя был очень суров на вид. Он критически осмотрел нас с ног до головы, словно обыскивал взглядом. Потом промолвил:

- Ну, хорошо, рискнем. Но только пять минут!
Кlaus молитвенно сложил ладони у груди:
- Ты же меня знаешь, дядя Вернер! Мое слово – кремень!
- Папа твой кремень! – проворчал охранник. – А ты пока еще песок! Ладно, пошли. Только быстро!

И мы проникли за кулисы цирка. В самом прямом смысле. В дни, когда цирк работал по своему прямому назначению, здесь наверняка бегали клоуны и акробаты. А сейчас толпились люди совсем не цирковой принадлежности. Репортеров с фотоаппаратами было почему-то мало, все больше люди в костюмах и с серьезным выражением на лицах. Как будто они охраняли канцлера ФРГ, а не заезжих иностранных артистов.

Дядя Вернер, широкоплечий и кряжистый, прорезал толпу, словно ледокол, а мы трое следовали за ним как мелкие баржи. На нас оглядывались, но никто не смел возразить. Видимо этот Вернер пользовался здесь немалым авторитетом.

Но расспрашивать Клауса о его родственнике были не время и не место. Нас вели широким коридором, по которому, наверное, можно было провести и слона. В дни представлений так, может быть, и было. Хотя опилок, вечных спутников цирковой арены, на полу не наблюдалось. И запаха звериного тоже. Пахло как в каком-нибудь отеле. Хотя, откуда я мог знать, как пахнут западные отели? Я ведь ни в одном не бывал. Тогда. Это сейчас, вспоминая те минуты, я вдруг сообразил, что да, примерно так.

Мы продолжали почти бежать за охранником и чуть не врезались ему в спину и друг в друга, когда дядя Вернер внезапно остановился.

- Ждите! - приказал он тоном, исключаящим какие-либо возражения, и скрылся за поворотом.

Мы, естественно, замерли, боясь произнести хоть слово и этим спугнуть удачу. Я поймал себя на том, что стараюсь дышать как можно тише, словно все еще еду в тайнике трейлера водителя Хайнца.

Через минуту охранник выглянул из-за угла и призывно махнул толстой ручищей. Мы ринулись вперед.

Перед обычной деревянной, покрытой лаком дверью стояли двое в таких же, как у Вернера рубашках. Они посмотрели на нас, один кивнул и коротко стукнул костяшкाम пальцев в дверь. Из комнаты за дверью доносился громкий смех и на стук, кажется, никто не отозвался. Тем не менее, этот же охранник повернул ручку и приоткрыл дверь. Вернер подтолкнул в спину своего племянника.

- Пять минут! – прошипел он.

И мы вошли.

«Битлз» в полном составе и еще пара каких-то людей... выпивали! Самым настоящим образом, что называется – квасили! Разумеется, не по-русски – стаканами, и не водку. На столике у стены красовалась бутылка какого-то виски и несколько бутылочек с осиной талией «Кока-колы». Позднее я где-то вычитал, что смесь виски с колой была любимым напитком «битлов».

А сейчас они размахивали широкими толстостенными стаканами, на доньшках которых плескалась эта коричневая бурда и громко, что называется, ржали. Видимо, кто-то только что удачно пошутил. Все сидели без пиджаков, курили и были так увлечены общением между собой, что первую минуту на нас никто не обратил внимания. А мы, робея, стояли у дверей и не знали, что нам делать.

Первым увидел нас Пол Маккартни.

- О! – сказал он громко по-немецки. – Выпьете с нами, ребята?

Мы, как говорится, «офонарели». Выпить с «Битлз»? Как можно?

Но тут вмешался Джон Леннон.

- Отстань от них, Полли! Не видишь, они совсем желторотики? Куда им пить? К нам потом полиция привяжется! Ты же знаешь немецкую полицию?

Это уже было сказано на английском, но Клаус тут же шепотом перевел мне слова Джона. И в дальнейшем разговоре поработал переводчиком.

Все, кто был в комнате, опять громко заржали. Воспоминания о гамбургских похождениях группы были еще живы в их памяти.

- Что случилось? Вы чего-то хотели? – спросил Джордж Харрисон. Он сидел почти рядом с дверью и обернулся, когда с нами заговорил Пол.

Клаус добросовестно перевел, а потом решил ответить:

- Нам бы автографы...

- Без вопросов! – поднялся Ринго Старр. Он оказался самым длинноволосым из «битлов». – Давайте, что там у вас! Сейчас подпишем!

Мы одновременно развели руками. Никто из нас не догадался купить афишу или фотографию «Битлз», которыми во множестве торговали у входа в «KRONE-BAU». Ингрид смотрела на нас с отчаянием. Как же так – нам предлагают дать автографы сами «битлы», а мы к этому не готовы!

- Ерунда! – рассмеялся Ринго. – Сейчас организуем!

Он полез в ящик гримерного столика, который стоял у стены, и вытащил целую пачку черно-белых фотографий отличного качества. На всех уже красовались росписи ливерпульской четверки.

- Мы заранее их подписываем, в свободное время, - пояснил он, наделая каждого из нас снимком.

Клаус, как заведенный, переводил. Ингрид вдруг сказала:

- Можно мне еще одну? Для сестры! Она болеет.

- Конечно, - заулыбался Ринго. – Держите!

Я вспомнил о Ренате и, собравшись с духом, попросил:

- И мне тоже! У меня подружка в ГДР осталась.

Сказал я это по-немецки. Но Ринго и все остальные поняли. Ведь они столько времени проработали в Гамбурге. Поневоле что-то выучишь.

- В ГДР? – поразился Джон. – Так ты оттуда?

Вот тут мне Клаус и подложил свинью.

- Он живет еще дальше, - «заложил» чертов немец. –

В СССР.

Тут уж всеобщее внимание стало моим.

- Что, правда, из СССР? – не поверил Пол.

- И ты оттуда приехал на наш концерт? – с таким же выражением воскликнул Джон.

Что мне оставалось делать? Я сунул локтем Клаусу в бок, пожал плечами и ответил:

- Ну, в общем, да.

- А ну, скажи что-нибудь по-русски! – тут же потребовал Джон.

Я подумал и произнес:

- Я живу в СССР!

Клаус, все это время добросовестно переводивший с английского на немецкий и обратно, русского языка почти не знал, и сказал на английском:

- I am Back in USSR!

- Вот здорово! – сказал Пол. – А ну-ка, дай твою фотографию!

И, достав ручку, приписал под своим автографом: «Best wishes, USSR!» А потом торжественно вручил фото вместе с ручкой, прибавив при этом:

- Подарк!

На русском, между прочим, хотя и исковеркав слово. Но я понял и ответил по-английски:

- Thank you!

Уж настолько-то я английский знал!

Тут в комнату заглянул какой-то человек и затарахтел на английском так быстро, что даже Клаус не успел перевести до конца.

- Что-то насчет съемок и репетиции, - промямлил он.

«Битлы» недовольно зашумели, но все же стали подниматься со стульев. Аудиенция была окончена. Проходя мимо, они хлопали нас по плечам, Ринго даже чмокнул Ингрид в щеку. Та мгновенно стала красной от удовольствия.

И мы остались одни, зажав в пальцах драгоценные фотографии с автографами. Я оказался богаче всех. Не просто росписи, а еще и одна именная, да плюс авторучка от самого Пола Маккартни!

- Ты же клялся! - упрекнул я Клауса.

- Не беспокойся, - засмеялся он. - Эти ребята точно никому ничего не расскажут!

- Ага, не расскажут! Возьмут, да и ляпнут со сцены: «Здесь, в зале, присутствует советский мальчик!» В целях подъема ажиотажа!

- Да не переживай ты так! - успокоил немец. - Даже если и объявят, никто ведь не подумает, что это именно ты! Главное - на сцену не лезь раскланиваться!

Я представил себе эту картинку и тоже рассмеялся.

Тут в комнате появился охранник Вернер.

- Ведь обещали - пять минут! - укоризненно сказал он.

Клаус сделал невинное лицо.

- А мы и были здесь всего пять минут! Поздоровались, взяли автографы - и все!

- Ладно, ладно, - поднял ладонь Вернер. - Возьли - и хорошо. Давайте теперь на выход! Вы же еще на концерт собирались? Или нет?

- Собирались, собирались! - засуетился Клаус. - Уже идем!

И через пару минут мы оказались на улице.

- Ты был прав, - сказал я своему немецкому приятелю. -

Если не пробовать, то ничего и не получится!

Он кивнул и вдруг сказал:

- А жалко, что мы с ними не выпили! Вот было бы, чем похвастать!

- Да тебе теперь и так есть чем хвастать! Все обзавидуются! Ты с НИМИ разговаривал!

Клаус вдруг всполошился.

- Не вздумай моим здешним приятелям рассказывать!

Они меня ненавидеть станут!

- Но почему?

- Потому что вас я провел к «битлам», а их – нет! Представляешь, как им обидно будет?

- Это да. Но и ты больше никому про меня не рассказывай!

Я бережно убрал обе фотографии с автографами и ручку Пола во внутренний карман куртки. Немцы тоже спрятали свои сувениры.

Через какое-то время зрителей стали запускать в зал, на второй концерт. Подумалось, что лихо ребята отстреливаются: два раза по полчаса поиграли и все, ауфвидерзеен, Мюнхен!

Места у нас были недалеко от небольшой сцены. Почти всю ее занимала аппаратура. Ударная установка Ринго располагалась на возвышении. А вокруг пространство занимали те самые охранники в белых рубашках. Немало было и полицейских. Но их ряд отгораживал публику от сцены, чтобы зрители не бросались рвать своих кумиров на памятные сувениры. А что, ребятам много раз приходилось спасаться бегством от вопящих поклонников (особенно, поклонниц). И только полиция могла им помочь. Что поделаешь – битломания...

Концерт снова начался с небольшим опозданием. Пока на сцене появлялись другие артисты, зрители все подходили и подходили. Что поделаешь, они ведь шли именно на «Битлз», а не на каких-то там Питера и Гордона. Вот и позволяли себе чуточку опоздать.

К началу выступления «битлов» в зале было не протолкнуться. Сидячие места тут имелись, но большинство зрителей предпочитало стоять, так было, наверное, легче вопить и приплясывать.

Когда ведущий объявил их выход, толпа взревела, а уж когда они сами выскочили на сцену с гитарами в руках, вопли и визг достигли невыносимого предела. А ведь парни еще не издали ни одного звука! Что-то там настраивали, Джон подкручивал регуляторы усилителя. Для сцены поверх рубашек «битлы» надели темные пиджаки. И никаких галстуков. В отличие от охранников.

А потом, безо всякого предисловия они взяли и рванули «Rock-n-Roll Music»! Толпа зашлась в истерике.

Я тоже, кажется, орал и размахивал руками вместе со всеми. Со сцены лился такой поток энергии, что не делать этого было практически невозможно. Это были полчаса чистого безумия. Нет, скорее абсолютного волшебства. Потому что эта четверка была действительно волшебниками, способными творить с людьми своими гитарами и голосами все, что угодно.

Но это было доброе волшебство. В ревущей и раскачивающейся толпе, заполнившей зал цирка, не существовало врагов, никто не нападал на соседа, не дрался. Все были братьями и сестрами, которых сделала такими магия, исходившая от «Битлз».

Они спели всего одиннадцать песен. Перед последней, «I'm down» Пол объявил ее на немецком и попрощался с публикой. Но тут произошла какая-то заминка. Кажется, он забыл первые строки и обратился за помощью к Джону. Тот рассмеялся, потом совместными усилиями вспомнили и грянули. Не удивительно, поскольку раскрасневшиеся лица ребят указывали на то, что, вернувшись с репетиции, они добавили еще своего любимого напитка.

И вот все кончилось. Мы все, находившиеся в зале, были так же ошеломлены, как и те, кто присутствовал на первом концерте. Молчаливо покинули «KRONE-BAU» и отправились домой пешком. Надо было переварить увиденное и услышанное.

Поздно вечером я лежал на все той же кушетке и вспоминал. Все, конечно, было очень здорово. Наши ехидные журналисты сколько угодно могли строчить про «патлатых ливерпульских рабочих парней», которые не умеют играть на гитарах, а только вопят и подпрыгивают. Да из них никто и не был на концерте «Битлз»! Или совесть свою они продали окончательно. Идеология требовала очернять все, что выходило за рамки «разрешенного», вот они и старались. А потому верить им – самое последнее дело!

Нет, я не становился диссидентом, видящим в советской власти только плохое, но во мне уже рождалось убеждение в том, что, не увидев своими глазами, нельзя верить посторонним, якобы знающим больше. Ничего они не знают, только вид делают!

Утром пришло время подумать о возвращении. Клаус и Ингрид уговаривали остаться еще хотя бы на денек. Им-то что, хоть на день, хоть на неделю! Они в своей стране. А мне обязательно нужно было вернуться. В лагере могли хватиться отсутствующего меня. Если уже не хватились. Короче, домой – и точка.

Но каким образом? Окольными путями я узнал, что ста марок, подаренных мне Хайнцем, хватит на проезд от Мюнхена до Нюрнберга, даже еще немного останется. А дальше придется добираться до границы «автостопом». Сомнительно, что мне опять повезет, и попадутся такие же попутчики, как Клаус и Ингрид. Но платить все равно будет почти нечем.

Немцы смотрели на меня сочувственно. Денег у них тоже было не густо. И возвращаться в Ингольштадт они не спешили. Когда еще удастся вырваться из-под родительской опеки?

Потом Клаус просиял лицом.

- Идея! В Нюрнберге у меня живет двоюродный брат! Я ему позвоню, и он обязательно поможет!

- Слушай, а у тебя где-нибудь в Австралии нет случайно родственников? – не скрывая иронии, спросил я.

- Ты не поверишь – есть! – спокойно ответил он. – Какая-то тетка там живет. Нас, немцев, история знаешь, как по миру раскидала!

Делать было нечего. Если этот нюрнбергский брат такой же легкий человек, как Клаус, то его помощь будет очень кстати.

- Звони! – сказал я решительно.

Я попрощался с обитателями студенческой коммуны, закинул на плечо свой рюкзачок, где лежали бутерброды, главные сокровища: фото «Битлз» с автографами и вышел на улицу. На машине Клауса мы отправились к вокзалу.

Нюрнбергский поезд отправлялся через час. Я купил самый дешевый билет, спрятал в карман сдачу – может пригодиться, и немцы потащили меня в вокзальное кафе, поесть на дорогу.

- Ты обязательно напиши, когда доберешься, - сказала Ингрид. - Вот здесь Клауса и мой адреса.

Она сунула в кармашек рюкзачка записку.

«Ага», - подумал я. «Мне так и дадут отправить письмо с обратным адресом полевой почты». Впрочем, если не указывать обратный адрес, а бросить открытку в обычный немецкий почтовый ящик, может и дойти. Переписываются же как-то жители ГДР со своими родственниками в ФРГ?

Мы обнялись на прощание, я сел в вагон и поезд тронулся. Никогда раньше не ездил на немецких поездах. Если не считать, конечно, купейные вагоны в Советском Союзе, которые для наших железных дорог поставляла все та же ГДР. Тамошние, конечно, отличались. Спальных мест не было предусмотрено. Всю дорогу предстояло сидеть. Но меня это не смущало. Ехать всего какие-то часы. В Европе расстояния не такие огромные, как у нас. Даже от Ставрополя, города, в котором я родился, до Москвы – полтора суток. Не то, что выспаться успеешь, но и все бока намнешь!

Поезд часто останавливался на станциях, но между ними набирал приличную скорость. Хотя и не такую, с какой

много лет спустя здесь будут носиться обтекаемые, как гоночные машины, составы.

Никто не раскладывал на газетках, как это принято у нас, вареную курицу, яйца в крутую и огурцы с помидорами. Так, перекусывали иногда бутербродами. Что проделывал и я, запивая оставшейся в рюкзачке «Вита-колой» - аналогом американской «Коки».

Ко мне не приставали с разговорами, каждый занимался чем-то своим: читал газеты или книги, слушал радио. Айфонов и портативных телевизоров еще не существовало в природе.

Так и доехали до Нюрнберга. Теперь мне предстояло добраться до германо-германской границы и преодолеть ее без последствий. И как это сделать не было ни малейшего понятия. Водитель Хайнц, доставивший меня сюда в тайнике своего трейлера, наверняка уже вернулся домой и готовится к следующему рейсу, подыскивая богатеньких пассажиров – беженцев. И помочь мне не сможет. Но вот почему он согласился провезти меня, да еще и бесплатно через границу? Это оставалось для меня загадкой, пока Рената позже не проболталась о том эпизоде с советскими солдатами и мальчишкой из Гитлерюгенда. Вот тогда все прояснилось. Только не получилось у «дяди» Хайнца сделать советскому пареньку подлость. Я смог вернуться! А как – чуть ниже расскажу.

Очень оригинально я встретился на вокзале Нюрнберга с двоюродным братом Клауса, Уве. Провожая меня, мой немецкий приятель как-то забыл рассказать мне о своем брате, а я не вспомнил. Спихватился только в поезде, но было уже поздно. Поезд ушел в прямом смысле.

Сойдя на перрон, я остановился в раздумьях. Где искать этого Уве? И вдруг увидел над головами приехавших и встречающих табличку с надписью «THE BEATLES»! Правильно, не будет же он писать мое русское имя, тем более, что наверняка его и не знает?

Я подошел к парню, державшему табличку, улыбнулся.

- Уве?

Табличка у него была напечатана типографским способом. Он что, каждый день здесь встречает людей, приехавших с концерта «битлов»? Оказалось, что отец Уве владеет небольшой типографией и сыну не составило труда сделать такой призыв ко мне.

- Ты голоден? – первым делом спросил Уве.

Я отрицательно помотал головой. Есть и правда не хотелось. Хватило бутербродов, которыми щедро снабдила меня Ингрид в Мюнхене.

- Тогда так. У меня здесь автомобиль. Не такой шикарный, как у Клауса, но сойдет. Я довезу тебя до Кобурга, чуть дальше. А потом тебе придется добираться самому. Есть планы, как перейти границу?

Планов у меня не было абсолютно и это угнетало. Опять же, из тайника в трейлере невозможно было рассмотреть, как выглядит пограничный пункт. Придется ориентироваться на месте.

По моей просьбе мы заехали в типографию отца Уве, и мой новый немецкий приятель за пять минут сделал табличку, которая должна была помочь мне добраться до границы.

Машина у него была действительно старенькая, зато легендарная: тот самый «Фольксваген» - «Народный автомобиль» «Жук». Между прочим, само предприятие было создано по приказу Гитлера, чтобы народ имел возможность покупать надежные и недорогие средства транспорта. Небольшая «тележка», не очень скоростная, но уютная.

- Я высажу тебя за Кобургом, дальше не хочется светиться. Но кто-то же все равно едет в Восточную Германию. Вот с попуткой и доберешься. Там немного остается до границы. Ну, а потом сам решай, как быть. Клаус сказал, что ты парень сообразительный.

Он помолчал, а потом добавил:

- Впрочем, у тебя всегда есть возможность остаться тут, на Западе. Я не знаю подробностей, но тебе обязательно должны помочь. У нас к беженцам хорошо относятся. Посobie будут выплачивать. Не очень большое, но на жизнь хватит.

Этого мне еще не хватало! Нашел беженца! Если бы не концерт в Мюнхене, я бы и за очень большие деньги к вам не поехал! За эти дни никто еще не предлагал мне остаться, стать «невозвращенцем». Во мне вспыхнуло негодование, но я сдержался. В конце концов, что они знают о нас и о нашей жизни?

Я сухо сказал:

- Даже не думай.

Уве пожал плечами.

- Твое дело.

Вот именно, что мое.

Расстались мы все-таки тепло. Проехав Кобург, остановились, я пожал Уве руку, он пожелал мне удачи, развернулся и отправился домой.

Я же стал у дороги и поднял табличку, на которой по-немецки было выведено «GRENZE», то есть «ГРАНИЦА». Какие тут нужны еще пояснения?

Остановился первый же автомобиль. Это был опрятный «Опель». За рулем сидел благообразного вида пожилой господин. Рядом с ним я увидел типичную немецкую домохозяйку – пожилую тетечку в очках и строгом темном платье.

- Молодой человек, - обратился господин ко мне, прежде чем я успел сказать хоть слово. – Вы пограничник?

Это прозвучало так нелепо, что я улыбнулся.

- Нет, граница там, - я показал рукой вперед.

- Тогда почему вы держите этот знак?

- Мне просто нужно добраться до границы. Подвезете?

- Конечно. Садитесь.

Я устроился на заднем сидении, положив рюкзачок на колени.

- Позвольте узнать, а зачем вам на границу? – спросил господин, трогая машину с места.

Что мне было терять? Я выложил ему всю историю моего путешествия.

Если эта пара и была удивлена, то вида не показала.

Помолчав, водитель признал:

- Да, тяжелая у вас ситуация. Мы чем-то можем помочь?

- Зачем вы едете в ГДР? – вопросом на вопрос ответил я.

- Видите ли, я – пастор лютеранской церкви и получил назначение в приход города Перлеберга. Мы едем туда.

- Тогда вряд ли вы сможете мне помочь. Разве что переоденете в монашку.

Пастор понял мою шутку. Его супруга не улыбнулась.

- У нас только два паспорта, Хорст! – напомнила она.

Хорст помолчал еще пару минут и предложил:

- Давайте сделаем так. Мы минуем границу и где-нибудь там подождем вас. Ну, где-то час. Если у вас все получится, то мы с удовольствием доведем вас, куда скажете.

- Хорст! – повысила негодующий голос жена. Или матушка, не знаю, как у лютеран зовут вторую половину священника.

- Оставь, Герлинда, - спокойно парировал муж. – Касне-ры никогда не бросали людей в беде. Тем более, это не подо-бает пастору. А у мальчика трудности, ты же видишь!

Так мы и договорились. Метров за сто до пограничного пункта я вышел из машины и остался ждать, пока она не пересечет границу.

А граница была. Тянулись заборы из колючей проволоки, в отдалении виднелась вышка с часовым.

Меня охватило уныние. Ну и как все это преодолеть?

Я сел на обочину и стал бездумно смотреть в сторону пограничного пункта. У четы Каснеров, похоже, трудностей

с переходом не случилось. Они даже из машины не выходили. И багажник у них не проверяли! Черт, надо было просто спрятаться в багажнике! Не додумал!

Но потом я спохватился. Во-первых, нельзя было заставлять порядочных людей контрабандой провозить меня через границу, даже если бы они согласились. Не по правилам как-то это. А во-вторых, есть ведь еще и ГДР-овская граница, где точно следят во все глаза, чтобы какой-нибудь западный шпион не проник в демократическую страну.

И как мне теперь быть?

А потом пришло непонятное спокойствие. Я проделал такой огромный путь, исполнил самую сокровенную мечту. И теперь что-то меня может остановить? Да никогда!

Я решительно встал и пошел к границе.

Машин в это время дня было немного, а пешеходов и того меньше. Только я один.

Твердым шагом я подошел к пропускному пункту. Какой-то офицер (как я понял по погонам со звездочками) с любопытством смотрел на меня.

– Я бы хотел попасть в Германскую демократическую республику, – обратился я к нему официальным тоном.

У офицера брови полезли на лоб.

– Как вы сказали? В ГДР?

– Именно! – подтвердил я. – Видите ли, я там живу. Я ездил на концерт в Мюнхен и теперь возвращаюсь домой.

Что-то он уловил неправильное в моем произношении, потому что вдруг спросил:

– Вы немец?

– Нет, я русский. Гражданин СССР.

Посмотрим, как ты на это отреагируешь.

Пограничник был в явном замешательстве. От напряженных мыслей у него даже лоб вспотел.

– У вас есть какие-нибудь документы, подтверждающие ваше гражданство?

Какие у меня могли быть документы? Живи я в Союзе, мог бы уже иметь общегражданский паспорт. Но нам, членам семей военнослужащих, паспорта не полагались. Только по возвращении на родину.

Так я и объяснил этому немцу.

Он крутил головой в явном замешательстве. Наверняка это был первый такой случай в его жизни и карьере.

– Лотар! – позвал он, наконец, обернувшись к домику поста.

Из дверей показался дородный немец в такой же форме. Если первый был подтянутый и стройный, каким пола-

галось быть «настоящему арийцу», то этот воплощал собой типичного любителя пива и обильных закусок. Пузо едва не рвало мундир. Похоже, и сейчас, перед тем, как его позвали, он что-то ел, потому что на ходу утирал рот салфеткой.

- Ну, что тут у тебя, Генрих? - спросил он.

Генрих подробно описал ему ситуацию. Я ждал, что сейчас этот толстопузый равнодушно проронит: «Да сунь ты его в камеру и пускай власти разбираются!»

Но ведь эти двое пограничников и сами были властью! Ну, или представителями ее. Так что для начала приходилось решать им.

И второй немец нашел соломоново решение.

- Когда ты переходил границу? - спросил он у меня безо всякого намека на вежливость.

- Позавчера, - посчитав в уме, ответил я.

- Где?

- Здесь.

Ну не рассказывать же им, что видеть меня они никак не могли, потому что в тайник не заглядывали.

- А позавчера дежурил ты, Генрих, помнишь? - спросил он у первого.

Тот спал с лица.

- И что теперь?

- Да ничего, - равнодушно промолвил толстый. Хочешь, чтобы начальство узнало про твою оплошность?

Генрих затряс головой.

- Ну, так плюнь на все и пропусти этого пацана! Пусть на той стороне у коллег голова болит!

- Ты так думаешь? - сомнением протянул Генрих.

- А чего тут думать? Проходи, парень! И больше нам не попадайся, а то упечем в кутузку!

- Честное слово, больше не попадусь! - промямлил я, ошеломленный не меньше чем Генрих. И даже не оглянулся, чтобы помахать на прощание.

Пока я шел к следующему пограничному посту, теперь уже ГДР, в голове билась одна только мысль, которая уже появлялась по дороге ТУДА: «Так просто?!»

Между пограничными постами двух немецких стран был довольно длинный промежуток нейтрального автобана. Интересно, а за состоянием этого отрезка кто следит: восточные или западные? Очень уместная мысль в такой напряженный момент, не находите? Под статью всей моей авантюры.

Издали я увидел, что у моих недавних знакомцев дела идут не так просто, как у меня. Каснеры стояли рядом с ав-

томобилем, один пограничник проверял их документы, в то время как второй рылся в багажнике. Что он там надеялся найти? Пропагандистскую литературу? Так пастору положено нести Слово Божье своей пастве.

Пришлось подождать, пока осмотр не окончится, и машина минует пограничный пункт.

Только после этого я направился к уже смотревшим в мою сторону пограничникам.

Вы будете смеяться, но на этом посту ситуация повторилась чуть ли не слово в слово. Только звали здешних пограничников Йорг и Матиас. После того, как выяснилась их некомпетентность в деле охраны границы (позавчера дежурили именно они), Йорг спросил меня лишь, как отнеслись к моему появлению на ТОЙ стороне, и, услышав, что пропустили без разговоров, сделал приглашающий жест: «Проходи!»

Это было невероятно. Преодолеть границу в обратном направлении оказалось так же просто. Что у них за порядки? А как быть с лозунгом «Граница на замке!»? Или это относится только к границам СССР? Ну и правильно, нечего всяким соплякам шляться через нее!

Много позже, когда мы с женой были в гостях у Сергея, он повез нас из Эрфурта показать Страсбург, который находится, как известно, во Франции. Мы спокойно переехали Рейн по широкому мосту и мой школьный товарищ сказал:

- Вот мы и во Франции.

И не было никаких пограничных постов и шлагбаумов.

Но это случилось, как я уже сказал, гораздо позже.

Пастор и его жена, верные своему обещанию, ждали меня на той стороне границы. Только топать до них было далековато. Напуганные досмотром, который учинили им на границе ГДР, они постарались отъехать так, чтобы спрятаться за поворотом дороги. Встретили меня с радостным облегчением, попытались расспрашивать, как мне удалось миновать кордоны, на что я бесхитростно ответил:

- Прошел и все!

Что я им мог объяснить, если и сам не понимал?

К вечеру я уже был в лагере. Первым делом разыскал брата и смог перевести дух – никто меня не искал. О моей отлучке знали только он и мои соседи по бунгалу. Но они меня не выдали. Вот и славно, не зря я им поверил. Естественно, правду о том, где побывал на самом деле, я не собирался открывать. Зачем им это знать? Расскажешь, и хотя никто, конечно, не поверит, но проболтаться все-таки могут. Пусть все останется тайной.

И фотографиями с автографами «Битлз» я, конечно, тоже не хвастал. Для простых советских пареньков имена ливерпульской четверки были пустыми звуками.

Но как счастлива была Рената, когда увидела меня! И счастлива вдвойне на нашей солнечной полянке, где мы уединились, и я достал из кармана предназначенную ей фотографию.

Но тому, что я лично разговаривал с «Битлз» она все же не поверила.

- Так тебя и пропустили! – сказала Рената. – Ври больше! Там, знаешь, какая охрана!

Про охрану и ее суровость мне было хорошо известно, но переубеждать подругу я не стал. Зачем? Я-то знаю правду...

А потом закончилась смена в лагере «Максим Горький». Рената уехала первой. Ранним утром, когда мы еще спали, заскочила в наше бунгало, чмокнула меня и исчезла. Как потом стало понятно, из моей жизни тоже. Мы даже не переписывались, не было у нас такой возможности.

А открытку Клаусу и Ингрид я все же послал. Никаких подробностей, только о том, что добрался и у меня все в порядке. Ответа, естественно, не ждал, ведь на открытке не было обратного адреса.

Н я все же увидел их годы спустя. Баварское телевидение снимало тот концерт, именно второй. В Интернете можно найти этот фильм. Там мои немецкие приятели во всей своей красоте и юности орут и размахивают руками во время исполнения песни «Nowhere Man».

Меня там, к сожалению, нет. Редакторы вырезали из концерта несколько песен. Возможно, там был и я, тоже вопящий и приплясывающий. Увы, не увижу.

И еще одно. Когда я впервые услышал песню «Битлз» «Back in USSR», что значит «Снова в СССР», меня словно током ударило. И пусть потом прочитал байку о том, что Пол Маккартни сочинил ее, увидев какой-то плакат «Аэрофлота», я-то знаю, что в действительности название песни - это корявый перевод Клауса с русского на английский. Ведь я тогда сказал: «Я живу в СССР!» Такие дела...

Фиалок мокрые ресницы
 Распахнуты навстречу дню.
 В окне, признав во мне родню,
 Свистят весёлые синицы.
 Спугнули трепетные сны
 Синоик звонкие мониста,
 А на душе светло и чисто
 От синевы и белизны.
 От крика ласточек, от света
 Бегущего навстречу дня.
 И ничего родней, чем это
 Нет, и не будет у меня!

Весеннее

Как пахнет травой молодой!
 Как страстно цветут медуницы.
 И в душу ко мне на постой
 Доверчиво просятся птицы.
 Открою и дверь, и окно -
 Влетайте и слух мой лелейте!
 И гнёзда уютные вейте -
 Я этого жажду давно.
 Для вас ничего мне не жаль,
 Здесь всё и свежо, и нетленно...
 И звёздного неба скрижаль
 Диктует законы вселенной.

Первая гроза

Зыркнет молния огненным глазом,
 И раскатятся грома басы,
 И замрут изумлённые вязы
 В ожидании первой грозы.
 Крикнет хрипая иволга в чаще,
 Всколыхнув зазеркалье реки.
 И орёл, над землёю парящий,
 По спирали расширит круги.
 Дождь обрушится первый весенний,
 Размывая черёмухи цвет.
 И сойдёт полоса невезений
 Словно девичьи слёзы - на нет.

ВАЛЕНТИНА
 ДМИТРИЧЕНКО

ПОЭЗИЯ

Пусть

Лишь окно моё окрасят
Вспышки утренних зарниц -
Буду, сидя на террасе,
Молча слушать пенье птиц.

И глаза прикрыв блаженно,
Как младенец, буду я
Наслаждаться совершенством
Жития и бытия.

Ярым цветом первоцвета,
Что цветёт на берегу
И, настроенным на лето
Незатейливым «ку-ку»

Пусть за плёсом просыхает,
Споря с ветром, синева,
Пусть черёмуха вздыхает
Нарядившись в кружева!

Домбай

Словно в раковине жемчужина
Затаился в горах Домбай.
До макушки снежком завьюженный, -
Принимай гостей, принимай!

Неулыбчивые гаишники
Раньше солнца встречают день.
И несутся по склонам лыжники,
Обгоняя родную тень.

На душе хорошо и солнечно,
Будто в край наш пришла весна.
Я лечу по лыжне, как молния -
Брызги снега - по сторонам!

В бирюзовом костюме новеньком,
Вточь подобранном к небесам,
За деревьями, над терновником -
Мчусь навстречу твоим глазам...

Ночь уходит

Я держусь из последних сил,
Хоть и сил-то, по сути, нет.
Ветер звёздочку погасил,
Значит - скоро уже рассвет.
Эту ночь я пережила...
Окунаюсь в заботы дня.
Сколько горечи, сколько зла
Будет вылито на меня
Этим веком и этим днём -
Ни покрывки бы им, ни дна...
Вот и сердце горит огнём,
Как библейская купина.
И не заперта в доме дверь,
И раскрыта моя ладонь.
Но ни птица, ни хищный зверь
Не спешат на его огонь.
Прогоняю тоску и грусть
Не сомкнув ни на миг ресниц.
Ночь уходит, а я молюсь
За людей, за зверей, за птиц.

Край деревни

Край деревни, дом подслеповатый,
Улица, где я жила когда-то,
Тусклый свет ночного фонаря,
Лыжи, деревянные салазки,
До рассвета бабушкины сказки
Да розовощёкая заря.
Вдоль дороги ветхие избушки,
Молоко парное в синей кружке
И горбушка хлеба на столе.
Горы снега в жестяном корыте...
Это счастье, что ни говорите, -
Жить, забот не зная, на земле.
Мне всего-то отроду - двенадцать.
Рифмы - вот и всё моё богатство -
Ими и дышу я, и живу.
Жизнь прошла, а я не наигралась -
Тку из слов, а что ещё осталось -
Незамысловатую канву.

В доме холодно

Завалило снегом город.
Остеклило устья рек.
И не скоро, ох - не скоро
Будет таять этот снег.
От снегов провисло небо.
Сад засыпало на треть...
В доме холодно, а мне бы -
Только руки отогреть.
До калитки вдоль забора
Как сомнамбула бреду...
О душе и разговора
Я, пока что, не веду.
Поплотней прикрою двери
Да на пальцы подышу
И, отважившись, доверю
Боль свою карандашу.

Открою дверь,
Одна в свой дом войду.
Впотьмах огонь
В камине разведу.
Метнётся пламя
И отступит грусть,
А я спиной
К камину прислонюсь.
Трещат дрова,
А я совсем одна...
Зарююсь в плед,
Налью бокал вина.
Заплачу,
Перелистывая дни.
И только
О тебе одном - ни-ни.
Ни слова,
Ни полслова. Видит Бог -
Для этого ты сделал
Всё, что мог!

Июль

Взахлёб июль прохладу из пруда
Устами вётел пьёт и не напьётся.
И тишина. Лишь ранняя звезда
На самом дне загадочно смеётся.
Любимый луг в серебряном снегу -
Там тополя по травам стелют вьюги.
Мгновение - и первое «ку-ку»
Во все концы несётся по округе.
Здесь пили мы и счастье, и вино...
Куда всё подевалось - я не знаю.
Однако это было так давно,
Что даже я с трудом припоминаю
Твои глаза и губы, и слова,
Которых ты сказать не догадался...
О, этот век с тобою поквитался,
А значит - жизнь по своему права!

* * *

Бабье лето, бабье лето,
Да в своём ли ты уме?
Вся река в чешуйках света,
Будто дело не к зиме.
Солнцем залита Невинка.
Сколько золота вокруг.
Паучки на паутинках
Эмигрируют на юг.
Как весной кудахчут куры,
Холодов никто не ждёт.
И сирень, как баба с дуру,
В палисаднике цветёт!

Мне кукушка обещала

У меня своя река,
Солнце, ветер, облака,
А за речкой - лес с опушкой,
Где душистые стога.
А над речкой - для души -
У меня свои стрижи,
Что взмывают над водою,
Заходя на виражи.
Сизых горлиц воркотня,
В окнах отблески огня,
И закаты, и рассветы -
Персонально для меня.
Плеса бархатная шаль,
Неба звёздного скрижаль...
Ты лишён всего такого -
Мне тебя немного жаль.
Я зажгу в ночи свечу,
Помолюсь и помолчу...
Мне кукушка обещала
Всё, чего ни захочу.

* * *

Давным-давно, когда меня в походе
Сразила печенежская стрела,
И умер я, и жадно птицы зла
Мне выклевали очи на восходе,

Не ты ли долгий век меня ждала?
Не ты ли, сквозь медлительные годы
И осени дождливые исходы,
Из волн небытия меня звала?..

Не верю я, что это повторится.
Другие времена, другие лица.
Истлела печенежская стрела.

И ты со мной... Но чудится порою:
Полынный ветер стонет надо мною,
И ты одна... и в небе птицы зла.

**ОЛЕГ
ВОРОПАЕВ**

* * *

Из сырости тумана над рекой –
Унылых берегов посмертный слепок.
Заснеженный рассвет на стыках веток
Ласкается шершавою щекой.

Чужая позабытая планета
На грани обозначенных веков –
Ты так же бесконечно далеко
От этого щемящего рассвета.

В обыденности ночи новогодней
Оплакиваешь всех – кого угодно, –
И рядом опечаленная смерть,

И тот же полуобморочный город,
Где времени разрушенная твердь
Рассветным снегом сыплется за ворот.

ПОЭЗИЯ

Детский портрет

Жизнь – это больше, чем перечень лет,
Больше, чем проводы в старость.
Весело смотрит мой детский портрет
На седину и усталость.

Что ему годы грядущих забот,
Скучных дорог километры?
В детской улыбке наивно живёт
Вера в попутные ветры.

Мальчик доверчивый, мальчик смешной,
Сердцу не сладить с годами.
Лишь иногда я бываю тобой –
В дни возвращения к маме.

Лесная охота

Лесная охота. И я камышовый бог.
Смешной повелитель дней перелётного царства.
А ночью в смолёном срубе – брусничный грог
И тёплая печь, как высшая степень барства.

Какая любовь и какая там жизнь была,
За этим ольхово-голым угрюмым раем,
Как будто не помнят тяжёлые два ствола,
Когда в перелётные души во тьму стреляют.

Таёжного эха раскатисто-спелый смех.
Мотивы тумана на белые сны похожи.
А где-то за далями валится первый снег,
И стороны света простуженный ветер гложет.

* * *

Александр Ковалёву

Хочешь праздника? Приезжай!
Потемнела плодами вишня.
Будет праздничный урожай,
А вино бы какое вышло!

Приезжай. Посидим. Споём.
Без тебя не звучит гитара.
Боже, что это я?.. О чём?..
Тлеет ночь да свечи огарок.

* * *

Луна на реке рябила,
И блики глаза кололи.
Но нет у меня любимой,
И сердце не знает боли.

И проще вернуться было,
И слаще любви – измена.
Но нет у меня любимой,
И сердце не знает плена.

Прикрою глаза рукою –
От осени ли, от дыма...
И холодно над рекою...
И нет у меня любимой.

* * *

Многоцветная осень осыпала с веток плоды.
Вечерами сверчки монотонно прощаются с летом.
Хорошо в эти дни неподвижно сидеть у воды,
созерцая покой под рассеянным солнечным светом.

Хорошо в эти дни слушать листьев бессонную дрожь,
неподвижность души сохраняя в движении воздушном,
забывая о том, кто ты есть и зачем ты живёшь
в этом мире безмерном и вечно к тебе равнодушном.

Переливным прощанием птиц откликается лес.
И посмертных записок не счесть под железной листвою.
Но затеплится месяц в суровой ладони небес,
И разбуженный ветер застонет.

* * *

Три женщины делили жребий мой.
Три женщины, не знавшие друг друга.
А я, ревнитель праздного досуга,
Любил побыть у этой и у той,
и у другой...
Меня на всех хватало.
И это были лучшие из дней!
Пускай они меня любили мало,
любовь троих одной любви сильнее.

* * *

Звучанье вокзала. Огни электрички.
«Царевну встречаешь?.. Княжну?»
Условности к чёрту и к чёрту кавычки.
Встречаю чужую жену.

Давно ли казалось – чужого не надо.
Краплёная карта – не в масть.
И вдруг леденящая страсть конокрада –
Украсть!

И не было лучше... и не было хуже.
Непойманным воров живу.
Огни электрички. Вокзальные лужи.
Встречаю чужую жену.

* * *

Она не умна, но это уже не важно.
Она ещё помнит грязь и помнит конвой.
Но ей всё равно, с какой стороны у меня бумажник;
ей хочется жить и пить наравне со мной.

Она начиталась Ремарка, и грудь у неё в наколках.
Она помешалась на Рильке и на белом вине.
И мне хочется крикнуть ей: «Живи, как живёшь, и только,
и только не спрашивай, слышишь, не спрашивай меня о войне!»

Она пишет матами письма любовнику в Польшу,
к ней ходит женщина-смерть с дыркой от пули в виске.
Но я готов простить это всё и даже немного больше,
когда она тёплой щекой спит на моей руке.

* * *

За эхом, где всё пропадёт,
и свет отразится в канале
уютного города тьмы,
над бездной раскрошится лёд,
и птицы, как в кадре финальном,
укроются тенью волны.

Поставив кувшин с молоком
на столик, качнувшийся рядом,
ты спросишь: «Не в этот ли год?..
Цыганка... и это окно?..»
Я тихо отвечу: «Не надо.
Пожалуй, никто не умрёт».

* * *

В домике старых принцесс не бывает гороха,
только осколки зеркал да разорванных сказок страницы.
В домике старых принцесс не так уж и плохо,
если в уютном подвале уютно напиток
с неподконтрольным каким-нибудь привиденьем,
раблезианским глотком осушающим чашу.
В домике старых принцесс у привядшей сирени
старые гномы давно под сурдинку не пляшут.
А у камина, укутавши пледом колени,
ржавые рыцари ржавых не чинят нарядов.
В домике старых принцесс остановлено время,
время игры, с нарисованным флюгером рядом.

* * *

В городе незнакомом улицы однолики.
В городе незнакомом выбелены дома.
В заиндевелых окнах медного солнца блики.
В городе незнакомом на куполах – зима.

В заледенелых водах в городе незнакомом
Белые пароходы не на ходу – увы...
На ледяных вокзалах заметены вагоны.
На ледяных вокзалах все поезда мертвы.

И не хватает воли полунемогого мозга
Скованными губами переломить игру
В городе незнакомом Брейгеля или Босха...
В городе незнакомом на ледяном ветру.

Погожий день

Смотрю в глаза красавицам прохожим,
чему-то улыбаюсь про себя.
Какое счастье – этот день погожий!
Какое счастье – просто жить, любя
весь божий свет и в нём – себя немного,
как малую частицу бытия...
Какое счастье – лёгкая дорога,
слепающий снег и молодость моя!

Русская тема

В горле хрип. Гуляй, деревня!
Дед гармонику достал
на причале довоенном
у поклонного креста.

Эх, «трёхрядка»-замануха!
Каблуки вбивают пыль.
Озорная молодуха
зазывает на кадрили.

Над коленями оборки,
усмехающийся рот.
За деревню, на взгорке,
кто не пляшет, тот поёт.

Водка плещется из кружки.
«Да ничто!.. Ещё нальют!..»
И склоняются друг к дружке
почерневшие избушки,
в землю вросшие по грудь.

Уходят бригантины...

Уходят бригантины,
Качаются слегка.
Стоит на пирсе длинном
Сынишка моряка.
Отец ушёл в далёкий
Поход в туманной мгле.
А мальчик одинокий
Остался на земле.
Он хочет быть матросом,
Чтоб к дальним берегам
Крылатым альбатросом
Умчаться по волнам.
Зовёт его живая
Краса далёких стран,
Тасмания, Гавайи,
Цейлон, Калимантан.
Но взрослые с собою
Мальчишку не берут.
Один под шум прибора
Стоит он молча тут.
И вдаль по трассам длинным
Под грохот штормовой
Уходят бригантины
Пока что без него.
Но быстро пронесутся
Упрямые года.
Он юношей безусым
Опять придёт сюда.
Поднимет парус белый
Отважный капитан.
И выйдет в бурю смело
В кипящий океан.
Недаром повелось так,
У нас наверняка:
Становится матросом
Сынишка моряка.

**ВЛАДИМИР
АВДЕЕВ**

ПОЭЗИЯ

Всегда в строю

В бою от взрыва вражеской гранаты
В последний раз, вдохнув тепло весны,
Шепнул лишь: «Мама...», в мае в 45-м
Погиб солдат в последний день войны.

Но, возродясь из пепла, через годы,
Таким же стройным, юным, как и был,
Он в бронзе встал у проходной завода,
С которого на битву уходил.

Чтоб всем живым напомнить молчаливо
О тех, что пали в схватке огневой,
Спасая радость, землю, мир счастливый,
Стоит солдат из бронзы, как живой.

Он тоже знал любви и жизни цену,
Но отдал всё за то, чтоб жить другим.
И проходя со смены и на смену,
Склоняют люди головы пред ним.

Стоит солдат, оружие сжимая,
Чтоб смерч войны вновь землю не объял.
И после смерти службу исполняя,
Он как на пост взошёл на пьедестал.

А сколько их таких, родных и близких,
Отдавших жизнь за Родину свою?!
На вахту встали в бюстах, в обелисках,
В сердцах, живя, они всегда в строю!

Черёмуха

Расцветает черёмуха в мае
И стоит королевой в лесу.
На букеты её обрывают
И уносят лесную красу.

Тихо веточка влагою брызнет,
И цветок уж трепещет в руках.
Только – сколько желания жизни
Остаётся в упрямых ветвях.

Обрывают её и ломают,
И зимой обжигают ветра.
Но черёмуха вновь расцветает,
Лишь приходит цветенья пора.

Вновь и вновь по душистому маю
Будет белая вьюга кружить.
По черёмухе жизнь я сверяю,
И учусь несгибаемым быть!

Женщине...

Есть женщины, в них столько власти,
Они способны без труда
Поднять мужчин на гребень счастья,
Иль уничтожить навсегда.
Неповторимы их движенья,
Глаза таинственны, как ночь.
В их взгляде столько притяженья,
Что этих чар не превозмочь.
Глядишь, пройдёт такая мимо,
Сверкнёт улыбкою своей,
И ты готов неудержимо
На край земли бежать за ней.
И я одну такую встретил,
Погрелся у её огня.
Вольна, свободна, словно ветер,
Она умчалась от меня.
А вслед за нею улетело
И сердце бедное моё,
Догнать, несчастное, хотело
Неуловимую её.
С тех пор хожу один, страдаю,
Везде ищу её, зову,
Найду ли я её, не знаю,
Вот так без сердца и живу.

**Медведь – вокалист
(басня)**

Медведь задумал петь!
Придёт же в голову такая блажь!
И с этой мыслью Мишка наш,
Исполненный душевных сил,
Густой таёжной тропкой мшистой
Отправился на конкурс вокалистов,
Что в этот час в лесу соседнем проходил.

Медведя приняли с почтеньем.
И, выйдя на трибуну под сосной,
Он начал петь, внимали все с волненьем
Медвежьей арии лесной.

Уж целый час медвежьей гаммы
Лились, замучив слушателей всех.
Но вокалист лохматый пел упрямо,
Надеясь на успех.

Дивились все медвежьему терпенью.
И что б вы думали? За пенье
Ему, хоть не был вызван он на бис,
Жюри вручило самый первый приз...
За самобытность исполнения.

Мораль: медведь здесь ни при чём:
Он так же пел, как все медведи пели.
А просто там, за конкурсным столом,
В жюри ослы с баранами сидели!

Звезда над чужими полями

*Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.*
Анна Ахматова

Был уже поздний, предполуночный час, когда Комаров, засидевшийся у Сергея, стал собираться домой.

В окна билась мутная тьма, зябко вздрагивали от её тупых ударов стёкла, и подумать было страшно о том, что пришёл срок расставаться с гостеприимным уютом этой маленькой квартиры, розовым островком света и тепла в гудящем мраке январской ночи.

Он медлил, он тянул время. Пил не торопясь давно остывший чай, недовольно поглядывая на часы, с каждой минутой понимая: сколько не сиди, а уходить всё равно придётся.

Уже вторые сутки он не был дома, а потому представлял себе, с каким неудовольствием встретит его жена, в любой миг готовая к схватке суровая воительница, будто и на свет рождённая только для того, чтобы вечно со всеми сражаться и всеми повелевать. Она отлично знала, где муж провёл эти двое суток: Комаров позавчера позвонил ей в партком завода, где она работает главным воспитателем несознательных рабочих в духе мораль-ного кодекса строителя коммунизма, уча их трепетно любить Родину и её мудрое партийное руководство во главе с великим ленинцем дорогим Леонидом Ильичом. В её задачи входит также прорабатывать тех членов партии, на которых их жёны пишут жалобы, и она копается в чужом грязном белье с каким-то поистине садистским удовольствием.

**ИВАН
АКСЕНОВ**

ПРОЗА

Комаров предупредил её, чтобы она не ждала его домой, потому что им с Сергеем нужно к понедельнику оформить несколько стендов, отражающих героический труд городской партийной организации, а это значит, что работать придётся и ночью. По тому ледяному молчанию, с каким она выслушала его слова, нетрудно было догадаться, какая встреча ожидает его по возвращении домой.

Вот почему он медлил теперь, досадливо хмурясь и без всякого удовольствия допивая свой чай.

На улице было ветрено и холодно. Асфальт был покрыт ледяной коркой, по которой текли струи снега. Едва ступив на тротуар, Комаров поскользнулся, упал на колени и до крови оцарапал правую ладонь. Выругавшись, он встал, поднял упавший с плеча этюдник и поспешно огляделся: не видел ли кто-нибудь его падения?

Нигде не было ни души, будто всех людей, как опавшие листья, вымело с улицы этим студёным ветром, налетавшим тугими, злобными порывами и царапавшим лицо мелкими колючими снежинками. При каждом его порыве протяжно взвизгивали тонкие прутья пирамидальных тополей и уныло гудели провода.

Пустынно было и на трамвайной остановке. Фонари струили на снег неестественный тускло-голубоватый свет; двумя отливающими льдистым блеском полосами уходили вдаль, постепенно сближаясь, рельсы; длинные струи снега шелестели по асфальту, стекая за край площадки, где на глазах рос сугроб.

Ветер задувал снизу в штанины, забирался под пальто и пиджак, и у Комарова скоро заледенели ноги и поясница. Не согревала даже выпитая водка. Хотелось курить, но сигареты кончились, а попросить их у Сергея он забыл, и теперь надо было терпеть до самого дома.

Наконец, громко звеня и светясь оранжевыми окнами, выкатил из-за поворота трамвай. Комаров вскочил в пустой прицепной вагон и сел на переднее сиденье, запахнув на озябших коленях полы пальто и спрятав руки в карманы.

Вагон тронулся, поплыли мимо пятиэтажки, курящиеся снежным дымом сосны, здание кинотеатра «Другар», построенного болгарами, широкий, сияющий огнями океанский лайнер, сверкнули на миг в просвете между домами колючие, словно льдинки, огни телевизионной вышки на вершине невидимого во тьме Машука. Комаров, опять

вспомнив о том, что дома его ожидает неприятная встреча, вполголоса выругался.

Вспомнил он уют Сергеевой квартиры и жену его, маленькую, подвижную толстушку Майю, у которой всегда припасено для мужа и его друзей приветливое и ласковое слово, и позавидовал Сергею: уж он-то никогда не сомневается в том, что дома ждут его с нетерпением в любой час дня и ночи. Вот и сегодня, когда они, чуть живые от усталости после тридцати шести часов изнурительной работы (эти партийные боссы, как всегда, ухитряются дать задание художникам в самый последний момент, и тогда приходится работать без отдыха, как в лихорадке), пришли в квартиру Сергея, Майя встретила их так радостно, будто они не стесны к городской партийной конференции рисовали, а вернулись из долгого путешествия куда-нибудь в пустыню Гоби или в Антарктиду: приготовила вкусный ужин, даже бутылку водки на стол поставила. А его высокоидейная подруга жизни сейчас, наверное, приветственную речь для мужа готовит, по словарям самые злые и обидные слова выискивает. Ну и устроит же она ему встречу!

Впрочем, сегодня она зря будет стараться: ему не до препирательств с нею, Бог с ней, пусть беснуется, сколько взлезет, а ему сейчас одно лишь нужно – выспаться как следует. А что завтра будет, так до завтра ещё дожить надо.

А ведь начало их совместной жизни совсем иным было. Женился на ней он по любви. Она была тогда тоненькой, хрупкой девушкой, на редкость скромной и застенчивой, легко красневшей по всякому поводу. Однако понадобилось совсем немного времени, чтобы обнаружилось, что за этой тихостью и скромностью скрывался характер взрывчатый, необузданно властный, не знающий компромиссов. Вскоре на заводе, где она работала инженером, избрали её секретарём комсомольской организации, а через несколько лет, оценив её деловые качества, произвели её в секретари парткома. Руководство завода высоко ценило её за умение красиво отчитаться перед вышестоящими партийными органами и за способность очаровать членов любой комиссии, приезжавшей на завод, устроить для них первоклассный банкет, нагрузить их ценными подарками и заморочить им головы до такой степени, что они уезжали, так и не найдя никаких недостатков в работе завода. Рабочие побаивались её за крутой нрав и беспощадную прямоту.

Привыкнув повелевать на работе, она стала безжалостным тираном и дома. Возражать ей было всё равно, что свиною стричь: шерсти никакой, а визгу не оберёшься.

Комарову не раз уже приходила в голову мысль что лучше с нею расстаться наконец, да только дочь-шестиклассницу бросать жалко было, хотя и она уже усвоила манеру матери разговаривать с отцом, как с человеком недостойным уважения.

Вагон трамвая, громыхая и покачиваясь, катил по пятигорским улицам, и от убаюкивающей качки, от однообразного перестука колес и выпитой водки Комарова незаметно сморил сон. Когда вагоновожатая резким металлическим голосом объявляла по радио очередную остановку, он просыпался и, едва трамвай трогался, опять погружался в тяжёлую дремоту.

Когда она объявила его остановку, он ошалело вскочил на ноги и бросился к выходу прежде, чем успел что-нибудь сообразить. Дверь распахнулась, и он оказался на мостовой. Трамвай пошёл дальше, тепло светясь окнами в синеве ночи, и тут Комаров увидел в заднем окне до боли знакомое женское лицо. Оно уплывало, отодвигалось вдаль, черты его, и без того неясно различимые за обындевелым стеклом, всё больше размывались, смазывались, но Комаров голову готов был дать на отсечение, что видит в устремлённом на него взгляде выражение глубокого, почти болезненного сострадания, безграничной жалости, и сердце его сжалось от внезапно нахлынувшей тоски и тревожного предчувствия беды.

С сухим треском вспыхнула над вагоном синяя молния, ослепив Комарова, а когда он стал опять видеть, ни лица в окне, ни самого трамвая уже не было.

- Кто бы это мог быть? – напряженно думал он. – Где я видел раньше это лицо? Да и было ли оно на самом деле, или померещилось со сна?

Комаров шагнул на тротуар – и тут случилось неожиданное: земля вдруг поплыла у него под ногами, и он непременно упал бы, не подвернись ему под руку какой-то невысокий металлический столбик, за который он успел ухватиться.

- Что за чёрт! – выругался он. – Вот это я набрался!

И тут он с удивлением обнаружил, что тротуар движется и несёт его куда-то. Поразило Комарова и то, что снега ни на тротуаре, ни на мостовой нет. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Оглядевшись по сторонам, он с изумлением, граничащим с ужасом, обнаружил, что находится в совершенно незнакомом ему месте. Он не видел привыч-

ных с детства одноэтажных домиков Горячеводска, обнесённых высокими заборами, - вокруг громоздились неизвестно откуда взявшиеся совершенно немыслимые здесь сооружения, какие ему раньше приходилось видеть лишь в телепередачах да на фотографиях: здания, похожие на космические ракеты, гигантские ступенчатые сооружения, подобные знаменитой пирамиде в Чичен-Ице; причудливые конструкции, напоминающие творения Оскара Нимейера, Ле Корбюзье или братьев Весниных – конус, пирамида или куб, поставленные на вершину и неизвестно каким чудом удерживающие равновесие, гигантские трёхгранные призмы или насаженные на стержни диски и шары, и всё это светилось, мерцало мириадами разноцветных огней; по стенам домов бежали длинные надписи из светящихся иероглифов, насколько не похожих ни на китайские, ни на древнеегипетские, ни на письма народа майя. А над всем этим фантастическим вели-колепием сияло фиолетовое небо с двумя большими лунами и огромным числом звёзд, среди которых он не нашёл ни одного знакомого созвездия.

- Да что же это? – спросил себя вслух. – Куда я попал?

А движущаяся лента тротуара продолжала нести его мимо этих странных небоскрёбов, высоких пальм и зелёных газонов. Стало жарко – Комаров снял пальто, а потом и пиджак.

«Всё это мне снится, - подумал он. – Но какой странный сон: всё как наяву! Надо хорошенько ущипнуть себя – и всё сразу ясно станет».

Он сильно ущипнул себя за руку – и против ожидания почувствовал боль.

«Ничего не понимаю. Выходит, и боль присниться может?»

Вдруг он увидел за стеклянной стеной проплывающего мимо здания огромный зал и в зале этом – хаотически движущуюся толпу людей в яр-ких, необыкновенного покроя костюмах – по-видимому, карнавальных, сшитых из блестящих разноцветных тканей.

- Надо у кого-нибудь спросить, куда это меня нелёгкая занесла, - вслух подумал Комаров. – Я же не на самолёте летел, а на трамвае ехал. Не мог же меня трамвай в другой город занести!

Он отпустил металлический столбик, за который держался, (столбик этот двигался вместе с тротуаром), сделал несколько шагов в сторону про-плывавшего мимо здания, но внезапно его завертело, словно в водовороте, да так бы-

стро, что, не сумев удержать равновесия, он взмахнул руками и упал на бок, больно подвернув ногу. Этюдник с грохотом отлетел в сторону.

Чуть не плача от боли, он лежал, ощущая щекой жёсткое ребристое покрытие тротуара, а мимо глаз в узкой щели проплывали один за другим яркие огни. Он заглянул в эту щель – любопытство оказалось сильнее боли. За ажурной решёткой внизу виден был бассейн с зеленоватой водой и множество барахтающихся в нём обнажённых мужских и женских тел.

«А моя одежда?» – вдруг встрепенулся он и сел озираясь. Ни пиджака, ни пальто нигде не было: по-видимому, он выронил их на соседнюю, более быстро бегущую дорожку, и теперь их унесло куда-то. Не было и этюдника.

«Вот это номер! – огорчился он. – Как же я буду без документов в чужом городе? Да меня первый встречный милиционер в каталажку отведёт!»

И тут же в голову пришла успокаивающая мысль, что огорчаться нелепо, потому что всё это просто приснилось ему, и стоит только проснуться, как сразу всё исчезнет: и фантастические небоскрёбы, и эскалатор, и боль в лодыжке, и выяснится вдруг, что он сидит, как и сидел в вагоне трамвая, с каждой минутой приближаясь к дому.

Однако сновидение всё никак не исчезало. Он попытался встать – боль в ноге опять повалила его на движущуюся ленту тротуара. Боль была самая натуральная. Да и царапина на ладони всё ещё саднила и сочилась кровью.

Потом он подумал: «А что, если это не сон? А вдруг произошёл какой-то пространственно-временной сдвиг, - из тех, о которых так любят толковать писатели-фантасты, и я, в недобрую минуту выскочив из вагона, оказался где-нибудь в Юго-Восточной Азии, в Африке или в Южной Америке, а трамвай, как ни в чём не бывало, катит сейчас себе по Пятигорску в депо?»

Куда же его занесло? Похоже, что это тропики: стройные, как колонны, пальмы, с их веерообразными кронами, какие-то неизвестные Комарову деревья с блестящими кожистыми листьями и большими яркими цветами, звучащие над головою пронзительно-резкие голоса каких-то неведомых ночных птиц.

Комаров перекатился с движущейся дорожки на другую, более медленную, с неё – на газон, сел на мягкую траву, прислоняясь спиной к тёплому шершавому стволу

пальмы, и, сняв ботинок, ощупал ступню. Ногу опять обожгла сухая боль.

- Вот чёрт! – выругался он. – Только разрыва связки мне не хватало!

Когда боль немного утихла, он, отложив ботинок в сторону, стал осматриваться.

Да, пожалуй, это Южное полушарие. Иначе чем объяснить то, что на небе не видно ни одного знакомого созвездия. Нужно отыскать Южный Крест. Он, говорят, очень заметен. Но мешают огромные здания. Небо здесь какое-то необычное: не то тёмно-розовое, не то фиолетовое, по-видимому, от обилия света на улицах.

Что же это за город? Сингапур? Гонконг? Найроби? Или, может, Рио-де-Жанейро? Но тогда на каком языке сделаны все эти надписи? В какой стране, у какого неведомого народа могли родиться эти необычайные, поразительные иероглифы, похожие на диковинных птиц, спокойно и плавно парящих над землёю? На какой-то миг Комарову показалось даже, что достаточно ему совсем немного напрячь свой ум – и он поймёт глубокий и загадочный смысл этих таинственных знаков и уяснит себе, куда он попал. И тогда всё сразу станет на свои места. Но нечто неведомое, невыразимое словами мешало сделать это усилие, мысли беспорядочно металась в голове, и не было сил собрать их воедино и сложить из них, как складывают из кусочков смальты мозаику, ясную и чёткую картину.

Всё здесь было чужое, непривычное, не похожее на тот мир, в котором Комаров жил до сих пор: и фантастическое нагромождение уступами карабкающихся в небо зданий, и переплетающиеся раскидистыми кронами пальмы, и движущиеся тротуары, и вращающиеся диски на углах кварталов (именно на один из таких дисков и ступил, зазевавшись, Комаров, в результате чего вывихнул ногу), и эти загадочные надписи, и странный светильник в виде сплошной стеклянной трубы, неизвестно каким чудом, без всяких столбов, протянутой вдоль улицы и налитой матовым белым светом.

«Надо дожидаться трамвая и проехать по улицам, - подумал Комаров, - должно же здесь быть советское консульство».

Он посмотрел на мостовую и, к своему удивлению, не только трамвая, но даже столбов с проводами и рельсов не увидел. Только, дробясь, сверкали на гладкой сере-

бристо-серой мостовой, сделанной, по-видимому, из какого-то металла, разноцветные огни реклам.

«А где же трамвай? – удивился Комаров. – Не почудился же он мне? Я отлично помню, как выскочил из него, а он дальше пошёл по этой улице. Самый обычный трамвай чехословацкого производства, каких в Пятигорске много. И лицо в окне хорошо помню. Куда же рельсы подеваться могли? Будто никогда их и не было!»

Автомобилей тоже не было видно, зато катились по улице невиданные прозрачные шары с подвешенными внутри лёгкими кабинами из стекла, в которых сидели мужчины, женщины, дети. Шары эти двигались плавно и беззвучно, и в круглых боках их сверкали разноцветные огни.

Во всём этом было нечто нереальное, фантазмагорическое, не укладывающееся в рамки человеческого разума, и, как это иногда бывает с человеком, показалось на миг, что когда-то нечто подобное он испытал во сне или увидел в фантастическом фильме, а может, даже в какой-то другой, прежней жизни.

И вдруг где-то на самой окраине его сознания забрезжило тусклое пятнышко света – некий смутный намёк на догадку. Пятно это становилось всё ярче, всё крупнее, постепенно оформляясь в ясную и чёткую мысль, и мысль эта была настолько жестока и ужасна, что волосы зашевелились у него на голове.

- Господи, да где же это я? – дрожащим и прерывающимся голосом спросил он себя,

схватившись за голову. – Неужели и вправду на другой планете? Но ведь это абсурд, такое только в фантастических фильмах случается. Все эти искривления времени-пространства я всегда досужей выдумкой считал. Выходит, я ошибался?

Он закрыл глаза и потрянул головой, надеясь прогнать наваждение, однако странный мир, окружавший его, не исчез. И тогда он понял окончательно и бесповоротно, что случилось непоправимое, в глазах у него потемнело, и он потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит на мягкой, ласкающей тело постели. Казалось, ложе его мерно покачивается, словно палуба корабля. Тихая, успокаивающая музыка звучала в ушах, подобной музыки он никогда раньше

не слышал и долго понять не мог, на самом деле звучит она или это только грезится ему.

- Ну и сон мне приснился! Привидится же такое! – сказал он вслух и засмеялся счастливым смехом человека, избавившегося наконец от долго мучившего его кошмара.

Он открыл глаза – всё вокруг озарено было ярким светом. Вверху сияло бездонное голубое небо, в ногах шелестели набегающие на берег волны. Он ощутил запах соли и йода, по телу его пробежал прохладный, ласковый ветер.

- Откуда тут море? – Он вскочил с постели, как ужаленный. - Боже мой, да где это я?

Под ногами лежал толстый пушистый ковёр золотисто-жёлтого цвета. Он был нагрет солнцем и приятно щекотал босые подошвы. Край его незаметно переходил в песчаный берег, на который с тихим шипением накатывала прозрачная волна и отступала, оставляя на песке влажный след.

Комаров поднял глаза: перед ним сверкал под солнцем морской простор и розовые птицы парили над водой в колеблющихся потоках тёплого воздуха.

По сторонам и позади него возвышались голубые стены, в одной из них было широкое окно, за которым громоздились белые, розовые и оранжевые небоскрёбы.

Он подошёл к окну. Далеко внизу длинными рядами двигались бесчисленные прозрачные шары, а выше – над кронами пальм, пролетали диковинные аппараты, похожие на пресловутые «летающие тарелки».

И только сейчас Комаров обнаружил, что он совершенно гол. Он сел на своё ложе и закрыл лицо руками.

Значит, всё то, что он видел вчера, не было сном. Видно, и в самом деле случилось что-то невероятное и какая-то сила зашвырнула его на чужую планету.

Сколько раз мечтал он, чтобы легенды о космических пришельцах оказались правдой. Как хотелось ему, особенно в юные годы, когда он увлекался чтением фантастических романов, побывать на далёкой планете! И что же? Теперь, когда это случилось, ему хочется только одного – скорее очутиться вновь в родном городе, в своём стареньком домике, сложенном из самана отцовскими руками ещё перед войной, холодными зимними вечерами сидеть, как обычно, у настольной лампы, читая книгу, рисуя или листая какой-нибудь альбом по искусству и слушая свист ветра за окном.

Он открыл глаза – моря больше не было. Теперь перед Комаровым расстилалась безбрежная красная пусты-

ня; горячий ветер, налетая порывами, наметал на край ковра сверкающие кристаллики сухого песка. Какая-то хищная птица кружила высоко в небе, высматривая добычу. Яркое солнце стояло в зените, и Комаров ощущал, как лучи его накаляют волосы на голове и обжигают кожу.

- А, понял теперь: это такой телевизор! – воскликнул Комаров. – Это для того, чтобы путешествовать, не выходя из дому! Удивительно, как это они ухитряются передавать запахи, жару, прохладу?

Он ещё раз осмотрел комнату. Кроме ложа, на котором он спал, в комнате ничего не было. Стены были белые, матовые; ни картин, ни обоев Комаров нигде не обнаружил. Даже дверей найти ему не удалось.

«Одного понять не могу, - размышлял он, - как я мог очутиться здесь? Хорошо помню, как на газоне сидел, потом отключился. Кто меня сюда доставил? И что это: больница, тюрьма или сумасшедший дом? А может, это гостиница?»

Он зачем-то ощупал лицо и обнаружил с удивлением, что оно гладко выбрито, от двухдневной щетины не осталось и следа. Волосы были шелковисто мягки, будто кто-то вымыл их, пока он спал. Он был совершенно гол, и одежды его нигде не было. Но более всего его удивило то, что нога совершенно не болела, и даже поверить трудно было, что вчера он серьёзно повредил её, упав с поворотного круга.

А на огромном – во всю стену – экране медленно таяло, исчезая в выцветающей лиловой дымке, жаркое пространство пустыни и наплывал из этой туманной дали какой-то смутный шум – подобие лёгких шелестящих вздохов, шуршания листьев под слабым ветерком, шороха осыпающихся песчинок, тревожного ропота дождевых капель, - и по мере того, как нарастал этот сложный, удивительно земной и оттого милый сердцу шум, неясно проступало сквозь горячее марево хаотическое нагромождение скал.

Широким потоком низвергался сверху ревуший водопад, молочно-белая пыль поднималась из глубокой расщелины, сверкающими каплями оседая на ворсинках ковра и прохладной влагой освежая тело Комарова.

«До чего же всё у них натурально получается! – подумал он. – И как это им удаётся? Это тебе не наш телеящик, где всё плоско и серо».

Тут он вспомнил, что совершенно гол и что надо найти хоть что-нибудь, чем можно прикрыть наготу. Он обошёл всё помещение, но нигде не нашёл ни простыни, ни полотенца, ни клочка ткани. В двух местах он обнаружил

небольшие углубления в стенах, похожие на двери, только как их открыть, когда на них нет ни малейшего подобия дверной ручки, он так и не смог сообразить.

Но ведь должны же здесь быть и другие комнаты, ну хотя бы ванная и туалет!

Он опять вернулся к стене-экрану. На месте водопада была уже другая картина. Теперь это был сад, в котором мужчины и женщины собирали какие-то диковинные плоды. Справа видна была высокая цилиндрическая вышка из блестящего металла, и на ней стоял часовой с короткой чёрной трубой в руках. По-видимому, это было оружие.

Интересно, кто эти люди? На рабов или заключённых они не похожи: нарядно одеты, непринужденно переговариваются друг с другом и весело смеются. Да и часовой смотрит не на них, а в противоположную сторону: видно, охраняет их от каких-то врагов.

Вдруг Комаров спиной почувствовал чей-то взгляд. Он обернулся – у противоположной стены стояла невысокая стройная девушка, черноглазая и черноволосая, одетая в голубое платье, открывающее левое плечо. Когда и как она вошла в комнату? Комаров присел за невысокое ложе, на котором провёл ночь, и почувствовал, как краска заливает его лицо: девушка увидела его без одежды.

Однако, к его удивлению, она нисколько не смутилась. Сделав успокаивающий жест, девушка произнесла длинную фразу на каком-то певучем языке, в котором преобладали гласные звуки. У Тура Хейердала и Бенгта Даниельссона Комаров читал, что на подобном языке разговаривают жители Полинезии.

- Извините, не понимаю, - сказал он. – Скажите, где я? Как я попал к вам? Вы говорите по-русски?

Ткнув пальцем себя в грудь, девушка произнесла короткое слово:

- Айя.

Он понял, что она назвала своё имя и, сделав тот же жест, представился:

- Вадим.

Айя дружелюбно улыбнулась, подошла к стене и приложила к ней ладонь. Бесшумно сдвинулась в сторону небольшая панель, и за нею обнаружилось несколько рядов разноцветных клавишей. Она нажала одну из них. В стене открылась небольшая дверца, из неё девушка достала два металлических обруча с вставленными в них крупными кристаллами, поочерёдно вспыхивающими разноцвет-

ными огнями; один надела на голову Комарова, другой – на свою.

Вадим догадался, что это – аппарат для обмена мыслями, о котором с давних пор мечтали писатели-фантасты. Девушка мысленно сообщила ему, что вчера специальная служба подобрала его на улице в бессознательном состоянии, привела в порядок и доставила сюда, в квартиру Айи.

«Но почему именно сюда, к ней?» – удивился про себя Комаров. Оказывается, в этом городе существует такой порядок, при котором одинокая женщина и одинокий мужчина должны жить вместе для продолжения рода, а, поскольку муж Айи погиб в опасной экспедиции, ей необходимо ещё раз выйти замуж.

Он узнал, также, что здесь не принято стесняться своей наготы, и вспомнил виденный им вчера бассейн, в котором плавали обнажённые мужчины и женщины.

Как будто в подтверждение переданной Вадиму мысли Айя расстегнула круглую фибулу из блестящего жёлтого металла, её платье с мягким шелестом упало к ногам, и девушка предстала перед Комаровым во всей прелести своей наготы. Сбросив сандалии, сняв с головы обруч и распустив длинные волосы, она подошла к стене и нажала голубую клавишу. Из стены выдвинулась круглая прозрачная кабина, Айя вошла в неё, дверь сама задвинулась, в то же мгновение сверху хлынули струи воды, и вскоре её тоненькая фигура растворилась в облаке пара.

Через несколько минут она вышла оттуда уже с сухими волосами, чёрным потоком струящимися вдоль спины, и жестом пригласила Комарова войти в кабину. Никогда не испытывал он такого блаженства от душа: всё его тело обволакивала тёплая расслабляющая влага, неведомый тонкий аромат вливался в лёгкие. На место ошеломлённости событиями вчерашнего вечера пришло странное спокойствие. Было такое ощущение, будто всё, что случилось, и должно было случиться, и теперь ему остаётся только постепенно привыкнуть к новой жизни. Главное – это понять, как он сумел попасть в другой мир, на какую-то далёкую планету, в заурядном городском трамвае, и, поскольку исправить уже ничего нельзя, хотя бы узнать, что это за планета, на которой он так неожиданно очутился, что за люди её населяют, почему они внешне так похожи на землян.

Земная жизнь показалась ему вдруг нереальной, словно была она всего-навсего полузабытым сном, - и его жена, с её расположенностью к мелкому тиранству, и дочка, уже

успевшая усвоить манеру матери высокомерно относиться к нему, и эти держиморды-критики, дружно и злобно ругавшие его за увлечение формализмом в ущерб коммунистической идейности, и эти вечные очереди в магазинах, и хамство продавщиц, озлобленных на назойливых покупателей, спрашивающих товары, которых только для самих партийных и советских чиновников едва хватает.

Комаров даже не заметил, как перестала литься вода и нежные струи тёплого воздуха высушили его кожу и волосы. Он вышел из кабины с ощущением необычайной лёгкости во всём теле и удивительного спокойствия. Айя опять надела ему на голову всё тот же переливающийся огнями обруч. Теперь она была одета в золотисто-жёлтое платье, ниспадающее до колен красивыми складками.

Его тоже ждала готовая одежда: нечто вроде комбинезона из блестящей ткани оливкового цвета и свободная рубашка без воротника из того же материала. Он понял, что, пока он принимал душ, с него сняли мерку и сделали ему одежду.

Потом они пообедали в уютном зале, расположенном на нижнем этаже, куда они спустились в прозрачной кабине лифта. Еда оказалась вкусной и питательной, хотя он так и не смог понять, из каких продуктов она приготовлена. Удивило его и то, что никакой платы за обед с них не взяли. Ещё более удивительным показалось ему отсутствие желания курить. Видно, вчера ему сделали какую-то прививку, избавившую его от потребности в табаке.

После обеда движущийся тротуар отвёз их в какое-то огромное здание, где низенький старичок учёный, похожий на гнома из сказки, надел на голову Комарова шлем из лёгкого металла, немного повозился у небольшого аппарата, что-то бормоча себе под нос, и Вадим неожиданно погрузился в глубокий сон.

К этому гному они ездили потом несколько дней подряд, и вскоре Комаров с удивлением обнаружил, что легко понимает речь местных жителей и даже сам умеет разговаривать на их языке. Похоже, что научили его этому в состоянии гипнотического сна.

Теперь он знал, что планета, на которую он попал, называется Эдда. Существует предание, будто далёкие предки её нынешних обитателей раньше жили в каком-то другом мире, пока не напали на них жестокие и сильные враги, которым они не смогли противостоять. Тысячи людей погибли в сражениях, и в конце концов оставшиеся в жи-

вых решили уйти с родных плодородных земель в горы. Много дней устало брели они по широкому ущелью, вдоль бурной реки, ворочавшей огромные камни. Но однажды их накрыл непроглядный туман, а когда они вышли из него, то оказалось, что нигде никаких гор нет, куда-то подевалась и река, а перед ними расстилается неоглядная равнина с высокой травой и странными, невиданными деревьями. Вечером же обнаружилось, что на небе нет ни одного знакомого созвездия, зато вместо привычного одного большого спутника висят над ними пять маленьких. Даже самые старые и опытные люди не смогли понять, что с ними случилось: то ли это их планета так изменилась, то ли они непонятным образом оказались на другой.

Пришлось приспосабливаться к новым условиям жизни. Для защиты от хищных животных соорудили высокий чашокол, построили хижины, крытые пальмовыми листьями.

В первые годы жизни на новой планете многие погибли от голода, кое-кого растерзали хищники, но из века в век численность населения росла, строились новые посёлки, ставшие в конце концов огромными городами.

Вскоре Комаровым всерьёз заинтересовались учёные. Его обстоятельно расспрашивали о мире, в котором он жил прежде, об обычаях жителей его планеты, их одежде, занятиях, технике. Однажды его попросили нарисовать самые яркие созвездия, которые видны на небе его планеты. Он изобразил Большую и Малую Медведицы, Орион и Кассиопею. Это вызвало у членов комиссии оживление. Оказалось, что на стене одной из пещер, где обитали древние жители Эдды, были изображены именно такие созвездия, а это означает, что Комаров прибыл из того же мира, из которого прибыли и они.

Вадим спросил, не случалось ли здесь в прошлом появления людей из других миров. Оказалось, что однажды, давным-давно, жителей города удивило какое-то нелепое существо, ехавшее на диковинном тонконогом животном. Несомненно, это был человек, такой же, как и эддовцы, но одежда на нем была почему-то сделана из железа. Он умер, прожив здесь всего несколько лет, но так и не сумел овладеть языком жителей Эдды, поэтому выяснить, откуда и как прибыл он сюда, учёным не удалось.

«Так это же средневековый рыцарь был!» - по-русски воскликнул Комаров. Однако объяснить учёным, кто такие рыцари, ему не удалось: в их языке не было слова, соответствующего русским словам «воин», «ратник», «боец», «ви-

тязь», потому что ни войн, ни оружия они не знали. Труба же, которую он видел в руках у часового на вышке, как выяснилось, не было орудием убийства, а служила для отпугивания хищников.

Не было на планете и преступлений. Комарова это удивило. Учёные пытались растолковать ему, какими средствами удалось добиться этого, но, чтобы понять их разъяснения, ему не хватило словарного запаса. Похоже, что применялись какие-то прививки, с самого раннего возраста избавлявшие человека от агрессивности. Воровства же не было потому, что на планете давно уже нет ни денег, ни магазинов, и всё, что человеку нужно, он бесплатно получает на дом. Всё производится машинами, которые обслуживаются специалистами, а вот в сельскохозяйственных работах участвует всё взрослое население по очереди.

«Ну прямо роман Чернышевского «Что делать?», - подумал Комаров. – Книга, конечно, чертовски нудная, но её в школе изучают, потому что там про коммунизм написано. Правда, коммунизм убогий какой-то: орудия труда примитивные, посуда алюминиевая, а живут герои романа в общежитиях. Ни хрена себе, счастье, спасибо: я в общежитии пожил в своё удовольствие – соседи вечно грызутся, пакостят друг другу, вечно пьяные драки, по утрам в туалет в очереди стоять надо!»

Здесь же люди живут совсем иначе. У каждой семьи большая квартира со всеми мыслимыми удобствами, не так, как в «хрущёвках». У них красивая, разнообразная одежда, пища вкусная и питательная, и в развлечениях нет недостатка.

Дома Комаров подобных благ не видел. Коммунизм, обещанный к 1980-му году, так и не состоялся, напротив – жить стало ещё труднее. А в последнее время дело до того дошло, что даже по талонам почти ничего не купишь.

Комарову ни разу в жизни не пришлось побывать за границей: туда выпускали не всякого, только того, кому доверяли партийные власти. Да если бы его каким-то чудом и выпустили, доходы его даже в соседнюю Болгарию съездить не позволили бы. А вот теперь он неожиданно для себя оказался не просто за границей, а в совершенно другом мире, на чужой планете, отстоящей от Земли, может быть, на миллионы световых лет.

Здесь тропики. В полдень солнце стоит над головой; на улицах растут пальмы и ещё какие-то вечнозелёные деревья и кусты; над цветами жужжат полчища насекомых,

какие земным энтомологам и во сне присниться не могут; кроны деревьев полны птичьих голосов, не похожих на голоса известных Комарову земных птиц.

Люди, живущие на Эдде, ничем не отличаются от землян. Они наверняка попали сюда именно с Земли, потому что трудно поверить, будто где-нибудь ещё во вселенной могла зародиться разумная жизнь в точно такой же форме, как на Земле. Да и средневековый рыцарь, в давние времена неожиданно появившийся здесь, явно был выходцем из Западной Европы. Теперь Комаров уже не сомневался в том, что где-то есть пространственно-временное окно, открывающееся между двумя мирами время от времени.

В первые дни на чужой планете Комаров изнывал от безделья. Местные жители между поездками на работу в поля и сады проводили время в развлечениях. А пойти здесь было куда: к услугам горожан были библиотеки, театры, где роли исполняли не живые артисты, а их трёхмерные голографические изображения, музыкальные салоны, стадионы, бассейны.

Постепенно он привык к новому образу жизни. Печалило его лишь то, что не было возможности заниматься живописью. Но однажды он получил по почте потерянные в тот злополучный вечер, когда он так неожиданно оказался здесь, пальто и шапку, пиджак и документы. Но самое главное – ему вернули этюдник. Зимняя одежда здесь была ни к чему, пиджаков тоже никто не носил, никаких документов у эддовцев не было, а вот этюднику Комаров обрадовался: ему давно уже хотелось написать портрет Айи. Он уже любил её, красивую, добрую, ласковую. Свою земную жену он никогда не вспоминал, да и вся прошлая жизнь как будто подёрнулась лёгкой дымкой и уже нисколько не волновала его: что было, то быльём поросло.

Он нашёл всё необходимое для работы: плотную ткань, рейки для подрамника, материалы для грунтовки холста. Портрет Айи он написал за одиннадцать сеансов. Никогда ещё не работал он с таким вдохновением, и портрет получился превосходный: мерцание света на нежных щеках, весёлый взгляд тёмных глаз, густые пряди волос, оттеняющие матовую кожу обнажённых плеч. Он подумал, что уж теперь художественные критики, для которых даже «импрессионизм» - бранное слово, едва ли смогли бы обвинить его в формализме.

Постепенно удивительный покой наполнил его душу. Никогда ещё не жилось ему так хорошо, как сейчас. О жизни

на Земле ничто не напоминало ему, и порою даже казалось, будто и родился он здесь, на Эдде, среди этих спокойных и добрых людей, среди невероятно красивой тропической растительности, под этими незнакомыми раньше созвездиями. Он уже любил этот мир, полный чудес, даже странная архитектура перестала казаться ему странной, а толпы гуляющих нарядных людей не удивляли его: Пятигорск всегда был полон отдыхающими, слоняющимися по улицам.

Казалось, что никогда ничто не нарушит этого душевного спокойствия и не заставят его пожалеть об утраченной жизни на Земле.

Но однажды лёгкий вечерний ветерок принёс откуда-то до боли знакомый запах. Это был аромат сирени. Откуда он взялся здесь, ведь сирень в городе не растёт? Может быть, запах этот всего лишь почудился ему? Но что-то вдруг переменилось в нём, какая-то горячая волна омыла всё его существо, и он задохнулся на миг от острого чувства одиночества в шумной весёлой толпе, ставшей чуждой и неприятной, хотя всего несколько мгновений назад он был счастлив своей принадлежностью к ней.

С этого вечера им овладела ностальгия. Вспомнилось ему прочитанное в детстве стихотворение «Емшан», кажется, Майкова, - о половецком хане Отроке, которому достаточно было вдохнуть запах полыни, присланной ему братом, и никакая сила уже не могла удержать его на чужбине, хотя жил он там в невиданной роскоши, и он вернулся в свои скудные, но такие милые сердцу полынные степи.

Подобное случалось с Комаровым и раньше: иногда какой-нибудь знакомый запах, или случайно услышанная мелодия, или брошенное кем-то в толпе слово невольно воскрешали в памяти давно забытое чувство либо до боли знакомую картину прошлого. Вот и сейчас вспомнились ему заснеженные улицы Пятигорска, слепящее зимнее солнце между домами, розовые кружева утренних деревьев, искры инея, сыплющиеся в морозный солнечный день с ярко-синего неба, чёрные пятна галок и грачей, нахохлившихся на ветвях.

С этого дня начал он писать пейзажи родного города, повторяя по памяти свои прежние картины: Машук, «весь в белом, лишь в огненных пятнах берёз», как сказал о нём поэт; город, залитый летним солнцем; хмурое осеннее небо и пёстрые блики вечерних огней, отражённых в мостовой. Всё это стало теперь ему так дорого, что ча-

сто, работая над картиной, он чувствовал, что какая-то петля сжимает горло и жгучие слёзы выступают на глазах.

Его картины, выставленные Айей в одном из небольших общественных залов, заинтересовали горожан: им никогда не приходилось видеть снег, и они расспрашивали художника, что означает этот белый налёт на земле, на деревьях, на крышах домов. Диковинными казались им автомо-били и трамваи, самолёт, тянущий за собой серебристый след.

С каждым днём тоска по родине становилась всё острее и мучительнее. По вечерам его тянуло из дома на ту улицу, где он так неожиданно очутился, соскочив с подножки трамвая. В нём теплилась слабая надежда: а вдруг однажды случится чудо – трамвай появится вновь, светясь жёлты-ми окнами и призывно звеня, и Комарову удастся вскочить в вагон и опять оказаться в родном городе.

Но вечер проходил за вечером, а по улицам по-прежнему катили нелепые прозрачные шары с людьми внутри да ехали на движущихся лентах тротуаров нарядные горожане, и напрасно он вглядывался вдаль – ничего похожего на трамвай он так и не увидел.

Он стал мрачен и неразговорчив. Напрасно Айя звала его в бассейн или в театр, он лежал в постели, заложив руки за голову, и молча смотрел в потолок.

И однажды Айя не выдержала.

- Ты больше не любишь меня? – спросила она со слезами в голосе.

Он очнулся от мрачных раздумий и ответил вопросом на вопрос:

- Почему тебе в голову такое пришло?

- Потому что ты молчишь и всё время думаешь о чём-то.

Он посмотрел на неё – в глазах её стояли слёзы, и у него больно защемило сердце от любви и жалости к ней. Он понял вдруг, что хотел бы весь свой век прожить с этой женщиной, доброй, любящей и ласковой, но только не здесь, не в этом благополучном, чуть ли не стерильном мире, где ничего не происходит, а на Земле, в его пыльном, неблагоустроенном, не очень удобном для жизни, но таком милом сердцу городе.

Он встал с постели и обнял её за плечи.

- Айя, - сказал он, - ты даже не представляешь, как сильно я тебя люблю!

- Тогда почему же ты так холоден со мной? – спросила она.

- Это ностальгия. Ты не знаешь этого слова. Так у нас тоску по родине называют. Тебе она незнакома, потому что ни ты, ни другие ваши горожане далеко от города своего не уезжали. Вы живёте в замкнутом мире и даже не знаете, что такое снег, хотя и на вашей планете он наверняка есть на полюсах.

- А что, там, откуда ты попал на Эдду, жить лучше, чем здесь?

- Нет, живётся там похуже, но это моя родина, и я к ней привык. Здесь хорошо, но всё это – чужое для меня. Всё, кроме тебя, Айя.

- И ты хочешь вернуться? Я знаю: ты потому и ходишь на главную улицу, что надеешься сесть в трамвай, о котором рассказывал мне.

- Ты права. Но это невозможно. Трамвай больше здесь никогда не появится, вчера я это окончательно понял и решил: больше не буду туда ходить. Но тоска по родине – это такая болезнь, что быстро не проходит. Потерпи немного, Айя, всё наладится. Всё проходит – рано или поздно.

Но день сменялся новым днём, а тоска не проходила.

Однажды после работы в саду за городской стеной они возвращались домой. Солнце, как он по земной привычке называл здешнее светило, уже скрылось за горизонтом и как-то сразу стемнело. Он знал из книг, что в тропиках и на Земле темнеет очень быстро. Он предложил Айе подняться на ближайшую из башен, стоящих вдоль высокой металлической ограды, окружающей город, чтобы на улицы не могли проникнуть хищники. На западе зажглись звёзды, и Комаров, выбрав самую яркую из них, решил про себя считать ее Солнцем. Он понимал, что земное светило находится так далеко отсюда, что едва ли видно даже как звезда четырнадцатой величины, но ему нужно было что-то такое, на что можно смотреть, думая, что где-то там, поблизости от этой мерцающей точки, летит в пространстве такая далёкая и такая милая сердцу планета Земля.

Теперь он каждый вечер ехал к этой башне и стоял на её площадке, не спуская глаз с этой яркой звезды, висящей над бескрайними чужими полями, пока она не скрылась за линией горизонта.

Айя понимала мужа и ни разу не упрекнула его за это. Она знала, что однажды он успокоится и перестанет по вечерам ездить к городской стене, как перестал ходить на главную улицу в надежде вскочить на подножку трамвая, едущего где-то в миллионах световых лет отсюда

по городу, которого Вадим никогда уже не увидит. И в то же время она понимала, что от своей ностальгии он не избавится до конца жизни, только со временем она перестанет быть такой острой, как сейчас.

Пора листопада

I

Трое суток, ни на минуту не прекращаясь, сеялся неотвязный мелкий дождь. Размашисто и шумно трепал по ночам ветер мокрые верхушки тополей, и сочился через открытую форточку в гостиничный номер сырой, промозглый воздух.

Коллега Храмова по институту усовершенствования учителей Сергей Николаевич, маленький толстяк с круглым бабьим лицом, после ужина забирался под одеяло и сразу засыпал. Был он неудержимо разговорчив, занудлив, и, чтобы не разбудить его ненароком, а потом не выслушивать его бесконечных излияний, Храмов выходил в холл и там до полуночи читал газеты или смотрел телевизор.

Было время, когда осеннее ненастье вызывало в нём чувство пронзительной грусти, но с годами он научился жить спокойной, размеренной жизнью, без излишних тревожений и забот, не принимая близко к сердцу ни чужих, ни своих неурядиц, и многое из того, что прежде больно царапало его, теперь почти не задевало души. Хорошо это было или плохо, - об этом он как-то не задумывался: душевное спокойствие, обретённое с возрастом, вполне устраивало его.

Частые командировки, подобные нынешней, не были ему в тягость, напротив, уезжая из дома, он испытывал даже какое-то облегчение, чувство подъема, отрадное ощущение раскованности, внутренней свободы: три года прошло уже с того дня, как он расстался с женой, дети давно уже выросли и разъехались, поэтому не было почти ничего, что привязывало бы его к дому.

В этот маленький городок они приехали пять дней назад. Ожидалась комиссия из министерства, и надо было помочь гороно подготовить школы к проверке.

Их было трое: Храмов, толстяк Сергей Николаевич и инспектор крайо-но Зинаида Борисовна, костлявая женщина

пенсионного возраста, с медно-красными волосами и густо нарумяненными щеками. Принадлежала она к тому типу деловых женщин, который у большинства мужчин вызывает неприязнь полным отсутствием всякой женственности. Грубая и властная, она не привыкла церемониться ни с кем, в особенности же с теми, кто от неё зависел: оборвать, унижить человека ей ничего не стоило, более того - даже доставляло известное наслаждение, а потому в школах боялись её приезда, как огня.

Давно, ещё в те годы, когда Храмов сам был учителем, заметил он, что система просвещения - весьма благодатная почва для произрастания подобных особ. Учителя почти поголовно женщины, другого оружия, кроме слёз, у них нет, а чувство собственной безнаказанности способно превратить в самого жестокого тирана кого угодно, а тем более такую властную и самолюбивую женщину, какую была Зинаида Борисовна. Перед нею заискивали даже бывалые мужчины - директора школ и заведующие райо-но. За неистовую воинственность в институте усовершенствования её прозвали «предводительницей апачей», но за глаза подшучивая над нею, втайне все побаивались её - все, кроме Храмова. Случилось ему однажды выручить Зинаиду Борисовну из очень сложного, двусмысленного положения, в которое завели её самоуверенность и грубость, и с тех пор она стала относиться к нему иначе, чем к другим: не то чтобы по-дружески, но, по крайней мере, без обычного своего выскомерия.

Поговаривали, будто в молодости была у неё какая-то трагическая любовная история, что замуж она так и не вышла и почти всю жизнь живёт с калекой сестрой, за которой ухаживает очень заботливо и самоотверженно.

Когда Храмов узнал об этом, он стал немного иначе смотреть на Зинаиду Борисовну, чем раньше, - с некоторым интересом и даже сочувствием, хотя многое в ней было ему по-прежнему неприятно.

В это утро проснулся он рано и долго лежал с закрытыми глазами. Не было слышно ни давно уже ставшего привычным шума ветра, ни плеска дождя, лишь тенькала за окном синица да гудел реактивный самолет, и от этого по-осиному зудящего гуда звонко дребезжало надтреснутое оконное стекло.

Он полежал ещё немного в постели, борясь с дремотой, потом встал и разбудил Сергея Николаевича. Неизвестно почему было светло и радостно на душе, предчувствие че-

го-то отрадного, что непременно должно было случиться сегодня, сладко, как в юности, томило душу.

За холодными стеклами бледно голубело утреннее небо, верхушка тополя, возвышаясь над тёмной зеленью вязы, золотилась листвою. Мали-ново пламенел в лучах восходящего солнца флаг над крышей горисполкома, глянец асфальта отливал холодной синевой.

Подстригшись в парикмахерской, Храмов придиричливо осмотрел себя в зеркале и остался доволен своим видом: серебристо-голубой сединой на висках, высоким лбом, энергичным, волевым лицом, из тех, что и в пятьдесят лет всё ещё нравятся женщинам. Узкий тёмно-серый костюм ладно сидел на его сухощавой спортивной фигуре.

И это приятное ощущение ладности и лёгкости своего тела, свежести кожи, гладко выбритой и опрысканной дорогим одеколоном, не оставляло его и потом, когда он шёл через широкую площадь и стук его каблуков звонким эхом отдавался в зданиях, и когда у входа в парк рыжая белочка с пушистым дымчатым хвостом, спустившись с тонкой березки, быстро-быстро пробежала по железной ограде и, застыв на миг, глянула на него загадочными чёрными глазами, а потом, в мгновение ока взлетев на самую верхушку липы, перемахнула с неё на развесистый тополь, исчезнув в густой листве, и только шелест в кронах да сыплющаяся листва отмечали её стремительное движение с ветки на ветку, с дерева на дерево.

Проводив её взглядом, Храмов вошел в парк, в светлую чистоту и сияние золотых красок осени, в тишь, нарушаемую лишь мягким падением листьев да их влажным шуршанием под ногами, и было у него так светло на душе, как давно уже не бывало.

В школе, куда он пришел, царил тихая паника, неизбежный спутник всякой инспекторской проверки.

Учителя, расставленные в рекреациях в качестве регуляторов движения, надрывным шёпотом уговаривали детей не кричать и не бегать: толстяк директор с растерянным лицом бестолково суетился по учительской, то складывая разбросанные на столах тетради и книги, то зачем-то расставляя и подравнивая стулья. Зинаида Борисовна распекла его, едва переступив порог школы: она не выносила детского крика и беготни, здесь же этого, по-видимому, не знали, а потому малыши во дворе шумно играли в «третьего лишнего», будто никакой комиссии не было

в помине, а один из них, пробегая мимо Зинаиды Борисовны, даже нечаянно задел её.

- Вы прежде всего воспитатели! - срывающимся от негодования голосом кричала она на директора. - А значит, ваш прямой долг - воспитанием заниматься, а не быть сто-ронними наблюдателями! Ишь, скачки тут устроили!

- Виноват! - каялся директор, прижимая к груди пухлые ладони. - Больше этого не будет. Пресечём!

Храмов, не выносивший подобных сцен, отошел к окну. Во дворе тор-жественно и строго вонзались в синюю высь тополя, свет утреннего солн-ца мягкой золотой патиной покрывал кирпичные стены и литую медь плюща на желез-ной ограде.

«Вот тебе и помощь! — думал Храмов. — Вроде бы с бла-городной целью приезжаем, а оставляем после себя только слезы и озлобление. Будто и в самом деле главная наша за-дача не помочь, а побольше страху нагнать! Почему-то лю-дям, подобным Зинаиде Борисовне, нравится, когда их бо-ятся. Неужели ей не известна простая истина: кого бояться, того ненавидят? Известна, конечно, но она убеждена поче-му-то, что на её особу это правило не распространяется».

Он открыл створку окна и закурил, опершись локтями о подоконник. Было грустно и хотелось поскорее уйти отсюда.

После занятий разбирали в кабинете директора уро-ки историков. Зинаида Борисовна сидела на директорском месте с обычным своим брезгливо-высокомерным выраже-нием лица, а хозяин кабинета сиротливо приютился в углу за шкафом, то и дело шумно вздыхая и теребя дрожащими паль-цами связку ключей.

— Учиться надо, милочка, — сурово отчитывала Зина-ида Борисовна молодую учительницу Ольгу Николаевну. — Не ждать, пока вам на блюдечке всё в готовом виде препод-несут, а ходить на уроки к более опытным коллегам. Нель-зя же быть настолько безответственной!

Учительница, услышав такое, заплакала от обиды, ди-ректор в волнении звякнул ключами, и от этого звука Зина-ида Борисовна так и подскочи-ла.

- Да не бренчите вы! - закричала она. - Что вы как маль-чишка себя ведёте? На нервы действуете! Набрали неучей в учителя, да еще и развлекаться изволите!

Ольга Николаевна заплакала еще горше.

- Нечего слезы лить! - взорвалась, потеряв терпение, Зи-наида Борисовна. - Москва слезам не верит! Работайте чест-но - никто тогда ругать вас не будет.

- Извините, - не выдержала завуч, высокая красивая женщина лет сорока пяти, и при звуках её голоса у Храмова вдруг на несколько мгновений перестало биться сердце. Ещё утром, когда он впервые увидел эту женщину, оно тревожно дрогнуло: так похожа была она на Галю, девушку из его давней юности, много лет уже живущую в его памяти.

- Извините, Зинаида Борисовна, но вы не правы, - твёрдо сказала за-вуч. - Ольга Николаевна, конечно, пока не имеет большого опыта, - но трудолюбия и добросовестности ей не занимать. Я считаю, что со временем из неё неплохой учитель выйдет.

Зинаида Борисовна задохнулась от негодования. Лицо ее побелело до того, что стало похоже на гипсовую маску с неестественно алыми щеками, и Храмову стало страшно за завуча: он знал, что, когда «предводительница апачей» вступала на тропу войны, горе было тому, кто вставал на её пути.

С минуту она сидела окаменевшая, с раскрытым ртом, но, наконец, овладев собой, процедила сквозь зубы ледяным тоном, не предвещавшим ничего хорошего:

- Вот что, дорогуша. Мне нет никакого дела до вашего мнения. Вы всего-навсего школьный завуч, а я - инспектор района, и вам с этим придётся считаться! Ясно, милочка?

К этому аргументу Зинаида Борисовна прибегала только в крайних, случаях, когда все другие считала исчерпанными, и разила им противника наповал. «Поставить человека на место», - так называла она этот безотказный прием.

Однако на этот раз прием не сработал.

- Меня зовут Галина Викторовна, - спокойно сказала завуч, выдержав сверлящий взгляд Зинаиды Борисовны, и Храмов опять вздрогнул. Сомнений больше не оставалось: это действительно была она - та самая Галина Лебедева, которую он любил когда-то, четверть века тому назад, когда ему, новоиспечённому учителю, приехавшему на работу в одну из далеких степных станиц, было всего лишь двадцать четыре года.

«Узнала ли она меня?» — думал он, украдкой рассматривая её. Была она, как и прежде, красива, только теперь это была красота зрелой женщины — полной достоинства и даже некоторой величавости.

- А вы что молчите? - спугнула его мысли Зинаида Борисовна, обратившись с этим вопросом к директору. - Я вижу: вам все - трын-трава! Вот до чего вы своих подчи-

нённых распустили: они уже и краевого инспектора в грош не ставят!

Директор как-то испуганно встрепенулся весь и, вскочив со стула, заторопился, залепетал, захлёбываясь от волнения:

- Вы что себе позволяете, Галина Викторовна? Как вы смеее? Нельзя же так! Вы должны были мне сигнализировать как завуч, что Ольга Николаевна не соответствует! Я бы вовремя меры принял. А вы - мало того, что меня в известность не поставили, вы же её ещё и покрываете!

Он запнулся, оглядел всех присутствующих и опять заговорил, заторопился, словно боясь, что ему не дадут до конца оправдаться:

- Да вы, Зинаида Борисовна, не волнуйтесь: я приму меры... самые безотлагательные... Виноват, упустил. Текучка, знаете, ничего не успеваешь...

- Не успеваете - подавайте заявление, - отрезала Зинаида Борисовна. — Удерживать вас не будем!

Директор испуганно умолк и, упав на стул, съёжился в своем углу, будто из него выпустили воздух.

- А вы что скажете? — обратилась инспектриса к Сергею Николаевичу, дремавшему у двери. Не было случая, чтобы его мнение не совпало с мнением начальства, а потому Храмов нисколько не удивился, услышав:

- Порядка в школе нет. Много ненужной суеты, много шума, да и уроки проводятся не на должном уровне. А чему тут удивляться, раз администрация школы занимает такую примиренческую позицию?

Сказав это, он опять сцепил на круглом животе руки и погрузился в обычное своё дремотное состояние.

- Виктор Михайлович, - обратилась Зинаида Борисовна к Храмову. - А что вы как специалист об этом уроке скажете?

Иногда ей нравилось поиграть в демократию, если это ничем не угрожало её авторитету.

- По-моему, урок получился вполне нормальный, - сказал Храмов, и сразу заметил боковым зрением, что Галина Викторовна бросила на него быстрый выразительный взгляд. - Недостатки, конечно, есть, но у кого их не бывает, особенно у начинающих! По одному уроку судить об учителе трудно, но, по-моему, у Ольги Николаевны есть все данные, чтобы со временем стать неплохим педагогом.

Зинаида Борисовна, не ожидавшая, как видно, от него таких слов, как-то сразу поникла, сгорбилась, будто на плечи ей взвалили непосильную тяжесть. Во взгляде её,

обращенном на Храмова, выразились укоризна и неподдельное страдание, какое бывает в глазах человека, обнаружившего, что его предал лучший друг. Она долго молчала, внимательно разглядывая свои костлявые пальцы, будто только сейчас обнаружила, что они у нее есть, потом сказала глухим, выцветшим голосом:

- Ладно. Обо всём этом я поговорю завтра с заведующим горно. Пусть сам наводит порядок в этой школе. Сейчас нам пора идти в шестую, а вы, Виктор Михайлович, останетесь, как мы и договаривались, здесь и проверите школьную документацию.

Она встала из-за стола, высокая и прямая, и, не прощаясь ни с кем, вышла. Сергей Николаевич подхватил свой портфель и засеменил за нею, напоследок бросив на Храмова укоряющий взгляд.

- Документация у меня в кабинете, - сказала Галина Викторовна после продолжительного молчания. - Если хотите, можем приступить к работе прямо сейчас.

Оставив директора, растерянно сидевшего в своем углу, они вышли в коридор. В кабинете Галины Викторовны Храмов, едва только за ними закрылась дверь, бросился к ней и, горячо сжав её ладони в своих, воскликнул:

- Галя! Неужели? Глазам не верю!

Он смотрел в тёмно-синие, внезапно заблестевшие влажным блеском глаза, и всё крепче сжимал ее руки.

- А я вас сразу узнала, ещё утром. Боже мой, сколько лет прошло, а кажется — всё это вчера было! Вы даже представить себе не можете, как я вас любила тогда!

Голос её дрогнул.

-И я по тебе столько лет с ума сходил, - сдавленным шёпотом сказал Храмов. - Думал: на месяц-другой расстаёмся, а вышло - навсегда!

Галина Викторовна села за стол, и закрыла лицо руками, а Храмов зашагал взад и вперёд по кабинету, сиюсья проглотить какой-то ком, застрявший в горле, и чувствуя, как слёзы жгут глаза.

2

...Несколько длинных улиц, вытянувшихся с востока на запад по обе стороны пыльного шоссе, вишнёвые и абрикосовые деревья, густо посаженные вдоль дороги, ряды высоких тополей, чуть не цепляющих своими верхушками облака, - такой была станица, куда по окончании института приехал учительствовать Храмов.

Народ здесь жил зажиточно: многие дома были облицованы кирпичом и крыты шифером, механизаторы имели собственные мотоциклы, на улицах большими стаями паслись и плескались в арыках гуси и утки.

В центре станицы стояла недавно построенная двухэтажная школа с просторными классами и коридорами, а во дворе её был большой стадион, поросший травой и превращенный станичниками в пастбище для телят и домашней птицы.

С первых же дней Храмов с головой окунулся в школьную работу. Он преподавал литературу и историю. Домой возвращался поздно вечером, усталый и разбитый, и, наско-ро поужинав, опять садился работать: проверял тетради и готовился к урокам на завтра. Выходя время от времени во двор покурить, он отмечал про себя, что с каждым разом всё меньше огней остаётся в окнах, всё меньше звуков доносится, а к тому времени, когда он заканчивал работу, станица уже спала глубоким послеполуночным сном.

В октябре началась подготовка к литературному вечеру. Храмову поручили поставить какой-нибудь спектакль («Что-нибудь этакое... из классики», - посоветовала директриса), и он выбрал сцены из пушкинского «Каменного гостя». Ему без особого труда удалось найти исполнителей всех ролей, кроме роли Доны Анны. Нужна была высокая и стройная девушка под стать Дон Гуану, красивому девятикласснику, но в тех классах, где работал Храмов, девочки были все, как на подбор, низкорослые и писклявые. Однажды он посетовал на это одной из своих коллег, Виктории Ивановне, и та предложила ему:

- А вы мою Галю Лебедеву возьмите. Уверена: по всем статьям подойдёт.

Виктория Ивановна давно уже оказывала Храмову разнообразные знаки внимания. Было ей лет двадцать семь - двадцать восемь, но она до сих пор не была замужем. Красивая и умная, модно одетая, она была так не похожа на своих коллег, и единственное, что её портило, злой язык.

Часто Храмов ловил на себе пристальный взгляд её выразительных чёрных глаз, и ему всегда казалось, что взгляд этот насмешлив. Он терялся, краснел, и всё начинало валиться у него из рук.

Если ему случалось допоздна задержаться в школе, то и она не торопилась домой, а старалась, подсев к нему поближе, завести долгий разговор, с приветливой улыбкой глядя ему в глаза.

Однажды приятель Храмова, учитель пения Дмитрий Алексеевич, сказал ему:

- Кажись, наша Виктория влипла в историю! Божилась и клялась, что век будет от мужиков нос воротить, а теперь за тобой, как комнатная собачка ухлестывает! Вот тебе и неприступная крепость!

И восхищенно добавил:

- А ты молодец! Прямо Юлий Цезарь: пришел, увидел, победил!

Предложение Виктории Ивановны взять на роль Доны Анны Галю Лебедеву пришлось Храмову по душе. Девушку эту он давно уже приметил. Ещё в начале сентября директриса предложила ему взять на себя педагогическое руководство комитетом комсомола, и на первом же его заседании он обратил внимание на стройную десятиклассницу с нежным продолговатым лицом и внимательным взглядом синих глаз.

Когда Галя, оторвав глаза от протокола, бросала на Храмова короткий взгляд, у него почему-то тревожно холодело в груди.

«Что это со мною? - удивлялся он. - Уж не влюбился ли я в эту девчонку?».

Но это уже была не девчонка, и он хорошо это понимал. Тоненькая и хрупкая, она всё-таки не была похожа на остальных своих сверстниц: всё в ней было удивительно женственно и грациозно, и Храмову с каждым днём все больших трудов стоило отвести от неё очарованный взгляд. Ему нравилось в ней всё: и нежный глуховатый голос, и лёгкая, словно скользящая походка, и мечтательная улыбка, то и дело трогавшая её розовые губы. Разница в возрасте у них была небольшая - всего пять-шесть лет: именно поэтому, быть может, он и видел в ней не девчонку, а взрослую девушку.

В одну из суббот Храмов собрал участников будущего спектакля, чтобы прочитать им пьесу. Слушали внимательно и заинтересованно. Когда же он произнес слова Дон Гуана, увидевшего у памятника командору До-ну Анну: «А, вот она!» - и Галя совершенно неожиданно для него подхватила:

- Опять он здесь. Отец мой. Я развлекла вас в ваших помышленьях - Простите! - он понял, что это именно та Дона Анна, какая ему нужна: взгляд её исполнен был такого смирения, такой кротости, и в то же время огонь такой страсти прорывался из этих глаз, чуть прикрытых густыми ресницами, что Храмов вдруг остановился на полуслове, несколь-

ко мгновений с замершим сердцем смотрел на Галю, а когда стал читать вновь, поймал себя на том, что спотыкается чуть ли не на каждом слове.

Галя знала всю пьесу наизусть. Оказалось, что, когда Виктория Ивановна сказала ей, что Храмов хочет предложить ей роль Доны Анны, она взяла в библиотеке томик Пушкина и за два вечера без особых усилий выучила весь текст.

Репетировали ежедневно, одновременно шили костюмы и рисовали декорации.

Спектакль прошел с успехом, но, когда вечер окончился, Храмов вдруг ощутил отчаянную пустоту в сердце. Полтора месяца почти ежедневно встречался он с Галей, встречи эти стали уже потребностью его души, и теперь, когда ушла в прошлое суeta репетиций, ему стало мучительно недоставать её, жизнь сделалась невыносимо пустой и скучной. Встречаться с Галей теперь почти не приходилось и, если случалось ему увидеться с нею в школьном коридоре и обменяться несколькими ничего не значащими словами, он чувствовал себя счастливым.

Холодными осенними вечерами, когда ветер назойливо дергал запертые ставни, а от окна тянуло липкой сыростью, становилось особенно грустно, и Храмов подолгу не мог уснуть, слушая унылый шум листьев, плеск дождя да однообразное бормотание богомольной старухи хозяйки за стеной и её горестные вздохи:

- Господи, господа! Одни скорбя да муки!

Единственное, чего хотелось ему в такие ночи, - это чтобы скорее наступило серое, ненастное утро, потому что с приходом нового дня опять появлялась надежда увидеть Галю - взглянуть на неё хотя бы издали, хоть мельком.

Сомнений больше не было: он любил ее. Влюбляться ему случалось и раньше, когда он был школьником, и позже, в студенческие годы, но тогда всё было иначе: влюбленность эта оказывалась обычно мимолетной и протекала без излишних волнений, а тем более без душевных терзаний, и ему уже стало казаться, что на более глубокие чувства он просто-напросто не способен: не наделен он талантом любить - и тут уж ничего не поделаешь. Теперь же он понял, что ошибался, думая так. В душе его прочно угнездились новое, до сих пор незнакомое ему чувство - непреходящая ноющая боль, томительная и одновременно желанная. Днём и ночью тосковал он по Гале, томился и терзался самым жгучим томлением, но меньше всего хотелось ему избавиться от этого сладкого недуга.

Какое-то время он думал, что никто, в том числе и сама Галя, не догадывается о его чувствах. Но однажды вечером в учительской Дмитрий Алексеевич тихо, наигрывая на баяне, как бы между прочим, запел песню из какого-то фильма:

Отчаянно Галя красива -
Увидишь ее за версту.
Бывалые парни глядят боязливо
На гордую ту красоту, -

и насмешливо подмигнул Храмову. Тот почувствовал, что весь залился краской.

- Да ладно, не красней, как барышня! - засмеялся Дмитрий Алексеевич и похлопал его по колену. - Не будь я женатиком, сам бы в неё влюбился! Девчонка - что надо! А что школьница - так-то не беда. Через полгода она перестанет ею быть - вот тогда и женись себе на здоровье! - И вдруг, сделав серьезное лицо, сказал:

- Только Викторию Ивановну остерегайся. Она как-то тут, в учительской, уже намекала, что у вас с Галей роман... Баба она ехидная и языкатая, как бы беды из этой болтовни не вышло! Она ведь на тебя уже давно глаз положила!

В свисте ветра, в белой мгле пурги пришли новогодние праздники. В маленьком спортивном зале, жарко натопленном, украшенном бумажными гирляндами и свисающими с потолка на нитках хлопьями ваты, старшеклассники, как это обычно бывало на вечерах, жались по углам, стеснялись танцевать.

Когда заиграли вальс, к Храмову подлетела оживлённая Виктория Ивановна. На ней была светлая габардиновая юбка, плотно облегавшая крепкие бедра, тонкая золотая цепочка спускалась в треугольный вырез белоснежной блузки.

- У вас нет желания пригласить меня на вальс? - спросила она, протягивая ему обе руки. - Разумеется, в воспитательных целях, может, хоть собственным примером своих питомцев расшевелю.

Танцевала она легко и изящно, лицо её покраснелось, полные губы улыбались, открывая два ряда ровных белых зубов.

- Обратите внимание вон на ту девчонку, - указала она кивком головы в сторону ёлки. - Ту, что в костюме Татьяны Лариной. Видите, как она на вас глаза пялит? Узнали, кто это?

Эту девушку в длинном розовом платье, в белых перчатках до локтей Храмов давно уже узнал: это была Галя Лебедева. Механически обмахиваясь веером, она стояла у самой ёлки, взгляд её неотступно следовал повсюду за Храмовым и Викторией Ивановной, и, хотя верхняя часть её лица скрыта была под чёрной полумаской, усыпанной блестками, Храмову даже издали видно было, как оно бледно и печально.

- О, вы тоже в почту играете? - удивленно округлила глаза Виктория Ивановна, заметив приколотый к лацкану его пиджака бумажный номерок. - А вот меня мои ребята пригласить не догадались. Кто вам его приколот, если не секрет?

- Какая-то беленькая, с короткой стрижкой.

- А, знаю! - Виктория Ивановна сдвинула брови, веселость её как-то сразу угасла. - Это Люба Зайцева, подружка Лебедевой. В огонь и воду за неё готова!

Больше до самого конца танца она не произнесла ни слова.

«Обиделась на меня за что-то? - недоумевал Храмов. - Или и в самом деле ревнует?».

- А теперь - белый танец! - торжественно объявил Дмитрий Алексеевич после небольшого концерта, данного вокальной группой старшеклассников, и заиграл танго из аргентинского фильма «Моя бедная любимая мать». - Дамы приглашают кавалеров! Девочки, не стесняйтесь! Ну, что вы там по углам прячетесь?

Краем глаза Храмов заметил, что Виктория Ивановна, до этого беседовавшая со своими девочками, оставила их и решительно направляется в его сторону. И в тот же миг рядом с ним оказалась вдруг Галя и низким, хрипловатым от волнения голосом сказала:

- Виктор Михайлович, можно мне вас пригласить?

Лицо её было бледно, видно, она боялась, что сейчас он откажет ей. Храмов ободряюще улыбнулся, положил ладонь ей на талию, и тут его взгляд упал на Викторию Ивановну. Она резко остановилась на середине зала, и лицо её исказила болезненная гримаса. Он сразу же потерял её из виду и тотчас же забыл о ней: всё его внимание занято было теперь Галей, чьи темные глаза загадочно поблескивали в прорезях полумаски, а чуть припухлые губы тронуты были радостной улыбкой.

- Как ты хорошо танцуешь! - похвалил ее Храмов. Губы её слегка дрогнули, но она ничего не сказала.

- Платье сама шила? - спросил он.

- Сама.

- Татьяна Ларина, если не ошибаюсь?

Она кивнула.

-А почему Татьяна? Чем она тебя привлекает?

- Смелостью, - ответила Галя. - Думаете, легко ей бы-ло написать Онегину?

Она подумала немного и добавила:

- Написать-то, может, и не трудно. А вот отослать письмо - тут большая смелость нужна! А я вот трусиха: всё боюсь нескладной показаться.

И, покраснев, опустила глаза.

В этот вечер Храмов получил с десятков записок. Его поздравляли с Новым годом, желали, как обычно, успехов в работе и даже красивой невесты, а в двух записках, написанных явно изменённым, нарочито корявым почерком, назначали свиданья. Одно письмо было в тщательно запечатанном конверте, видно, написано оно было заранее, дома. Его Храмов оставил напоследок.

Отойдя за баскетбольный щит, где никого не было, он разорвал конверт. Письмо было без подписи, но ровный, аккуратный почерк Гали он узнал бы из тысячи других.

Это было объяснение в любви, горячее, сбивчивое, полное тревоги и нетерпеливого ожидания.

«Между нами глубокая пропасть, - писала она. - Вы учитель, а я ученица, и вы, конечно, смотрите на меня, как на неразумного ребенка, которого надо ещё воспитывать да воспитывать. А я давно уже не дитя, хотя сама поняла это по-настоящему всего четыре месяца назад, когда впервые увидела вас. Это было как озарение, как удар молнии! Не сразу я поняла, что это и есть любовь, но теперь вся моя прежняя жизнь, до встречи с Вами, кажется мне такой пустой и бессмысленной. Одно только сознание того, что Вы есть на свете, придает мне столько сил, что мне сейчас любая преграда - пустяк, и нет в мире ничего, что могло бы испугать меня, кроме одного — возможности быть непонятой Вами. Может быть, Вы никогда не полюбите меня, но я хочу, чтобы Вы знали, чтобы помнили вечно, что есть на свете девушка, готовая с радостью отдать за Вас жизнь!».

- Знакомый почерк! - услышал Храмов за спиной голос Виктории Ивановны и поспешно сунул письмо в карман.

- Везет же вам сегодня на объяснения в любви: я заметила, что это не первая записка! Не знала я, что вы такой сердцеед, прямо, как пушкинский Дон Гуан!

Она деланно засмеялась и танцующей походкой пошла от него через зал, красивая, стройная, и чёрные волосы её, рассыпавшиеся по плечам, тяжело колыхались при каждом шаге.

- Язва, черт бы тебя побрал! — выругался про себя Храмов, глядя ей вслед.

Через несколько дней его вызвала к себе директриса. Кроме нее в кабинете сидели профорг Кира Ефимовна и завуч Матрёна Ивановна, известная в школе под кличкой «Чита». Прозвище это от одного поколения школьников передавалось к другому, хотя немногие уже знали, что про-звали Матрену Ивановну так в честь обезьяны из последнего трюфельного фильма о приключениях Тарзана.

Это был знаменитый «треугольник», уже много лет крепко державший в руках всю школу. Были они дружны между собою, как три головы сказочного Змея Горыныча, и если, когда и были у них какие разногласия, то от коллектива учителей они их умело скрывали. Любая попытка поставить под сомнение какой-либо шаг администрации прекратилась самым решительным образом.

- Это решение принято на заседании «треугольника» — и точка!

В школе их называли «Бермудским треугольником» и старались держаться от них подальше. Но, пожалуй, ни к кому из них учителя не относилась с такой опаской, как к Кире Ефимовне. Несколько лет подряд на отчётно-выборных собраниях пытались заменить её другим профоргом, но, даже в том случае, когда все утверждали, что проголосовали против неё, она ухитрялась неизвестно каким образом набрать абсолютное большинство голосов и вновь занимала эту должность.

«Бермудский треугольник» встретил Храмова суровыми, осуждающими взглядами. Сесть ему не предложили, и он остановился у двери, прислонившись плечом к косяку.

Увидев в углу, у окна, мать Гали, он сразу понял, что разговор предстоит нелёгкий.

- Вы что же, Виктор Михайлович, себе позволяете? - первой бросила в него камень Кира Ефимовна, и лицо её густо побагровело от праведного гнева. - Разве этому учили вас в нашем, советском вузе?

Храмова всегда раздражала ее высокопарная манера выражаться и поучающий, тон, с каким она обращалась к педагогам. По школе она ходила с таким гордым видом

и так величественно кивала головой в ответ на приветствия, что не только рядовые учителя — сама директриса при ней чувствовала себя, по-видимому, бедной родственницей, которую терпят из милости.

- Извините, - с трудом сдерживая закипающее в груди раздражение, возразил Храмов, - но, может, вы снизойдёте до того, что разъясните мне, что же именно я себе позволяю?

- Смотрите на него, - взорвалась Кира Ефимовна. - Он ещё добродетель оскорбленную строить из себя будет! Ишь ты, соблазнил девчонку, да ещё и овечкой невинной прикидывается! Не выйдет!

Она яростно помахала в воздухе указательным пальцем, и её длинное лицо брезгливо передёрнулось.

- За всё ответишь! - добавила она зловеще.

Это уже было слишком. Храмов мгновенно вспыхнул, горячая кровь застучала в висках, но, боясь тоже сорваться на крик и тем уравнять себя с Кирой Ефимовной, он огромным усилием воли сдержал нахлынувшую ярость и, обращаясь к ней, сказал нарочито спокойно:

- Во-первых, мы с вами на брудершафт, насколько мне помнится, не пили, так что буду вам признателен, если вы станете называть меня на «вы». Видите ли, между воспитанными людьми именно так принято.

Кира Ефимовна дернулась на стуле и открыла рот, чтобы сказать какую-то колкость, но Храмов не дал ей этого сделать.

- Во-вторых, - тем же ледяным тоном продолжал он, - у воспитанных людей заведено предлагать вошедшему стул, особенно если сами они сидят.

Директриса и завуч покраснели, по Кира Ефимовна явно не собиралась сдаваться: повернувшись всем корпусом к Храмову, она злобно уставилась на него, словно хотела загипнотизировать взглядом.

- Садитесь, Виктор Михайлович, - попыталась исправить положение директриса, стараясь говорить как можно мягче. - Мы бы хотели услышать ваше объяснение случившемуся. Мама Гали Лебедевой жалуется на вас, говорит, что у вас с её дочерью, как бы это помягче выразиться...

- Чего там помягче! - вскочила со своего места Галина мать, уже распалённая истерическим криком Киры Ефимовны. - Шуры-муры - вот как это называется! Разврат - вот как это называется! А вы «помягче»! Виктория Ивановна так и сказала: «У вашей дочки, говорит, с нашим молодым учителем шашни! Она ему свидания назначает! Смотрите, го-

ворит, чтоб она и вам, и мне подарочек в подоле не принесла!» Из школы его, кобеля проклятого, гнать надо, а не мягче с ним! Я этого так не оставлю! Я до самого заврайоно дойду, и пускай и вам плохо будет, раз вы его покрываете!

Этот горячий монолог ещё больше взвинтил и без того наэлектризованную троицу.

- Что, доигрались? - кричала Кира Ефимовна.

- Видите, до чего человека довели? - кипятилась директриса.

- Сейчас же извинитесь перед бедной женщиной! - шипела по своему обыкновению Матрёна Ивановна.

От этого напора Храмов на несколько мгновений растерялся. Он стоял, переводя взгляд с одной женщины на другую, и всё происходящее казалось ему дурным сном. Когда же они вволю накричались, он шагнул к столу, за которым они сидели, и все трое испуганно отшатнулись от него, как будто опасаясь, что он ударит кого-нибудь из них.

- Хватит! - неожиданно для самого себя крикнул он и с такой силой стукнул ладонью по столу, что стеклянная чернильница, выскочив из гнезда, свалилась с чернильного прибора, и на грязной скатерти стало быстро расплываться тёмно-фиолетовое чернильное пятно. Все так и замерли с раскрытыми ртами, растерянно уставившись на Храмова: видно, не ожидали такого поступка от него, обычно спокойного и уравновешенного.

- Вы что орёте на меня, как на мальчишку? - спросил он тихо, почти шёпотом, но голос его прозвучал в тишине кабинета отчетливо и резко. Потом, повернувшись к Галиной матери, спросил:

- А вам не стыдно? Ну ладно, эти, - он кивнул в сторону троицы, они кого хочешь вываляют в грязи и не охнут: дело привычное! Что им ваша Галя! Но вам-то её судьба не безразлична: как-никак она вам - родная дочь! Так что ж вы помогаете чужим людям её помоями обливать?

Женщина растерялась. Такого оборота дела она явно не ожидала. Она смотрела то на Храмова, то на «Бермудский треугольник», и кровь медленно отливала от ее лица.

- Так Виктория же Ивановна говорила... - неуверенно начала было она и сразу осеклась, видно, поняв всю бессмысленность своих слов.

- Ах, Виктория Ивановна говорила! - взорвался Храмов. - Врёт ваша Виктория Ивановна! И мне хорошо известно, почему она это делает! А вы, если вы, конечно, мать, дочь свою от клеветы защищать должны, а не на позор её

выставлять! Ваша Галя - славная, чистая девушка, и подозревать её в чем-то низком и гадком могут только подлые люди!

Прежняя уверенность в своей правоте уже покинула Галину мать, но скорее по инерции, чем по убеждённости, она ещё пыталась возражать:

- А это как понимать прикажете? Собираюсь я в школу пойти, а дочка и говорит: «Если вы сделаете Виктору Михайловичу плохо, я утоплюсь!».

У Храмова сжалось сердце и глаза защипало.

- Понимайте это так, что дочь ваша – замечательный человек! - дрогнувшим голосом сказал он. - Мы с вами, вместе взятые, мизинца её не стоим!

Он взялся за ручку двери и оглядел всех. Директри-са оторопело собирала промокательной бумажкой чернила, растёкшиеся по скатерти, а Ки-ра Ефимовна и Матрена Ивановна тупо смотрели на него, по-видимому, стараясь осмыслить сказанное им.

- Ну что, вволю натешились? — насмешливо спросил он, внутренне все еще кипя. - А теперь послушайте, что я вам скажу! Никаких свиданий с Галей у меня не было, нет и не будет! Я хорошо понимаю, что я учитель, а она ученица. Что же до моих чувств, то они никого не касаются, и лезть ко мне в душу немытыми руками я никому не позволю! Понимаете, никому! А вам - тем более!

Он вышел, с грохотом захлопнув дверь, и пошёл по узкому коридору к учительской. Позади него, в директорском кабинете, было тихо как на кладбище.

Жарким летним днем он сошёл с поезда в районном центре. Не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка; размягчённый зноем асфальт легко продавливался под подошвами; в тени лениво прыгали, приоткрыв клювы и распустив крылья, разморенные воробьи.

У пивного киоска толпились люди. Храмов не любил толчеи, но его ещё в поезде начала томить жажда, поэтому волей-неволей пришлось стать в очередь.

Во всём ощущалось приближение грозы. На западе, у самого края земли, медленно сгущалась мутно-серая мгла. Всё настороженно притихло, лишь где-то кричал петух да гудел невидимый в сиянии неба самолёт.

Усевшись в тени на низкую чугунную ограду, Храмов мелкими глотками, стараясь растянуть удовольствие, пил холодное пиво и невидящим взглядом посматривал по сторонам.

Вдруг его внимание привлекла тонкая девичья фигурка на скамье у вокзала. На девушке было голубое платье и соломенная шляпка с широкими полями, рядом стоял большой чемодан.

У Храмова замерло сердце: неужели Галя? Девушка сидела в глубокой задумчивости, бессильно уронив на колени руки и опустив голову, так что из-под полей шляпы была видна только нижняя часть лица. Когда она подняла голову, он увидел, что это действительно Галя.

Выплеснув недопитое пиво на пыльную траву и сунув кружку в чьи-то руки, Храмов быстрыми шагами пошёл к ней.

Увидев его, Галя несколько секунд ещё сидела неподвижно, будто не веря своим глазам, потом, коротко вскрикнув, вскочила, поднесла руки к лицу и шагнула ему навстречу. Лицо её побелело, губы дрожали, глаза наполнены были слезами.

Храмов сжал её ладони, сам чуть не плача от радости.

- Боже мой, какая неожиданная встреча! - воскликнула Галя. - Я уже думала: никогда больше не увидимся! Мне сказали, что вы навсегда от нас уехали. Всю дорогу до станции плакала, не просыхала. Откуда мне было знать, что здесь вас встречу? Как вы на вокзале оказались?

- Еду из командировки. Так боялся, что тебя не застану!

Они вошли в маленький запущенный скверик, и там, вдали от людских глаз, он впервые поцеловал ее. Из глаз Гали потекли слезы.

- Не надо плакать, - успокаивал он её, покрывая поцелуями мокрые щёки и губы. - Всё идёт хорошо! Поезжай в свой МГУ, устраивайся, учись спокойно, а я к тебе скоро приеду. Половина отпуска у меня пропала из-за командировки, поэтому завтрашнее обещал отпустить меня дней на десять в ноябрьские праздники. Вот тогда мы с тобой и встретимся. Только постарайся сразу сообщить мне свой адрес.

Но встретились они только через двадцать пять лет.

3

Наплакавшись, Галина Викторовна отняла руки от лица и посмотрела на Храмова спокойными, просветлёнными глазами.

- Сядьте, - указала она на стул. Храмов сел напротив неё, по другую сторону стола.

- Расскажите о себе, - попросила она. - Как вы жили все эти годы?

- Разве об этом можно рассказать? - с горечью воскликнул Храмов. - Сколько воды с тех пор утекло! И молодость прошла, и старость уже на пороге, а кажется, по-настоящему ещё и не жил, всё ждал, когда же она начнется, эта настоящая жизнь.

Он надолго задумался.

- Тогда, в ноябре, отпуска мне не дали: незадолго до праздников призвали меня в армию. Попал в Оренбург. Всё это время пытался связаться с тобой, но так ничего и не вышло. Очень обрадовался, когда через полгода повезли нас в Москву. Думал: уж теперь-то я тебя непременно разыщу! Как бы не так! Неожиданно оказались мы не в Москве, а у черта на куличках - на другом конце света. Есть на Кубе провинция Камагуэй, вот там я и провёл оставшееся время службы. Представляешь, в каком состоянии я туда приехал?

Кругом красота неопишуемая, такая, что и во сне мне не снилась, а я чуть волком не вою от тоски! Видно, предчувствовал, что больше с тобой не увижусь. Адрес твой узнать мне так и не удалось: писал, писал тебе, а ответа так и не дождался. Видно, на МГУ писать – всё равно что «на деревню дедушке». Родные, институтские друзья – те отвечали, а из станицы хоть бы один написал, будто вымерли все!

-А ведь я вам из Москвы в станицу чуть ли не каждый день писала.

Храмов удивлённо поднял на неё глаза:

- Как же так? Почему же я ни одного письма так и не получил?

- Я уже потом узнала, через несколько лет. Оказывается, все их маме моей отдавали. Начальником-то почты подруга мамина работала.

- Вот так номер! – изумился Храмов. – Ни за что бы не поверил, что такое возможно!

- Как видите, возможно, - горько улыбнулась Галина Викторовна.

-А потом получил письмо от Дмитрия Алексеевича, - помнишь нашего учителя пения? Так вот, молчал он, молчал, да вдруг взял и разразился длинным-предлинным письмом. От него-то я и узнал, что ты, оказывается, ещё на первом курсе замуж вышла. Ему об этом Виктория Ивановна до-ложила. Представляешь, что я тогда пережил? Как я только не застрелился в карауле, до сих пор удивляюсь! А через несколько месяцев боль как-то притупилась,

утихла, только долго ещё что-то саднило в душе, в самой глубине.

Он долго молчал, перебирая в памяти эти давние события и удивляясь тому, что сейчас не испытывает ничего, кроме лёгкой грусти.

- Кончилась служба - в станицу больше не вернулся. Зачем старые раны растревать? Устроился в родном городе, там и женился.

Галина Викторовна хмуро смотрела в окно.

-А ведь вам солгали, - сказала она, - замуж-то я только после университета вышла, когда уже здесь жила. Долго ждала вас, всё на чудо какое-то надеялась. Да так и не дождалась.

Глаза её опять влажно блеснули, но она справилась с собой и даже попыталась улыбнуться.

- Ну да ладно! - с наигранной бодростью сказала она. - Довольно об этом! Всё равно ничего уже не исправишь. Расскажите лучше, как вам жилось все эти годы.

- Как жилось? Да обыкновенно, как всем живётся. В молодости такие планы строил, так далеко в мечтах залетал, а что толку? Остался в конце концов у разбитого корыта. Дети выросли и разъехались, с женой отношения не заладились, особенно в последние годы, - расстаться пришлось.

- Конечно, не по вашей вине? - полувопросительно, полуютвердительно, сказала Галина Викторовна.

Храмов не ответил. Разве можно определённо сказать, кто бывает виноват в семейных неурядицах? Конечно, с женой ему не повезло: слишком занята она была собой, да и взгляды на жизнь у них слишком разные были. Как он мог так ошибиться в ней? Впрочем, ничего удивительного: такое довольно часто случается: то, что в молодости кажется нам очаровательной наивностью, с возрастом превращается в глупость, а милая восхитительная капризность со временем становится самой зурядной злобой.

Разумеется, и сам он был не ангелом. Самому-то себе можно признаться в этом, хотя бы сейчас. И постоянные командировки не прошли для него даром: как-то незаметно он отвык от дома и от семьи. И случайными связями он не брезговал, пользуясь тем, что женщины всегда липли к нему, как мухи на мёд. В конце концов, семейная жизнь превратилась в позиционную войну, затяжную и изнурительную, поэтому, развеясь с женой, он не очень-то и уби-

вался по этому поводу, словно избавился наконец от долгой болезни.

Молчал он на этот раз долго, и, видимо, удивлённая этим молчанием, Галина Викторовна внимательно посмотрела на него и спросила участливо:

- Один живёте?

- Один. Личная жизнь не заладилась, так ищу счастье в работе, - усмехнулся он.

- Но хоть с этим у вас всё в порядке?

Храмов горько засмеялся:

- Если бы! Увы, мне и тут нечем похвастаться. Знала бы ты, до чего осточертело чиновником быть! Везде на тебя смотрят, как на незваного гостя: одного от тебя хотя бы - чтоб ты убрался поскорее. Да и кому по душе такие гости, как наша Зинаида Борисовна? Ведь она, если не доведёт кого-нибудь до слёз, а то и до сердечного приступа, спокойно спать не будет. А раз я с нею приехал, значит, в глазах людей и я такой же изверг. По натуре своей я человек довольно покладистый и мягкий, и мне просто тошно смотреть на то, как она над людьми измывается. А попробуй - вступишь - только хуже человеку сделаешь. Да ты сама сегодня в этом убедиться могла. Бросить бы всё это к чёрту да податься в школу - рядовым учителем. Посмотришь на детишек и волей-неволей задумаешься: разве для того ты учился, чтобы всю жизнь с бумажками возиться? Надо кончать с этим, да всё не решушь никак!

Только теперь Храмов заметил, что за окном уже сгущаются серые сумерки. Поползли, закрубились взъерошенные лохмотья туч, налетел пыльный ветер, зашумел, загудел, беснуясь в кронах деревьев, и сразу посыпались листья, то косо летя, почти параллельно земле, то кружась, подобно стае испугнутых птиц. Мелкие брызги испещрили оконные стекла, и тотчас всё стало неясным, расплывчатым, видимым словно сквозь призму аквариума: и школьный двор, и поросшая плющом ограда, и вспыхивавшая синеватым светом цепочка уличных фонарей.

Храмов щёлкнул выключателем - смутно белевшее в полумраке лицо Галины Викторовны сразу стало чётким и ясным.

- Да что я все о себе да о себе? - спохватился он. - Ты-то как жила все эти годы?

- По-всякому жила, - ответила Галина Викторовна. - Было и хорошего немало, но и горе стороной меня не об-

ходило. Дочерей обеих выучила, замуж выдавала. Вот и вся моя жизнь. Хвалиться, как видишь, особенно нечем!

- А муж? Что он за человек?

Она посмотрела на него доверчиво и открыто, как в юности.

- Человек как человек. Ничего особенного. Со слабостями и немалыми! А вышла за него потому, что надо же было за кого-нибудь выходить, семьей обзаводиться! Была бы у меня надежда, пусть совсем крохотная, вас дождаться, я бы хоть двадцать лет ждала, как Сольвейг.

От этих слов, сказанных так просто, без всякого надрыва, без слёз, у него больно защемило сердце, и это, по-видимому, отразилось у него на лице, потому что Галина Викторовна на несколько секунд замолчала, а потом сказала примиряюще-грустно:

- Что поделаешь — видно, такая наша судьба!

- Какая там к черту судьба! - крикнул он, и, вскочив со стула, стал в ярости шагать по кабинету. - При чём тут судьба? Я во всем виноват, я один и никто больше! Лживой болтовне поверил, перестал тебя искать! Мне нужно было гордость свою спрятать подальше и, хоть на колени перед матерью твоей стать, а вымолить у неё твой адрес! А то и за горло её взять! А я ходил вокруг да около бледным ангелом да страдал и ныл, чёртов хлюпик! Никогда себе этого не прощу, ни за что! Своими руками собственное счастье сгубил!

Он резко остановился перед нею и, глядя ей в глаза, горячо спросил:

- Ты думаешь, я забыл о тебе? Как бы не так! Все эти двадцать пять лет помнил! Всех женщин по тебе мерил, но ни одной похожей на тебя так и не встретил за всю жизнь! Ни одной!

Галина Викторовна отвернулась, закрыв лицо руками. Храмову было до слёз жаль её, но еще больше жаль было самого себя. Как нескладно сложилась жизнь! Конечно, во многом виноваты обстоятельства: эта чёртова армейская служба на Кубе, эти нелепые, просто необъяснимые здравым смыслом козни Галиной матери. И всё же, если бы сам он не спасовал тогда перед трудностями, не упал бы духом при первой же неурядице, всё могло бы быть иначе. Просто ему характера не хватило, чтобы добиться своего - ему всегда не хватало характера, хотя почему-то многие, видимо, обманутые его внешностью, считают Храмова человеком волевым и настойчивым.

И он, чтобы скрыть своё состояние, отошел к окну и поспешно закурил.

Совсем уже стемнело, когда они вышли из школы.

Погода испортилась окончательно: порывами налетал холодный ветер, фонари стояли в сияющих ореолах, и уже маслянисто поблескивал в их свете мокрый асфальт. Косматые тучи неслись низко, сеялся мелкий зябкий дождь.

Долго шли по слабо освещённым безлюдным улицам.

- Ну вот, я и дома, - указала Галина Викторовна на двухэтажное здание из красного кирпича, светившееся всеми своими окнами в конце переулка.

Храмов поставил её чемоданчик на кучу листьев и сжал в ладонях её ледяные пальцы. Над головами их, в вершинах деревьев, шумел ветер, а здесь, под шатром густой ещё листвы, было безветренно и темно, и Храмов, оглядевшись по сторонам, вдруг обнял Галину Викторовну и поцеловал в холодные губы. Ее большие глаза чуть поблескивали в тусклом, выдохшемся от большого расстояния, свете фонаря.

- Ну что ж, - сказала Галина Викторовна, ласково коснувшись ладонью его озябшей щеки, - пора прощаться!

Но Храмов видел, что уходит ей не хочется. Не хотелось этого и ему, и почувствовав это, Галина Викторовна взглянула на него и вдруг заговорила горячо и торопливо, слегка охрипшим от волнения голосом:

- То, что случилось тогда – как кошмарный сон! Все эти годы я почему-то твёрдо уверена была, что, не вмешайся моя мама, мы непременно были бы счастливы с тобой. Непременно!

Она впервые сказала ему «ты», и у него дрогнуло сердце.

- Не буду скрывать от тебя, мужа я не люблю. И никогда не любила. Да и за что его любить? Ты даже представить себе не можешь, сколько я от него натерпелась! Как часто хотелось бросить всё и уйти куда глаза глядят, да девочек без отца оставить боялась. Насмотрелась я в школе на безотцовщину – страшное это дело!

Она немного помолчала, внимательно глядя на него, но он ничего не сказал, и она продолжала:

- Если б можно было начать всё сначала! Мама моя, пока жива была, всё простить себе не могла того, что счастьем моему помешала. Сколько она слёз пролила! Я её не упрекала, но она-то сама видела, как мне несладко!

Припав головой к его груди, она заплакала. Храмов гладил её мокрую щеку и мягкие волосы и молчал. Сердце у него щемило, и он понять не мог, от чего оно так щемит: от любви или жалости, и чувствовал, что если она не перестанет плакать, то заплачет и он.

- Не надо! - мягко сказал он и повторил: - Не надо!

Она послушно вытерла слёзы и подняла на него мокрые глаза.

- Жизнь проходит, - после долгого молчания сказала она, - а что в ней было хорошего? Одна работа - в школе и дома - до полного изнурения. Да ещё эти постоянные домашние сцены! Сейчас, правда, мужу моему не до скандалов уже: пропил своё здоровье, и сам наконец это понял. Жаль только - поздно. Ну почему, почему так бывает, что прозрение наступает тогда, когда ничего уже нельзя исправить?

Налетел новый порыв ветра, зашелестели, закружились по асфальту листья, и капли с ветвей забарабанили по полям шляпы Храмова.

- А может, ещё не поздно? - вдруг встрепенулся он. - Может, ещё можно что-нибудь изменить? Бросай-ка ты всё да приезжай ко мне! Крыша над головой у меня есть - и неплохая, работу мы тебе найдём. Может, хоть на старости лет счастье наконец мне улыбнётся.

Галина Викторовна молчала, опустив глаза, и он встревожился.

- Я что-нибудь не так сказал? Или просто мой поезд ушел, и я зря воздушные замки строю?

- Знаешь, - задумчиво сказала Галина Викторовна, - будь моя воля, я бы с тобой - хоть на край света. Но... руки у меня связаны, вот в чем беда.

Храмов удивленно посмотрел на нее. Он почувствовал себя уязвленным.

- Ты мне отказываешь? Неужели из-за этого горького пьяницы? Ведь он же всю твою жизнь испоганил!

- Случись наша встреча чуть раньше, ну хотя бы года два назад, я бы ни минуты не колебалась! Но сейчас, когда он стал инвалидом, я не могу оставить его на произвол судьбы.

- Да брось ты роль Татьяны Лариной играть! - рассердился Храмов. - Ты уже не девчонка, пора и о себе подумать! Возиться с человеком, всю жизнь тебе отравившим. Да глупее этого ничего нельзя придумать!

Галина Викторовна опять заплакала.

- Я знаю, от чего отказываюсь, - сказала она. - Не обижайся на меня, но я не могу иначе. Такого поступка я себе никогда не прощу!

Она поцеловала Храмова, выскользнула из его объятий и, подхватив свой чемоданчик, быстро зашагала к дому.

- Галя! - крикнул он ей вслед и, подождав немного, повторил еще громче: - Галя!

Она не оглянулась. Он стоял и растерянно смотрел ей вслед. Тёмный силуэт её чётко рисовался на фоне освещённого здания. Вот она вошла в полосу света, падавшего из-за деревьев от уличного фонаря, на миг он отчетливо увидел её стройную фигуру в светлом осеннем пальто, и тотчас же тьма подъезда поглотила ее.

Он постоял еще немного, стиснув зубы и сжав кулаки, потом, круто повернувшись на каблуках, пошёл налево, по неосвещённому переулку, туда, где за чёрными глыбами домов и вершинами тополей, смутенно машущими на фоне мутно-жёлтого неба, смутным пятном алел подсвеченный снизу флаг над крышей горисполкома.

Налетавший тугими волнами ветер вдруг принёс откуда-то обрывок до боли знакомой мелодии, невыразимо грустной, нестерпимо скорбной. На миг она пропала, затерявшись где-то в гуще крон и теснинах кварталов, но ветер окреп, и музыка вновь зазвучала, теперь уже чисто и громко, и эти рыдающие звуки флейты вливались в его сердце, подобно холодной воде.

Это была мелодия из «Орфея и Эвридики» Глюка. Невидимая ледяная рука стиснула вдруг горло Храмова, да так, что он даже шаги замедлил, чтобы отдышаться. Сверху сыпались мелкие брызги, холодя лицо, а он всё шёл навстречу ветру, и щёки его были мокры, но от чего: от дождя или от слёз - этого он и сам себе не мог с уверенностью сказать...

Стена

Как часто нам даже в голову не приходит мысль о том, что дело, сулящее радость, изначально таит в себе семена самого чёрного зла, которые прорастут однажды – и тогда мы проклянем день и час, когда так необдуманно поверили в благие намерения человека, сделавшего для нас то, что поначалу выглядело таким заманчиво-отрадным, а в итоге ввергло нас в непроходящее отчаяние.

Если бы Олег Барханов только мог предполагать, какой бедой обернётся для него назначение его жены Галины инструктором райкома партии, он сделал бы всё от него зависящее, чтобы она категорически отказалась от этой должности.

Галина преподавала русский язык и литературу в средней школе и была организатором внеклассной воспитательной работы: готовила и проводила литературные вечера, помогала в организации общешкольных комсомольских собраний, торжественных линеек, на одной из которых и заметил её первый секретарь райкома партии Герман Гаврилович Шестируков, высокий брюнет с лёгкой проседью в волосах и с фигурой стареющего атлета, довольно ещё красивый, всегда тщательно выбритый и со вкусом одетый.

Тогда Олег ещё не знал, что главу района в народе называют «районным жеребцом» за его неумеренное сластолюбие: в каждой сколько-нибудь привлекательной женщине он видел свою потенциальную наложницу и менял их как английский аристократ перчатки. Олег долго не догадывался, что и его жена заинтересовала Шестирукова не организаторскими талантами, а своими женскими прелестями.

Женился Олег на ней через полгода после приезда в Желтоглинск. Сблизила их любовь к литературе. Они обсуждали повесть Франца Кафки «Замок», недавно опубликованную в одном из «толстых» журналов, говорили о Ремарке, оба любили стихи и драмы Федерико Гарсиа Лорки. Потом обнаружили однажды, что жить друг без друга они уже не могут.

По окончании факультета журналистики МГУ Олег свободно мог остаться в Москве: у его отца были большие связи. Однако он сам пожелал поехать в сельскую местность. Дело в том, что главной его целью было стать писателем. Столичную жизнь он уже знал, за два года службы во внутренних войсках хорошо познакомился и с армейскими порядками, а вот как живёт село, было для него тайной за семью печатями.

В том, что писатель из него получится, у Барханова сомнений не было. Когда он был ещё студентом, один из литературных журналов опубликовал два его рассказа, причём главный редактор, известный прозаик, сказал, что, если Олег будет упорно работать над собой, он сумеет создать себе литературное имя.

Став корреспондентом районной газеты «Заря коммунизма», Барханов наивно надеялся, что его стихи и рассказы украсят страницы этой захудалой газеты, явно уже дышащей на ладан, и помогут поднять её падающий тираж. Однако у главного редактора он не нашёл понимания. Звали редактора Валентиной Федосьевной Скорняковой, но работники редакции иначе как «Сорняковой» её не величали. Подобно тому как сорная трава глушит полезные растения, Валентина Федосьевна глушила всякую свежую мысль. Напрасно Олег и его друг Паша Зернов, тоже окончивший факультет журналистики, только не в МГУ, а в Ростовском университете, предлагали ей средства сделать газету интересной – она пресекала все эти предложения на корню. Однажды Олег предложил ей свой рассказ, напечатанный в Москве. В ответ она заявила:

- А кому это нужно? Наша газета – орган райкома партии и райис-полкома, и печатать в ней мы должны только то, что нужно районному руководству. Трудящимся что интересно? Постановления партийных органов и заметки об ударниках коммунистического труда. Так что спрячьте свою писанину: стишки и рассказы всякие – это баловство, и я их никогда печатать не буду!

Однажды Олег в присутствии двух других корреспондентов, женщин с большим журналистским стажем и богатым жизненным опытом, удивился: как могло так случиться, что эту малообразованную, недалёкую женщину назначили главным редактором. Ему рассказали, что Скорнякова была сначала заведующей домом быта, но за развал работы её перевели руководить Дворцом культуры. С большим трудом ей удалось закончить заочное отделение института культуры. Но и на должности директора дворца она показала свою профнепригодность. Однако известно, что представители так называемой партийно-хозяйственной номенклатуры живучи, как кошки, и «Сорнякову» вскоре назначили на место умершего от инфаркта прежнего редактора, оказавшегося старичком настолько несознательным, что он не сумел выдержать здоровой большевицкой критики, которой за какой-то пустячный промах подверг его первый секретарь, сдабривая высокими лозунгами изысканным сквернословием, в том числе информацией о своих интимных отношениях с матерью редактора, что было явной ложью, потому что при жизни этой почтенной женщины будущий партийный вождь ещё сидел на горшке и ел манную кашу «за маму, за папу, за ба-

бушку и за дедушку». Назначение Валентины Федосьевны главным редактором удивило работников редакции, но, как видно, Шестируков посчитал, что она, преданная ему душой и телом, принесёт на новом поприще вреда меньше, чем на всех предшествующих. Когда-то она была довольно привлекательной внешне и бескорыстно оказывала по-стельные услуги Шестирукову, теперь же, когда красота её сохранилась только на старых фотографиях, партийный вождь решил вознаградить её новой должностью за прежние отличия на ложе любви: подруг, ублажавших его в прошлом, он никогда не обижал.

В журналистике Скорнякова разбиралась не больше, чем курица в решениях партийных пленумов, однако была твёрдо убеждена, что, раз партия доверила ей такую ответственную должность, она имеет полное право учить профессиональных журналистов, как надо и как нельзя писать. Она безжалостно правила их статьи, отчего те становились безликими и плоскими, как скифские каменные бабы, и казалось, что написаны они не разными людьми, а одним бездарным бумагомаракой. В редакции называли это «стрижкой под ночной горшок», в народе же районная газета слыла «балаболкой» и «бреховкой». Спорить с Валентиной Федосьевной, отстаивая свой стиль, было пустой тратой времени: она никогда не слушала ничьих доводов и гнула свою линию. Казалось, будто она воздвигала между собой и своим собеседником непробиваемую стену. Если Скорнякова решила, что употреблённое журналистом слово не существует в природе, и ей, пытаясь доказать свою правоту, показывали словарь, в котором оно было напечатано чёрным по белому, она возмущалась:

- Да что вы мне эту книжонку под нос суете? Раз я говорю, что нет такого слова, значит, нет его! Главный редактор здесь я, а не вы, и нечего тут поучать меня! Я старше и мудрее вас!

Особенно не любила она образных выражений и требовала, чтобы все статьи и заметки были написаны по образцу передовиц газеты «Правда». Ей нравились выражения типа: «играть большую роль в решении проблем ускорения социально-экономического развития», «ориентация на приоритетное решение социальных целей и задач», «удовлетворение платёжеспособного спроса населения». Слово «корова» она всегда зачёркивала и заменяла его выражением «голова крупного рогатого скота», «вы-

ращивание телят» - словосочетанием «откорм молодняка животных».

Любая статья Барханова после произведённой ею вивисекции превращалась в косноязычный лепет олигофрена, так что вскоре Олег убедился в том, что его литературные способности главному редактору нужны, как бегемоту алгебра; этой даме греют душу только избытые газетные штампы, утвердившиеся в советской прессе за последние семьдесят лет. Он уже не раз пожалел, что приехал в эту Тмутаракань, в край непуганых бюрократов, по невежеству своему считающих себя гигантами мысли. С каким удовольствием он вернулся бы в Москву, да жена его не желала расставаться со своими родителями, которые в последнее время стали часто болеть.

Назначение Галины инструктором райкома партии принесло семье Бархановых заметные выгоды. С частной квартиры они переехали в кирпичный коттедж со всеми удобствами. Правда, обставить четыре комнаты было нечем, но они купили кое-что из мебели в кредит. На правах работника райкома Галина могла теперь приобретать на базе райпотребсоюза продукты, давно уже исчезнувшие из магазинов: колбасу, сыр, тушёнку, рыбные консервы. Кроме того, к праздникам она получала спецнабор, в котором кроме разных вкусных вещей оказывались даже чёрная икра и шампанское. Доступны ей стали и дефицитные книги. Райкомовцы покупали их в подсобке книжного магазина «Факел» ещё до того, как их выставляли на продажу. Олега всё это поначалу коробило: стыдно было пользоваться теми благами, которые всем остальным недоступны. Правда, постепенно он привык к этой несправедливости, как и другие люди, пользующиеся льготами.

Однажды Барханова вызвали к первому секретарю. Шёл в райком он с тайным страхом, опасаясь выволочки за конфликты с главным редактором. Однако Шестируков встретил его приветливо, встал из-за стола и пожал ему руку.

- Вы, Олег Петрович, давно уже у нас на примете, - сказал он. - Вы член партии, человек образованный, энергичный, в университете комсоргом курса были. Я предлагаю вам возглавить райком комсомола. Уверен, что вы оправдаете моё доверие!

Посоветовавшись с женой, Олег согласился. Работать под руководством дубинноголовой Скорняковой и уча-

ствовать в выпуске газеты для дебилов больше не было сил.

Слова Шестирукова тогда польстили его самолюбию, и прошло немало времени, прежде чем он понял, что должность комсомольского вождя предложена была ему не за его заслуги перед Родиной, а за интимные услуги его жены Галины Герману Гавриловичу. Познакомившись поближе с жизнью и развлечениями партийных верхов, он увидел многое, чего не видел раньше: вокруг Шестирукова всегда увивалось две-три женщины, желающих добиться доступа к его начальственному телу хотя бы на одну единственную ночь, однако с тайной надеждой стать его любовью до гробовой доски. Наличие у него семьи их не смущало. И главную роль в их интересе к этому человеку играла не столько его внешняя привлекательность, его барственные манеры, бархатный раскатистый баритон, сколько его высокая должность: первый секретарь райкома партии был в районе настоящим самодержцем, перед ним ходили на задних лапках и прокурор, и судья, и начальник милиции, и председатель райисполкома, а уж всякая мелкая сошка, вроде председателей колхозов и директоров совхозов, испытывала священный трепет при одном его имени, ибо любого из них он мог в одно мгновение сделать всеми презираемым изгоем, а то и в тюрьму отправить – у каждого из них было рыльце в пушку.

Олег обязан был присутствовать на заседаниях партийно-хозяйственного актива. Вёл их всегда сам первый секретарь. На этих заседаниях он, против обыкновения, не матерился, потому что в зале сидели и дамы, но кулаком по столу стучал с видимым наслаждением и ногами то-пал весьма устрасшающе.

Как-то раз он поднял для отчёта молодого парня, назначенного недавно директором кирпичного завода: прежний директор, наломавший немало дров, пошёл на повышение.

- Ты почему, понимаешь, работу развалил? – грозно спросил он. - Почему твоё предприятие уже полтора года план не выполняет? Говори! Да я тебя за это! Прокурор Мартынов, в тюрьгу его, гада, в тюрьгу!

Парень побелел от страха.

- Герман Гаврилович, - залепетал он, - так я же всего месяц, как на этой должности работаю. Это надо с прежнего директора...

- Молчать! – прервал его первый секретарь. – Молокосос! В тюрюга его!

Парень упал на стул и закрыл лицо руками. В зале стояла такая тишина, что слышно было, как где-то в парке посвистывает синица. Каждый знал, что и ему так же не поздоровится, если он допустит в работе какой-нибудь промах. На душе у Олега стало противно и стыдно – за Шестирукова, за всех сидящих в зале, за себя самого.

Такие показательные экзекуции первый секретарь устраивал нередко. И вот что было страшно: ведь знал он, отлично знал, что опозоренный и насмерть перепуганный парень этот ни в чём не виноват, но для него это не имело никакого значения, главное – нагнать на людей страху, добиться от них полнейшей покорности.

Барханов вспомнился старый турецкий обычай: сам султан голов не рубил, подобно Петру Первому, он милостиво посылал в подарок своему министру или губернатору красивый шёлковый шнурок, и проштрафившийся чиновник, поняв намёк своего повелителя, покорно вешался на этом подарке. Интересно, а посмели бы наши чиновники ослушаться Шестирукова, вздумай он сделать столь многозначительный подарок кому-нибудь из них?

Однажды, когда Галина уехала в краевой центр на партийную учёбу, на квартиру к Олегу пришла её лучшая подруга Надя Дроздова. Она часто бывала у них и раньше, но без Галины никогда не приходила, и её неожиданный вечерний визит смутил Олега. За чаем разговор шёл о разном: о вчерашнем телефильме, о книгах, о работе. Но Барханов заметил, что гостья не сводит с него глаз. Иногда она надолго замолкала, будто хотела сказать что-то важное, но никак не могла решиться.

Постепенно она свела разговор на взаимоотношения между мужчиной и женщиной. В дружбу между ними она не верила, считая, что такая дружба непременно перерастает в иное чувство. Барханов догадывался, что всё это закончится объяснением в любви, и не ошибся. В конце концов Надя не выдержала.

- Да ты что, слепой, что ли? Неужели не видишь, что я люблю тебя и давно люблю?

Олег молчал.

- Да скажи же что-нибудь, не молчи! – возмутилась Надя. – Что ты словно воды в рот набрал? Я знаю: многие твои комсомолочки на тебя вешаются. А что? Молодой, красивый, умный, ну как тут не влюбиться? Но что эти

вертихвостки в любви понимают? А я тебя люблю по-настоящему, я ради тебя на всё готова! Ты понимаешь, что я жить без тебя не могу?

- Надя, - заговорил Олег после длительной паузы. - Ты славная девушка, умная, красивая, и у тебя ещё будет любовь. Не на мне одном свет клином сошёлся, поверь. Будь я свободен, я бы только такую, как ты, жену хотел бы иметь. Но я уже женат, и я люблю Галю так, как будто мы только вчера поженились.

На глазах у Нади показались слёзы.

- И за что ты так её любишь? - спросила она. - Считаешь, что лучше её никого на свете нет?

- Разве можно сказать, за что люди любят друг друга. Любят - и всё!

- Такая она у тебя идеальная?

- Любят не только идеальных. Мелкие недостатки есть у каждого, но, когда любишь, как-то не обращаешь на них внимания.

Надя сразу встрепенулась.

- Не дай Бог никому таких «мелких недостатков», как у твоей Галки!

- Что ты этим хочешь сказать? - удивлённо спросил Барханов.

- Да весь райком давно уже знает, что она любовница первого секретаря! Один ты не в курсе! Над тобою же все смеются! Смотри, не принесла бы она тебе в подоле «шестиручка»! Эх ты, слепец несчастный!

Она выскочила из дома, громко хлопнув дверью.

У Олега похолодело сердце. Так вот, оказывается, чем пахнут блага, которыми наградили их Шестируков! Сделал его комсомольским секретарём, чтоб рот ему закрыть, когда с женой его путаться будет. Пусть помалкивает в тряпочку, если должность потерять не хочет! Молчат же другие, поважнее его люди, терпят, что он им рога наставляет, смолчит и этот. Странно, что никто до Нади не раскрыл ему глаза; даже те, кого он считает друзьями, словно в рот воды набрали. Почему? Боятся душу травмировать? А может, думают, что ему давно уже всё самому известно?

Всю ночь он не спал и последующие три дня до приезда жены из ко-мандировки ходил мрачный как туча.

Вернувшись домой, Галина бросилась ему на шею.

- Ой, знал бы ты, как я соскучилась по тебе, по городу, по райкому!

- И особенно по его первому секретарю Герману Гавриловичу Шестирукову? - съязвил Олег.

Галина залилась краской.

- Ты что это мелешь? - вспыхнула она. - При чём тут Шестируков?

- При том, что именно с ним ты мне рога наставляешь!

- А, догадываюсь, чья это работа! Небось, Надя, подруга моя беззаветная, тебе с три короба наплела? Она же в тебя, как кошка в сметану, влюблена! Вот и несёт всякую ахинею про меня!

Долгий разговор с нею ни к чему не привёл. Галина всё отрицала, клялась, что любит одного только Олега, что чиста как стёклышко, что её просто оклеветали завистники, чтобы их семью разрушить. Она говорила так убедительно и смотрела на него такими честными глазами, что Барханов поверил ей.

Однако какая-то недоговорённость в их отношениях всё-таки осталась. Его сердце подтачивала ревность. Шестируков не тот человек, чтобы ему не захотелось затащить в свою постель такую красивую женщину, как Галина. Семья не мешала ему заводить любовниц, и своим подчинённым он не запрещал иметь их, но при этом требовал, чтобы они любой ценой сохраняли семью, если не хотят лишиться партбилета. А поскольку потерять его означало лишиться руководящей должности и стать никем, они строили из себя примерных глав семейств и требовали с рядовых членов партии строгого соблюдения морального кодекса строителя коммунизма.

Барханову недавно стало известно, что по праздникам, а нередко и просто по выходным руководители колхозов, совхозов и других предприятий обязаны были по очереди устраивать грандиозные попойки для Шестирукова и его ближнего круга. Жён чиновников и мужей их любовниц на эти вечера, как и следовало ожидать, не приглашали. Не бывал на них и Барханов.

Но однажды случилось невероятное - заведующая отделом пропаганды и агитации передала ему от имени первого секретаря приглашение на праздник урожая, организованный председателем колхоза «Знамя труда» на полевом стане третьей бригады, в пятнадцати километрах от города, куда жёнам районной «элиты» непросто было добраться, особенно в ночное время.

Олег приехал туда на своём стареньком «уазике», когда столы, поставленные в один длинный ряд, были уже

накрыты. Пройдя вдоль них и полюбовавшись украшавшим их натюрмортом, Барханов вспомнил пир Трималхиона, описанный древнеримским писателем Петронием в романе «Сатирикон». Казалось, что выпить и съесть всё это изобилие не под силу роте голодных солдат, но закалённые в борьбе с трудностями партийные и хозяйственные вожди привыкли справляться и не с такими задачами.

Галина, приехавшая на банкет вместе с мужем, незаметно исчезла. Он поискал её взглядом, но нигде её не было видно. Объявилась она только тогда, когда председатель колхоза Петренко, от непосильных трудов и неуспешных забот о благосостоянии своих тружеников ставший похожим на бочку, в которой квасят капусту, пригласил всех за стол. При этом объявилась она не где-нибудь, а рядом с Шестируковым.

Она была явно чем-то расстроена. Впрочем, в последние дни это было её обычным состоянием. Когда он спрашивал, что с нею происходит, она резко отвечала, что у неё на работе неприятности.

И вот теперь она, не смущаясь присутствием мужа, явно собиралась сесть рядом с первым секретарём, по правую руку от него: похоже, что это было её привычное место. Однако она не успела сделать это; её место заняла директриса четвёртой городской школы, молодая жгучая брюнетка. Звали её Виктория Николаевна. По всему видно было, что она пришла на смену Галине. Говорили, что в любви Герман Гаврилович не признаёт однообразия и сбывает в архив своих прежних любовниц без лишних объяснений, если в поле его зрения появляется новая привлекательная кандидатка в наложницы.

Олег сидел напротив жены, не сводя с неё глаз. Теперь у него больше не оставалось сомнений: его Галина – брошенная Шестируковым любовница. Она смотрела на Викторию с ненавистью и всё-таки села рядом с нею, лишь бы быть поблизости от своего вчерашнего постельного повелителя. Виктория её уничтожающих взглядов не замечала и то и дело принималась что-то шептать на ухо Шестирукову, который слушал её с улыбкой. Несколько раз Галина пыталась заговорить с ним через голову его новой пассии, но он отвечал ей коротко и недовольно и отворачивался. О чём они говорили, Олегу не было слышно из-за гвалта, стоявшего за столом. Виктория в такие моменты поворачивалась к Галине с недовольной миной. Всё это не осталось незамеченным окружающими, кое-кто из них,

взглянув на всё более мрачнейшее лицо Олеговой жены, ехидно улыбался и перешёптывался с соседями, кивая в её сторону.

Олег чувствовал, как краска стыда заливает его лицо. Он видел, что жена сделала его предметом для насмешек. Нужно было немедленно увозить её отсюда, чтобы она не срамила больше их обоих, но для этого надо было обойти вокруг стола, а это означало привлечь к себе ещё большее внимание. Он пытался подавать ей знаки, но она ни разу не посмотрела в его сторону: сейчас он для неё не существовал. Каждый раз, когда кто-нибудь провозглашал очередной тост, она с самым решительным видом опрокидывала в себя полную рюмку водки и на глазах пьянела.

- Объявляю перерыв! – перекрывая общий шум, рявкнул записной тамада, заведующий орготделом райкома. – Мальчики – направо, девочки – налево! Можно покурить и в кусты сходить – облегчиться!

Олег встал из-за стола и быстро направился к жене, однако она подскочила к Шестирукову и дёрнула его за рукав. Тот повернулся к ней, коротко и сердито сказал что-то и пошёл к группе председателей колхозов, по-видимому, рассказывавших друг другу анекдоты, потому что оттуда доносились взрывы хохота.

Олег подошёл к жене. Она была уже заметно пьяна.

- Веди себя прилично, - сказал он, - не делай из себя посмешище.

-А пошёл ты! – крикнула она, да так зло и громко, что несколько человек оглянулись на них.

Он попытался удержать её, но она вырвалась и нетвёрдой походкой пошла к группе мужчин, туда, где курил Шестируков. Олег выругался и пошёл к своему «уазику», стоявшему у самого въезда в хоздвор. Луны на небе не было, и, пройдя всего полсотни метров, он оказался в темноте. Сев в кабину, включил радио и долго смотрел на светящуюся шкалу приёмника. Звучала инструментальная музыка, потом запел Шаляпин:

-Прощай, радость, жизнь моя!

Слышал: едешь без меня.

Знать, пришла пора расстаться,

Тебя мне больше не видать...

Щемящая боль в груди не давала покоя. Вот уж поистине пришла пора расстаться. Рухнуло всё: семья, вера в вечную любовь, в человеческую порядочность. Кому же верить, если предают самые дорогие, самые любимые?

А «партия, наш рулевой» какой пример молодым показывает! Если партийные вожди так морально разложились, то чего ожидать от других, от тех, кому они говорят красивые фразы о том, что надо быть честными, высококонтактными людьми, больше всего ценить и любить семью, а сами растлевают молодёжь, делают красивых девушек своими подстилками?

Сегодня Галина не в себе, её, как видно, потрясло пренебрежение, проявленное к ней первым секретарём, которого она, несомненно, любит без ума. Может, если б не напилась так с горя, то вела бы себя хоть немного приличней. Как тяжело и как стыдно! Такого позора он никогда в жизни не испытывал ещё.

Он выключил радио и вышел из машины. Звёзды всё так же равнодушно мигали на чёрном бархате неба, трели сверчков сливались в единый хор, почти заглушавший отдалённые крики подгулявших вождей и вождишек, культурно отдохнувших от своих мучительных забот о народном благе и от семейных неурядиц.

Но надо было что-то делать. Олег захлопнул дверцу машины и пошел к шумной компании ответственных прожигателей жизни. Ещё метров за двадцать от них он понял, что оргия достигла своего апогея, превратившись в разнузданную вакханалию. Директор откормсовхоза Макухин наяривал на баяне что-то разухабистое, а на столе, прямо перед первым секретарём какая-то голая матрона исполняла дикую языческую пляску. Впрочем, подойдя ближе, Барханов понял, что она не совсем голая: просто трусы и бюстгальтер на ней были телесного цвета. Оказалось, что пляшет заместитель председателя райисполкома Мария Карповна, допившаяся уже «до положения риз», как выражались раньше. Похвалиться изящной фигурой она не могла: уже успела на дармовых харчах накопить изрядные жировые запасы, её груди и ягодички тряслись, как свиной студень. Видимо, желая показать, что они поклонники не только вкусной и здоровой пищи, но и изящных искусств, её собутельники дружно хлопали в ладоши и орали: «Давай, давай!»

Друг Олега Виктор Гамов, инструктор орготдела, рассказал ему вчера, что подобные представления устраиваются партийными жрицами любви чуть ли не на каждой пирушке, потому что их повелитель стриптиз обожал. Ещё он сказал, что в лесу за городом есть бордель, для маскировки скромно именуемый домом отдыха откормсовхоза.

Считалось, что построен он для того, чтобы там набирались сил передовики совхозного производства, но едва ли хоть одному из них довелось даже издали полюбоваться им. В этом храме плотских радостей было десятка полтора комнат с паркетными полами, дорогими обоями и шторами, с картинами на стенах, изображающими обнажённых женщин в разнообразных соблазнительных позах. Рядом с домом был сделан мраморный бассейн и построена сауна. Обслуживали это заведение красивые девушки, готовые на любые услуги. Держали их главным образом для высоких гостей из краевого центра, но и местные партийные бонзы были не прочь попользоваться их расположением. Оргии начинались обычно с купания в бассейне, где женщины могли похвастаться друг перед дружкой дорогими купальниками. Но потом, по мере того как росло в коридоре число пустых бутылок, веселье приобретало характер шабаша, вроде того, что описан Булгаковым в «Мастере и Маргарите». Тогда первый секретарь тоном, не допускающим возражений, приказывал:

- А теперь все – в сауну!

Тут уж быть в купальнике считалось признаком дурного тона, каждый участник и каждая участница этого партийного мероприятия должны были предстать перед другими в своём первозданном виде, в каком пребывали библейские Адам и Ева в райском саду.

После сауны возлияния возобновлялись с ещё большей силой, и теперь уже на столе танцевали, не прикрываясь никакими фиговыми листочками. Затем, утомлённые неравной борьбой с дефицитными продуктами питания, приятно возбуждённые слуги народа расходились по комнатам для проведения политбесед с обслуживающим персоналом и своими соратницами по партии.

О том, участвовала ли в таких пирушках Галина, Виктор не сказал ни слова, и Барханов спросил у неё самой, бывала ли она в этом доме терпимости, но она клятвенно заверила его, что впервые слышит о нём. Однако у него осталось сомнение: он помнил, что несколько раз она уезжала в ко-мандировки почему-то именно на выходные и возвращалась домой под вечер в понедельник, усталая и невыспавшаяся.

Теперь, с отвращением взглянув на ходящие ходуном прелести новоиспечённой Айседоры Дункан, Олег стал искать взглядом жену. На прежнем месте её не оказалось. Потом он разглядел её в тени, падавшей от куста сирени. Не-

послушными пальцами она расстёгивала блузку. Похоже, что лавры балерины, исполняющей на столе дикую пляску, не дают ей покоя и она тоже не прочь показать сеанс стриптиза. Может быть, Олег ошибался, и ей просто стало душно от выпитого, но он бросился к ней и остановил её руку, расстёгивавшую уже третью пуговицу.

- Ты что? – злым шёпотом спросил он. – Окончательно угробить свою репутацию решила?

- Отстань! – громко взвизгнула она.

Олег схватил её за руку и потащил к машине.

- Сейчас мы отправимся домой! – сказал он. – А когда проспишься, решим, как жить дальше.

- Отпусти руку! – закричала она.

- Ты в стельку пьяна! Над тобой все смеются! Едем домой!

- Никуда я с тобой не поеду! А ты катись отсюда! Без тебя обойдусь!

Она вырвала руку и побежала к столу.

Барханов выругался. Нужно было что-то делать, чтобы увезти её отсюда, потому что она очень пьяна и может наделать больших глупостей, но как сделать это без скандала, он не представлял. От пьяной женщины можно всего ожидать, особенно если её только что бросил мужчина, кото-рого она любит. А Шестируков её бросил и, судя по всему, бросил окончательно. И Барханова он пригласил сюда на этот вечер не даром: он муж и должен в случае чего её утихомирить. Значит, и первый секретарь думает, что Олег всё знает о его связи с Галиной, но терпит это, боясь его разгневать.

Что же делать? Видимо, придётся подождать немного. Оргия явно идёт к концу. Уже поднялся Орион – скоро начнёт светать, и вся эта упившаяся шайка распутников и распутниц отправится в объятия любимых жён и мужей, успевших соскучиться по своим супругам, даже по ночам занимающимся своим нелёгким трудом на благо народных масс.

Наконец это время настало. Первым из-за стола поднялся Герман Гаврилович.

- Всё! – сказал он. – Пора по домам.

Шофёр подогнал его чёрную «Волгу», Шестируков галантно открыл перед Викторией дверцу и уже хотел сесть сам, как вдруг к нему подбежала Галина и категорически заявила:

- Я с вами!

- Нет! – отрезал Шестируков. – Нам ещё в одно место заехать надо.

- Ну что ж, и я с вами заеду.

- Нет! – ещё резче ответил первый секретарь. Он сел в машину и захлопнул дверцу.

- Герман Гаврилович! – взмолилась Галина. – Ну, возьмите меня с собой! Я вам не помешаю!

Шестируков сурово нахмурился.

- Ты что, русского языка не понимаешь? Забыла, кто я и кто ты? У тебя муж есть, вот он и отвезёт тебя домой!

Но Галина, видно, совсем потеряла голову. Тогда шофёр Шестирукова, которого в районе называли «четвёртым секретарём райкома», потому что многие вопросы можно было решить через него, сделал ему хорошее подношение, развернул Галину за плечи и, слегка толкнув её, отчего она чуть не упала, сказал:

-А ну пошла отсюда, девочка, пока я тебе задницу не надрал!

Барханов задыхался от стыда и ярости. Галина, рыдая и матерясь (он никогда не думал, что она умеет так грязно ругаться), побрела куда-то в поле. Олег догнал её и крикнул:

- Всё! Моё терпение лопнуло! Марш в машину!

- Пошёл ты, мать твою!.. – завизжала она. – Я тебя ненавижу!

И тут он сделал непоправимую ошибку, которая потом так дорого обошлась ему, - повернулся и пошёл к машине. За столом ещё сидели два парня, её сотрудники, из тех, кто считает, что оставлять на столе недопитую водку недостойно настоящих мужчин.

«Видно, она с ними приехать хочет», – подумал он.

Ехал он медленно, хотя и был совершенно трезв. В душе бушевала такая буря, что он боялся, как бы не врезаться в верстовой столб или в один из придорожных тополей.

Дома он долго ходил из комнаты в комнату, пробовал читать, но так и не смог сосредоточиться – глаза скользили по строчкам, а в смысл фраз он не мог вникнуть. Включил радио и долго крутил ручку настройки, но так и не нашёл ничего заслуживающего внимания. Жена всё не возвращалась, и на сердце было тревожно: уж не случилось ли с ней какой-нибудь беды?

С девяти часов утра он стал обзванивать её подруг, знакомых, позвонил её родителям – ни у кого её не оказалось. Позвонил тем, кто оставался в бригаде после его отъезда, они Галину не подвозили и даже не видели её. Уста-

лый и измученный, он сел на диван и сразу провалился в тревожный сон.

Снилось ему, будто оказался он в какой-то ограде. Он шёл в потёмках вдоль бетонной стены, но нигде не находил выхода. Светало, и в тусклом свете зарождающегося дня он обнаружил, что ограда идёт по кругу и, в какую сторону он ни пошёл бы, всегда оказывается в том месте, с которого начал свой путь. Стена была высокая, не менее трёх метров, и гладкая, так что взобраться на неё не было никакой возможности. Напрасно он звал на помощь – никто его не слышал.

Проснулся он с лихорадочно бьющимся сердцем и долго не мог успокоиться. Вечером опять обзвонил всех знакомых – результат был всё тот же. Вполне возможно, что она сидела у кого-нибудь из своих подруг, но запретила говорить ему об этом.

Ночь прошла тревожно. Он засыпал и тут же просыпался от очередного кошмара. В семь часов утра его поднял будильник. Он вскочил и сразу вспомнил всё. Кое-как побрился и оделся. Позавтракал без всякого аппетита и уже хотел идти на работу, как вдруг раздался громкий стук в дверь.

«Ну, слава Богу, нашлась», - подумал он и открыл дверь, однако вме-сто жены в дом вошли два милиционера – старший лейтенант и сержант. У него сразу оборвалось сердце: значит, с Галиной случилось что-то ужасное.

- Вы Барханов? Олег Петрович? – спросил старший сержант.

Олег кивнул.

- Мы должны провести у вас обыск. Вот ордер.

- Это ещё что за новости? – удивился Олег. – И что же вы искать у меня собираетесь?

- Поступил сигнал, что у вас хранятся боеприпасы. Да вот и они! – И милиционер снял с настольной лампы два автоматных патрона, скреплённых тонкой цепочкой – обычный дембельский сувенир.

- Да какие же это боеприпасы? Это стреляные гильзы. Все мои сослуживцы такие сувениры на память об армейской службе домой увезли.

-А это вы начальнику нашему расскажете. Наше дело маленькое: боеприпасы изъять и вас к нему доставить.

Больше ничего искать они не стали. Видно, знали, что это за «боепри-пасы» и где они лежат.

Барханов облегчённо вздохнул: он боялся, что милиционеры принесли ему весть о том, что с Галиной произошло что-то страшное. А две пустые гильзы – ерунда, увидит их начальник милиции и посмеётся над глупостью того, кто донос на него написал.

Если бы только узнать, что случилось с Галиной, где она. Он всё-таки любил её, несмотря на всё, что случилось позавчерашней ночью.

Он увидел её, едва его вывели из двора. На противоположной стороне улицы стояла белая «Нива», и Галина сидела в кабине, глядя на то, как её мужа ведут к милицеевской машине, и торжествующе улыбалась. Он понял всё. Это она донесла на него. Но почему? За его любовь к ней, за то, что за годы совместной жизни он ни разу не обидел её ничем, ни разу не изменил ей? Ведь раньше она любила его. Почему же тогда её любовь вдруг обернулась ненавистью? Чего она не может простить ему? Своей собственной измены?

Он знал, что нередко люди ненавидят тех, кому они сами причинили зло.

Его охватило отчаяние. Раньше ему как-то везло в жизни: никто из близких ни разу не предал его. А теперь вот предали. И кто? Самый дорогой для него человек – жена, которую он так любил все эти годы! Прежде она никогда не проявляла враждебного отношения к нему – напротив, всегда была ласкова. И только в последние дни как-то замкнулась в себе, стала раздражительной. Теперь-то он понял: это случилось оттого, что Шестируков бросил её.

Уже отъезжая, он глянул в заднее окно и увидел, что Галина решительными шагами идёт к дому.

Начальник милиции, носивший смешную собачью фамилию Болонкин, был похож скорее на бульдога, чем на эту милую собачку. Огромный, рыжий, краснорожий, он сидел за столом, перебирая какие-то бумажки. На приветствие он не ответил.

- Товарищ полковник, по вашему приказанию задержанный Барханов доставлен! – доложил старший лейтенант. – Обыск произведён, боеприпасы изъяты. – И он положил на стол дембельский сувенир.

Болонкин взял из пластмассового стакана карандаш и брезгливо пошевелил им патроны. Потом поднял на Олега глаза и хриплым прокуренным басом спросил:

- Ты что же это, мать твою так, боеприпасы дома хранишь? Покушение готовишь на кого-то?

- Василий Матвеевич, - попытался возразить Олег. – Да какие же это боеприпасы? Сами посмотрите: это же стреляные гильзы, я их на полигоне подобрал. Капсюли разбиты, пороха внутри нет. Мы в них пули вставили – и получился сувенир.

- Нечего мне тут лапшу на уши вешать! – заорал Болонкин, и его бульдожьи щёки затряслись. – Сказано – боеприпасы, значит, боеприпасы и есть. Да ты знаешь, что я тебя за это в тюрьгу законопачу?

У Олега похолодело под ложечкой. Ему уже приходилось слышать, что с Болонкиным шутки плохи: он уже не одного человека, чем-то не угодившего ему, отправил туда, где Макар телят не пас. Он без всяких церемоний крыл матом, нередко просто для профилактики, всех своих подчинённых – от рядового до майора, а некоторым из них угрожал даже «рожу начистить», и они стояли перед ним навтыжку, как нашкодившие школьники перед директором.

Странные порядки заведены в нашей стране, «где так вольно дышит человек»: вольготно живётся только тем, у кого в руках большая власть. Даже офицерство живёт в страхе перед вышестоящим начальством, постоянно опасаясь унижения. А ведь было время, когда офицер ценил честь дороже жизни, когда дуэль уравнивала её участников, независимо от их знатности, богатства и чина. В восемнадцатом веке некто Кужелев, имевший самый низший офицерский чин прапорщика, вызвал на дуэль своего командира, полковника Бахметева, оскорбившего его. А однажды один из офицеров даже послал вызов великому князю, будущему императору Николаю Первому. А попробуй теперь кто-нибудь из подчинённых сказать слово против Болонкина или жалкой тупицы «Сорняковой», и он сразу же пожалеет о своём безрассудстве: чиновник у нас всегда прав.

Начальник милиции долго ещё упражнялся в красноречии, украшая свои грозные тирады словами, которые в словаре Ожегова днём с огнём не сыщешь, но Олег слушал его краем уха, а сам думал о своём: так вот чем отплатила ему жена за его любовь!

- В общем, так, - перестав орать, вдруг спокойно заговорил полковник, и Олег сразу очнулся от своих мыслей. – Не хочешь в тюрьге оказаться, так чтоб послезавтра к вечеру духу твоего в нашем районе не было! Тебе ясно? – И,

обращаясь к милиционерам, стоявшим навтыжку, приказал: - Выведите его отсюда, и пусть валит на все четыре стороны!

Войдя в свой кабинет, Барханов сел за стол и в отчаянии сжал виски руками. Дело приняло оборот неожиданной и страшный. Он хорошо понимал, что не по собственной инициативе Болонкин приказал ему убраться из района. Так всегда поступал с неугодными ему людьми первый секретарь райкома. Рассказывали, будто однажды, вызвав к себе главврача районной больницы Мамедова, он, по своей привычке, грязно высказался о его матери. Мамедов был дагестанец, а у них подобные слова о матери – самое страшное оскорбление, какое только один мужчина может нанести другому. Плата за это только одна – смерть!

- Ах ты, сука! – в ярости закричал горячий горец и, схватив со стола хрустальную пепельницу, замахнулся ею. – Да я твою башку поганую расшибу сейчас!

Первый секретарь побледнел от страха и залепетал извинения. Вскоре райбольница получила нового главврача, а Мамедов с семьёй, продав за бесценок свой дом, отбыл из города в неизвестном направлении. И, хотя новый глава районной медицины оказался полнейшей бездарностью и дела в больнице пошли из рук вон плохо, Шестируков был доволен своей победой.

А вот теперь настала очередь Барханова. Только в чём он провинился перед первым секретарём? Ясно, что не в двух пустых гильзах дело, они просто повод для расправы с ним. Может, всему виной то, что ему не удалось избавить хозяина района от приставаний Галины?

Его размышления прервал телефонный звонок, от которого он так и подпрыгнул на стуле. Звонили из райкома партии: его вызывал к себе Герман Гаврилович. Ну что ж, экзекуция продолжается, как и следовало ожидать.

Первый секретарь, как и начальник милиции, сесть ему не предложил. Но он и сам стоял, опершись кулаками о стол. Брови его были сурово нахмурены, челюсти стиснуты, и Олег понял, что ждать пощады от него бессмысленно.

- Ты что же это, Барханов, тут воду мутишь? – грозно спросил он. – Мало того, что патроны дома хранишь, так ты ещё и аморальный образ жизни ведёшь! Пьешь водку, понимаешь, с девками путаешься! Мы тебе такой ответственный пост доверили, чтобы ты пример нравственного по-ведения молодёжи показывал, а ты, понимаешь, сам морально разложился!

Олег смотрел на этого сытого, самодовольного человека, этого нравственного уродя, растлевающего совсем молодых девушек, спящего с жёнами своих сотрудников, соблазнившего и его жену Галину и в то же время высокомерно поучающего всех, как надо жить, чтобы не нарушать положений морального кодекса строителя коммунизма, и глубокое отвращение к нему, к его окружению и даже к собственной жене овладевало им. «Какой же дурак я был, - думал он, - когда верил во всю эту галиматью, которую этот бык-производитель нёс с трибуны! Всё во имя человека, всё для блага человека - какие красивые слова! Да нужно оно, это народное благо, всем нашим вождям сверху донизу, как псу балалайка! Наш электрик рассказывал мне, как он ремонтировал проводку в подвале у Шестирукова и увидел там целый лес висящих дорожных колбас и множество ящиков с водкой, коньяком и шампанским, а народ, о благе которого он так печётся на словах, впроголодь живёт!»

- Извините, Герман Гаврилович, - сказал он. - Не знаю, откуда у вас эти сведения, но всем моим знакомым известно, что я не пью вообще и девок не порчу, как некоторые, и с чужими жёнами не сплю!

- Ты на кого намекаешь? - взорвался Шестируков - Ты сначала думай, а потом говори! А за что ты вчера жену свою избил?

- Я? Избил? - изумился Барханов. - Да я её пальцем не тронул! Я только хотел её домой увезти, чтобы она нас с вами не позорила. Я вижу, что она много обо мне гадостей вам наплела. Ну что ж, как говорится, Бог ей судья.

- Вот жалоба на тебя. Здесь написано, что ты избил её и бросил в бригаде, и она три часа пешком до города добралась. А вот это что значит? - И он прочитал: «Барханов за глаза называет Вас Шестируким Шивой». Что это ещё за Шива такая? Что значит эта оскорбительная кличка?

«Вон как далеко зашла моя любимая жёнушка! - подумал Олег. - Видно, совсем её любовь к этому жеребцу с ума свела, что она и в самом деле в тюрьму меня засадить решила! Кто их поймёт, этих женщин, на какие пакости они способны, когда возненавидят кого-нибудь?»

- Ты чего молчишь? - ещё больше рассердился Шестируков. - Я тебя спрашиваю, что эта кличка означает?

- Это у индийцев бог такой есть - Шестирукий Шива, - сказал Барханов. - Шестью руками легче мир держать, чем двумя. Это не оскорбление, даже напротив - похвала.

Первый секретарь недоверчиво посмотрел на него.

- Тут ещё много кое-чего против тебя написано, - сказал он, помахав в воздухе листком, исписанным крупным почерком Галины, - но мне некогда со всем этим разбираться. А теперь послушай меня. Из квартиры тебя уже выписали. Возьмёшь «уазик», поедешь в паспортный стол, там тебе в паспорте штамп о выписке поставят. Потом в военкомате с учёта снимешься. В загсе тебе выдадут свидетельство о разводе. Я уже обо всём распорядился. Собирай вещи, покупай билет на поезд и послезавтра мотай отсюда подобра-поздорову! Всё! Можешь идти!

Барханов усмехнулся и, не прощаясь, вышел из кабинета.

К вечеру он оформил все документы, упаковал чемодан, захватив только самое необходимое. С женой встретиться ему так и не удалось, она где-то скрывалась от него: то ли боялась скандала, то ли стыдилась того, что натворила в последние дни.

На следующий день он хотел попрощаться с теми, с кем связывали его товарищеские отношения, но и прокурор, и второй секретарь райкома партии, и заведующая отделом пропаганды и агитации оказались так заняты, что не сумели выкроить для него ни минуты. Даже инструктор Виктор Гамов, которого он считал своим другом, слегка посочувствовав ему, поспешил от него поскорее избавиться. Было такое впечатление, будто между ним и этими людьми вдруг возникла непреодолимая стена.

«Вон как всё обернулось! – мрачно размышлял Барханов. – Был у меня авторитет, была жена любимая, хорошая должность и квартира, теперь же не осталось ничего, и сам я превратился в изгнанника, от которого даже те, кого я считал друзьями и приятелями, шарахаются, как мыши от голодного кота. И никому не пожалуешься, и никто тебе не посочувствует».

Он знал, чем в районе кончаются жалобы на начальство. Как-то три учительницы школы, где тогда работала Галина, прилюдно оскорблённые заведующей районо, грубой бабой, привыкшей ко всеобщему повиновению и самой бесстыдной лести в её адрес, отчаявшись добиться справедливо-восты на первого секретаря райкома, пожаловались на неё в краевой комитет КПСС. Оттуда их жалобу направили Шестирукову, а тот отдал её заведующей, сказав: «Разберитесь!» Ну, она конечно разобралась: все три жалобщицы, не выдержав постоянных проверок и униже-

ний, вынуждены были уволиться с работы «по собственному желанию». И это был не единичный случай.

Один только Паша Зернов не побоялся прийти к нему на квартиру.

- Жаль, что всё так вышло, - посочувствовал он Олегу. – Но наш районный фюрер таких, как мы с тобой, не очень-то жалует. Ему нужны сладкопевцы-аллилуйщики, в их окружении он ощущает себя полубогом. Но твоя-то, твоя! Такая тихоня была, а такой штучкой оказалась! На мужа донос написала! Прямо как в сталинские времена.

В Москве Барханов поселился у родителей. Отец помог ему устроиться редактором в издательстве.

Из писем Паши Олег узнал, что вскоре после его отъезда Шестируков избавился и от Галины. Он договорился в крайкоме о повышении её в должности, и её назначили заведующей отделом пропаганды и агитации в один из отдалённых глухих районов края.

Шли годы. Олег женился, воспитывал сына и дочь. Он работал уже главным редактором книжного издательства и был довольно известным писателем.

Как-то Паша Зернов, приехавший по делам в Москву, сообщил ему, что Галина вышла замуж, но муж её оказался пьяницей, и она развелась с ним. После 1991 года райкомы партии были разогнаны, и ей пришлось вернуться в родной город. В школах места не оказалось, и она стала работать воспитателем в детском саду. Отец её умер. Она живёт с матерью, замуж так больше и не вышла, детей у неё нет. Жалеет ли она, что так подло тогда поступила с Олегом, неизвестно.

Дубинноголовую «Сорнякову» несколько лет назад отправили на пенсию, и на её место назначили Пашу.

Газету переименовали в «Степные зори». Тираж её вырос в четыре раза, особенно после того, как Паша с разрешения Олега перепечатал в ней главы из его книги, в которой он едко высмеял порядки, царившие в районе при первом секретаре райкома Шестирукове. Читая эти главы, Герман Гаврилович, оказавшийся после закрытия райкома безработным, ругал Пашу по телефону после выхода в свет каждого номера газеты с главами из повести, требовал от прокурора возбудить дело против редактора и автора, но тот сказал:

- Я вам не советую в суд на автора подавать. Вы вот что поймите: будете судиться – люди поймут, что вы себя

в секретаре райкома Белоглазове из повести узнали. Зачем вам это? Чтоб над вами люди смеялись? Да любой адвокат, даже самый неопытный, легко докажет, что это просто художественный образ. Конечно, каждый волен узнавать или не узнавать в нём себя, но кто узнает, пусть претензии к себе предъявляет, а не к автору!

Зато жителям района публикация понравилась: в Белоглазове они увидели Шестирукова, а в Кошкине – Болонкина. «Здорово он их пропесочил!» - восхищались они автором.

Болонкин, живший по принципу – «ни дня без водки», лишившись должности, вскоре спился и умер от цирроза печени. Шестируков постарел, растолстел, опустился. Его многочисленные в прошлом друзья, собутыльники и прежние поклонницы больше о нем не помнят, жена развелась с ним и вышла замуж за другого, и теперь он живёт замкнуто и одиноко. Он часто болеет: прежние излишества основательно подорвали его здоровье.

- Знаешь, Паша, - сказал Барханов, - я давно уже убедился в том, что человеку рано или поздно приходится платить за всё зло, которое он сделал людям. Беда в том, что мало кто об этом задумывается. Подлыми делами уважения не заработаешь. Так давай выпьем за то, чтобы всякие шестируковы и болонкины больше никогда не встречались на нашем жизненном пути!

Они чокнулись и весело рассмеялись.

Запах талых снегов

Право, не стоило лететь на эту свадьбу.

Если смотреть с одной стороны... И то, может быть, по прошествии времени... Впрочем, он не уверен ни в чем. Просто тогда был март. Первые теплые дни, когда бодро застучала сосульчатая капель и от запаха талого снега кружилась голова.

И выходила замуж сестра Павлика, которую Глеб и видел всего однажды, пять лет назад, когда на осенние праздники Павлик пригласил его домой и они три дня провели в забайкальском поселке возле отрогов Хамар-Дабана. Это были прекрасные дни: мелководная речушка за огородом уже была покрыта вполне приличным льдом, прозрачным и гладким, у Павлика нашлась лишняя пара старых «канадок», и день они расчерчивали лед вдоль камышовых заводей: было ясно, морозно и весело. Второй день лазали по склонам сопки за посвистом рябчиков. И это тоже запомнилось: желтизной шуршащей листвы, прозрачным воздухом и напряжением скрадывания обманутой манком птицы.

Тогда вечером, провожая день обильным ужином и расслабленно-благодушным разговором с отцом Павлика, он и отметил что-то огнистое, быстрое, мелькнувшее в коридоре, с любопытными глазами, но девочка была явно мала, чтобы заинтересовать его, - и вот на тебе, уже выходит замуж. Сколько же ей лет?

- Так ты летишь? - поторопил Павлик, застегивая портфель, набитый рубашками и прочей мелочевкой, которую явно приготовил для домашней стирки.

**ВИКТОР
КУСТОВ**

ПРОЗА

- А сколько невесте?
- Надьке?.. Семнадцать...
- И уже замуж...
- А... Нагуляла... С солдатиком... Из части на сопке. Помнишь?

Часть Глеб помнил. Вернее, шлагбаум и будку в распадке, за которыми так призывно кричал рябчик, что, если бы не часовой, он пренебрег бы запретом.

- А хорошенькая подружка у нее есть?..
- Откуда я знаю. Малолетки они...
- Ну да, - согласился Глеб. - А может, мне и хочется юного, светлого...

- Ладно, не вешай лапшу... Летишь?

Павлик выжидающе замер посреди комнаты, окидывая ее взглядом: ничего не забыл?

- В выходные уложимся? - уточнил Глеб.

- Само собой, у меня вообще на работе с понедельника аврал.

- Хорошо. - Глеб резко поднялся, отчего панцирная сетка общежитской кровати, облегченно застонала. - Уговорил.

Он полез во внутренний карман пиджака, висевшего на стуле, вытащил кошелек, задумчиво взглянул на оставшуюся мелочь.

- Не напрягайся, - вмешался Павлик. - У меня деньги есть. На билет я тебе займу, а содержание - за мой счет...

- Куда делась зарплата, вроде пару недель прошло...

- Настю по ресторанам не води...

- И в театр, - уточнил Глеб.

- Между прочим, мы можем опоздать...

- Айн момент...

Глеб скинул рубашку, достал из шифоньера белую, праздничную, с жабо, надел. Глянул в мутный зеркальный обломок. Потом на Павлика, но тот явно был сам в себе и его мнения спрашивать не имело смысла. Надел пиджак, скорбно оглядел мятые брюки, но решил, что утюг даже среди свадебной суеты отыщется, и, на ходу натянул куртку-алеутку, вышел: терпеть не мог возиться с их раздрыванным дверным замком.

Март явно безумствовал. Иначе как еще можно объяснить это желание приставать к каждой проходящей девушке, останавливаться, провожать взглядом, громко высказываться по поводу... И совсем забыть, что уже не мальчик, как-никак, инженер, сотрудник НИИ и почти женатый человек.

Павлик ждал, придерживая дверцу троллейбуса - высокий, худой и серьезный. И не свободный - Наташка не позволяет. А может, уже счастливый и поэтому девушек не замечает.

Двери напряглись, вжимая Глеба в спину Павлика, потом расправились, позволив вдохнуть. До аэропорта ехать прилично, есть время рассмотреть пахнущих весной женщин, предоставив право отслеживать маршрут другу: он на глупости не отвлечется и они свою остановку не проедут. . .

Их сосуществование длится уже шестой год. С первого курса. А точнее, с того самого момента, когда Глеб, выскочив из дверей приемной комиссии - уже студентом, способным летать и желающим орать во всю мочь - врзался в узкую грудь входящего. Так они встретились. А познакомились спустя день, оказавшись соседями по комнате в общежитии.

...Это она... Несомненно... Голубоватое пальто, длинный шарф и такой же длины волосы, русые, чуть распущенные на концах... Вот только Павлик мешает подойти ближе, отгородил от Глеба, одной рукой вцепившись в поручень, другой придерживая желающий распахнуться портфель. Глеб чуть поднажал, вибрируя, вклинился между ним и мощным дядей и почти уловил запах ее духов... Восхитительно волнующий... Но это было все, что ему удалось сделать, и следующие две остановки пришлось довольствоваться малым: запоминать запах и надеяться, что они встретятся взглядами и выйдут вместе...

Но вышли они с Павликом. Тот бесцеремонно вытащил Глеба из троллейбусной пробки, едва не выронивш распавшийся, но вовремя подхваченный портфель.

- Лучше бы ты меня бросил, - капризно произнес Глеб. - Такие волосы... Ты случайно не видел, как она в фас, в профиль?..

- Кто? - Павлик стремительно зашагал в сторону аэровокзала.

- Господи, ты совсем монахом стал, - оскальзываясь, догнал его Глеб. Понимал, что ничего не добьется от Павлика, но очень уж хотелось поделиться. - Как можно было не заметить такую красоту?.. Да она... - Остановился, подбирая сравнение, рванулся следом. - Да это самая красивая девушка в мире! - и уткнулся в остановившегося Павлика.

- Кто? Настя?

- Ну ты!.. - У Глеба даже голос сорвался. - Павел, ты меня расстраиваешь... И мне не хочется больше с тобой ничего обсуждать....

- Прекрасно, - благодушно согласился тот. - Тем более, что мы можем опоздать. Давай паспорт...

- Паспорт... Ах, да... - Глеб без удовольствия подхватил протянутый портфель, буркнул:

- А вот твоё шмотье могла бы и Наташка постирать, везешь за сотни верст...

Но Павлик, когда чего не хочет слышать, не слышит. Счастливая способность. А вот у Глеба слух уникальный, не слух, а сплошная неприятность. Павлик только на кровать, к стене отвернется и сопит, а он в тишине мается: слева - скрип, справа - скрип, шлеп, шмяк, а то и мычание довольноное - общага у них семейная и коммунистическая, звукоизоляции ника-кой.

...Глеб постоял, вдыхая запахи весны, потом вошел в аэровокзал. Павлика сразу увидел - торчит у самого окошка кассы. Ну вот, обратно выжимается, рука - над головой, в ней бу-мажки зажаты. Значит, лететь, выбора нет.

Глеб глубоко вздохнул. Павлик пронесся мимо, не заметив протянутый портфель, бросил:

- Посадка уже, пошли быстрее...

Несправедливость, конечно, но кто платит, тот и дикутет свои законы...

С билетами впереди - Павлик, с его пухлым портфелем за ним - Глеб, так и прошли мимо дежурной, и бегом к трапу, по которому уже последний пассажир поднимается. И что характерно, Павлик в этой гонке о своем портфеле даже не побеспокоился, поэтому Глеб, отдышавшись в салоне, без всякого стеснения всучил хозяину забытую вещь.

- Успели, - довольно выдохнул тот и уткнулся в иллюминатор.

В отличие от друга Глеб терпеть не мог высоты, предпочитая изучать табличку с предупреждающими «Не курить! Пристегнуть ремни», пассажиров, стюардесс, если они были, и просто дрожащий пол. Лучше всего он чувствовал себя на земле, перед взлетом и сразу после посадки. Но об этом не знал даже Павлик, единственное, что тот отмечал в полетах, еще большую болтливость Глеба. Вот и сейчас Глеб засыпал товарища вопросами:

- Паша, а меня там ждут? А то явлюсь неожиданно-негаданно, твоя сестра - ах, жених - в шоке, подружки - в восторге, все - вокруг меня, свадьба сорвалась...

- Не трепись, - оборвал Павлик.
- А если серьезно? - уточнил Глеб.
- Ждут, ждут, - с неожиданной улыбкой отозвался Павлик и пояснил: - Батя просил, чтобы ты приехал...
- О, старикам я почему-то нравлюсь, - произнес Глеб, глотая слюну, и добавил, пытаясь перекричать взревелившие двигатели; - И старушкам. А вот красавицам юным...
- Слушай, Глеб, а чем тебя Настя не устраивает? - неожиданно спросил Павлик. - Сходитесь, и беситься перестанешь.
- Та-ак, - протянул Глеб. - Значит, женщина - это всего лишь средство от бешенства...
- Ты понимаешь, что я имею в виду, не утрируй.

Самолет вздыбился и стал набирать высоту.

Их вдавило в сиденья, и поданные стюардессой леденцы по имени «Взлетные» стали основной заботой. Согласно всеобщему мнению, именно подъем - самый опасный режим для самолета, и Глебу казалось, что время замерло, что он так и не дождет, когда натужный рев сменится успокаивающим гулом ровного полета. У него тогда сразу улучшалось настроение, он начинал оглядывать пассажиров, задевать стюардесс и, если полет был длинным, попить газированную или минеральную воду мелкими глоточками, с перерывами и задумчивым перекачиванием аэрофлотского бокала в ладонях. А еще он становился, как самому казалось, очень остроумным, но вот использовать это остроумие практически никогда не получалось, потому что большинство пассажиров предпочитали полет молчаливый, в дремоте или чтении. Поднимаясь по трапу, Глеб всегда мечтал о прекрасной соседке, с которой даже в минуты катастрофы (не дай Бог! случилась бы) было бы нестрашно, взявшись за руки или даже лучше - крепко обнявшись, выживать. Но увы, ни прежде, ни сейчас такой соседки не оказалось: слева сидел невозмутимо прилипший к иллюминатору Павлик, справа, через проход, - мужик, нагло вытянувший ноги в огромных унтах и явно настроившийся всхрапнуть.

Наконец самолет выровнялся.

Глеб перегнулся к Павлику, продолжил:

- Нет, друг Паша, мой идеал - это нечто божественное, нежное, непорочное... Это - вдохновитель, катализатор...
- Аккумулятор, - вставил Павлик. - Или, еще лучше, генератор...
- Фу, как ты все опошляешь...

- Ты лучше взгляни, какая красота под крылом! - Павлик отстранился, великодушно предоставляя Глебу возможность выглянуть в иллюминатор.

- Благодарствую... Я и так прекрасно представляю, как выглядит снежная равнина...

- Это Байкал, а не равнина.

- Все равно снежный... Лучше бы ты разглядел ту девушку, с волосами... Интересно, как ее могут звать... Светлана... Или Наташа... А может, Виолетта...

- Жореса, - буркнул Павлик.

- Жореса?.. Такого имени нет...

- А ты что, все имена мира знаешь?

- Один - ноль, - поднял руки Глеб, отмечая, что режим работы двигателя изменился. - Там берег еще не виден? - спросил он.

- Подлетаем, - подтвердил Павлик, откидываясь в кресле и позволяя солнечному зайчику прилечь на пиджак Глеба.

- Вот и славно. - Глеб развернул запасенную «Взлетную». Не удержавшись, признался: - Хорошо, когда лететь недалеко, только взлетели - вот уже садимся, слава Богу...

- А я люблю летать, - вздохнул Павлик. - Смотришь вниз: города, поселки, тайга... Дороги - как ниточки... Все само по себе... А там такие же, как мы...

- Ты чего, Паша? - Глеб заинтересованно взглянул на друга. - Неужели лириком становишься?

Самолет ощутимо трянуло, моторы взвыли, и он забыл заготовленную колкость, вцепил-ся в поручни, с трудом сдерживая подступившую тошноту, и, увидев в иллюминаторе несущийся на них город, вовремя сдержал крик, потому что в следующее мгновение самолет выпрямился и стал опускаться. И Глеб вместе с большинством пассажиров привстал, теперь уже безбоязненно поглядывая в иллюминатор на мелькающие мимо постройки аэродрома, избавляясь от напряжения, желая как можно скорее что-либо делать, двигаться.

- Куда ты все время спешишь? - недовольно произнес Павлик. - Еще полчаса вырывать будем...

- Похоже, ты на свадьбу совсем не торопишься, - отпарировал Глеб. - А если на электричку не успеем?

- Успеем, - твердо пообещал Павлик ...

На электричку, на которой до деревни Павлика пилить еще час без малого, они, конечно, успели, Павлик всег-

да все делал с временным резервом. Доехали без особого комфорта - первую половину пути пришлось курить в тамбуре (похоже, весь город жаждал на выходные разбежаться по деревням), но закончились близкие дачные поселки, и можно было и покайфовать, созерцая однообразный пейзаж сквозь закопченные окна. И даже удобно развалиться на жесткой скамейке в полупустом вагоне.

Их не встречали, хотя Глебу было бы приятно, если, допустим, подружка невесты ждала бы на мокром от весенних луж маленьком перрончике и, вскинув выражающие будущую страсть руки, припала к его груди. Но на перронной скамейке сидела лишь парочка, явно после бурной ночи, пытаясь вписаться в этот мир. И Глеб с завистью задержал на них взгляд, хотя даже издали девушка была явно некажиста и темные взлохмаченные волосы отдаленно не напоминали золотые пряди той, из троллейбуса...

- Осторожно, - вовремя подхватил его под руку Павлик, а то загремел бы Глеб с перрона в весеннюю лужу. - Слушай, женился бы ты, что ли? Всем было бы лучше.

- Кому это всем? - уточнил Глеб, отстраняясь и выбирая оптимальный путь среди дорожных колдобин, заполненных водой.

- Тебе, Насте и всем твоим родным и близким...

- И прежде всего тебе, - уточнил Глеб. - Слушай, Паш, почему женатики или вот как ты, зависимые, всегда покушаются на свободу холостяков? От зависти?

- Это ты завидуешь влюбленным, - парировал Павлик. - Вон, заглядываешься, чуть ногу не сломал...

- Да, засмотрелся... Я радуюсь чужому счастью... Искренне...

Глеб расстегнул алеутку - здесь, у подножия совсем близких горных отрогов, было ощутимо теплее, - и, не щадя ботинок, зашлепал по мелким лужам, жалея, что больше на дороге никого нет и не с кем поделиться чувством любви ко всему, что есть в этом мире.

Павлика он в расчет не брал: за многие годы сожителства в общежитиях он понял, что флегматики хороши только в качестве громоотвода, но ни в коем случае не трута. Вот и сейчас тот не преминул удивиться неразумному поведению Глеба.

- Ноги промочишь...

- Весна, Паша, весна.

- Все равно, - буркнул тот, и Глеб передумал развивать тему.

Родная деревня Павлика - одна улица, притулившаяся у склона сопки и несколько ответвлений-проулков от нее. В тот давний приезд Глеб поднимался на склон сопки. Рассматривая деревню сверху, отметил, что больше ей и не было возможности растягиваться: с одной стороны, она упиралась в реку, которая, гремя по каменным валунам, неслась из ущелья, с другой - в пустынную долину, по которой пролегла железная дорога. А за долиной и безлесой возвышенностью был город, откуда они приехали. Но увидеть его можно было только с самой высокой из вершин, что вздымались над деревней. Но дорогу туда перекрывал шлагбаум...

Они шли со станции в деревню, и Глеб спросил:

- Паш, а ты поднимался туда, на самый верх?.. Чтобы город увидеть.

- Там - воинская часть, - отозвался Павлик, обходя лужу.

- Так что, она там все время?

- Все время.

- И вы пацанами не лазили? По-пластунски, ночью... Я представляю... - Глеб остановился, крутанул на месте: - Сердце колотится, каждый шорох пугает, всякие чудища, звери... Слушай, это же на всю жизнь память...

- Ага, память... Был у нас герой... Его увезли куда-то, и батьку следом.

- Что значит увезли?

- За шлагбаумом поймали и увезли. Это ж секретный объект...

- А, ну да...

Глеб задумался.

Настроение упало.

Мужчин в погонах любой раскраски он почему-то не любил, хотя сам окончил военную кафедру и уже почти год значился лейтенантом запаса. Впрочем, трепаться-то особо времени и не осталось: они уже шли по деревне, через пару добротных домов Павлик по-хозяйски толкнул полураскрытые ворота, и они вошли во двор, по которому сновали женщины в цветастых, не по сезону открытых платьях. На вошедших они не обратили внимания, и Глеб понял, что его фантазии слишком далеки от реальности.

Уже ничего не ожидая, степенно поднялся на крыльцо следом за Павликом и тут только сообразил, что у него нет свадебного подарка.

- погоди. - Он придержал того за рукав. - Слушай, я действительно болван, надо было хотя бы цветов...

Павлик недоуменно смотрел на него, он уже был то ли в прошлом, то ли в будущем, и неожиданноотреагировал:

- Цветы?.. Не знаю наверняка, но должны быть... Вон на том склоне, - махнул в сторону сопки, сразу за улицей, одновременно избавляясь от пальцев Глеба, и исчез за дверью, где тотчас стало шумно и многоголосо.

И Глеб не стал медлить, через мгновение уже карабкался по скользкой прошлогодней траве, желая одного: чтобы его не хватились как можно дольше, и чтобы цветы действительно были. Хоть какие...

Это были подснежники. Только-только проклюнувшиеся. С нежным пушком и неуловимым запахом. И было их всего несколько штук. Глеб опять вспомнил девушку из троллейбуса и подумал, что она обязательно оценила бы этот жест...

Но оказалось, что сестра Павлика тоже способна понимать такие поступки. И не только она. Он видел, с каким вниманием оглядели его деревенские молодки, когда он протягивал букетик вышедшей навстречу невесте.

- А вот это и есть сюрприз, - перекрыл поднявшийся гам голос Павлика. - Для тех, кто не знает - это мой друг Глеб.

- Знаем, знаем, - вышел вперед Федор Никитич, отец Павлика, отодвигая невесту, которую Глебу так и не удалось разглядеть. - Дайте гостю освоиться...

И с разных сторон к нему потянулись горячие руки: алетка, вспорхнув крылом, куда-то исчезла, следом - пиджак, а впереди, раздвигая длинный ряд стульев и не выпуская его руку, двигался Федор Никитич. Наконец, повинувшись его руке, Глеб опустился за стол. И тут же рядом плюхнулось нечто огромное пышущее жаром, отчего он инстинктивно прильнул к жилистому отцу Павла.

- Молодец, что приехал... - Не умолкал тот. - А я Павлу, мол, пусть уважит... друг...

Федор Никитич говорил и наливал в граненые рюмки себе, Глебу, его пышнотелой соседке, мужику с седой гривой и парой выбитых передних зубов напротив и миловидной де-вушке наискосок. И по тому, как все в ожидании замолчали, Глеб понял, что он попал уже в разгар события, и осталось только наконец-то разглядеть невесту и жениха, которого пока закрывал отец Павлика.

- Скажи-ка что-нибудь, инженер... - привстал Федор Никитич и еще громче, для тех, кто сидел у дальнего края стола, пояснил: - Эт Пашкин наипервейший друг... Работают вместе...

С помощью мощной соседки слева они выдавили его над столом, и Глебу осталось только пожелать молодым многих-многих лет и детей и прокричать «горько». А под считалку наконец-то разглядеть невесту (она оказалась рыжеволосой и миленькой) и жениха - в традиционном черном костюме, круглолицего, мелкого, на полголовы ниже невесты, с румяными и пухлыми щечками, совсем не похожего на представлявшегося ему бравого и молодцеватого солдата, которого бы он желал сестре друга в суженые.

Он выпил.

С чувством выполненного долга сел.

Подцепил на вилку маринованный грибок мигом проскользнувший вслед за водочкой, потом второй, и еще что-то из тарелки, стоявшей перед ним и все наполнявшейся и наполнявшейся разнообразной снедью - ни дать, ни взять, скатерть-самобранка, - и наконец осоловел и откинулся, оглядывая застолье.

Подружки невесты сконцентрировались от него наискосок, их было немного; обеда их взглядом, он выбрал одну, более-менее, и стал откровенно разглядывать. И чем дольше разглядывал, тем больше она ему нравилась. Особенно, когда, встретившись с его взглядом, прятала глаза и скромно краснела.

Свадьба уже гуляла вовсю.

Федор Никитич громко рассказывал соседям о своих замечательных детях и их чудесных друзьях, соседка слева ощутимо наваливалась на Глеба раскаленным бюстом, и он вынужден был крениться к Федору Никитичу, слушать и кивать в знак подтверждения. И все время старался не упускать из виду подружку невесты, а когда убедился, что взглядами они уже навязали узелков, вполне достаточных для знакомства, потревожил и отца Павлика, и соседку, выбрался из-за стола и, оттягивая мокрую от пота в том месте, где прижималась соседка, рубашку, вышел на крыльцо.

Глубоко вдохнув весенний влажный воздух, подумал: правильно сделал, что приехал.

Вышел Павлик, также глубоко вдохнул, развел руками.

- Славно... Как тебе?

- Хорошо, - благодушно откликнулся Глеб, - Ты молоток, что не оставил меня в скучном, грязном городе...

- Ну ты даешь... - Павлик пьяненько улыбнулся, похоже, он не пропускал, как обычно это делал, тосты, а на спиртное он был слаб. - Нет, город лучше, ты просто не жил в деревне... Поживи... А что, оставайся у нас, в моей комнате вот и живи...

Он качнулся, и Глеб поддержал его:

- Предложение заманчивое... Слушай, а что за девушка напротив меня сидит?..

- Девушка? Какая?.. Их много... По статистике, десять - на девять парней...

- Это точно, - не стал возражать Глеб, сознавая бессмысленность подобного вопроса. - Пошли, а то потеряют...

Подтолкнул Пашу в спину и тут же отступил, пропуская раскрасневшуюся, стремительную, ту, с которой переглядывался...

- Здравсьте, - бросила она, глядя снизу вверх на покачивающегося Павлика, и он замер, удивленно вглядываясь и припоминая:

- Зойка?.. Ты, что ли?

- Я, - смешливо сузила глаза, стояла, маня симпатичными бедрами, Глеб даже заволновался: а вдруг Павлик изменит. Но тот был верен Наташке.

- Молодец, выросла, - поощрил он и, исчезая в полумраке коридора.

- Вот такой у меня друг, - поторопился перехватить инициативу Глеб. - Старший инженер. Начальник, к тому же влюбленный. - Расставил точки над *i*, чтобы у Зойки не было сомнений. - А меня зовут Глеб, и я не начальник и не влюбленный ни в кого...

- Так уж и не влюбленные, - жеманно отозвалась та и застыла, прижавшись остренькими лопатками к косяку. - Как ни городской, так обязательно свободный...

- Зюечка, клянусь... Хочешь, на колени встану...

Глеб подогнул ногу.

- Да ладно уж...

Она повела плечиками, выдвинулась на крыльцо, опустила ладонь на перильца, и Глеб осторожно и как можно ласковее положил сверху свою ладонь.

Ее рука дрогнула, но осталась на месте, и он ощутил нечто нежное, теплое и волнующее. Склонился в ее сторону, еще больше пьянея от запаха, тепла, желания и прикидывая, как удобнее попробовать поцеловать, но Зоя вдруг резко развернулась, притопнула каблучками и, прыснув, убежала в дом.

Глеб огорченно вздохнул, спрыгнул во двор, энергично прошел к воротам, выглянул за них, стараясь отвлечься и погасить жар:

- Хороша...

Подумал, что так, вероятно, чувствовал себя и молодой Пушкин, заигрывая с деревенскими девками.

И бодро вернулся в дом...

Свадьба уже шла по накатанному, когда о молодых вспоминают только ради очередного тоста, все живут своим, и кто уходит, кто приходит, уже трудно заметить, главное, успевать выпивать за молодых, за их родителей, друзей и знакомых. И, как Глеб ни хотел скорее уединиться где-нибудь с Зоей, ничего не получалось. А что было в эпизодическом свадебном застолье, он уже припомнить не мог...

Утром долго пытался понять, где он.

И почему лежит поперек кровати.

И в конце концов, чья эта кровать...

- Вставай, - подымайся, боец, - раздался голос Федора Никитича. - Пошли голову поправлять.

Похлопал весьма ощутимо по плечу шершавой тяжелой ладонью и вышел из комнаты.

Глеб спустил с кровати ноги, потряс головой...

Было состояние веселой невменяемости: только что вышел отсюда веселый папа Павлика, комната весело подкруживалась, такими же веселыми были одежда, с которой он никак не мог справиться, и сидящие за столом. Угрюмостью отличался только Павлик. Потому что он никогда не похмелялся. Не мог. И поэтому единственный из любой честной компании умудрялся болеть долго и серьезно.

- Поправься.

Рюмка, протянутая Федором Никитичем, тоже оказалась веселенькой: никак не хотела даваться в руку, но куда ей - общими с Федором Никитичем усилиями Глеб опрокинул ее в рот и огляделся...

Невесты и жениха не видно...

Мать Павлика, строгая и молчаливая, как и подобает учительке, в темном платье с кружевным белым воротником, собрала на другом конце стола возле себя женщин.

Здесь - они с Никитичем, скучный Павлик, вчерашний мужик без зубов и амбал, смутно что-то напоминающий.

Там - Ольга Захаровна, толстушка вчерашняя, то и дело поглядывающая на Глеба, какие-то бабушки, тетки...

И ни одной подружки...

А ведь, кажется, вчера было что-то волнующее...

Глеб напряг извилины и, то ли опохмелка помогла, то ли память вернулась: кого-то он вчера провожал.

И целовал.

И даже за воротами стояли близко-близко...

А потом...

А потом этот амбал появился...

Он глянул на неторопливо жующего напротив широкоплечего коренастого крепыша и по перехваченному быстрому взгляду того утвердился: так и было... Вот он Зочку и увел... И так захотелось сказать тому что-нибудь приятное, что не удержался, перегнулся через стол:

- А ты ее береги...

И тут же понял - пьяно и нелепо. Но уже ничего не мог вернуть, слово не воробей, осталось лишь плюхнуться обратно, продолжая глупо улыбаться.

Но никому до произошедшего между ними вчерашнего никакого дела не было. И амбалу, похоже, до лампочки, чуть задержал взгляд, вникая в сказанное, и тут же повернулся к Федору Никитичу, продолжая прерванный разговор.

- Да, я чужой на этом празднике жизни, - не очень громко констатировал Глеб, не ожидая ничего внимания, но все же глубоко сожалел, что вчера что-то не получилось, и вспоминая волнуемый и так много обещавший запах Зочкиных духов...

Тем не менее настроение выправлялось, все вокруг оставалось веселеньким, но уже менее неустойчивым, и сомнения таяли. Хотелось отыскать Зочку...

Он встал из-за стола, подождал Павлика, и они вышли во двор.

День был чудный, по-настоящему весенний, с голубым небом и небольшими белыми легкими облаками, прохладным ветерком, приносящим запахи с горных склонов.

- Слушай, я вчера ничего такого не натворил? - спросил Павлик.

- А чего такого?.. - Глеб не смог преодолеть соблазн. - Ты имеешь в виду эту даму полно-грудую?

- Какую даму? - испуганно уставился тот. - О чем ты?

- Не помнишь, понятное дело... Которая с твоей мамой сидит... Что ты только с ней вчера не вытворял...

Глеб покачал головой и замолчал, наслаждаясь драматической паузой и вполне представляя, что сейчас происходит в душе друга.

- Не может быть, - сопротивлялся Павлик.

- Ну как не может быть... Спроси вот... Не помню, как ее зовут, сидела недалеко от невесты...

- И что же я сделал? - помог ему не завратиться до конца Павлик.

- Ну ты, право... Что может делать мужчина с женщиной?
- Ты что, неужели?.. - Павлик явно испугался, представляя последствия данного события в диапазоне от анонимного сообщения Наташке до вдруг подхваченной неприличной болячки. - Нет, не может быть...
- Почему не может, - вошел в раж Глеб. - Я со своей дамой только собрался уединиться, мы заходим в комнату, а там... все как полагается, в обнаженном виде...
- В какую комнату?
- В твою...
- В мою? - Павлик растянул губы в гримасе, отдаленно, но все-таки напоминающей улыбку... - О, черт, голова трещит... Ладно, этим не шутят... На первый раз прощаю.
- Какие шутки?! - искренне возмутился Глеб. - Зачем мне придумывать?
- Ну да, ты не придумываешь, но фантазируешь, - напомнил его же собственное изречение Павлик. - А я, между прочим, ночевал у дядьки, и как дошел до него, прекрасно помню...
- Зануда ты, - со вздохом согласился Глеб. - Может, тогда расскажешь, что со мной было?
- Да ничего, набрался и спать пошел...
- Ладно обижаться... А на самом деле?
- Так и было... - Павлик поморщился, помотал головой, пару раз глубоко вздохнул. - И надо мне так...
- Что ты переживаешь, не каждый же день свадьба... Тем более у родной сестры... - задумчиво произнес Глеб. - А когда я спать пошел?..
- Да вот Зойку проводил и пошел...
- Так я ее провожал?
- Наверное. - Павлик поморщился. - Мне бы твои проблемы...
- Поня-ятно, - протянул Глеб, пытаясь вспомнить, что же вчера было, но ничего нового в памяти не всплыло.
- Ворота приоткрылись, и в них влетело нечто весеннее. Во всяком случае - каким его представлял Глеб: стройное, легкое, улыбающееся и доброе-доброе, в чьи глаза можно было смотреть долго-долго...
- Здравствуй, Паша.
- Привет, Тань... А тебя, кажется, вчера не было?
- Только приехала... Где там моя подружка?..
- Иди, может, уже встали...
- Мимо проплыл огромный букет, и остался только восхитительно-волнующий запах...

- А почему со мной не поздоровались?.. - запоздало прокричал Глеб и, глядя в пустой проем, спросил: - Кто это?
- Соседка... - отмахнулся Павлик. - Что ты на каждую юбку вскидываешься?.. Малолетка, и жених в армии...
- Это ненужные подробности, - отмахнулся Глеб и в три прыжка взлетел на крыльцо.

Молодожены бледно отсвечивали в центре явно поскудевшего стола и вчерашнего внимания не вызывали. Лишь Ольга Захаровна исподволь изучала дочь, пытаясь догадаться, как прошла брачная ночь, одновременно продолжая неспешный разговор с соседками. Федор Никитич, отяжелевший и настроившийся вздремнуть, периодически встряхивал головой, оглядывался, прислушивался к себе, но, видимо, ясного импульса не ощущал и снова философски замирал, глядя куда-то за спины молодых. Амбала не было, и Глеб с удивлением это отметил, потому что он был уверен, что тот в ворота не выходил. И забыл: рядом теперь уже с замужней молодой сидела та, которую звали Танечкой, и он торопливо опустил на свободный стул напротив и, подхватив рюмку, потянулся в сторону молодых, поздравляя их с новой эрой в их жизни и желая-желая...

- Вот... мы с Танечкой незнакомы... Нас не представили...
- Танюш, это друг Павлика, Глеб, - отмахнулась явно невыспавшаяся молодая, но улыбку изобразила. - А это моя самая лучшая подруга.

На этот раз улыбка была искренней и радостной, но Глеб ее не видел, он смотрел на Танечку, сходя с ума от взгляда ее лучистых глаз, от запаха, от цвета кожи, от тонкой синенькой жилки, просвечивающей на правом виске, и едва заметно, быстро-быстро пульсирующей...

- Татьяна, - негромко произнесла и отвела глаза, пряча заалевшие щеки. - Вы знаете...

- Да, я знаю... И всегда знал - мою любовь зовут Татьяна...

Глеб прошептал это, подавшись в ее сторону, с трудом удерживаясь от желания коснуться его губами и стараясь прижаться к ее плечу, но Танечка мягко отстранилась, и он отклонился, так, чтобы видеть ее профиль, трогательный и бесценный.

Она стала о чем-то шушукаться с новоиспеченной женой.

Глеб не прислушивался, он старался понять себя, то, что с ним происходит.

Он никогда не считал, сколько раз за свою жизнь влюблялся, наверное, много, потому что дни, когда его сердце

было свободно, он не помнил. Он постоянно жил в состоянии влюбленности и страданий, по крайней мере с четвертого класса, в котором Оля Жогина, самая красивая девочка в классе, совсем не замечала его и всерьез злилась, когда он немного таскал ее за длинную косу. За все годы его безответной любви самое большее, чего он добился, была пара заинтересованных взглядов. Зато в выпускном классе он умудрился перецеловаться со всеми без исключения, приобретя на каникулах первый мужской опыт. Тогда все произошло до обидного быстро и нервно, и если бы не опытность и такт рыженькой и умненькой будущей учительницы, неизвестно, остался бы он таким влюбчивым...

Был, правда, еще период абитуриентства. Ему очень хотелось поступить. И он почти месяц, как никогда прежде ни в школе, ни потом в институте, корпел над учебниками, а в редкие часы отдыха, выскакивая на пляж, старался даже не смотреть на шоколадные девичьи фигурки...

А потом было безумство первых месяцев студенческой свободной жизни и были Наташи, Светы, кажется, даже Анжела, и вино, и кофе, и ночные бдения, и романтические прогулки, и конечно, поцелуи, много поцелуев, и кажется, с той же самой Анжелой - нечто большее, во всяком случае, он помнил ее голенькую рядом, но между застольями, поэтому совсем не был в том уверен.

А после была сессия, и его чуть не отчислили, но один из трех заваленных экзаменов он успел пересдать в промежутке между последними, а два других - чуть позже, и остался. И стал спокойнее, хотя влюбляться не перестал. Правда, теперь влюблялся не в каждую и не сломя голову...

Но никогда прежде он не переживал такого разнообразия оттенков чувств, которые обуревали его сейчас. Было, несомненно, и желание, но где-то далеко-далеко, а прежде он чувствовал нежность, обожание, страх, что все это может исчезнуть, и оттого очень хотелось крепко-крепко держать Танечку за руку, и он неотрывно глядел на ее профиль, ощущая, как она молча отвечает ему...

- Старичок... Глеб, ты что, заснул?.. - Павлик довольно ощутимо хлопнул его по плечу. - Нам пора, пошли...

- Куда?.. - с трудом возвращаясь в реальность, спросил он.

- На электричку, естественно... Для начала... Идем, я уже собрался...

- На электричку?.. А мы что, должны ехать?

- Однако ты вчера перебрал... До завтрашнего утра выветришься, до планерки? А то Хохлов «полкана» спустит...

- А кто, собственно, таков этот Хохлов, - бодро в рифму отозвался Глеб, не сводя глаз с повернувшейся Танечки, - обыкновенный занудистый и лысый наш начальник... И почему я должен его уважать и... любить... - Он смотрел в глаза Танечки. - Нет, не буду... Я буду любить Татьяну...

Мельком он отметил, что в углу Ольги Захаровны наступило молчание, но отвлечься не стал и повторил:

- Я буду любить Татьяну...

- Ради Бога, люби, - согласился Павлик. - Только поторопись, иначе на самолет опоздаем...

- Какой ты все-таки пошляк, - негромко резюмировал Глеб и неохотно поднялся. - Я не прощаюсь, Танечка. - И театрально развел руки: - Друзья, я не люблю прощаться... Я всех люблю, желаю всем всего...

- Всем - до свидания, - перебил его Павлик и подтолкнул Глеба.

Под разноголосое «до свиданья» они вышли на крыльцо. Тяжеленная авоська с харчами мигом очутилась в руке Глеба, и он не успел ни возразить, ни последний раз взглянуть на Татьяну. Федор Никитич и новый свояк Павлика проводили их до ворот, и тут втроем выпили на посошок, потому что Павлик отказался наотрез, и, ежась на неожиданно поступившем ветру, они зашагали по улице.

Авоська была явно не его весовой категории, и через сотню метров Глеб предложил Павлику вернуть ее родителям. Тот осуждающе покачал головой, пригрозил ничем не делиться и присовокупил авоську к необъятной сумке.

- Да ладно уж, - забрал ее обратно Глеб. - Паду как загнанный мерин, пусть совесть тебя замучает...

- Пади, пади... - безжалостно согласился Павлик, размахисто вышагивая по дороге.

Он уже пришел в себя и обрел привычную устойчивость. И Глеб позавидовал ему, ибо чувствовал себя не очень хорошо: веселость исчезла, на смену ей приходила тоска и лишь воспоминание о Танечке поднимало настроение. Авоська ощутимо оттягивала плечо и резала руку, так хотелось оставить груз в ближайшей луже, но он вынужден был тащиться с ним на электричку...

А почему, собственно, он не может поступать так, как ему хочется?..

Почему он должен расставаться с тем, без чего (он был уверен в этом) ему невозможно будет жить дальше?..

Глеб остановился.

- Паша...

- Давай быстрее, - не оборачиваясь и не останавливаясь, отозвался тот. - Видишь, электричка уже показалась.

Глеб прикинул расстояние до выползающей из-за сопки электрички, до перрона и сделал последний рывок.

Павлик ждал его на ступеньках, словно мог, протянув руку, придержать состав, если бы тот тронулся, подцепил авоську, собрался пройти в вагон. Но Глеб выпалил:

- Я остаюсь. Если завтра не прилечу, скажешь... А, что-нибудь придумай...

- Не понял... - Павлик превратился в вопросительный знак. - Не дури, залазь...

- Все, бывай, - не стал тратить время на пустопорожние объяснения Глеб. - Тебе не понять...

Электричка продудела и, с лязгом дернувшись, начала набирать ход.

- Так... А самолет, билет...

Павлик бросил авоську, вытащил из внутреннего кармана портмоне, вытряхнул билеты.

- Сдай! - прокричал Глеб.

- А у тебя денег нет, - напомнил тот.

- Ничего, займу...

- У отца возьми, я позвоню... Следующая электричка вечером... Ну ты и...

И не закончил. Да Глеб и не стал бы слушать, он уже почти бежал в деревню.

...Его возвращению оказались способны удивиться лишь Ольга Захаровна и Татьяна.

- Вернулся вот, - улыбаясь и глядя на Татьяну, сказал он. И, понимая, что это не объяснение для Ольги Захаровны, добавил: - Вечером уеду... Или завтра...

Он не мог ошибиться, Танечка была рада ему, и он выпалил, видя перед собой только ее глаза:

- Я не хочу от тебя уезжать...

Ольга Захаровна бросила осуждающий, как ему показалось, взгляд и отошла.

- Я влюбился в тебя, - сказал он. - Влюбился, и все...

- У меня есть жених...

Голос у нее был волшебный. И неуверенный...

- Это неважно...

- Я иду домой...

- Давай погуляем...

- Только я найду домой, - после паузы согласилась она.

Они вышли на улицу.

Даже легкие облачка куда-то исчезли. Светило яркое солнце, и ветер приносил запах талых снегов.

Глеб шел сбоку и чуть впереди, чтобы постоянно видеть ее, не обращая внимания на лужи, и наконец Танечка не выдержала, прыснув, выдернула его из очередной и доверчиво продела свою руку под его согнутую.

Он бы так шел и шел, но дом Татьяны оказался до обидного близко, совсем рядом, они прошли буквально считанные шаги.

- Зайдешь?

Когда она шурила глаза, Глеб терял дар речи... И плохо соображал, поэтому просто отрицательно покачал головой.

- Жду, жду, жду...

Татьяна исчезла за голубым забором, и он стал в нетерпении вышагивать по улице: десять шагов туда - десять обратно, туда - обратно, туда...

Она вышла.

В желтой куртке, из-под капюшона игриво выбивались завитушки волос, - еще красивее, еще желаннее...

- Только не очень долго, - попросила она.

- Почему?

- Во-первых, я почти месяц не видела родителей и они меня ждут. Во вторых, тебе тоже нужно ехать...

- А если я не хочу ехать?

- Нужно, - серьезно, словно маленькому, пояснила она.

-Завтра понедельник, рабочий день, будет прогул.

- Пусть будет...

- Зачем?

- Затем, что я никуда от тебя не уеду.

Он шагнул к Татьяне, намереваясь обнять, но она отстранилась, выставила вперед ладони.

- Сразу договоримся: не приставать...

- Я не пристаю. Я люблю.

- Так сразу... И к тому же у меня есть парень, он сейчас в армии...

- Я уже слышал и больше не хочу о нем ничего знать.

Выходи за меня замуж.

Татьяна остановилась.

Их взгляды встретились.

У нее были неземные глаза, он подумал, что никогда не обидит ее и никому не позволит обидеть.

Она отвела взгляд, молча пошла вперед. Он догнал ее, взял за руку. Ее ладонь была удивительно тонкой и беззащитной.

- Глеб, вам нравится Цветаева?
- Почему вдруг «вам»? Я обидел тебя?
- Нет... Но все-таки, нравится или нет... Например:
Заклинаю тебя от злата,
От полночной вдовы крылатой,
От болотного злого дыма,
От старухи, бредущей мимо.
Змеи под крестом,
Воды под мостом,
Дороги - крестом,
От бабы - постом.
От шали бухарской,
От грамоты царской,
От черного дела,
От лошади белой.

- Ты учишься в пединституте, - догадался он. - Признаюсь, я ее почти не читал. Но от чего же ты меня заклинаешь?.. От моей любви к тебе?

- Может, и так.

- Зачем?

- Не задавай глупых вопросов.

В голосе Татьяны прозвучало раздражение.

- Хорошо, не буду больше, прости...

Они прошли несколько шагов молча, на приличном расстоянии друг от друга. Наконец Глеб перестал обижаться.

- Знаешь, я больше технократ, чем гуманитарий. Все-таки инженер. Проза - другое дело... Газеты там... Техническая литература...

- Не оправдывайся! - Татьяна засмеялась и, крутанувшись на каблуке, продекламировала: - Я про-сто спро-си-ла...

- А я про-сто от-ве-тил, - в тон ей произнес Глеб и обхватил за талию.

Она не увернулась, как он ожидал. Они смотрели друг на друга, он слышал ее дыхание, наслаждался ее запахом, запахом весны, свежести, обновления, и губами коснулся ее влажных и ароматных губ. Но это длилось лишь мгновение, она отстранилась, ему показалось даже - оттолкнула его, и быстро пошла вперед.

- А мне уже скоро двадцать пять, - нагнал он ее. - И ты знаешь, я никогда ничего подобного не чувствовал... - Торпливо пояснил: - Нет, конечно, у меня были девушки, я целовался и, как мне казалось, влюблялся, но теперь я понимаю, это только казалось... - Он распахнул алеутку, словно крылья. - Я сейчас такое чувствую...

Татьяна молчала.

- Ты не веришь?

Он встал перед ней.

- Мы пришли, - произнесла она, обходя его.

- Куда?

Глеб огляделся. Они стояли возле перрона, на котором одиноко ожидал электричку то ли охотник, то ли геолог, если судить по костюму, сапогам и рюкзаку.

- А зачем мы сюда пришли? - искренне удивился он.

- Скоро электричка.

- Ну и что?

- Ты уедешь.

- Нет, я никуда не поеду.

- Меня ждут... И я очень тебя прошу...

Их взгляды встретились. И Глеб понял, что не может ей не подчиниться.

- Но... Мне нужно вернуться, - нашел он спасительный повод. - У меня просто-напросто нет денег...

- У меня есть...

- Да нет, не на электричку, на самолет... Павлик увез мой билет...

- Возьми... - Татьяна протянула несколько купюр. - Я очень тебя прошу... Уезжай...

- Но...

Она приподнялась на носочках, обхватила его за шею и поцеловала. По-настоящему. До головокружения...

Он услышал, что электричка уже совсем рядом, и не хотел этого. Но вот заскрипели тор-моза, ее руки соскользнули ему на грудь, мягко оттолкнули.

- Иди...

Она повернулась и быстро-быстро, не оглядываясь, пошла по дороге.

- Я приеду, - крикнул Глеб. - Я прилечу... Я не смогу без тебя...

Уже на ходу он вскочил в тамбур и стоял в нем до тех пор, пока и Татьяна, и деревня, и даже долина не скрылись из виду, а потом, не в силах сидеть на месте, пошел по вагонам в сторону города, пока не уперся в запертую дверь самого первого.

И здесь, уткнувшись лбом в холодное стекло, простоял до конечной остановки.

...Он плохо запомнил дорогу обратно, как и всю рабочую неделю. С понедельника у него на рабочем столе лежал би-

лет на самолет, на вечерний рейс в пятницу. Павлику он сказал, что должен отвезти Татьяне долг...

- Не вешай лапшу, - отмахнулся тот. - Я на майские праздники поеду и отвезу, подождет... Маешься ты напрасно. Они с Андреем с детства... Жених и невеста... А тебе поиграться... Гляди, если что, первым морду набью...

- Вот этого не надо, - поморщился Глеб. - Позвони лучше отцу, скажи, что переночевать зайду...

- Полетел бы в субботу, за день управился бы...

- Позвони, Паша, я прошу...

В принципе, Павлик человек неплохой и иногда входит в положение других...

...За неделю весна разгулялась по-настоящему. Обочины были украшены грязными снежными валами, луж прибавилось, почки на деревьях набухли и по вечерам аллеи со скоростью геометрической прогрессии пополнялись парочками. Ежевечерне, возвращаясь с работы, Глеб вынужден был их созерцать. Впрочем, он жаждал не девушек, которые обнимались с другими, он просто чувствовал себя ущербным, потому что не мог вот так же гулять сейчас с Танечкой. И замедлял шаг, предлагая Павлику не спешить и посидеть на скамеечке, подышать свежим весенним воздухом...

Павлик его настроения не разделял, он вечно торопился домой, никого и ничего не замечая вокруг, и допоздна пропадал у Наташки в общежитии. И оттого вечера в одиночестве были еще томительнее: Глеб перечитал уже все, что было, но Насте не звонил и гулять не выходил, чтобы случайно с нею не столкнуться. И все более утверждался: они с Татьяной - две половинки одного целого. Она - та, которую до сих пор тщетно искал...

Наконец наступила долгожданная пятница.

Глеб проснулся задолго до рассвета. Стараясь не шуметь, сходил в душ. Тщательно побрился. Еще раз прогладил рубашку и брюки и к пробуждению Павлика сидел на краешке заправленной кровати, уставившись во вчерашнюю газету. Тот окинул его удивленным взглядом, фыркнул, но промолчал и пошел умываться. Делал он это долго, так же неторопливо жевал бутерброд, никак не реагируя на нетерпеливо-демонстративное расхаживание Глеба по комнате. И только уже надевая куртку, произнес:

- Чего ты суетишься, еще целый рабочий день...

- Половинка, - возразил Глеб. - У меня билет на шесть...

- Значит, успеешь, - не стал возражать тот.

Они вышли на улицу.

Погода явно портилась. Небо было затянуто низкими синими облаками.

- Дождь будет, - произнес Глеб.

- Если не снег, - буркнул Павлик, поднимая воротник куртки.

Было действительно холодно, особенно по контрасту с последними, совсем весенними деньками. Даже кое-где лужи прихватило ледяной коркой.

Забираясь в переполненный троллейбус, разогрелись: Глеба прессанули так, что дух перехватило, пришлось, в свою очередь, как следует упереться. Павлик помог. В другом конце автобуса тоже нашлась пара жлобов не слабее, и невысокая полная женщина, оказавшаяся с прочими более терпеливыми пассажирами между ними, исторгла такой вопль, что вмиг вокруг нее образовалось пространство, и оставшуюся часть пути Глеб проехал, ощущая себя частью многочисленного спрессованного семейства, в размышлениях о негативном влиянии городского транспорта на производительность труда...

Однако все в мире находится в равновесии, и на смену плохому приходит относительно хорошее. Заместитель директора Хохлов именно сегодня решил бороться с нарушителями трудовой дисциплины и уже коршуном нависал на проходной, но они вошли за три минуты до восьми и неторопливо миновали его, полные достоинства и чиновочитания.

- Аникин, вот ты-то мне и нужен, подожди... - остановил тот Глеба, держа одновременно в поле зрения и часы, висящие над проходной, и вертушку...

- Сергей Леонидович... Пора... - дождавшись, когда стрелки заняли положенный угол, напомнил о себе Глеб.

- Погоди, - отмахнулся Хохлов. - Гамаюнова нет и Долбневой.

- А может, они приболели, - предположил Глеб.

- Не может. Вчера здоровые были...

- Да сейчас простуда, раз - и...

В дверь влетела Долбнева и, выбросив вперед сумку на длинном ремне, словно выигрывая финишные секунды, стремительно пронеслась мимо Хохлова:

- Доброе утро, Сергей Леонидович. Привет, Глеб...

- Привет...- отозвался Глеб.

- Здравсьте... - прожевал невнятно Хохлов, но более ничего не сказал.

Долбнева работала в отделе третий год и была толковым инженером. И слыла скандалисткой, хотя эта скандальность выражалась лишь в непочтении к начальству. Она опаздывала довольно часто, но не реже и задерживалась по вечерам, исполняя срочную работу.

- Никакой дисциплины, - запоздало отреагировал Хохлов. - Заставлю... - И прервался на полуслове: в проходе стоял Гамаюнов. - Та-ак... - Он победоносно поднес руку с часами к глазам, словно сверяя их с большими, дабы не было даже секундной погрешности, и продолжал изучать явно припухшее лицо Гамаюнова. Даже Глебу было очевидно, что причина опоздания того - в вечерней неводержанности, и весь отдел знал об этой слабости Гамаюнова, как и о том, что тот является родственником начальника управления и тем самым обладает иммунитетом против любых наказаний. - Эх, Яков Эрнестович, Яков Эрнестович...

Хохлов покачал головой, вздохнул и направился по коридору к своему кабинету.

Глеб поплелся следом.

- Я, собственно, хотел предупредить тебя, - устало произнес Хохлов, усаживаясь за стол. - С понедельника едешь в командировку. На пару недель... К Бычкову...

Бычков - это почти тундра, самая дальняя точка... Только вертолетом можно долететь...

- Сергей Леонидович... А почему на две, сделаю за неделю...

- Ты вот что, еще молод, не суетись... Там и за две не справишься с тем, что в задание впишу... А чего ты, собственно, сопротивляешься?.. Отдохнешь от города, командировочные получишь...

- С понедельника? - уточнил Глеб, понимая, что аргументы, которые он может привести против командировки, прозвучат по меньшей мере неубедительно.

- С понедельника, - подтвердил тот. - А теперь иди, трудись...

- Сергей Леонидович, а можно мне сегодня пораньше...

- Собраться?.. Хорошо... Если ничего срочного не будет... Но ты все оформи как положе-но, деньги получи, приказ уже в бухгалтерии...

- Есть.

Настроение мигом поднялось. Глеб вприпрыжку пробежал по коридору и, влетев в кабинет, выпалил Павлу, вяло перебиравшему бумажки на столе:

- В командировку к Бычкову, с понедельника... Сейчас деньги, цэ-у получаю и вперед... Наш паровоз, вперед лети... В деревне остановка...

- В какой деревне ?

- В твоей, Паша, в твоей... Хохлов меня отпустил сегодня... А в понедельник я улечу после обеда, все равно в Братске ночевать придется...

- В окно посмотри... - произнес Павел, и по ехидной интонации Глеб понял, что увидит что-то неприятное...

Шел снег.

Мокрый и густой.

Совсем не весенний.

В такую погоду если и летают самолеты, то не все. И уж явно не маленькие...

- Ничего, ранний гость до обеда, поздний гость - до утра... - оптимистично произнес Глеб.

- Блажен кто верует...

- Слушай, у меня такое ощущение, что ты не хочешь, чтобы я летел...

- Точно, - честно признался Павел. - Не хочу, чтобы ты запудрил девчонке голову...

- Ну вот что...

- Мальчики, не сорьтесь... - развела их вошедшая Долбнева. - Вот вам для проверки. - И бросила на стол стопу технологических карт.

- Благодарим, - галантно наклонил голову Глеб. - Вера, словами не передать, как мы счастливы...

- Я знаю...- Привычно бросила она и пошла к двери.

Павлик тоже не устоял, проводил ее взглядом.

Было что...

А потом Глеб вспомнил о Татьяне, командировке, обо всем сразу и заторопился по кабинетам за инструкциями, указаниями, прочей дребеденью, но с каждым часом неспешная по-ездка в аэропорт все больше становилась утпией: он выскочил на улицу и понесся сквозь густо падающий снег к стоянке такси, практически уже опаздывая на свой рейс. Задержка на дороге по причине случившейся ранее аварии (столкнулись два жигуленка) и вовсе шансов не оставила. Но он, все еще надеясь, вбежал в здание аэровокзала - и по многолюдности и застывшим очередям у стоек, понял, что мог бы и не торопиться...

Табло над стойками извещало о задержке всех рейсов.

На всякий случай подошел к стойке, узнал, что регистрации нет, самолеты не летают уже с обеда, и отправился

к справочному бюро. Здесь даже спрашивать не пришлось - за стеклом виднелась бумажка с лаконичной надписью: «До 20 ориентировочно...» Он глянул на часы, до восьми оставалось ровно столько, сколько отнимет дорога домой и обратно. А в кармане была куча денег и недалеко светилась вывеска ресторана. К тому же он не ужинал, а голод не тетка...

Но сегодня был явно не его день, перед ресторанной дверью томилась очередь душ в двадцать, и он решил, что его желудок вполне удовлетворится пирожками, которыми торговали в безлюдном буфетике. Бутылка пива помогла холодным и обделенным начинкой пирожкам благополучно добраться до места назначения.

Разделавшись с едой, он стал неторопливо прогуливаться по переполненному зданию, разглядывать мающихся пассажиров в надежде обнаружить свободное местечко. И вдруг увидел ту самую девушку из троллейбуса, с длинными чудными волосами. Он не мог ошибиться - это были ее волосы, ее пальто, и она оказалась очень даже симпатичной...

Глеб подумал, что если бы не Татьяна, не раздумывая познакомился бы.

Далеко уходить не стал, пристроился так, чтобы видеть ее, и спустя некоторое время понял, что летит она одна, никто ее не провожает...

Пару раз она смотрела в его сторону, и он был уверен, что обратила на него внимание.

Но стоять было утомительно.

Он обошел еще раз вокзал. Попутно оглядел себя в зеркале возле ресторанной двери и удостоверившись, что не обратить на него внимание просто невозможно, вновь вернулся на прежнее место.

Девушка читала, мило склонив головку набок, и он стал разглядывать ее, находя личико все более и более интересным.

Где-то под потолком зашипело, прокашлялось радио и бесстрастный голос сообщил, что по метеоусловиям аэропорт закрыт до двадцати двух часов. Замерший на мгновение людской муравейник вновь забродил, зашуршал, пополнил темными строчками по мраморному полу к стойкам, за которыми должен был появиться персонал, но он не появился, - и, потеряв надежду, вновь успокоился.

Но в этом движении рядом с девушкой освободилось место. Глеб не стал медлить, ноги уже гудели и он вполне

мог претендовать на отдых. Деликатно спросив, не занято ли, постарался перехватить скользнувший по нему взгляд, но не получилось, девушка тут же склонилась над книгой.

Привыкнув к новому, более комфортному положению, он негромко поинтересовался, чем так увлечена соседка. На этот раз девушка охотно закрыла книгу, одновременно показав обложку. Это оказался томик Цветаевой.

- Поразительно! - не выдержал Глеб. - На днях знакомая мне читала стихи Цветаевой, зна-ете, там есть такая строка: «Заклинаю тебя от злата...» - Он выждал и продолжил: - Теперь вот вы читаете... Меня Глебом зовут...

- Станислава, - помедлив, произнесла она. - Этого стихотворения здесь нет...

- А я плохо знаю поэзию, - признался он. - Я - технарь, инженер... Вот в понедельник в командировку улетаю, на Север, не до стихов...

Она положила книгу на скамейку между ними, давая понять, что совсем не против разговора, и Глеб воодушевился.

- Признаться, я вас, Станислава, в троллейбусе как-то видел... В восемнадцатом...

- Возможно.

- А вы далеко летите, если не секрет?..

- К родителям...

- И вы - будущий учитель... Я угадал?

- Нет. - От волос девушки пахло волнующей свежестью. - Почему-то все думают, что я учительница. Похожа?..

- Я бы не сказал... - Глеб замялся. - Но вот почему-то показалось...

- В принципе, близко. Я - тренер...

- Тренер!?

Глеб не мог скрыть удивления.

Она, глядя на него, заодно и звонко рассмеялась:

- Не пугайтесь - я тренер по художественной гимнастике...

- Неожиданно, - сказал он. - Первый раз общаюсь с живым тренером... К тому же по художественной гимнастике...

В институте я пытался заниматься гимнастикой, спортивной... - И вдруг, почувствовав себя легко и комфортно, признался: - Полгода всего выдержал, тяжелая это работа... - Повернулся к ней и, глядя в черные глаза, добавил: - Можно задать очень нескромный вопрос? - И получив подтверждение, закончил: - Вас дома зовут Стасей?..

- Это не вопрос... Это - прозорливость...

- Тогда я предлагаю перейти на «ты».

- А тебя по-домашнему - Глебушкой?

- Нет, - возразил он. - У нас строгая семья, сколько себя помню, всегда был исключительно Глебом.

- И в школе не дразнили?

- Дразнили, - не стал возражать он. - По фамилии... Фамилия у меня замечательная...

- И какая же?

Она излучала любопытство.

Он помедлил, интригуя:

- Аникин... Аникой дразнили...

- О, Аника-воин... Совсем не обидно...

- Осталось лишь выяснить, летим ли мы вместе...

- Я - в Читку.

- Увы, - вздохнул он, подумав, что все равно не предпочел бы ее Татьяне. - Мне - ближе...

- Но, похоже, мы оба никуда не улетим.

Она смотрела на табло. Оно сообщало о задержке всех рейсов до полуночи.

- Почему же, - оптимистично возразил он, - все желающие когда-нибудь куда-нибудь улетают... Стася, у нас уйма времени и я страшно голоден... Давай посидим в ресторане... - И торопливо предупредил: - Никаких возражений... Я - приглашаю, я - угощаю... Говорят, на Кавказе, где я никогда не был, если от приглашения отказываются - это кровная обида...

- Это ты видел фильм «Кавказская пленница»...

- Ах да, точно... Бедный Йорик... То бишь, бедный Шурик... - К Глебу возвращалось обычное игривое настроение, которое порождали понравившиеся девушки. - Так где твой багаж?

Он наклонился, подхватил небольшую спортивную сумку, подождал, пока поднялась Стася, и пошел вперед, рассчитывая ей путь среди полусонных пассажиров.

Очереди перед рестораном уже не было.

Они вошли в прокуренный, но неожиданно тихий зал. У входа оставили в маленьком гардеробе: он - алеутку, она - пальто, представ перед ним в узких брючках и дымчатом плотной вязки свитере. И он едва сдержал восклицание: у нее была просто классическая фигура. И пока она шла по проходу, он не мог оторвать взгляд. Сели за накрытый видовой скатертью столик и стали ждать, молча поглядывая друг на друга. Проиграл эту дуэль он.

- Не могу избавиться от ощущения, что мы знакомы давным-давно....

- Вполне возможно... - согласилась она. - По восточной философии все встречающиеся в этой жизни - или родственники, или хорошие знакомые в прошлой...

- По восточной? - переспросил Глеб и, не ожидая подтверждения, пожаловался: - Видимо там меня окружали сверхинтеллектуальные дамы... Одна моя одноклассница, хороший мой друг, - юрист, специалист по международному праву, другая знакомая - педагог, прекрасно знает поэзию. Ты, насколько я понимаю, любитель философии...

- Нет-нет, - покачала головой Стася. - Это мне мой знакомый рассказывал...

- Один - один, - поднял руки Глеб.

Появилась официантка в белой кофточке и синей юбке, собирающейся вот-вот лопнуть на объемистом заду, шлепнула перед Стасей меню, устало-равнодушно произнесла:

- Если кушать, то только котлеты и салат...

- Не понял? - Глеб медленно повернулся. - У вас разве не ресторан?...

- Если будете ждать, могут сделать бифштекс...

- Натуральный?

- Как положено... - И смилостивившись, добавила: - Салат неплохой... И пиво свежее...

- Насчет пива - это прекрасно. Пару бутылочек, - сказал Глеб и, глядя на Стасю, добавил: - И два салата с двумя бифштексами... Нам спешить некуда...

- Пить будете? - напомнила официантка, делая вид, что стряхивает крошки со скатерти.

- Я же сказал, пару пива...

- Ясно.

Она протяжно вздохнула и не спеша ушла за перегородку...

- А может, покрепче возьмем, коньяку? - запоздало предложил он.

- Я не буду, - сказала Стася, изучающе оглядывая зал, в котором, кроме них, сидели еще две пожилые пары, увлеченно поглощающие салат, и в дальнем полутемном углу - шумная и дымная мужская компания. - И бифштекс тоже напрасно заказал.

- Почему?

- У меня режим.

- Зачем тренеру... А, ты играющий тренер, - догадался Глеб. - Но ведь обычно режим выдерживается во время выступлений. Или всегда? Я, признаться, дилетант в вашей отрасли...

- Не всегда. - У нее была мягкая и очень привлекательная улыбка. - Но на следующей неделе у нас действительно соревнования.

- И ты - мастер спорта и чемпион...

- Да, - кивнула Стася, - а посему обязана...

- Вообще, мы несвободные люди, - перевел разговор на более знакомую тему Глеб - Того нельзя, этого нельзя, не хочешь - все равно делай.... Вот я не хочу лететь в командировку за Полярный круг, а меня отправляют... Кстати, и этот салат я не хочу...

- Его еще не принесли, вдруг он тебе понравится, - перебила его Стася.

- Да я уверен, что не понравится...

- Откуда такая уверенность?..

- Потому что... потому что... я знаю себя...

- Это здорово... А я вот совсем себя не знаю...

- Как так?..

Глеб сбился... Она была не похожа ни на одну из знакомых девушек. Из совершенно неведомого ему круга. И в школе, и в институте он занимался разными видами спорта, от волейбола и пинг-понга до туризма и греко-римской борьбы, но ни в одном не достиг значительных успехов. Как только он понимал, что может это сделать, ему становилось скучно и он переходил в другую секцию. Из тех, с кем он занимался, профессиональными спортсменами стали единицы, но до самых низших спортивных разрядов докарабкалось большинство. Иногда он жалел, что у него не хватило терпения получить значок хотя бы третьего разряда. И ближе всего к пьедесталу он был в борьбе, которая, кстати, меньше всего нравилась...

Но что было, то было... Он даже не стал болельщиком, и футбольные чемпионаты и Олимпийские игры, пользующиеся повышенным вниманием соседей по общежитию, про-сживал просто за компанию с остальными. И орал за компанию...

Официантка принесла салаты и пиво и избавила его от мучительных размышлений. Глеб налил в два больших фужера себе и Стасе и приглашающе приподнял.

- Банально, но - за знакомство...

- Почему банально... За встречу.

Она немного отпила и неторопливо стала есть салат. Он допил пиво и навалился на еду, не деликатничая...

Бифштекс пришлось ждать значительно дольше. Но первый голод был утолен, он попил пиво, изредка пред-

лагая долить Стасе и благосклонно принимая ее отказ, и говорил уже, особо не вдумываясь, обо всем, что приходило в голову. Напротив него сидела очень красивая девушка, к тому же с фигуркой - закачаешься, и она не тяготилась им. Глеб прекрасно чувствовал, когда девушкам с ним становилось скучно, но сейчас Стася внимательно его слушала и не была безразличной...

Он рассказал об институте и о секциях, в которых занимался, о практиках в Приангарской тайге, о гигантских комарах в истоках Курейки, о том, как чуть не утонул в болоте, о встрече с медведем на таежной тропе и как оба они этой встрече испугались...

...Вышли из ресторана после одиннадцати, уже как старые и добрые знакомые. Теперь он знал, что Стася - единственный ребенок в семье военных. Папа и мама - офицеры-медики. Забайкалье - их пятое место службы, и, очевидно, не последнее, но здесь они живут уже довольно долго. Она закончила медицинский институт, но еще в школе занималась гимнастикой, выступала на соревнованиях, были разряды, призовые места, поэтому в институте продолжила занятия, вошла в сборную команду, и больше времени уходило на тренировки и поездки на соревнования, чем на учебу. Стала мастером спорта. После института ей предложили тренировать девочек в городском Дворце спорта. Родители против и сейчас, но ей нравится, она бы не смогла быть врачом, у нее настроение портится от одного вида белых халатов...

- Стасенька, это, несомненно, комплекс...

- По-видимому, - согласилась она. - Но что будем делать дальше?

Они посмотрели на табло: сверху светилась строка «Задержка всех рейсов до восьми часов московского времени».

- Надо искать место... Можно, конечно, вернуться домой, но пока я доберусь, пока обратно... Нет никакого смысла...

- А я не очень далеко живу, - сказала она.

- Поедешь домой?

- Не хочется... Но ни одного местечка...

Он обвел взглядом видимую часть вокзала: Стася была права.

- Ну что ж, могу только позавидовать... - Глеб еще раз вздохнул. - Пойдем, провожу до троллейбуса. «Я в синий троллейбус тебя посажу, последний, случайный...»- перефразировал он. - Тебе нравятся песни Окуджавы?

- Не все...

- А Высоцкий? - наконец нашел свою тему Глеб. - Я в восторге... «Лечь бы на дно, как подводная лодка, чтобы никто не запеленговал...»

- Терпеть не могу, - поморщилась Стася. - Грубятинка и пошлятина...

- Нет, ты не права, - не согласился Глеб. - Высоцкий - это рупор поколения, это...

- Ты посмотри, какой снегопад, - перебила его Стася и подставила ладонь под крупные, густо падающие снежинки. - Я так люблю снег...

Она вышла из-под козырька, и в одно мгновение ее пальто покрылось белым крапом.

- Мартовский снегопад - не самое лучшее, чего хотелось бы весной... Мне больше нравится зеленая травка, ручьи, запах талых снегов... - говорил он, любуясь Стасей, кружащейся в этом ослепительном хороводе, и начиная сомневаться в своих словах. - Но ты здорово смот-ришься...

- Я бы сейчас гуляла, гуляла...

- Так кто нам мешает... - Глеб прикинул в руке вес ее сумки. - Мы можем за оставшееся время обойти полгорода...

- Пошли...

Он шагнул к ней.

Снежинки оказались мокрыми и бесцеремонными, через пару шагов ему пришлось смахнуть их с лица и поднять капюшон алеутки. Под ногами тоже все хлябало, и он почувствовал, что начали промокать его не совсем новые ботинки. Они уже ушли от фонарей, и в полумраке фигура Стаси не казалась столь обольстительной, но она все продолжала восторгаться, собирая снежинки в ладони, и он подумал, что руки у нее могли уже замерзнуть.

- Снег, конечно, замечательный, - сказал он, - и благодаря ему мы с тобой познакомились...

- Судьба...

Произнесла она это слово легко, не задумываясь, а у Глеба даже дыхание перехватило... А вдруг...

Но как же Татьяна...

Он попытался представить ее сейчас здесь - и не смог. Рядом со Стасей трудно было вообразить кого-то другого...

- Ты так просто все определила...

- А зачем усложнять? - Она обернулась, ее волосы блестя таящими снежинками. Проде-кламировала, дирижируя руками: - Все в этом мире пред-оп-ре-де-ле-но и не случай-но... - И, глядя ему в глаза, серьезно добавила: -Надо наслаждаться каждым мгновением... Как в песне: «Есть только

миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь...» Или ты не согласен, Глебушка?..

И от этого ласкового и многообещающего «Глебушка» ему захотелось петь, и он затопал ботинками по мокрому расплзающемуся снегу, обрызгивая и себя, и ее, забегая перед ней петухом и уже совсем не думая о мокрых ногах.

Где они шли, он уже не понимал, как потерял и ощущение времени, но троллейбусы нет-нет и проходили по пустынным ночным улицам и возвращали в реальность: к мокрым ногам, холоду, усталости и желанию очутиться где-нибудь в теплой комнате...

- За мной... Не отставай...

Стася нырнула в арку между двумя высотками, они обогнули большой двор, миновали еще несколько пятиэтажек, и вдруг, когда он уже хотел поинтересоваться, куда они идут так целеустремленно во втором часу ночи, вошла в подъезд и застучала каблуками по лестнице. На площадке третьего этажа остановилась, открыла ключом обитую коричневым дерматином дверь и, полуобернувшись, поторопила:

- Заходи.

- Ты здесь живешь, - догадливо произнес Глеб, оглядывая небольшую прихожую, отделенную от всего остального китайской шуршащей занавеской, и ожидая, когда Стася снимет сапоги и передаст ему пальто.

Пока вешал ее пальто и свою алеутку на ажурную настенную вешалку, она исчезла за занавеской.

Он с удовольствием скинул ботинки, помедлив, снял и мокрые носки, босиком пошел следом.

За занавеской оказалась кухонька, и Стася уже ставила на плиту чайник.

- А где ванная?.. - спросил он, не догадавшись спрятать носки.

Стася прыснула.

- Видок у тебя... Пошли.

В коридоре толкнула дверь, нащупала выключатель. Ванная тоже была маленькой и чистенькой. Похоже, Стася любила все белое.

- Советую погреться, - сказала она. - Я сейчас полотенце принесу...

- Не откажусь...

Он открыл кран с горячей водой и с удовольствием подставил руки под струю.

- Держи.

Полотенце упало ему на спину, дверь закрылась.

Глеб повесил его на голубенькие аккуратные крючки, одежду сложил на стоящую в углу маленькую стиральную машину, быстро прополоскал под струей носки, повесил их на горячий змеевик, понадеясь, что они должны высохнуть быстро, и с удовольствием залез в ванну, наслаждаясь набирающейся теплой водой...

Из ванной он вышел окончательно разомлевшим и полуспящим.

- Пей чай, меня не жди, - встретила его на кухне Стася. - И взглянула на часы. - Еще поспать успеем. Я быстро...

И ушла в ванную.

На столе стояли чашки, вазочка с вафлями и заварник. Он налил чаю, добавил кипятку, прихватил вафлю и прошел к окну. Напротив виднелась пятиэтажка с единственным светящимся на втором этаже окном. Глеб стал думать, кому еще может не спать в эту ночь, но додумать не успел, вошла Стася в голубом халатике, раскрасневшаяся и сногсшибательно пахнущая. Он шумно втянул этот запах.

- Нравится?

- С ума схожу...

- Правда?.. Это рижские духи, взяла на пробу... Не обманываешь, правда нравятся?..

- Слушай, Стася, у меня такое ощущение, что мы с тобой знакомы уже тысячу лет, - признался Глеб. Встретил ее взгляд и словно утонул в зрачках. - И я просто-напросто безнадёжно схожу с ума...

- Так в чем же дело...

Она положила руки ему на плечи.

Он приобнял ее, теплую и душистую, коснулся губами ее губ, неожиданно сильных, энергичных, и уступил им, стал торопиться, окончательно теряя голову и понимая, что теперь его не удержит ничто...

Он вернулся в этот мир на белоснежной простыне рядом с самой желанной женщиной на свете, злясь на себя за нетерпение, сожалея об оставшемся в прошлом миге, но гибкое и сильное тело обвило его:

- Ты так вкусно пахнешь...

И этот шепот придал сил, терпения и они с одинаковой страстью отдались друг другу ...

- Между прочим, скоро рассветет, - прервала молчание Стася. Поднявшись, прошла к балконной двери. - Ты не возражаешь, если я приоткрою... Жарко...

- Нет, конечно.

Глеб откровенно ее разглядывал и втайне удивлялся происходящему. Это было похоже на сказку: и этот мартовский снег, и эта опьяняющей красоты фигура, и нежность женского тела...

Он слушал, как в ванной бежит вода, и ему хотелось пойти следом за Стасей, видеть ее, осязать ее кожу, вновь ощущать себя в ней...

- Проветрилось?

Она, привстав на цыпочки, прикрыла дверь, дотянулась до верхнего шпингалета, и он опять удивился тому, что это тело принадлежит ему... Сразу же обнял, как только она опустилась рядом, словно боясь, что она может исчезнуть, и согласно покивал, в ответ на ее слова:

- Надо поспать, Глебушка...

И еще послушал ее ровное дыхание, пока не заснул сам...

Они проспали восемь часов по Москве, но это не имело никакого значения. И даже не потому, что снег все так же лениво падал на землю. Они начали утро с любви. Потом долго пи-ли на кухне чай, поглядывая друг на друга и время от времени беспричинно прыская. Наконец Стася предложила все же съездить в аэропорт.

- Родители извелись... - сказала она. - Если сегодня не уле-чу, дам билет... А им позвоню...

- В принципе, мне-то уже и лететь опасно... Застряну там, а послезавтра в командировку...

Мелькнула мысль о Татьяне, но ровная, нисколько не волнующая, и на смену ей пришла другая: а зачем ему лететь?.. Может быть, прав Паша, и не стоит тратить время и деньги на невесть что...

- Но ехать придется... Хотя бы для того, чтобы сдать би-леты.

Стася поднялась, потянулась, гибкая, желанная: он не удержался и обнял, поймал ее губы, влажные, вкусные, но она вывернулась, пригладила волосы.

- Лучше потом...

Самолеты, оказывается, уже летали: вот и пойми эту авиацию, снег так же идет, а с восьмью, как и было обещано, порт открылся. Но по многолюдному, нервному и шумному регистрационному залу можно было подумать, что, наобор-от, все идет к закрытию аэропорта, может быть, даже к кон-цу света: всем непременно именно сейчас нужно было по-пасть на самолеты... Регистрация шла у всех стоек, правда, на их рейсы регистрацию еще не объявля-ли.

Он вернулся к Стасе, ждущей его у газетного киоска, и, подходя, вообразил, как смотрят на нее другие мужчины. Пришел к выводу, что смотреть они могут только с воодушевлением, и предложил сразу сдать билеты.

- Это первая волна, а мы с тобой где-то в третьей, - привел свои доводы. - Часа три-четыре... А уже время...

- Уже полдень минул, - подсказала Стася, смеясь глазами, и прижавшись к нему, прошептала. - Я знаю, чего ты хочешь...

- Ужасно хочу, - признался он. - Я не представляю, что мы можем сейчас сесть в разные самолеты...

- У меня будет потом напряженный период, а у мамы скоро день рождения, вот хотела заранее...

- Есть идея, - возбужденно произнес он. - В таком случае мы оба полетим к тебе... Я сейчас сдаю свой билет, покупаю...

- Не фантазируй, - Она приложила к его губам палец. - Во-первых, билет на мой самолет ты не купишь...

- А вдруг кто-то так же, как и я, круто меняет жизнь...

- А во-вторых, - продолжила Стася, не слушая его, - мои родители будут в шоке, если я приведу кого-нибудь без предупреждения...

- Но у тебя же были... мужчины...

- Были... Первый, лейтенантик, папин ученик... Кирилл... Это еще в школе... Но об этом так никто и не догадался...

- Черт с ним, с Кириллом, - поймав себя на ревнивом чувстве, перебил Глеб. - Мы уже далеко не школьники...

- Ты не знаешь мою маму...

- Ладно, я тебя не слушаю и иду сдавать свой и добывать себе билет на твой самолет... Жди... Жди меня, и я вернусь... - вспомнил он строку из стихотворения и, не давая Стасе возможности возразить, быстро направился в сторону билетных касс...

Она была права: его билет буквально вырвали из рук, а вот все его попытки попасть на рейс Стаси оказались тщетными: в толпе таких же жаждущих он понял, что почему-то именно на этот борт было более всего желающих. Потолкавшись с полчаса, он вернулся к киоску, но Стасю не застал. Она появилась минут через пять, хитро прищурившись, подставила щеку для поцелуя:

- А снег все продолжает падать... Почему ты поцеловал просто так?

- Почему просто так... Мне нравится...

- Нет, поцелуй - это поощрение... Когда я была ма-аленькой девочкой, мама меня поощряла поцелуями-медальками, папа - орденами...

- Как это ?
- Мама так, чмок... В щечку, в лобик, в ушко, куда придется... А папа - чвак, исключительно в лоб...
- Так у меня медалька...
- Да, получается... Хотя я вполне заслуживаю, может быть, даже высшей награды...
- В губы, - догадался Глеб. - Сейчас вручу...
- Нет. - Стася отстранилась. - Так неинтересно. Во-первых, ты не знаешь, за что, а во-вторых - поздно...
- Хорошо... Я готов исправиться и раздать множество высших наград...
- Только всегда должен быть повод... Я только что пообещала с мамой по телефону...
- И?..
- И сказала, что у нас нелетняя погода...
Глеб обхватил ее рукой за талию, намереваясь поцеловать, но она, отстранившись, произнесла:
- Теперь пойдем сдавать мой билет...
Эта процедура не заняла много времени, и вскоре они вышли на улицу.
Снег закончился. На горизонте над крышами виднелся краешек голубого неба, выползающий из-под уже облегченных туч. На летном поле завывали самолетные двигатели, словно торопясь нагнать упущенное время.
- Прогуляемся, - предложила Стася и пошла вперед, снимая снег с перил ограды, со скамейки, с обвисших веток... - Можно было, конечно, полететь, но тогда бы ты обиделся, правда?
- Обиделся, - согласился Глеб и предложил, вытянув вперед надоевшую ему сумку: - Да-вай мы ее тоже сбавим, как билет...
- Ни в коем случае. Ты что... Там у меня спортивный шкарный костюм, брюки, рубашка... - начала перечислять она, загибая тонкие пальцы. - Всякие женские вещички, духи... Французские, между прочим...
- Ладно, - вздохнул Глеб. - Но учти, за все придется платить...
Она остановилась, ожидая его. Прижавшись, коснулась губами его губ, и, чуть отстранившись, прошептала...
- Я готова...
И от этого интимного, тайного для окружающих обещания ему захотелось что-нибудь сделать, и он рванулся вперед, обогнал ее и, разбежавшись, проехал по начавшему таить снегу.

- Я тоже, - сказал он и, сжав ее ладонь, потащил вперед.

Как только за ними закрылась дверь квартиры, Глеб отбросил в сторону сумку, начал снимать со Стасы пальто, сапоги, свитер, брюки, подхватил на руки, и как был, в ботинках и алеутке, понес ее в комнату, опустил на кровать, стал торопливо раздеваться сам, а она с любопытством наблюдала за его суетливыми движениями, он видел это, но сдерживаться уже не мог, и лишь когда ее горячее тело слилось с его, перестал суетиться, наслаждаясь сладостью близости...

Они лежали, отдыхая и успокаиваясь. Молчание нарушила Стася.

- А что тебе нравится в моем теле?

- Все.

- Так не бывает... Вот мне нравятся твои руки... Они жилистые и сильные...

- И волосатые, - добавил он.

- Да... - Она провела ладонью по его руке. - А тебе моя грудь нравится? - Она коснулась указательными пальцами коричневых сосков, и он накрыл их своими ладонями, любуясь ее гибким телом.

- Очень.

- Но она же маленькая... Все говорят, что слишком маленькая...

- Кто все?..

- Ревнуешь?

Она поймала его взгляд, и он не выдержал, отвел глаза.

- А ты знаешь, что ревность - это пережиток?.. Это атавизм.. Вот нам сейчас хорошо?

- Да...

- Ты думаешь, что это продлится долго?.. Ты не прав - это миг. Минуты. Пусть даже часы, но это пройдет... Мы доставили удовольствие друг другу, и это прекрасно. Но прекрасно, пока желания будут совпадать... А если нет?..

Она прошла по комнате, нарочито вихля бедрами.

- Тогда один будет насиловать другого... То есть, оба будут несчастны... Ты согласен?

Остановилась напротив. Он не сводил с нее глаз.

- Ты любишься моим телом? - Стася пристально глядела на него.

- Тебе приятнее смотреть на мои ноги или на лицо?

- Стась, я устал от таких вопросов, - взмолился он. - Честное слово. Ты же сама сказала, нам хорошо... Иди сюда...

Он обхватил ее ногу выше колена и потянул к себе. Она неохотно опустила на кровать, но лечь не стала.

- Уже вечер. Пошли погуляем...
- Если хочешь, - без радости согласился он.
- Ладно, не пойдем. Ты не хочешь, и с моей стороны это будет насилие.

Она накинула халат.

- Давай лучше пить чай...

И исчезла на кухне.

Он поднялся, надел рубашку, помедлив, натянул брюки и неторопливо пошел следом.

Чайник уже стоял на плите, а Стася делала бутерброды, накладывая на тоненькие ломтики хлеба кусочки колбасы. Он уже заметил ее страсть ко всему маленькому. Трусики на ней были совсем крохотные, бюстгальтер она не носила. В книжном шкафу он видел какие-то маленькие сувениры, чайные чашечки были на один глоток.

Она вскинула глаза, неожиданно спросила:

- А ты меня сравнивал с твоими девушками?

- Когда? - растерялся он.

- Когда угодно... В постели и так... Правда, я лучше всех?..

- Несомненно... А почему ты об этом спрашиваешь?

- Просто...

Она налила чай, положила сахар и стала размешивать, задумчиво глядя в темное окно.

- Стася, - окликнул ее Глеб и щелкнул перед ней пальцами. - Ты где?..

- Ах да, извини, - повернулась она. - Так, отвлеклась, перенеслась во времени...

Ему почему-то стало обидно, и он запоздало отпарировал:

- А ты сравниваешь меня со своими парнями?

- Да, - отозвалась она. - Ревность, между прочим, - это уязвленное чувство самца, и не более... И возникает оно из-за комплекса неполноценности. Владея женщиной, такой мужчина просто самоутверждается, она ему нужна для решения своих проблем...

- Для меня это слишком по-медицински... Но если я правильно понял, ты сторонница свободной любви...

- Мне нравится, когда любят меня.

- То есть, тебе нравится, когда я люблю тебя, но на моем месте может быть любой другой...

- Ну почему любой, ты мне понравился... С тобой не скучно.

Он долго смотрел на нее, но так ничего и не смог прочесть в ее глазах. Улыбнулся:

- Только насчет ревности - слишком однобоко... Женщины ведь тоже ревнуют, значит, и у них комплекс...

- И у них тоже...

Зависла пауза.

- Почему мы говорим о таких глупостях?

Он обхватил ладонями ее лицо, наклонился, стал целовать, - имитирующую сопротивление и нежелание и наконец уступившую, подчинившуюся полностью. И вновь появилось желание, но уже не столь острое, как прежде, и он с восторгом подумал, что у них вся ночь впереди, и еще день, и еще...

- Вообще-то у меня есть мужчина, - неожиданно сказала она, глядя ему в глаза. - И он так смешно ревнив... Я покажу тебе его...

- А зачем ты с ним... - сказал Глеб как можно безразличнее, хотя поймал себя на неприятном чувстве: значит, это тело может быть таким ласковым не только с тем лейтенантом из далекого и неведомого прошлого, но и с кем-то еще, совсем рядом... Впрочем, когда Глеб впервые увидел ее в троллейбусе, он и не мечтал о том, что произошло...

- Он такой внимательный и умный...

- Слушай, а кроме него... - Глеб запнулся, подумав, что этот вопрос может испортить их отношения, и закончил: - Все это, мой милый Стасик, полная ерунда и бессмыслица, как говорит в минуты тотального непонимания мой шеф Хохлов. Так что лучше забыть и не помнить.

Он обхватил ее за талию, развернул и стал целовать. Не сдерживая страсти, перенес на кровать, еще не остывшую от тепла их тел, и они вновь неистово ласкали друг друга, а потом уже ни о чем не говорили, молча лежали рядом, смотрели на разгорающиеся за окном звезды и незаметно заснули.

...Он проснулся в одиночестве. Долго прислушивался, пока не понял, что Стася на кухне. Встал, на цыпочках прокрался к двери и, прислонившись к косяку, стал наблюдать, как она нарезает тоненькими ровными квадратиками сыр. С распущенными волосами, без макияжа, в домашнем халатике, она выглядела не столь эффектно, как в одежде или совсем раздетое. Черты лица у нее были несколько удлиненные, рот великоват, нос с маленькой горбинкой, порознь все это не было столь привлекательным, как в сочетании с темными, с тайной искоркой, глазами...

- Не подглядывай, - сказала она, не поднимая головы.

- Ты меня услышала?

- У меня отличный нюх.
- А у меня не очень, - сознался он. - Но вот запах кофе я чувствую... А посему тороплюсь привести себя в порядок...
Они завтракали молча, поглядывая друг на друга. Наконец он прервал молчание.
- Сегодня воскресенье... Завтра мне в командировку...
- Далеко ?
- На Север. Почти к Полярному кругу... Надо купить билет... Поедем в аэропорт?
- Мне завтра на работу, хочу привести в порядок квартиру...
- Давай съездим, а потом вместе...
- Сегодня вечером придет мой друг, - произнесла она ровным голосом и посмотрела ему в глаза. - Ты прости, но мне нужно с ним встретиться и поговорить...
- Как это... Отправь его, и все... Или давай, это сделаю я...
- Нет, Глебушка... Я должна сама...
- Как же так...
Он хотел ее обнять, но она отвела его руку и сказала:
- Мы - взрослые люди... И к тому же свободные... Ты когда вернешься?
- Через две недели...
- Заходи...
Она собрала чашки, блюдечки, сложила их в раковину, открыла кран, стала мыть, словно его уже не было в комнате. Ополоснула, поставила на стол.
- Мы расстанемся? - неожиданно сорвавшимся голосом спросил он.
Она подошла, обняв Глеба, приникла к его губам... Целовала так, что он решил: никуда сейчас не поедет... Но Стася вдруг отпрянула и произнесла голосом, не терпящим возражений:
- Все... Любовью заниматься мы больше не будем... Если захочешь, заходи, когда вернешься..
- Хорошо, - сдержанно произнес он.
Вышел в прихожую и, одеваясь, смотрел на нее, стоящую в коридорчике, неожиданно отдалившуюся, незнакомую...
Остановился на пороге, ожидая последнего прощального поцелуя, но она лишь махнула узкой ладошкой, и, с трудом справляясь с неожиданной горечью, а может быть и той самой рудиментарной ревностью, он произнес:
- Я обязательно приду. Сразу же...
Она молча кивнула и, закрывая дверь, еще раз пошевелила пальчиками...

Он довольно долго простоял за билетом. Вышел из аэровокзала, когда солнце, по-весеннему яркое, уже растопило грязные снежные валы на обочинах и улицы покрылись журчащими ручейками. Постоял на распутье, с трудом соображая, что делать. Его тянуло к Стасе. Он помнил ее тело, ее лицо... Но вернуться не мог.

...Павла дома не было.

Походил по комнате, все еще не зная, как поступить. Более всего хотелось плюнуть на гордость, поехать к Стасе, но мысль о «друге», которого он может застать, сводила с ума. Наконец он решил, что сейчас лучше всего отвлечься, посмотреть какой-нибудь фильм, и поехал в центр.

В кино не попал, не было билетов. Прогулялся по центральному скверу среди парочек, отчего еще более расстроился. Выстоял очередь в любимой всеми студентами города пель-менной, съел двойную порцию в бульоне, почувствовав себя гораздо бодрее, и, игнорируя общественный транспорт, пошел домой пешком.

Было уже поздно.

Паша читал, лежа в постели. Встретил он Глеба как всегда сдержанно. Подождал, пока тот разденется, и поинтересовался, не передавали ли ему что-нибудь родители.

- Я никуда не летал, - отозвался Глеб, с трудом отгоняя мысли о Стасе.

- Как не летал?

Паша даже привстал.

- Погода нелетная, - коротко пояснил он.

- Да... - Паша подумал и уточнил: - А где же ты ночевал? Две ночи...

- Неважно. - Глеб достал из бумажника деньги, отсчитал. - Я завтра к Бычкову, билет уже взял...Ты теперь раньше меня слетаешь, отдашь долг...

- С тобой что-то произошло? - проницательно произнес тот, забирая деньги.

- Может, и произошло, - согласился он.

- Я встретил девушку, полумесяцем бровь, на щечке родинка... -фальшивя и перевирая, пропел Паша.- Кстати, Настя очень интересовалась, куда ты пропал...

- Я улетел... Для всех и надолго...

- Ладно... Передам... Ты от Быčkова рыбки соленькой привези.

Паша облизнул губы и уткнулся в книгу.

Глеб стал смотреть в потолок, стараясь думать о чем угодно, лишь бы не о том, что сейчас может быть в маленькой квартире Стаси...

...Ему повезло, в Братске с трапа самолета он успел на стоящий под винтами вертолет лэповцев, вылетающих на трассу. Они согласились сделать маленький крюк, и до темноты он был на месте.

Весной здесь еще и не пахло. Два часа, пока трещали на вертушке, внизу расстилалась заснеженная тайга.

Бычков, встретивший его у вертолетной площадки, в полушубке и теплых сапогах, иронично хмыкнул, принимая сумку, и не без скрытой зависти, под гул винтов поднимающегося вертолета, прокричал:

- У вас что там, лето?..

- Лето не лето, но плюс десять было, когда улетал...

Глеб вдохнул морозный воздух и по протоптанной в снегу тропинке пошел за Бычковым.

На буровой было тихо, лишь мерно рокотали дизели.

- Стоим?- поинтересовался он.

- Грызём... Сантиметрами... А тебя зачем прислали? Опять экспериментировать?

Бычков закончил институт тремя годами раньше, во время учебы Глеб знал его по обще-житской коммуналке. Посидев в конторе экспедиции инженером полгода и женившись, он сам напросился мастером на эту тринадцатую, экспериментальную, решив, что лучше в глуши с деньгами, чем в городе без них. Но попутно с улучшением материального положения за прошедшее время пришел к твердому убеждению, что только мастера по-настоящему и вкалывают, а все эти научные сотрудники, инженеры из управления и прочие приезжают с одной целью: нарушать нормальный трудовой ритм.

В вагончике, довольно чистом и теплом, Бычков бросил полушубок возле двери, поставил чайник на электроплитку.

- Голодный?

- Не сытый...

- На ужин не успел...Что-нибудь сообразим... - И вышел из вагончика.

Глеб присел на лавку, стоящую вдоль стены, вытянул ноги, расслабляясь, и осознал усталость уходящего дня. Прислушался к ровной работе дизелей, подумал, что в принципе совсем недурно, что он очутился здесь. Будет время разобрататься... во всем...

На тринадцатой он уже был, осенью. Тогда они испытывали новый рецепт промывочной жидкости на малой глупине. Испытания были долгими, он успел походить на тетеревов, которых тут немало. Тогда ему понравилось. Желто-зеленая тайга, запах листьев и хвои, изумрудная речушка, где-то далеко впадающая в Енисей... Пару раз он ловил в ней хариуса. И рыбалка ему тоже понравилась...

Вернулся Бычков, поставил на стол две полукилограммовые банки тушенки, засыпал в чайник заварки.

- Садись, ешь...

Охотничьим ножом открыл банку.

- Хлеба вот нет... Повариха на завтра только тесто поставила...

- Обойдусь.

Глеб зацепил ложкой кусок говядины.

- Передали, что новый рецепт сообразили... - не сдержал любопытства Бычков.

- Угу, - кивнул Глеб, продолжая жевать.

- Делать нечего... Тут без этого всего хватает... Долота летят, прихваты... Месяц уже сижу здесь, домой не вырвусь... С Люськой только по рации целуемся... А Хохол твой со своими выкидонами..,

- Я-то при чем? - вскинулся Глеб. - Мое дело - взять под козырек... Ему и выскажи...

- И выскажу... Выйдет на связь - прямым текстом...

Дверь распахнулась, в клубе холодного воздуха вошла девушка в летнем халатике и больших не по росту резиновых сапогах. Глянула на Глеба, протянула Бычкову пол-лепешки.

- Петр Гаврилович, Полина сказала, хлеб нужен... Вот, остался...

- Спасибо, Люба... Видишь, инженер прикатил, с ним тебе работать придется.

Глеб кивнул, подтверждая сказанное.

Девушка еще раз бросила на него взгляд, прикрыла рукой матовую ложбинку в отверстии халатика и исчезла за дверью.

- Коллектор? - догадался Глеб. - Не помню. Новенькая?..

- Сразу после тебя появилась. Жених у нее помбуром...

Ладно, жуй, я на мостик... Спать захочешь, спальник там же, где оставил, полати те же... - Накинул полушубок и у двери вспомнил: - Да, свое пижонское барахло сложи до города. В шкафу у меня еще один полушубок, а вот сапоги - сорок третий, не обессудь... Будешь больше наматывать...

- Все, усек, Гаврилыч.

Глеб сыто вздохнул, отодвинул опорозженную банку, и отхлебнул крутого чаю.

- Хорошо...

За маленьким окошечком вспыхнули прожектора, освещающие территорию, дизели натужно взвыли, и он догадался, что начался подъем колонны. Состояние было благодушно-размягченное, но спать не хотелось. Шевелиться тоже, но он решил, что следует появиться на буровой, поздороваться со знакомыми. Нашел сапоги, накинул вполне приличный полу-шубок и вышел из вагончика.

Была уже ночь. Вышка светилась фонарями и прожекторами. Он поднялся к скважине.

На рычаге стоял Митрохин. В ответ на поднятую руку Глеба он приветственно махнул рукой в мокрой верхонке.

Помбура Глеб не знал, а верхового разглядеть не смог. Но кто наверху, спрашивать у Митрохина не стал, догадался по скорости и по тому, как стоял рядом с бурилой Бычков, что подъем идет не гладко.

Прошел в дизельную, где в привычном реве и пекле подремывал Якимов, похожий на сказочного старичка-боровичка. Он искренне обрадовался встрече, огорчился, что в таком реве не поговоришь, и спросил, надолго ли...

- Надолго... У вас что, сложный разрез? - прокричал Глеб.

- Да разлом вроде, - блеснул геологическими познаниями тот. - Я не вникал, мое дело - кони, - кивнул на дизели.

Глеб вернулся к скважине.

Свеча ползла медленно, хотя дизели пели на самой высокой ноте, и он понял, что колонну прихватывает. Наконец она выползла до муфты, помбур захлопнул замок элеватора. Митрохин с ходу раскрутил соединение, а верховой уже кидал верхнюю часть свечи на место в магазин...

Через пару свечей колонна пошла легче.

Бычков отбросил докуренную до мундштука «беломорину» и прокричал Глебу:

- Пошли... Дальше уже легче... К утру поднимут.

- Сколько? - спросил Глеб.

- Почти две восемьсот, и с двух с половиной вот такая мудатень...

Он сплюнул.

- Так будем экспериментировать?

- Так вроде как раз рецепт от прихватов, - в тон ему отозвался Глеб.

И Бычков спорить не стал, спросил:

- Фляжку-то привез?

- Фляжку?.. - Глеб почувствовал, что краснеет, фляжку с коньяком, традиционный подарок всех командированных мастеру, он забыл. - Будет за мной, извини, вертолетчикам пришлось презентовать.

- Жаль, - вздохнул Бычков. - Месяц во рту ни росинки... А может, и к лучшему, голова болеть не будет...

Перед вагончиком он остановился, вслушался в напряженный гул дизелей, открыл дверь.

- Тогда ложимся. Я встану рано, на керн...

- Не возражаю, - согласился Глеб, чувствуя, что уже почти спит...

Утро выдалось морозное, но солнечное. Быčkoва в вагончике уже не было, и по визгу лебедки и работе дизелей Глеб догадался, что идет спуск. Быстро оделся, накинул полушубок и вышел.

В свете дня территория буровой не выглядела такой чистой, как ему показалось вчера. Грязный снег был пропит множеством черных тропинок, только ближе к деревьям, обступавшим площадку, он становился все белее, и можно было догадаться, что за разлапистыми елями и лиственницами он еще девственно чист.

Глеб втянул бодрящего воздуха, казалось, уже подзабытой зимы, выдохнул парное облако, понаблюдал за стремительно падающей в скважину колонной, поежил от визга лебедки: не изменился Митрохин, все так же лихачит, но колона остановилась, как и положено, как раз под ключ, завертелась-закрутилась и замерла. Стихли дизели, и через пару минут на помосте появился Митрохин, за ним - помбур, Якимов, а сверху по лестнице загремел сапогами верховой, здоровый парень, и Глеб догадался, что заступила новая вахта, а эта - на завтрак и отсыпаться. И заторопился в вагончик, привести себя в порядок, а не стоять туристом...

С вечера Бычков выделил ему к сапогам и полушубку рабочие брюки с курткой, но, погрузив их так и этак, Глеб решил, что в столовую и в минуты отдыха все же будет ходить в своем, и бросил робу на постель.

Ополоснулся под умывальником, пристроенным возле двери, побрился, оглядел лицо в круглом зеркальце, висящем возле окна, решил, что вполне готов к встрече с трудовым коллективом, и искренне обрадовался приходу Быčkoва.

Ну как? - поинтересовался он всем сразу, что могло произойти за это время.

- Нормально.

Бычков разделся до пояса, фыркая и брызгаясь помылся под тем же умывальником, но по причине наличия бороды и усов бриться не стал и, вновь натянув тельняшку, а на нее теп-лую рубашку, коротко сказал:

- Потопали завтракать.

В столовой допивал чай один Митрохин. Он пожал руку Глебу, поинтересовался:

- Как там на материке, весна?..

- Весна, - сказал Глеб. - Лужи... Скоро листья распустятся...

- Да-а... - протянул Митрохин. - Щепка на щепку... Когда это было в нашем климате... Зато у нас все в две недели... Не доводилось видеть?.. Но ежели надолог к нам, поглядишь...

- Ладно тебе, - появилась из-за перегородки Полина, - иди отдыхай... Завспоминался...

- А что... Давай загуляем?..

Митрохин потянулся через стол, достал жилистой рукой ягодицу сдобной поварихи, шлепнул, и та, косясь в сторону Глеба и Бычкова, отмахнулась:

- Гляди, скажу Вальке...

- Ничо, сойдет, - не попад или про что другое сказал Митрохин и вышел из вагончика.

- Кушайте. - Полина поставила перед ними тарелки с горкой наложенной картошкой с мясом. - Еще блинчики будут...

- Все уже поели? - спросил Бычков.

- Все, так что ешьте...

Бычков склонился над тарелкой, и Глеб последовал его примеру...

Добавив блинов со сладким чаем, он совсем расслабился и, поглядывая в маленькое оконце, подумал, что самое правильное сейчас было бы пойти в вагончик и подремать.

- Пошли отдыхать, - словно прочтя его мысли, поднялся Бычков. - Я сегодня с пяти колгочусь... Не выспался...

- Раствор приготовили? - поинтересовался Глеб.

- Цэу не было... Связь в два... Сообщу, что ты приехал... Так что законно можешь отдыхать.

- Да нет, я выспался... Пройдусь по буровой... К коллектору зайду.

- А Люба завтракала? - уже на выходе поинтересовался Бычков.

- Была... Чуть свет. Сказала, что пробы брать будет.

- А Вовка у нее отсыпается?

- Да нет вроде, со своими пошел...

- Она толковая, но опыта маловато, - повернулся Бычков к Глебу. - Так что заодно и подучишь, все польза...

- Польза во всем будет, - не удержался Глеб, выходя вслед за ним. - Что-то ты совсем консерватором стал...

- Тут впору раком становиться... Проходки нет, прогрессивки нет, премиальных тоже... Поможет твой раствор - ящик коньяка ставлю...

- Ладно, поставишь бутылку, и хватит, - сказал Глеб. - Давай, отдыхай, я мешать не буду, осмотрюсь да с этой самой Любой познакомлюсь.

...Любу он нашел у емкостей. Она стояла на металлическом мостике и смотрела на вязкую массу в коробе, словно любовалась ухоженным прудом.

- Нравится? - поинтересовался он, оглядывая ее и, невзирая на резиновые сапоги, полу-шубок и меховую шапку, находя не такой уж и дурнушкой.

Во-первых, у нее было кругленькое чистенькое личико. Во-вторых, - в чем он не совсем был уверен, но, припомнив вчерашний образ и сопоставив сегодняшние пропорции, пришел к выводу, - очень даже хорошая фигурка.

- Задумалась, - ответила она, рдея румянцем. - А вы приехали, чтобы раствор поменять?

- Чтобы провести испытания нового состава, - менторским тоном произнес Глеб и тоже уставился на чуть колышущуюся от вибрации массу. - Давно работаешь? - решил сразу перейти на «ты» - Кстати, меня зовут Глеб.

- Я знаю. - Она приподняла шапку, упавшую на глаза. - С осени...

- Значит, опыта маловато. - Глеб выдержал многозначительную паузу, подражая Хохлову. - Ну ничего, покажем, научим...

И пошел по мосткам на буровую, слыша позади звук шагов Любы.

У рычага стоял мужик, ему незнакомый, и помбур был тоже новый, и Глеб не стал подходить, издали махнул, постоял, понаблюдал за спуском, зачем-то прокричал на ухо Любе, стоящей рядом, что эту вахту он не знает, и стал спускаться с буровой.

Когда отошли настолько, что гул дизелей не мешал разговаривать, сказал:

- Давай, показывай свою лабораторию...

Вагончик коллекторов был разделен на две половины, в одной, так же как и в других жилых, были спальные полки,

только не четыре, а как у мастера - две, во второй - на длинном и узком столе громоздились приборы и лабораторная посуда. Это был необходимый минимум для замеров, иного трудно было ожидать, но Глеб все еще продолжал играть высокое инспектирующее лицо и печально поцокал языком...

- Кстати, у вас тут когда весна по расписанию? - наконец решил он вернуться к нормальному разговору. - Признаться, я от тепла, ручейков... Не очень комфортно...

- Как всегда, - произнесла Люба, перекидывая на грудь длинную русую косу, которую Глеб только сейчас заметил.

- О, у тебя коса, - не сдержался он, вспомнив Стасю. И добавил. - Давно не встречал... Можно сказать, с детства.

- А у вас что, совсем не носят?

- Не видел, - повторил он, отмечая, что в свитерке и брюках Люба вполне может дать фору городским красавицам. - А ты куда не поступала?

- Пыталась...

- Куда?

- В педагогический...

- Завалила?

- Балл не добрала...

- Будешь снова?..

- Не знаю... - Она крутанулась, мельком взглянув на себя в зеркальце, стоящее между приборами. - Хотите чаю?

- Чаю?.. Нет, спасибо, - задумчиво произнес Глеб.

Надо было уходить, но ему почему-то не хотелось. От Любы веяло чем-то домашним, и ему было приятно наблюдать за ней.

- Ладно, я пошел, после связи определимся, что делать.

Помедлил у выхода, еще раз окинул взглядом маленькую и аккуратную фигурку и вышел, думая, что, возможно, Люба - первая красавица в поселке.

...Почти неделю он промаялся с рецептурой, анализами, согласованиями по рации с базой, а та, в свою очередь, - с институтом. Все это время ему помогала Люба. Вахта ее закончилась, но сменщица заболела, и Бычков попросил ее остаться. Они колдовали то в вагончике, то у емкостей. Наконец, рецептура, с учетом самых последних данных, была подобрана, наверху одобрена, и Бычков получил приказ готовить промывочную жидкость.

На это ушел почти день. Спуск колонны начали уже в темноте, но ни Бычков, ни Глеб с Любой уходить с буровой не собирались. Бычков опасался, что пока скважина была

пустой, она могла обвалиться. Любе нужно было делать постоянные замеры, чтобы определить, как ведет себя новая жидкость на различных глубинах. Эти данные Глеб мог бы обработать и утром, но он не хотел уходить, так же как и остальные, чувствуя возбуждение и азарт от преодоления неведомо чего... Он курсировал между скважиной и емкостями, периодически заглядывал в вагончик к Любе, вместе с ней проводя замеры.

За эти дни между ними установились дружеские отношения. Они перешли на устойчивое «ты», он ей рассказал о Стасе, она ему о Вовке, который влюблен в нее, наверное, с первого класса, они учились вместе, но ей нравились всякие-разные, а Вовка не давал ей прохода и всех отпугивал. А теперь они наметили до армии, его забирают осенью, расписаться. Ее родители Вовка нравится, она - его родителям, они тоже работают в экспедиции, дядя Саша - шофер, тетя Рита - продавщица в магазине нефтеразведки.

- А ты любишь его? - спросил тогда Глеб.

- Не знаю, - пожала плечами Люба. - Он большой, спокойный... И терпеливый... Я знаю, он сделает все, что я попрошу.

- Так уж и все.

- Да, все, - сказала она. - Я тебе кое-что сейчас расскажу, но только ты никому-никому...

Глеб кивнул.

- В восьмом классе мы с ним гуляли, я сказала, что хочу шоколадку, он сорвал замок с магазина и принес.

- С магазина, где мама работает?

- Нет, с леспромхозовского, мы в той части поселка гуляли.

- И что ему было?

- А никто не узнал. Просто кроме шоколадки ничего не украли...

- Надо же, - удивился Глеб. - У вас в деревне - прямо коммунизм... Даже завмаг не воспользовался такой возможностью...

- У нас - поселок, - с обидой уточнила она. - И между прочим, немаленький и вполне симпатичный...

- Ладно, если пригласишь, может, и заеду на обратном пути...

Сказал просто так, абсолютно не желая гостить в таежном поселке, и неожиданно поймал ее долгий и ожидающий взгляд.

- Может, и приглашу... - неожиданно серьезно отозвалась она.

...До полутора тысяч метров спуск шел как по маслу, потом начались сложные пласты, и Глеб решил брать пробы

чаще. Теперь он бегал за ними на буровую, а Люба делала анализы. Так было быстрее, и он мысленно похвалил себя за такое решение, заглядывая через ее плечо в листок с коллонками цифр.

Через час, когда встали на забой, Бычков вынужден был признать, что скорость спуска действительно стала выше и, похоже, новый состав эффективнее.

- Выходит, мы тоже не зря хлеб едим, - потирая руки, произнес Глеб.

- Рано еще радоваться, поглядим, как подъем пройдет, - буркнул Бычков.

- Согласен... Тем более, коньяка у тебя все равно нет... А я бы сейчас не отказался.

- Мечтай... Пошли спать...

- Позже... Еще пару анализов сделаем...

- Ты девчонку заездил, придется ей отгулы давать.

- Ничего, молодая, выдержит... Между прочим, толковая...

- Да вот, хочу ей предложить по направлению вместо педагогического на наш факультет... Пусть лучше инженером будет.

- Гаврилыч, ну ты прям такой мудрый стал, - не сдержался Глеб.

- Я мастер... Хозяин на этой буровой. И, между прочим, юный инженер, проблемы с железками - тьфу по сравнению с теми, что люди преподносят... - отпарировал Бычков. - Кстати, о тебе... Ты Любу не соблазняй...

- Я и не соблазняю, - растерялся Глеб.

- Я вижу, как она на тебя смотрит...

- Это ее дело, - отмахнулся он. - Я лично смотрю на нее, как и на тебя...

- Ладно уж темнить. Я - спать...

Бычков развернулся и, устало переваливаясь, пошел к вагончику.

Глеб поднялся к емкостям. Люба, не дождавшись его, сама брала пробы.

- На забой встанут - закончим на сегодня, - сказал Глеб, глядя в белеющее в темноте ее лицо. И оно ему показалось таким детским и таким беззащитным, что он вдруг наклонился и неловко поцеловал ее в краешек губ и щеку. И оправдался: - Все говорят, что я тебя соблаз-няю, не верят, что безгрешен, а теперь вот так и будет...

- Зачем ты... - тихо произнесла она и, приподнявшись на носочках, подалась к нему.

Он видел ее лицо, глаза, ждущие полуоткрытые губы и, неловко обхватив ее рукой в жестком полушубке, стал целовать уже по-настоящему...

- Зачем... - отстранившись, вновь повторила она и замерла, ожидая ответа.

- Мне с тобой так легко и просто, - произнес Глеб, стараясь не думать, чем все это может закончиться. - И тебе тоже? Она кивнула.

Пробы стояли у их ног, и они помогли ему вернуться в действительность.

- Давай не будем больше об этом, - сказал он. - Сделаем замеры - и спать... Скоро уже утро...

В вагончике он сразу занялся анализами, потом Люба отправила его за последними пробами, - судя по гулу дизелей, колонна встала на забой.

Действительно, шло бурение, и по довольноному виду бурилы можно было понять, что не-плохо. Глеб не стал того отвлекать, взял промывочной жидкости прямо из желоба и вернулся в вагончик.

Через десять минут они закончили.

- Будешь чаю? - спросила Люба.

Он задумчиво покачал головой.

Попросил:

- Распусти косу...

Она помедлила, затем, не сводя с него взгляда, перекинув косу на грудь, стала ее расплетать. Волосы растекались, закрывая маленькую грудь, Глеб попытался представить, как волосы ложатся на обнаженное тело, и Люба, словно прочтя его мысли, вдруг стала расстегивать рубашку, затем лифчик, и он увидел остренькие, вздернутые соски. Она уже сняла брюки, и теперь концы волос лежали на белых трусиках. И он, сбросив полушубок и свитер, подхватил ее на руки и отнес на постель. Целовал и все не решался снять трусики... Наконец отстранился, прерывисто дыша, произнес:

- Надо идти...

Почувствовал, как замерла Люба, доверчиво прильнув к его плечу.

- Да, - тихо произнесла она.

- Ты же знаешь о Стасе, - уже остыв, сказал он. - А я - о Вове... Я не хочу быть подлецом...

- Не надо...

Голос у нее был усталый и какой-то безликий.

- Ты вот что... - оживился он от вдруг пришедшей мысли, дающей возможность разобраться в самом себе. - Ты же пое-

дешь поступать, я тебе оставлю адрес, рабочий телефон. Нам нужно будет обязательно встретиться...

- У меня скоро свадьба, - чуть слышно прошептала она.

- Свадьба? - искренне удивился он, совсем забыв об этом. - Свадьба... - И замолчал, не зная, что же еще придумать, чтобы не потерять ее.

- Хорошо, - твердо произнесла она. - Свадьбы не будет.

Села, склонилась над ним.

Ее волосы мягко и тепло накрыли его тело.

- Я приеду, Глебушка...

Он вздрогнул: она назвала его так же, как Стася, но с нежностью, которой ему никогда не приходилось слышать.

Он перебирал ее волосы, вдыхал ее запах и думал, что, может, напрасно сдерживает себя и надо обнять, почувствовать это желанное и покорное тело. И, понимая, что в следующее мгновение может так и поступить, резко поднялся. Наклонившись, коротко поцеловал ее и стал одеваться.

- Я буду тебя ждать...

- Я приеду...

Она натянула одеяло до подбородка, словно защищаясь, и он, уже одетый, с полушубком в руке, еще раз нежно поцеловал ее в горячие и немного шершавые губы и быстро, не оглядываясь и не прощаясь, вышел.

На востоке, пока невидимое из-за деревьев, поднималось солнце. Красный луч еще только-только коснулся верхушки вышки. День ожидался достаточно теплый и солнечный. Вполне возможно, первый день стремительной северной весны...

...Он прилетел в настоящую весну.

За три прошедших недели на городских улицах от снега не осталось и следа. Солнце грело почти по-летнему. Он перекинул алеутку через плечо и от аэропорта пошел пешком, наслаждаясь запахом свежей травы, городских точек общепита и автомобильных выхлопов и провожая взглядом девушек, уже вылупившихся из колготок и брюк и манящих близкой своих ножек.

...Последнюю неделю Глеб просидел на буровой в одиночестве: Бычков наконец-то вырвался к семье отдохнуть, Любу сменила ее напарница, с которой Глеб и завершал исследования. Особых изменений в рецептуре за это время не произошло, но Хохлов заставил его досидеть до полного прохождения сложного пласта.

Он разгонял тоску долгими походами по снежной тайге, прихватив дробовик Бычкова, но кроме белок, по которым даже и не пытался стрелять, так ничего и не встретил, хотя, по утверждениям рабочих, дичи в округе было навалом. Зато надышался запахами предвесенней пробуждающейся тайги.

Хотел заехать на базу и увидеть Любу, по которой вдруг затосковал, но опять случилась оказия все с тем же лэповским вертолетом, который сел исправить поломку на их площадку, и он полетел с ними, увидев поселок только с высоты...

В самолете начал писать письмо Любе. Но на середине пути вспомнил о Стасе, представил, как она его встречает ... Мелькнуло воспоминание и о Татьяне, но уже как нечто далекое и в общем-то неважное. И Глеб отложил письмо, здраволожившись на всемогущество времени...

Была суббота, впереди выходной, и он, особо не раздумывая, пошел в ту сторону, где жила Стася. По пути на оставшиеся командировочные купил бутылку коньяку и шоколадку.

Надавил кнопку звонка. Ждал, улыбаясь, приготовив повторенное мысленно уже множество раз: «Прими блудного...» - и чуть не выпалил это лысоватому мужчине, открывшему дверь.

Тот, стоя в проеме в спортивных штанах и майке, с улыбкой глядел на него, и Глеб, пришедший наконец в себя, выдавил:

- Простите... Стася...

- Стась! Киса... - Мужчина обернулся. - К тебе... Похоже, тот самый соперник... - И Глебу: - Проходи, не стесняйся... - Повернувшись, пошел вперед, навстречу вышедшей из комнаты Стасе.

Та на ходу запахивала халатик.

- Глеб?..

Остановилась, бросила взгляд на мужчину. И тут Глеб неожиданно для себя выдернул из сумки коньяк, протянул Стасе:

- Вот, прилетел... Только что...

- Проходи, - сказала она растерянно, а мужчина уже взял у нее коньяк и радостно произнес:

- Весьма кстати... А то в доме ни капельки не осталось. Киса, мечты сбываются... - И ему: - Проходи же, мил человек, сейчас мы развяжем эту интригу... Под коньячок...

И исчез на кухне.

Не совсем понимая, как себя вести, Глеб оставил в прихожей сумку и прошел следом.

- Садись, не томись...

Мужчина ловко открыл бутылку, длинными тонкими пальцами подхватил с полки три бокала, расставил их на столе.

- Кисонька, там в холодильничке... Меня зовут Арсений... А тебя - Глеб...

Он протянул через стол руку. Та оказалась сухой и крепкой.

-Ты как, морщишься или смакуешь?

Подал бокал с коньяком, приподнял свой. Сделал глоток, никого не ожидая.

Пригубила Стася.

Глеб помедлил и залпом проглотил коньяк.

Поморщился...

- Н-да... Значит, морщишься...

Теплая волна прокатилась вниз, расслабляя, делая окружающий мир не таким жестоким. Глеб отломил кусочек шоколадки и стал разглядывать Арсения.

Тот был явно старше, но излучал энергию и какую-то легкость. Пожалуй, это впечатление создавали прищуренные карие глаза и тонкое, с правильными чертами, лицо.

- Помнится, речь шла об интриге, - вызывающе произнес Глеб и сам налил в бокалы.

Выпил.

- Ладно... Ты иди, киса, посмотри телевизор, - повернулся Арсений к Стасе. - А мы тут поболтаем... с юношей...

Стася бросила на Глеба взгляд, в котором, как ему показалось, была нескрываемая неприязнь, и послушно вышла.

- А интрига, мой мальчик, в том, что она мне рассказала о вашем флирте...

- И о постели... - с вызовом произнес он.

- Да, и о постели... И о том, что твое тело ей понравилось. Так что ты можешь гордиться этим... Но вся интрига как раз заключается в другом... - Арсений выдержал паузу и, подавшись вперед, коснулся пальцами своего лба. - Вот здесь, как и в ее милой головке, она мне никогда не изменит... Понимаешь, мальчик?... Тело - это просто, это легко... Это обыденно... Главное, что здесь... - Он еще раз коснулся лба. - А здесь она меня любит... Злится на меня. Изменяет телом... Винится... Развращает...

- А мне... Я хочу сам ее спросить.

Глеб поднялся. Наверное, от того, что был голоден, голова у него кружилась.

- Стася! - крикнул Арсений. - Приди, пожалуйста...

- Да... - Она появилась сразу, словно ждала.

- Стася, - начал Глеб и запнулся. Подумал, что смешно устраивать какие-либо сцены, в принципе, они другу другу ничего не должны. И закончил: - Он прав?

Стася не стала уточнять, кивнула, взглянув на Арсения. И этот взгляд объяснил все...

- Ну что ж... Я действительно здесь лишний...

Глеб налил еще в бокал, выпил и вышел в коридор. Молча натянул ботинки, подхватил сумку и куртку и, не прощаясь, открыл дверь.

Не оборачиваясь, бодрым шагом начал отсчитывать ступени вниз...

Солнце уже почти спряталось за крышей соседней девятиэтажки, разукрасив красными пятнами дом напротив. И этот подсвеченный дом напоминал то ли фейерверк, то ли пожарище.

А почему, собственно, я должен расстраиваться, мысленно спросил себя Глеб и сам себе оптимистично ответил: «Не должен». Абсолютно... Пусть Стася остается с этим лысым стариком, пусть... Она Глебу особенно и не нравилась... Так, хорошее тело... Вот завтра надо будет слетать к Татьяне...

Он вывернул карманы, пересчитал монеты на ладони - нет, завтра никак, получит деньги, отгулы и слетает... Но прежде узнает у Паши, как она...

А потом лето, приедет Люба...

На остановке, кроме него, ждала троллейбус девушка. Она была совсем юной, наверное, старшеклассница, и у нее были просто сногшибательные глаза...

- Простите, девушка, я первый раз в этом районе, как отсюда выбраться поближе к центру? - Он поймал ее заинтересованный взгляд. - Кстати, меня зовут Глеб... И я совершенно свободный человек...

Андрей Терентьевич Губин: о скромности и честолюбии

На встрече с читателями Предгорного района ответ на один вопрос Губин предварил замечанием: «Вы толкаете меня на нескромность, а я и так не замечен в нескромности». Писатель не только осознавал в себе отсутствие данного этического императива, но и сознательно освобождался от него, считая, что скромность губит талант. В своих устных и письменных выступлениях он неоднократно возвращался к этому вопросу, обосновывая свою точку зрения. В качестве аргумента использовался даже такой довод: родившись в балке Джинала, первое, что он увидел – горы, – способствовало выработке гигантизма, а не скромности. Скромность он признавал только в быту, но никак не в области искусства: «Скромный человек всегда приятнее хама. Но в искусстве даровитый хам дороже бездарного тихони». Он будто не допускал промежуточного варианта, что можно быть тихим, скромным, спокойным и при этом даровитым и талантливым, как Шолохов, например, Распутин. И хотя он осознавал, что дурное самомнение ведет к творческому самоуничтожению, обесцениванию собственной же работы, все же сознательно культивировал в себе честолюбие, считая его ценнейшим качеством. И в подтверждение собственной установки приводил множество примеров из различных областей науки, техники, искусства, по-своему интерпретируя каждый факт: юношей

**ПЕТР
ЧЕКАЛОВ**

**НАДЕЖДА
ОТКИДАЧ**

**ЛИТЕРАТУРОВЕ-
ДЕНИЕ**

Л.Толстой поставил перед собой задачу превзойти Пушкина, – не удалось, но мечта позволила стать Толстым; нельзя стать Каспаровым, Улановой, Чкаловым, Королевым, Гагариным с заранее скромной установкой; нельзя создавать Парфенон, Бруклинский мост, космический корабль без осознания своей исключительности, богоизбранности...

Суждения Губина как будто не лишены логики: действительно, без устремленности к цели высокого результата добиться невозможно. Но при этом не понятно, почему необходимо игнорировать нормы этики и морали. Почему честолюбие и скромность обязательно должны взаимоисключать друг друга? Разве нельзя быть талантливым, первым в своей области и при этом не пренебрегать в нахала? Или мало пустых, надутых хамов, не сомневающих в своей исключительности? Губин как будто не подозревал, что можно быть великим и при этом не растерять скромности. Он был убежден, что бытовая скромность рано или поздно обязательно перерастет в скромность творческих нагрузок и задач, что поэт без честолюбия – бескрылая птица, и если встречал писателя, не мечтавшего написать выдающуюся книгу, заранее ставил на нем крест. О себе же самом был чрезвычайно высокого мнения.

В. Чернов, заместитель руководителя Ставропольской писательской организации в пору вступления Губина в литературу, задаваясь вопросом «Знал ли себе цену, как писатель, Андрей?», отвечал: «Да, знал. Он был абсолютно уверен в себе, как Лермонтов, Пушкин». Но нужно заметить: высокая самооценка у Губина выработалась не потом, когда его роман «Молоко волчицы» стал переиздаваться и пользоваться у читателя неизменным успехом, а еще в пору литературной молодости, когда он готовил к печати первую книгу рассказов. Свидетельством тому является воспоминание А. Мосинцева: «Губина начинающим я не знаю. В Ставрополе на семинаре творческой молодёжи края в начале 60-х встретил его уже сформировавшимся человеком и писателем. Об этом на заключительном совещании в краевом отделении Союза писателей говорили московские руководители прозаической секции, обсуждавшие его рассказы. Дескать, учить его нечему, Губину самому давно пора руководить семинарами подобного рода. Как мне показалось, Андрей Те-

рентьевич такую оценку принял как само собой разумеющуюся – цену себе он знал».

Сегодня мы можем сказать, что Губин не только знал себе цену, но нередко и переоценивал себя и свои возможности. В романе «Светское воспитание» автобиографический литературный герой позволяет себе свехгордое заявление: «Я не настолько талантлив, чтобы писать модные однодневки, у меня есть только одна возможность: написать навсегда». Эту же мысль реальный Губин выразил еще лаконичнее и выразительнее: «Писать приходится как бы нержавеющей сталью».

Губин однажды записал у себя в дневнике: «Афина Паллада» – это состязание не с Богом, а с Богами, а это, думается, нелегко». В другой раз относительно этого же сборника он высказался: «И ныне, окончив «Афину Палладу», я облегченно, готовый к гробу, говорю словами нашего Солнца: «Исполнен труд, завещанный от Бога».

Не говоря о том, что в «Афине Палладе» (1985) представлены произведения очень разнокачественные, в том числе и неимоверно затянутые («Красные листья барбариса»), и малоинтересные («Жестокий мятеж»), трудно представить, что некто подобное мог позволить себе Пушкин, чью цитату он использовал. Известно, что высшей самопохвалой последнего стала фраза: «Ай – да Пушкин, ай – да сукин сын!». Трезвая самооценка, как видим, у него порой соседствовала с «дурным самомнением».

Но одно дело, когда автор дневниковыми записями услаждал собственное тщеславие, совершенно иной оборот это качество обретало на людях. В. Чернов вспоминал эпизод, когда в кругу молодых литераторов Губин произнес: «Ребята, двадцатый век пройдет, не будет нас. И однажды вспомнят наши дети, внуки, что был Губин и вы, суетившиеся около меня».

Чернов воспроизвел эту сцену без упрека в адрес писателя, без какой-либо моральной оценки вообще, а как констатацию ясного сознания Губиным своей творческой значимости. И, тем не менее, нельзя не уловить в этой фразе некой безапелляционности, «звездной болезни», когда знаменитость может позволить себе пренебречь условностями и без стеснения прямо в лицо собеседникам говорить о собственном качественном отличии.

В иных случаях Губин бывал нелицеприятно прям и откровенен, не учитывал того, что слова его могут поробить, задеть окружающих за живое. Так, на одном

банкете с участием литераторов и первых лиц крайкома партии он полушутя-полусерьезно отозвался о писательской организации как о своре бешеных собак. Премьера спектакля «Глеб и Мария», созданного по мотивам «Молока волчицы», в Ставропольском драматическом театре прошла с успехом, зрители аплодировали стоя, вызвали автора на сцену, ожидая благодарности в адрес администрации театра, актеров. Но театральный казак Губину не понравился, и он без обиняков сказал со сцены: «Если это Глеб, то я не писатель».

Б. Карпов, из чьих воспоминаний мы воспроизвели этот эпизод, преподносит его как показатель неспособности писателя «ко лжи, лести, корысти, подобострастия». Безусловно, поведение Губина говорит и об этом, но точно также оно свидетельствует и о его бесцеремонности, чрезмерной прямолинейности, пренебрежении этическими принципами, перечеркивании длительной творческой работы коллектива театра, сведении ее к нулю.

В предисловии к книге «Афина Паллада» присутствует фраза, которая убеждает, что подобная манера для Губина являлась не столько природным свойством, сколько сознательно выработанной программой поведения: «О скромности Герцен сказал исчерпывающе: всего более в ней нуждаются при отсутствии таланта, вот почему не каждый день встретишь в искусстве и поэзии нескромного, а скромных – пруд пруди, хоть отбавляй, в три ножа не перебьешь». Стало быть, по усвоенной герценовской гипотезе, скромность нужна лишь бесталанным, а лично ему она ни к чему, так как в нем она компенсируется наличием несомненного таланта.

Губину свойственна была самовлюбленность. Совершенно серьезно он усматривал в чертах собственного лица алмазные грани мира, мрамор античности, безумство бессмертия вечных гор (?!), а наряду с этим, – и шелест кизиловых лесов, и увядающий к вечеру ландыш... Удивительно не только контрастное сочетание в одном портрете древних, драгоценных, гигантских абстрактных категорий с конкретными природными лирическими явлениями и ощущениями, но и то, что автор не постеснялся соотнести все это с собой. Еще больше изумляет факт того, что весь этот нарочитый нарциссизм преподносится в стихотворении, адресованном возлюбленной. В таких случаях обычно воспеваются прелести, добродетели адресата, а не личные нетленные черты и качества:

Когда тебе будет трудно,
Одиноко или страшно, <...>
Посмотри на мое лицо,
Впитавшее мрамор античности,
Шелест лесов кизиловых
И безумство бессмертия вечных гор
И увядающего к вечеру ландыша...
Грани алмазные мира похожи на это лицо...

Люди, знавшие и общавшиеся с Губиным не один год, оставили о нем хорошие отзывы. И. Воронин: «Славный был человек, скромности необыкновенной»; Л. Прозорова: «Человек истинной, не показной скромности... Никогда ни в чем не показал он своего превосходства, хотя уже тогда был известным писателем». Приведенный выше материал говорит о том, что не всегда и не во всем Губин был таким, каким он представлялся некоторым современникам. Во всяком случае, скромность ему изменяла неоднократно, а наедине с самим собой у него не возникало и тени сомнения в собственной исключительности и богоизбранности. Он всерьез придерживался того мнения, что вообще не следует заниматься литературой, если автор считает себя «обыкновенным смертным, как все». Он не понимал и не принимал истины, к которой пришла его знаменитая однокурсница по ВГИКу – Людмила Гурченко: «По-настоящему крупные личности всегда скромны. Они потому и крупные, что поняли сердцем, талантом, интуицией – не знаю чем, – что величие именно в простоте».

Свое творческое наследие он воспринимал в образе кованного из золота сундука, наполненного сиянием изумрудов, сапфиров, рубинов, лазуритов, алмазов. И эту убежденность он пронес до конца жизни. Мысленно обозревая созданное за десятилетия творческой деятельности, Губин давал аллегоричное описание осуществленному замыслу: «Под конец жизни я вижу башни и стены замка, который удалось столько-то построить: бумажные стены из рукописей, плотно окружающих меня, флаги на башне в тумане, еще не достроены. И вот карабкаюсь с кирпичами на спине кверху, кладу, строю... Не закружилась бы голова. Высота страшная, внизу океан и огромные десятиэтажные лайнеры или атомные авианосцы <...> отсюда – как бумажные кораблики...»

Образно, но наглядно: литературное строение почти завершено, небоскрежная высота здания такова, что огромные лайнеры и авианосцы кажутся бумажными корабликами... Заносчиво. В буквальном и переносном смыслах.

Застенчивость не являлась главной добродетелью Губина, и он аттестовал свое творчество очень высоко. Но самомнение может быть свойственно и обычному графоману. Были ли у Андрея Терентьевича достаточные основания, чтобы держать себя «литературным генералом»? На эту тему Мосинцев в частной беседе выразился кратко и определенно: «У Андрея были задатки гениальности». Еще более категорично на этот счет высказался В. Чернов: «Думаю на старости лет, что это был гений от Бога, посланный нам, глупым, для сравнения». Он же полагал, что «Молоко волчицы», «не хуже в литературном отношении, чем «Тихий Дон» Михаила Шолохова». С нескрываемым восхищением отзывался о Губине и О. Черкасов: «Губин – писатель плоть от плоти русский, народный, «корневой». В том-то и состоит его феномен, что он, мальчик из простой казачьей семьи, отец которого даже не знал азбуки, силой своего таланта сумел стать крупнейшим писателем послевоенного Ставрополя. Он мог запросто, на равных говорить с Фидием, Рабле, Сервантесом, Цветаевой. Ни система, ни цензура, ни все тот же «метод», раздавившие и сломавшие очень многих, над Творцом властны не были». Двумя годами раньше этот же автор в небольшом отзыве о романе «Траншея» 6 раз использовал слова «гений» и «гениальность». В 2007 г., воспроизводя общую тональность разговора о писателе, посвященном его 80-летию, Е. Иванова обобщала: «Андрей Губин, если не гений, то недалеко отстоит от признания высшего порядка». В марте 2010 г. статья о писателе «А на дворе уже весна, звон благовеста» в газете «Ессентукская панорама» была помещена под рубрикой «Памяти гения»...

Любой человек после знакомства с такими отзывами о провинциальном писателе может снисходительно улыбнуться, недоверчиво покачать головой над неумеренностью похвал, вспомнить не без иронии о кулике, славящем свое болото. Более осторожный человек может допустить: ну разве что в масштабах литературы Ставрополя, тем самым пытаясь ограничить явление Губина рамками административно-территориальных делений. И подобный ход рассуждений понять можно. В самом

деле, если бы был гений, он наверняка оказался бы замечен и оценен по достоинству, а раз этого не произошло до сих пор, значит, все эти посмертные аттестации – лишь упражнения в риторике.

Но не будем скороспешно оглуплять почитателей творчества Губина и списывать их восторги на счет искреннего заблуждения: и в жизни, и в литературе не все складывается так, как быть должно. Напомним еще раз, что из 12 написанных книг при жизни автора было издано только два самых ранних, и они имели большой общественный резонанс. Романы «Траншея» и «Светское воспитание», изданные после смерти писателя общим тиражом в 25 тысяч экземпляров, разошлись в основном только по Ставропольскому краю. По ним известны только шесть печатных отзывов. Мизерно. Но в данном случае количество откликов не может служить доказательством эстетической недееспособности данных произведений: время было такое (1995 – 1996 гг.), что общество вынуждено было думать больше о хлебе насущном, чем о вопросах эстетики.

Естественно, творческое наследие Губина, как и всякого художника, неравноценно. Мы уже имели возможность выразить свое мнение о рассказах «Красные листья барбариса» и «Жестокий мятеж». К этому добавим, что и «Поэма о велосипеде», и «Двоюродный муж», и «Отцовский дом» являются заурядными произведениями. Мы не находим особых достоинств ни в «Чайном дереве», ни в «Таинственном клинке», ни в «Вожденной парсуне», вошедших в сборник «Афина Паллада», а переделанная «Искупительная лампада» вообще не воспринимается как художественное произведение. И при этом совершенно блистательны рассказы «Квинт Гораций Флакк», «Афина Паллада», «Бочка Франсуа Рабле», «Трава-легенда», «Посох пророка»! Этих рассказов, на наш взгляд, достаточно для того, чтобы составить имя любому писателю. Но главные литературные заслуги Губина кроются не в малых жанрах, а в области романистики. «Молоко волчицы» – явление не только ставропольской региональной литературы, но и общероссийской культуры, и соотношение данного романа с «Тихим Доном» нам не представляется чрезмерной натяжкой. Великолепны и «Траншея», и «Светское воспитание». Эти книги не для любителей массовой литературы, а скорее, для литературных гурманов. Они обладают мощной энергетикой, ярко выражен-

ной идейностью, четкой авторской позицией, от них веет глубокой эрудицией, поразительным интеллектом, их язык способен удовлетворить самый изысканный вкус. Высокое мастерство автора проявляется также и в лепке характеров, и в выстраивании композиции, и в чувстве меры и вкуса, и в стиливой оригинальности. Таким образом, изданные на сегодня четыре тома из собрания сочинений писателя убеждают в том, что основания для сомнения у Губина были. Тогда, казалось бы, к чему весь этот разговор о скромности и честолюбии?

Приступая к разработке проблемы творческого самосознания и самооценки Губина, мы не ставили перед собой цели развенчания его как писателя, мы пытались только высветить этическую сторону данного вопроса. Писатель, к сожалению, скромностью не страдал. Это не отразилось на качестве его произведений, но и не возвысило его как творческую личность.

МУЧИТЕЛЬНАЯ ТЯГА К МАСТЕРСТВУ

Александра Мосинцева, я увидел первый раз на творческом семинаре в Ставропольском Союзе писателей в декабре 1969 года. Высокий, крепкий, большелобый, с мягкими чертами лица и добродушной улыбкой, внешне он сразу понравился мне. Стихи его тоже легли на душу. Появился Мосинцев в сопровождении миловидной девушки. Не помню кто, Раиса Котовская или же Валентина Сляднева, сказали мне, что Мосинцев «наш, пятигорский», учится в литературном институте, а спутница - его невеста, поэтесса Лана Гончарова.

У нас в мединституте на лечебном факультете училась Илона, студентка из Венгрии, и я решил, что Лана иностранка.

- Лана это псевдоним, - услышал я в ответ, - а зовут её Светлана.

«Надо же, - подумал тогда я, - У Пушкина Гончарова и у Мосинцева - Гончарова».

Статная, темноволосая Светлана производила впечатление избалованной мужским вниманием красавицы. Позже Александр мне рассказывал, что училась она в семинаре конструктивиста Ильи Сельвинского.

В 1971 году Александр Мосинцев, защитив диплом в Литинституте, приехал в Ставрополь и занял должность ответственного секретаря альманаха «Ставрополье». Осенью он возглавил литературное объединение при газете «Молодой ленинец», членом которого я был, и мы познакомились с ним. К этому

**ОЛЕГ
ИГНАТЬЕВ**

**ЛИТЕРАТУРОВЕ-
ДЕНИЕ**

времени он уже был женат на Гончаровой, которая ждала ребёнка.

Кто входил в нашу группу начинающих поэтов и прозаиков? Весь состав я не припомню, но из тех, кто пробовал писать стихи, могу назвать Владимира Бутенко, Юрия Воробьёва, Семёна Ванетика, Евгения Ерзова, Георгия Пряхина, Аллу Умеренко. Собирались мы в большой редакционной комнате «Молодого ленинца» на первом этаже, окна которой выходили на проспект Карла Маркса. На втором этаже находилась редакция газеты «Ставропольская правда» и редакция литературного альманаха «Ставрополье», занимавшая одну из угловых комнат.

К тому моменту, когда я познакомился с Александром Мосинцевым, я был уже в числе тех, кто составлял костяк литературной группы, руководимой Игорем Степановичем Романовым. Вдумчивый и опытный наставник, он благосклонно относился к моим литературным опытам, что очень льстило моему авторскому самолюбию.

Игорь Степанович представил нам Мосинцева, и тот, вкратце рассказав о себе, стал знакомиться с нами. Занятия наши, в сущности, ничем разительно не отличались от заседаний литературных объединений того времени, тем более, что колея была проложена давно и основательно.

Мы приносили свои опусы и обсуждали их «по кругу».

Я уже был знаком с поэзией Рубцова и, обсуждая ту или иную рукопись, всегда держал в уме его стихи, как образцы потрясающей лирики. Говорил, как чувствовал и думал. Если в критическом раже меня сильно заносило, Мосинцев с мягкой улыбкой направлял разговор в нужное русло.

- Не все, конечно, члены нашей группы станут профессиональными литераторами, но, полагаю, многие сумеют воспитать в себе хороший художественный вкус и передать его другим.

Были среди нас и молчуны, люди робкие в оценках. Но поэзия это такое дело, что в кустах не отсидишься. Нужно всё время «лезть на амбразуру». В каком-то смысле подставляться.

Время от времени нас посещали, рассказывали о себе и о том, как они «дошли до жизни такой» ставропольские писатели: Евгений Карпов, Василий Грязев, Сергей Дроздов, Владимир Дятлов, Александр Екимцев.

Приглашал Мосинцев и живописцев. Помню встречу с Евгением Биценко, окончившим ленинградскую художественную академию, картину которого «Ученическая бригада» я видел на краевой выставке. Позже, уже на Кавминводах, мы были с Сашей в мастерской художника Евгения Горина и навещали в Кисловодске Анатолия Котова. Позже Мосинцев посвятил ему стихотворение.

После занятий мы все быстро расходились по домам. Где жил в то время наш руководитель, я не знал, но в один из зимних, то ли январских, то ли февральских, слякотно-снежных дней я помогал ему перевозить вещи на съёмную квартиру. А точнее, в частный дом, которых много было в нижней части города. Мы таскали с ним стопки книг, оклунки, носильные вещи, весь тот житейский скарб, без которого не обойтись не только молодой семье, но и завязтому холостяку. Где была в это время Светлана Гончарова, сказать не могу. Видимо, уехала к родителям рожать. Мы рассовали вещи по углам, угнездили трёхлитровые банки с компотами, солкой и смальцем в кухонном столе, и присели отдохнуть. Заговорили о трудностях быта, о столь необходимом для поэта умении находить «золотую середину» в общении с людьми, держаться «столовой дороги» в литературе, то есть, равняться на классиков, не отступать от традиции и не размениваться на пустяки, чтоб «истину царям с улыбкой говорить». Коснулись мы и судеб наших великих поэтов.

Помимо стихов и прозы Пушкина, я перечитал все его письма, ознакомился с рядом воспоминаний о нём и не мог взять в толк, как он, умнейший муж России, был в то же время страшно легкомыслен?

- В чём ты видишь его легкомыслие? – полюбопытствовал Мосинцев, как бы обидевшись за своего гениального тёзку.

- Ну как же, - загорячился я, - Александр Сергеевич, семейный человек, всё время жаловавшийся на долги и не находивший способа избавиться от них, тем не менее садился играть в карты и, как правило, проигрывал! На что он, в сущности, рассчитывал? Я уже не говорю о его фронде, сочувствии декабристам, этим несостоявшимся цареубийцам и государственным изменникам.

Саша, предложивший перейти на «ты», по-есенински сдвинул широкополую шляпу на затылок и, усмехнувшись, сказал.

- Мы, старик, в моральном плане, по сравнению с Пушкиным, ангелы.

И вот это его дружеское, почти что родственное «мы» сразу же сблизило нас с ним, как оказалось, почти на четверть века.

Мосинцев рассказывал, что, учась в литинституте на очном отделении, он как человек семейный не имел права на место в общежитии и вынужден был снимать жильё в подмосковном посёлке Немчиновка, где подрабатывал бойцом пожарной части. В одну из наших доверительных бесед, Саша поведал, что после развода с Альбиной – первой своей женой, натурой, судя по его рассказу, влюбчивой, слабохарактерной, работавшей буфетчицей в железнодорожном ресторане, что само по себе чревато многими соблазнами, он перебрался в «общагу». Переживал разрыв с женой мучительно. Однажды, ужиная в комнате с друзьями, почувствовал резкую боль в животе.

- Будто ножом саданули, - рассказывал Саша.

«Классика, - подумал я, - клиника прободной язвы».

-А до этого боли под ложечкой были? – по-врачебному осведомился я.

- В том-то и дело, что нет. Так, поноет, поноет, изжога запечёт, и всё, а тут, ребята говорили, я побледнел, схватился за живот, и стал валиться на пол, - пояснил Мосинцев. Кто-то сразу вызвал «скорую». Приехал фельдшер, увидел на столе бутылку и сказал, что «пьяных мы не возим».

Лучше бы он этого не говорил.

- Какой он пьяный? – взревел самый могутный, богатырского вида поэт, и взял за грудки «коновала». – Живо вези в больницу! У него язва!

-А ты откуда знаешь? – не поверил «скоропомощник».

- Знаю! – рявкнул богатырь. - Со мной такое было! - Рявкнул и встряхнул фельдшера так, что у того и зубы лязгнули. - Не довезёшь, убью!

Мосинцева отвезли в ближайшую больницу и экстренно прооперировали. Диагноз подтвердился: прободная язва. Хирург сказал, что привезли вовремя, иначе больной мог бы умереть или от кровотечения, или от перитонита – воспаления брюшины.

О том, что операция была проведена *lege artis* - по всем правилам искусства - говорит тот факт, что на боли в желудке Саша никогда больше не жаловался. Разве что отварную картошку ел без масла, но это можно объяснить банальным вкусовым пристрастием.

В больнице Сашу стала навещать Альбина, желая тем самым загладить свою вину перед ним, но встретив у его постели Светлану Гончарову и сообразив, что о Мосинцеве есть кому заботиться, больше к нему не приходила. Сын Сергей остался с нею.

В январской книжке альманаха «Ставрополье» за 1972 год было опубликовано моё стихотворение, отобранное Мосинцевым. Для меня это не было сюрпризом, так как в первых числах декабря я получил фирменный конверт ставропольского книжного издательства с логотипом альманаха «Ставрополье», в котором оказался лист мелованной редакционной бумаги с адресом и телефоном редакции: 5-06-46. Далее шёл текст официального письма: «Уважаемый тов. Игнатьев! Ваше стихотворение «Заснеженный сад» намечено на 1 номер 1972 года. В редакции оказались стихи, переданные когда-то Куропаткиным. Возвращаю. С уважением, ответ. Секретарь А. Мосинцев. 30.11.71 г.»

Надо ли говорить, как обрадовало меня это известие? Тем более, что за стихи тогда платили. Кому-то больше, кому-то меньше, но в среднем, по рублю за строчку. Хорошие деньги по тем временам.

Но вот прошла зима, наступил март 1972 года.

Я поздравил Мосинцева с рождением сына.

- Как назвали?

- В честь деда, Семёном.

- Твоего деда?

- Нет, отца Светланы.

В конце марта или же в апреле, я встретил в городе Сашу, который сообщил о том, что у него в Ставропольском книжном издательстве вышел первый сборник стихов «Заречье» и предложил мне поехать вместе с ним к ставропольскому прозаику Виктору Колесникову.

- Ты его знаешь? – спросил он у меня.

- Нет.

- Поедем, познакомлю.

По пути Мосинцев купил посудину с портвейном и на мой вопрос: зачем? - ответил:

- Видишь ли, старик, Колесников редактор моей первой книжки, в этом смысле я его должник и обязан поить его по гроб жизни. Правда, мы с ним пили за «Присуху», но вышло «Заречье». Это не его вина. Причём, обложку заправили. Типографщик разбодяжил краску так, что вышла какая-то серая муть. Настоящая бледная немочь.

Слова Мосинцева о том, что он «обязан поить» редактора своей первой книжки, неприятно покоробили меня. Во-первых, сам я никого поить не собирался, тем паче, «по гроб жизни», а во-вторых, я считал, что Саша такой крупный поэт, что не он кого-то, а его должны поить, и то, если он того захочет. А о том, что Мосинцев талант бесспорный, говорили многие стихи «Заречья». И лучшим, на мой взгляд, было стихотворение «Присуха».

Когда б судьба решенья не сменила,
Не заказала славы и удач,
Я б в деда вышел красотой и силой,
К вину охоч и на руку горяч.

Как явствует из этого зачина, Александр Мосинцев не считал себя в то время «охочим» к винопитию или способным к рукоприкладству. Саша не был скандалистом, но и прощать обиды не умел. Какое-то время ему было уютно в своём одиночестве, особенно, когда стихи писались, но потом, как всякий человек, он остро нуждался в общении.

Подходя к дому, в котором жил Виктор Колесников, Саша рассказал забавный случай из студенческого прошлого своего товарища, которому он позже посвятит своё стихотворение «Слободка».

- Абитуриент Колесников заходит первый раз в литинститут, снимает плащ и бросает его на руки какому-то художнику старому, стоявшему у гардероба.

- Простите, - обиделся тот, - я не швейцар, я поэт. Если хотите, современник Блока, Сергей Городецкий.

Саша смеётся:

- Представляешь?

- Представляю.

Колесников смутился и услышал: «Вы далеко пойдёте с такими замашками».

Виктор снимал небольшую комнату в пятиэтажке, разойдясь с женой - поэтессой Юлией Колесниковой, чью стихотворную подборку «Деревянные бусы» я читал в коллективном сборнике «Первое свидание», выпущенном в свет краевым книжным издательством в 1968 году. В этом сборнике были и стихи шестнадцатилетней Раисы Котовской.

Мосинцев представил меня своему другу - «бывшему лётчику и настоящему прозаику» и для солидности назвал его по отчеству.

- Знакомься, Виктор Сергеевич. Олег Игнатъев. Молодой поэт.

- Да вижу, что не старый, - буркнул Колесников, и мы пожали друг другу руки.

Меня поразил крайний аскетизм той обстановки, в которой жил писатель. Голые стены, железная с панцирной сеткой кровать, большой круглый стол, застеленный газетой, венский расшатанный стул и два, видавших виды, табурета. Пол скрипучий, деревянный, крашенный сто лет назад. В углу стояла стопка книг. Вещи лежали на кровати и висели по стенам на гвоздях. И мне это очень понравилось. Жильё холостяка и мудреца. Ничего лишнего. По принципу: «Все моё ношу с собой». Сразу вспомнились строки Есенина:

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник -
Пройдёт, зайдёт и вновь оставит дом...

От выпивки я отказался и, посидев с полчаса для приличия, ушёл.

Я всегда был равнодушен к спиртному и принимал участие в застольях только лишь затем, чтобы поддержать компанию, за что, случалось, и корил себя потом. Похмелье для меня невыносимо. А Мосинцев его переносил легко. По крайности, в те годы. Честно говоря, я никогда не видел его пьяным. Общительным, весёлым? - да. Гулякой праздным? - не припомню. Он всегда много работал.

По окончании мединститута я был направлен на работу в Железноводск, где нам с женой как молодым специалистам предоставили жильё.

Я сразу же сообщил Мосинцеву название санатория, в котором стал работать, и свой домашний адрес.

Летом, находясь в отпуске, Саша заехал ко мне, мы славно посидели за столом, поговорили о житье-бытье, и он, по моей просьбе, оставил автограф. На второй странице «Заречья» написал красной шариковой ручкой: «Олегу и Люде Игнатъевым на добрую память. Всего самого доброго и светлого в жизни. Сашка. 6.07.73 г.».

А через месяц мне пришла повестка из военкомата, и я отправился служить.

Командировали меня в славный город Псков, овеянный древней историей и знаменитой пушкинской крылаткой. Я увидел Троицкий собор, заброшенный Мирожский монастырь, в котором были фрески XII века и в ко-

тором, по преданию, хранилась рукопись «Слова о полку Игореве», потрогал камни древних крепостных башен, постоял на берегу реки Великой и влюбился в этот город! Сразу же пошли стихи. Я отослал их Мосинцеву в альманах и выразил желание поступить в литинститут, дабы не терять времени даром.

С ответом Саша не замедлил.

«Дорогой Олег!

Поздравляю с Армией. Теперь времени у тебя много, знай пиши.

Вероятно, вызовем тебя на семинар. Семинар состоится 20 сентября. Пошлём бумагу от Крайкома комсомола и союза писателей.

Бумагу на приобретение машинки (речь шла о пишущей машинке, которую просто так купить было нельзя) вышлю, как только сообщишь на кого писать. Командиру части... такому-то. Неужели ты такой пацан, что не понимаешь: нужна шапка, а кому – неизвестно. Смеяться над нами будут.

Пиши о своих успехах, не мельчи. Я действительно боюсь, что придётся разбирать твой «бисер».

У меня дела ни то, ни сё, ну, а, в общем, сносно.

Всего доброго. Александр.

Не сердись, что пишу каракули. Страшно не люблю писать. К тому же сегодня понедельник. Трудно. Да ещё редколлегия по 4 номеру.

Всё. 27.08.73»

Когда пришёл вызов, командир части отпустил меня в десятидневный отпуск, и я, приехав в Ставрополь, принял участие в работе семинара, по результатам которого стал автором коллективного сборника «Молодость», вышедшем в августе 1974 года. На его страницах, наряду с другими, были опубликованы стихи Владимира Бутенко, Светланы Гончаровой, Раисы Котовской, Вадима Куропаткина и Георгия Пряхина.

Вернувшись в часть и приступив к службе, я в конце декабря поздравил Сашу с наступающим Новым годом, сообщил вкратце о своём псковском «сидении», о том, что меня избрали старостой литературного объединения при областной молодёжной газете и поинтересовался причиной его долгого молчания.

Седьмого января 1974 года я получил письмо.

«Дорогой Олег! Всех благ тебе в Новом году! Понимаю, что ругаешь ты меня серьёзно и не безосновательно.

Очень закрутился. Прошёл проклятый семинар, сдал номер (1й). Сдавать пришлось второпях. Грызутся начальники, не поделят кресло. Светлана в больнице, ожидает второго. Я вожусь с Сёмкой. Болею. Перестал пить. Новостей особых нет. Да, рекомендовали меня в союз, дело пошлют в Москву, там видно будет. В Пятигорск ездить некогда, хотя Сергей с 5 января будет жить у бабушки. Стихи твои постараюсь напечатать и в альманахе и в «молодом». Успехов тебе, старина! Вот сегодня опять литгруппа – занятия, занятия. Пиши чаще. Жду. Александр».

Я писал, хотя и сам загружен был по службе. Из командировок не вылазил.

Случалось так, что утром вернусь, а вечером вновь убываю. Но командир ценил мою оперативность и поощрял краткосрочным отпуском. Таким образом, я каждые полгода бывал дома и, при первой же возможности, навещался в Ставрополь. Встречался с Сашей. Был настроен на учёбу в литературном институте.

Двадцать седьмого января 1974 года я получил письмо: «Дорогой Олег! Рекомендацию тебе дают в Союзе. Вернее, дали. Что нужно? Вышли свои рукописи. Конечно, лучшее, но включи поэму. А потом уже отсюда будет посылаться в Литературный институт твоё дело. На какое отделение ты собрался поступать? Напиши краткую справку о себе, чтоб писать бумагу. Когда родился, где, что? По поводу стихов, присланных ранее. Для альманаха взял: «Как мерно сотрясается вагон» (с некоторыми поправками) и «Отец Валерки, помню, приходил». У меня в первом номере «дырка», хочу забить твоими стихами. Не знаю, как отнесётся «лито» ко второму. Для «молодого» взял «Играем бой» и «Нам платочком никто не машет». В стихотворении «Морозы» - очень с запашком строчка «с помётом». Подработай. «За Псковом кованая медь» - ощутим мотив Рубцова. Тебе это ни к чему. И в стихотворении о доме. Дом больно уж «пессимист». Нехорошо. Светка пока не выродила никого. Наверно дотянет до 29, а может и обойдётся раньше. Старик, желаю добра, успехов, и всего-всего. Пиши. Жду. Сашка. 23.01.74 г».

Примечательно то, что своё имя он лихо подчеркнул, как бы указывая на приподнятое настроение.

Я тотчас написал ответ и так же пожелал ему всех благ.

Двенадцатого февраля 1974 года я получил его короткое письмо, написанное от руки на бланке альманаха «Ставрополье».

«Дорогой Олег!

Твоё дело отослал в Москву с рекомендацией Союза.

Стихи твои новые пока ещё не смотрел – некогда.

У меня родилась дочь. (Милана – 4100, 54 см).

Светка здорова и дочь тоже.

Книжка моя вышла давно. Уже не могу найти.

Пиши, старик.

Всех благ.

Александр».

Речь шла о сборнике Мосинцева «Пора новолуния», который вышел в Москве, в издательстве «Современник» в мае 1973 года и которого у меня не было.

В преддверии лета я поздравил Сашу с днём рождения и сообщил, что в июне собираюсь в отпуск, который намерен провести вместе с семьёй в Железноводске. Мне очень хотелось с ним увидеться.

10 июня, приехав из Пскова, я получил почтовую открытку с видом Пятигорска. Мосинцев писал: «Дорогой Олег! Я в Пятигорске буду до пятницы. Сможешь – заезжай. А вызов тебе должен прийти на в/ч. Александр. 9.07.74».

Разумеется, я сразу же поехал.

Ни о какой серьёзной размолвке с женой он тогда не говорил. Наша беседа, в основном, касалась личности Солженицына, который к тому времени был заклеимён, как «литературный власовец» и выслан из страны. Я сказал, что лично мне «Один день Ивана Денисовича» очень понравился.

- Ты читал его в журнале? - имея в виду «Новый мир», спросил меня Мосинцев, с особым интересом глянув на меня.

- Да нет, конечно, - отозвался я. - В 1962 году, когда Твардовский начал печатать Александра Исааковича, я учился в шестом классе и, мечтая стать художником, посещал изостудию. О существовании литературных журналов я тогда просто не знал.

Саша сказал, что ставропольцы дружно осудили антисоветскую деятельность своего земляка, а вот в рязанской писательской организации, где Солженицын состоял на учёте, поэт Евгений Маркин высказался против его исключения из Союза писателей, но после беседы в КГБ надолго запил, чувствуя себя отступником.

Самое удивительное, что ни о Владимире Максимо-ве, ни о Викторе Некрасове, которые так же оказались не угодными персонами в СССР, речь почему-то не зашла.

День был чудный, по-настоящему летний. Зелёный, солнечный, отрадно напоённый светом. Я привёз бутылку коньяка, Саша запасся вином, Сашина мама Анастасия Тихоновна потушила кролика (готовила она великолепно!) накрыла стол на застеклённой веранде и присоединилась к нам.

Выпили за встречу, за желанный мир в душе и на земле, за недавний день рождения Мосинцева, которому исполнилось тридцать шесть лет. Выглядел он замечательно. Я до сих пор благодарен судьбе за то, что знал его во всей красе – душевной, физической, творческой. Говорить о красоте его лирических стихов, я думаю, излишне. Они заслуживают всяческих похвал.

На прощанье он подарил мне свою первую московскую книжку «Пора новолуния», чётко надписав: «Как живой - живому. С уважением А. Мосинцев».

В этом сборнике опубликовано его единственное, известное мне, стихотворение, посвящённое армейским будням.

Когда ж случится,
На исходе дня
Приносят почту, -
Расстегнув шинели,
Мы греем руки, будто у огня,
У груды писем на чужой постели.

Каждый, кто служил, изведал это:

И умолкают суды-пересуды,
Куда-то уплывают голоса.
От женщин письма здесь подобны чуду.
И мы, смущаясь, верим в чудеса.

По чистоте восприятия мира Мосинцев очень похож на Николая Рубцова и ставропольского поэта Виктора Бугаёва, обладавшего редким лирическим даром.

Поступать в литинститут я не поехал: не дождался вызова.

Я сообщил об этом Саше и заодно написал, что, если у его Семёна в этом году появилась сестричка, то у моего сына Максима появился брат. А это значит, что забот у нас прибавится, а вот времени для написания стихов – увы! – станет поменьше. Хотя, конечно же, не это угнетало.

Огорчало и пугало то, что писателям вновь зажимали рты; и пусть бы просто выдворяли из страны, а то ведь архивы изымали, уничтожали рукописи, неугодных объявляли душевнобольными или отправляли валить лес.

В первой декаде октября я получил письмо, написанное от руки на стандартной бумаге.

«Здравствуй Олег!

Прости, что ничего не пишу. Просто дел очень много. Мотаюсь, как тряпка на ветру. Писать не пишу – дети мешают. Собираюсь менять квартиру, но денег нет, а надо не меньше тысячи, чтоб было три комнаты.

Обсуждали недавно мой новый сборник – зарезали. В этом повинен сам. Поставил старые стихи. Ну, ладно. Напишутся.

Обидно, что тебя не взяли в Литинститут. Ничего не могу понять, потому что сообщения были все утешительные. Не мог ли чего натрепать кто-то? Но это можно узнать только в Москве, а писать не стоит. Письма – ерунда. Никто не станет писать, объяснять.

Стихи твои хотелось бы почитать. Не пришлешь ли новые?

Поздравляю с детьми. Пиши сейчас, потом будет трудно.

Прости, что пишу второпях. Как-нибудь соберусь, напишу длинно и подробно.

Будь здоров. Не хандри. Всего самого лучшего. До встречи, Сашка.

10.10.74».

Уйдя в запас, я вернулся в Железноводск и чрез две недели, вышел на работу. Вскоре я получил открытку с видением Пятигорска (Дом Советов), отправленную 28.08.75 г.

«Дорогой Олег! Нахожусь в Пятигорске. Уезжаю в Ставрополь рано утром в понедельник. Будет свободное время, заезжай. Привет семье. Всего доброго. Александр».

В воскресенье я поехал в Пятигорск, взяв с собой старшего сына, которому исполнилось четыре года. В эту встречу, Саша рассказал, что его жизнь в семье становится невыносимой и, хотя летом Светлана привозила детей в Пятигорск, ни о какой совместной жизни с нею он уже не думал.

- Наверно, буду разводиться.

Я, как мог, уговаривал Сашу сохранить семью ради детей, ведь старший сын его Сергей уже рос без отца, но он лишь хмурился и говорил, что это невозможно. Уводя раз-

говор в сторону, я спросил Мосинцева, что ему известно о гибели Рубцова? Саша сказал, что Рубцов был пьян, скандалил, бросал горящие спички в любовницу. Та взъерилась и придушила его.

- А ты Рубцова лично знал?

- Конечно, - подтвердил Мосинцев и стал рассказывать о Рубцове, с которым был знаком по семинару, о Петре Пинице, черниговском поэте, авторе знаменитого четверостишия:

Ах ты, сука-романтика,
Ах ты, Братская ГЭС,
Я приехала в бантиках,
А уехала без.

Об однокурснике Василии Макееве, который поступил в литинститут, став автором книжки стихов «Небо на плечах» в семнадцать лет. Другим счастливым, выпустившим сборник стихов, будучи студентом, был Борис Примеров.

- А каким он был, Рубцов? - поинтересовался я.

Саша усмехнулся.

- Никто Колю в нашем семинаре не считал большим поэтом. Хорошим, да, но не большим. Восхищения Бориса Слуцкого по поводу «пронзительной лирической силы» Рубцова я тогда не разделял, моими кумирами были другие поэты. Это после смерти Колю стали возвеличивать.

- А как он выглядел? - не унимался я, помня любительский снимок Рубцова, опубликованный в книге «Сосен шум», на котором поэт запечатлён в солдатской шапке и неказистом пальто.

- Роста Николай был небольшого. Метр с кепкой. Волосы тёмные, а лысину он прикрывал зачёсом от уха до уха. По виду он напоминал спившегося сельского бухгалтера.

- А как вы с ним сошлись, как познакомились?

Саша вздохнул.

- Пьяным Рубцов был заносчив. Как-то попросил меня прочесть ему стихи. Я прочёл одно, он одобритительно кивнул и повелел: «Читай дальше!». Мне это не понравилось, я отказался, но Рубцов, бывая в общегитити, стал заглядывать в комнату, в которой мы жили с Игорем Ляпиным. Однажды, он пришёл поддатый, а у меня в гостях была Светлана. Коля сказал что-то обидное в её адрес, я вспылил и пообещал выбросить его в окно, если он не выйдет вон,-

Саша вздохнул,- Рубцов долго смотрел на меня, затем со слезами на глазах пробормотал:

- Ты... общение с поэтом... променял на какую-то... по-помни! Отольются тебе мои слёзы!

«Верное пророчество», - подумал я тогда, видя, что и вторая семья Саши распадается. Становилось ясно, что в браке со Светланой Саша счастлив не был. Насколько я понял из рассказов Мосинцева, Игорь Ляпин и Василий Макеев, самые близкие его друзья, были против женитьбы и предрекали ему крах семейной жизни. Поэты они ведь провидцы. Но ведь и Саша поэт! Словом, нашла коса на камень. Мосинцев не стал слушать друзей, послушал своё сердце, но оно его, к несчастью, обмануло.

Перед своим отъездом в Ставрополь Саша посоветовал мне отправить рукопись моих стихов поэту Александру Москвитину, работавшему в «Современнике», что я в ближайшее время и сделал, написав Мосинцеву, что семинар, наверно, пропущу: надоело тратить время попусту.

Пятнадцатого сентября 1975 года из Ставрополя пришло письмо, написанное карандашом.

«Дорогой Олег! Жаль, что я не знал о твоём приезде. Я был в Железноводске в субботу. Ещё хотел зайти к тебе, но, думаю, не пишет, значит, не возвратился. (Куда я уезжал, уже не помню. О.И.)

Со Светланой я разошёлся. Приезжал на Кавминводы по поводу трудоустройства. Сейчас живу, где придётся.

Приезжал Москвитин. Рукопись твою он получил. Говорит, что отдал на рецензирование хорошим ребятам. Пока о судьбе книжки ничего не знаю. Вероятно, скоро сообщит.

На семинар выслать надо. Не считайся со временем, не дури.

Ну вот, кажется, и всё. Привет жене и детям.

Всего доброго, Александр».

После развода со Светланой он жил в мастерской живописца Алексея Соколенко, председателя ставропольского отделения Союза художников России, и, когда вернулся в Пятигорск, прочёл мне новое стихотворение «В мастерской».

В кострищах шумных,
В лиственных пожарищах,
Вставала осень в скверах городских.
Я жил в ту пору в мастерской товарища
Среди холстов, подрамников и книг.

Это стихотворение, как и большинство произведений Мосинцева, нужно цитировать полностью, так много в нём мыслей и чувств. Читая его, понимаешь всю меру ответственности художника за тот Божий дар, что именуется талантом. Я искренне восхищался виртуозным мастерством Саши, великолепной пластикой стиха, только ему одному присущей интонацией, и не скрывал своего восхищения. У него было чему учиться. И впечатляюще лёгкой богатой рифмовке, и языку, и умению по-своему решить ту или иную тему, будь то лирическая исповедь или эпическое полотно. В то время, я с удовольствием бы написал рецензию на одну из его книг, но не могла же она сплошь состоять из превосходных эпитетов! Любая статья моя о творчестве А.Мосинцева напоминала бы панегирик с его пламенным императивом: «читай и внемли».

Первое время после развода Светлана привозила детей к отцу и бабушке в Пятигорск на лето, но потом видимая связь Мосинцева с детьми практически прервалась. Я знаю, что, бывая в Ставрополе, он навещал их, приносил подарки, но потом, когда Светлана устроила свою личную жизнь, визиты прекратились. Вообще, Мосинцев редко заговаривал о детях, а я лишний раз старался не касаться большой темы.

В том, что Господь дал Мосинцеву во втором браке двух замечательных деток, проявилась великая милость Создателя, но Саша этого не понял, да и как было понять, когда воспитывались мы без страха Божия в душе, надеясь только на себя самих? Сколько глупостей мы совершили, сколько дров наломали! Не Творцу молились, а поэзии. Читали и не понимали исповедального плача Есенина:

Стыдно мне, что я в Бога верил,
Горько мне, что не верю теперь.

Спустя годы, я вывел странную закономерность: сыновья, брошенные отцами, сами потом оставляли детей. Николай Рубцов, Алексей Прасолов, Александр Мосинцев... Примеров много. Складывалось впечатление, что чувство ребёнка, оставленного отцом, перерастает в чувство оставленности Богом. Отсюда те ошибки, которые человек совершает в своей жизни. «Отцы ели виноград, а у детей оскомина».

Однако, речь сейчас идёт не о библейских истинах, а об Александре Мосинцеве, с которым я дружил многие

годы. Огонь поэзии не угасал в нём никогда. Я поражаюсь вдохновенным откликам Мосинцева на то или иное событие, участником или свидетелем которого он бывал. Вот случилось сильное обледенение в Железноводске, мы идём, скользим, цепляемся с ним за кусты, чтоб не упасть, не покатиться, а в очередную нашу встречу, он уже читает «Гололёд». Или зимой, в сухие солнечные дни, загорелась трава на центральной вершине Бештау, все поохали, поахали, а Саша написал стихи «Январь»:

За теснотой садов, заборов, крыш
Пылал вулкан. И думалось: быть может,
Однажды ты и сам перегоришь,
Как тот сушняк на склоне в день погожий.

Эти стихи, как и многие другие, написанные в пору его сорокалетия, которая обязывала «пересмотреть привычки и дела», вошли в его московский сборник «Арбузный мёд», вышедший в Москве в 1981 году.

А пока он подписал мне «Просторную осень», третью свою книгу, выпущенную краевым книжным издательством: «Олегу Игнатьеву на добрую память о славных днях в Железноводске с пожеланием успехов и прекрасных стихов. 23.08.77 г. А. Мосинцев.»

Вручая сборник, он сказал: «Вообще, Олег, ты должен знать, что в поэзии, как правило, никто не разбирается. Поэтов мало, а понимающих поэзию и того меньше». Сказал и усмехнулся, да так горько, как раньше никогда не усмехался.

- Даже в толстых журналах? – поразился я его словам.
Саша снова затянулся папиросой. Он курил, сидя у газовой печки.

- А что такое журнал? – поднял он на меня свои глаза. - Та же газета! Только толстая.

Мосинцев выдохнул дым и тут же разогнал его рукой, как бы отмахиваясь от лишних вопросов.

От моей наивной веры в непогрешимость литературных журналов, как от табачного дыма, не осталось и следа. Мосинцев знал, что говорил. Иначе бы не написал:

Осудит глупость поиски твои.
Ищи поэт, поверив в неземное!
Чтоб не узнать ни счастья, ни любви,
Ни благодатной мудрости покоя.

Не упадут на землю небеса,
Когда ты примешь в суете и спешке
Улыбку одобрения в глаза,
А за глаза - презрительность усмешки.

Легко ли ему было жить с таким трагичным настроением? Не думаю.

Однажды, провожая меня на электричку в Пятигорске, непонятно в связи с чем, он неожиданно сказал.

- Старик, ты на мой счёт не заблуждайся. Я шкурный интерес ставлю превыше всего.

Мы шли слободкой в сторону вокзала, и я, сказать по совести, опешил. Меня ошеломил и поразил диапазон между высотой его таланта и житейским прагматизмом. Для меня, идеалиста, это было, как гром среди ясного неба.

Какая чернота тогда на Сашу навалилась, непонятно.

Мне хотелось объясниться, но что толку говорить? Да и разговор бы вышел нервным. В самолюбии зачатки наших бед. Мы думаем, что лучше всех знаем себя, что в этом наша крепость, наша сила, умноженная жаждой славы и материальных благ, успеха и любви, составляющих основу человеческого счастья. И, как правило, жестоко ошибаемся.

До тех пор, пока Мосинцев не женился в третий раз и не получил однокомнатную квартиру в Новопятигорске, виделись мы часто, общались дружески, и этого нам было предостаточно. Чаще всего я навещал Сашу в воскресные дни, когда мне хотелось показать ему свои новые стихи или просто повидаться. Из Железноводска я доезжал за одиннадцать минут до станции Бештау, там подождал электричку из Минвод и ехал в Пятигорск. На станции Бештау Мосинцев написал одно из любимых моих стихотворений «На полустанке» с его обыденно-простой и оттого чудесной строчкой: «До электрички двадцать шесть минут...» Казалось, всё, что попадало в поле его зрения и облекалось в слова, изначально дышало поэзией. ктерной «мосинцевской» интонацией: доверительной и неиршенных текстов нет, да и не может быть, поскольку, благодатно чистой, хотя он и горным мастером работал, и в армии служил, и в Литинституте учился, где нецензурщина была в фаворе.

Ни о каких «секретах мастерства» Мосинцев со мной не говорил, не поучал и специально не натаскивал, но счёт

нужным предупредить, чтобы я никогда не клал свои рукописи на диван или кровать. Деска что «Божьи» забывали. Просто не держали в голове. Та

Я не пролью тойдело, что красавиц в мире много, но тех, кто спмссии. Долгое время ему была близка древняя Русь, та, чтситься, чужеродна. И жалкой выглядит попытка самооправдания:

Но я ль виной? Сегодня время Хама.

В своей статье «Время Рубцова» (журнал «Дом Ростовых» №1 за 2007 год) Александр Мосинцев писал: «...С годами талант не прибавляется, увы, растут претензии». Я думаю, что так бывает, когда поэт забывает о Боге, о том, что всё свершается по Его воле. Тот, кто не перестаёт благодарить Всевышнего за свой творческий дар, вполне довольствуется тем, что он имеет, и не копит никаких претензий, ни к обществу, ни к самому себе.

Мучило ли Мосинцева одиночество, которое, как он наивно думал в молодости, берегло его? Думаю, да. Иначе не появилось бы стихотворение «Сюжет»:

Осколки собрав и обломки,
Живу – сам себе херувим.
Повесив портрет «Незнакомки»
Над старым диваном своим.

Прочтя этот зачин и оставив слова «сам себе херувим» на совести поэта, приравнявшего себя к высшему ангельскому чину, к которому причтена Пресвятая Богородица, я сразу вспомнил репродукцию знаменитой картины Крамского, висевшую в Сашиной комнате над стареньким диваном. На этом диване я когда-то рассматривал фотографии в семейном альбоме, любезно предоставленном мне Анастасией Тихоновной.

Стихотворение «Сюжет» написано так, что всё предельно узнаваемо. До боли. И обстановка комнаты с её извечным полумраком, и холостяцкий быт Мосинцева, прямо сказать, убогий «под взглядом надменным – с портрета».

А падкие к сверке знакомцы
Осмывают по-своему весть:
Мол, вряд ли подруга вернётся,
Но женщина будто бы есть.

Вот именно, «будто бы». Иллюзия пребывания женщины в доме.

Всю жизнь поэт был окружён милыми созданиями, но близкой души среди них не нашлось.

Прелестна пусть наложница нагая,
Но все её телодвиженья – ложь.
Живой душе нужна душа живая,
Да где её, родимую, найдёшь?

Какая старая, невыразимо-тяжкая тоска в этом заключительном аккорде! В этом сладостно-певучем русском слове, исполненном надежды и любви, «родимая».

Нет, не утешает пушкинский завет: «Ты - царь: живи один». Ведь одиночеством наказывают. В стихах появилось уныние, смешанное с запахом праздников и похорон.

Помилуй Бог! Какое уж веселье
Себя и мир угадывать с похмелья.

Любовная лирика всё больше отходила на задний план и, вероятно, пребывала бы там до последних дней поэта, не случись в его жизни знакомство с женщиной, которую он называл Любаней. Судя по стихам, именно с нею он хотел дожить свой век, да не случилось.

Её ль вина, что обживая лето,
Я не вписался в переулок этот?

Мосинцев не вписался в сумбурную жизнь этой женщины, но посвятил ей немало стихов, вошедших в сборник «Переулок пятый» и предсмертную книгу «Чаша цикуты», которую он выпустил в издательстве «МИЛ» в 2009 году на средства, собранные почитателями его таланта. Надо полагать, издательство, учреждённое А.Ф.Мосинцевым, А.П.Иваненко и Л.Е.Лукашевичем, к тому времени едва сводило концы с концами и остро нуждалось в денежной подпитке. Тираж книги с отчаянным названием «Чаша цикуты», всего 400 экземпляров, вряд ли окупил финансовые затраты на её предельно упрощённое издание. (Несмотря на бережное отношение, мой экземпляр сборника стал распадаться на отдельные листы при первом же его прочтении). Кстати, название «Чаша цикуты» я не считаю удачным. Оно никак не вяжется с мосинцевским восприя-

тием жизни, которая по своей сути Божья благодать, тот самый дар, что давал поэту возможность замечать красоту мира и любовно облекать её в слова, что уже само по себе чудо. Иначе Мосинцев не сказал бы:

А жизнь, как встарь, прекрасна и права,
Она ни в чём повинна не бывает.

А коли так, то и хулить её не стоит: сравнивать с чашей, наполненной ядом. Одно дело повторить вслед за Пушкиным:

Блажен, кто не допил до дна
Сей жизни чашу роковую,
и совсем другое - воспринимать жизнь, как отраву. Это уже чистой воды вольтерьянство. Никак нельзя ставить «Чёрный квадрат» на один уровень с боговдохновенной «Троицей» Рублёва, творениями Микеланджело и Рафаэля. Но тьма обладает энергией и входит в каждого из нас помимо нашей воли. Отдав часть времени и сил для творческого осмысления истории языческой Руси, и не найдя в ней духовной опоры, Мосинцев стал прислоняться к Православию. И лучшее тому свидетельство стихи:

Вот и выходит: выбор твой
Прост, как прапрадедов сказанья.
Кропи рождественской водой
Все помыслы и начинанья.

Опыт поэта интересен не сам по себе, а тем, к чему он привёл.

В Евангелие сказано: «Ищите и обряцете». Но что ищите? Бога! Впереди Страшный Суд. Игра в смыслы – пустое занятие. Она доводит до абсурда. И тогда обществом - дороже всех! - начинают цениться разрушители, а не творцы; пересмешники, а не песнопевцы. Поиск Истины – единственное поприще, достойное дарованной нам жизни.

Сказать о том, что жизнь во всём права, уже начало понимания того, что жизнь полна Божественного смысла, в котором кроется суть бытия. Её нельзя познать при помощи известных пяти чувств. Нужно иметь «шестое» чувство – любовь к Богу, чистоту сердца и помыслов, которых у нас нет, поскольку мы рабы своих страстей и наша

мысль не проецируется в запредельность, в то неизвестное, что дальше времени, шире пространства.

Как человек А. Мосинцев весь на земле, он не пытается постичь сияние, не смешанное с тьмой. Ему достаточно того, к чему он, вроде бы, привык, но к чему, видимо, привыкнуть невозможно. Он плоть от плоти юдоли земной. «Мира сего». Но поэт Мосинцев в своих стихах всё чаще поднимает глаза к небу.

Затерянный в своей стране,
И я надеюсь на удачу,
На ясный день, на свет в окне.
О, Господи, а как иначе...
Очи видят, а сердце прозревает.

Русская художественная литература это своеобразные качели или, если хотите, возвратно-поступательное движение от замысла к вымыслу с прохождением точки высочайшей авторской самоотдачи, немислимой без ясного воззрения на мир и сострадания к людям, которого не может быть, если убита совесть. «Совесть - повивальная бабка святости», говорили отцы Церкви. Без совести нет святости.

В последней книге Мосинцева есть удивительно цельное, классически стройное, вершинное стихотворение «Мне снился храм», как бы навеянное Апокалипсисом. Вот так и надо было бы ему назвать свой сборник. Полагаю, он бы так и сделал, утвердившись в православной вере, но времени на это уже не было.

Где душа его – ты, Господи, веси...

P.S.

Года за три до смерти Александра Мосинцева, я встретил в цэдээловском буфете Александра Иваненко, который дал мне номер его телефона. Мобильника у меня тогда не было, денег – кот наплакал, я пребывал в упадническом настроении, и не позвонил. Хотелось вырваться в Железноводск, нагряться в Пятигорск и там, «у света на краю», поговорить, «как встарь, без суеты» со старшим другом. Но из моей затеи ничего не вышло. В Ставрополь я смог приехать лишь в августе 2010 года. Зайдя в Союз писателей, узнал, что 6 мая умер Мосинцев. Эту скорбную новость сообщила мне Елена Иванова, у которой в издательстве «МИЛ» вышла книга избранных стихов. Вместе со сво-

им «избранным», она подарила мне в память о Саше и его «Чашу цыкуты». Тогда мне было очень трудно свыкнуться с мыслью, что мы с ним больше не увидимся, а сейчас я склонен думать, что смерть дала ему не меньше, чем дала жизнь. Он ушёл вовремя. А это тоже благо. Господь не оставил его мучиться в параличе, лежать беспмятной колодой. Да и кто бы стал ухаживать за ним, неизлечимо немощным и одиноким? Разве что, кто-то из детей.

Не знаю, создана ли комиссия по литературному наследию А. Ф. Мосинцева? Теперь, пока ещё не поздно, надо собрать всё написанное им, будь то стихи, статьи, обзоры или же короткие заметки. Я думаю, один только список книг личной библиотеки Мосинцева, может стать большим подспорьем для понимания тех задач, которые он ставил перед собою, и уяснения законов, которым он следовал, решая эти самые задачи при восхождении на поэтический Олимп. Ведь даже беря несвойственную ему тональность или же манеру, он самовластно «присваивал» их, что говорит о мощи поэтического дара. Александр в переводе с греческого языка – победитель. Вот Мосинцев, как носитель этого славного имени, и одерживал победы в творчестве!

Неплохо было бы найти и сохранить архив поэта, но где они, «Блокноты памяти» его? Да и хранил ли он черновики? Вёл ли дневник, хотя бы изредка? В семидесятые годы, совпавшие с периодом гонений, направленных против писателей, бесстрашно говоривших правду, Мосинцев говорил о себе редко, а если говорил, то крайне скупно, но в последние годы, судя по его интервью, стал намного откровеннее. Возможно, сохранился его голос, ведь он не раз читал стихи на радио, записывался в телестудии.

Это хорошо, что в крае появляются мемориальные доски на домах, где жили и работали писатели, но лучшей памятью, конечно же, следует признать книги: посмертно изданные собрания сочинений и литературоведческие труды об их жизни и творчестве. Написанное, значит, сделанное, а разрушать сделанное – грех. Заботиться о его сохранности – наш долг. Когда государство открывает музеи, содержит библиотеки и пополняет архивы, оно тем самым укрепляет свою будущность, так как беспмятность – разновидность сумасшествия.

К тому же, хорошо известно, что без частного нет общего, без малого – целого. Об этом замечательно сказал Андрей Платонов: «Без меня народ неполный».

Традиционно русские поэты, причём, самые гениальные из них, были государственниками, даже не занимая никаких постов. А нынешнее государство, разве что за редким исключением, знать не знает и помнить не помнит имена русских поэтов. Примеров тут масса и говорить о них – только расстраиваться.

Значимость литературы определяется не только именами мастеров, но и достаточным накоплением фактологического материала об их жизни и творчестве, проведением фундаментальных исследований, появлением серьёзных, вдумчивых, аналитических статей, рассматривающих любой талант в совокупности с особенностями той или иной эпохи, той или иной общественной формации, всего того, что называют духом времени.

Человек в искусстве – фигура во многом трагическая, порой до крайности противоречивая, ибо он хочет жить, как все, но, как талант, обязан жить иначе.

В известном смысле он анахорет, изгой, отшельник. Вещь в себе. И, вместе с тем, нет такого поэта, живописца или же скульптора, иными словами, художника, который жил бы только для себя. Как бы ни складывалась его жизнь, он отдаёт больше, нежели берёт. Он, как пчела, берёт пыльцу, отдаёт мёд. Ароматный сгусток жизни, способный раствориться в наших жилах. И если мёд словесный, то он сильнее тлена, благоуханнее майской сирени.

Как время познаётся через творчество, так и творчество познаётся через жизнь художника. Эта связь нерасторжима.

Имя А.Ф.Мосинцева в совокупности с другими именами ставропольских литераторов должно быть поднято на подобающую их таланту высоту, тем более, что в крае много тех, кто может это сделать: филологов, историков и литературоведов. Отсутствие книг о жизни и творчестве того или иного писателя чаще всего говорит о нашей лениности и равнодушии, об отсутствии любви к тем, кто неизменно, всю свою жизнь, ревниво исповедовал любовь к родному слову, ценил, хранил, оберегал русский язык.

Вот, говорят: «Мы живём во времена девальвации истинных ценностей», что тяжкое это дело, отстаивать национальные традиции, когда всё в нашем обществе направлено на их уничтожение, но, простите, кто их девальвирует? Кто способствует уничтожению? Разве не мы с вами, когда потворствуем фальсификации патриотизма, традиционной морали, нравственных ориентиров и до-

веряем шарлатанам масс-медиа? Они могут говорить всё, что угодно, отрабатывая западные гранты, но мы ведь с вами на своей земле живём, и должны делать то, что отвечает идеалам человека, говорящего на русском языке. Родном, любимом, богатейшем. Поэты, прозаики, критики это, прежде всего, хранители русского языка. Хранители и, как Господь сподобит, его пропагандисты. Где бы они ни жили и как бы они не бедствовали. Если нет любви к родному слову, любой талант потухнет, и труд его пойдёт на смарку. Язык это народ. А народы, как известно, суть мысли Божии. Вот и получается, что, сохраняя чистоту русского языка, мы сохраняем чистоту нации, красоту нашей души, способной – напрямую! – обращаться к Вседержителю. Нельзя любить русский народ, не любя русский язык. Любые экивоки - от лукавого.

Поэт А.Ф.Мосинцев во многом тем и замечателен, что искренне любил родное слово. Не будь этой любви, не было бы и такого большого мастера, каким он стал со временем.

«В рассуждении завоевания Индии...»

*За строками «Кавказского
пленника» А.С. Пушкина*

В письме к брату Льву от 24 сентября 1820 года, делясь с ним летними впечатлениями о пребывании на Кавказе, Пушкин выразил надежду, что «эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградю в будущих войнах – и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии». Подобный ход мысли был, вероятно, навеян поэту чем-то увиденным или услышанным в далеком полуденном краю.

«Когда на Тереке седом впервые грянул битвы гром...»

Сюжет «Кавказского пленника» Пушкину подсказала разгоравшаяся на юге война. Однако в отношении военной ситуации, сложившейся к тому времени у наших южных рубежей, особенно примечательны даже не две основные части поэмы, а ее эпилог, в котором автор рисует полет своей музыки «к пределам Азии» – туда, где он сам недавно побывал и где теперь она, как он надеется, воскресит «преданья грозного Кавказа». Далее поэт строит литературные планы, связанные с событиями нашей недавней военной истории:

...И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,

**НИКОЛАЙ
МАРКЕЛОВ**

КРАЕВЕДЕНИЕ

На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов...

К тексту поэмы Пушкин сделал ряд примечаний, пояснив, что «счастливый климат Грузии не вознаграждает сей прекрасной страны за все бедствия, вечно ею претерпеваемые. Песни грузинские приятны и по большей части заунывны. Они славят минутные успехи кавказского оружия, смерть наших героев: Бакунина и Цицианова, измены, убийства – иногда любовь и наслаждения». Здесь же поэт объяснил значения слов, не знакомых тогда русскому читателю (аул, уздень, шашка, сакля, кумыс, кунак, чихирь, Байрам, Рамазан). Перефразируя слова Белинского о «Евгении Онегине», можно сказать, что пушкинская поэма для своего времени явилась маленькой энциклопедией кавказской жизни.

Не забыл поэт и о своих литературных предшественниках: «Державин, – замечает он, – в превосходной своей оде графу Зубову первый изобразил в следующих строфах дикие картины Кавказа» (и Пушкин выписал из оды две строфы, поместив следом и большой отрывок из стихотворного послания Жуковского к Воейкову).

Имена упомянутых в эпилоге поэмы и примечаниях к ней русских полководцев (Цицианов, Котляревский, Бакунин, Зубов) мало о чем говорят современному читателю, а стоящие за ними события далекой и бурной эпохи теперь уже едва проступают во мгле веков. Попробуем воскресить их, высвечивая в исторических потемках дела двухсотлетней давности и повторяя, согласно пушкинскому завету, забытые преданья грозного Кавказа.

Первая русская крепость на Тереке, с воеводой и стрельцами, появилась еще при Иване Грозном, в 1567 году. Она так и называлась – Терки и находилась на его левом берегу, напротив устья Сунжи. Крепость поставили по просьбе кабардинского князя Темрюка Идарова, тестя русского царя. Правда, просуществовала она недолго, так как вызвала недовольство крымского хана Девлет-Гирея. В мае 1571 года этот хан-агрессор дошел с крымско-турецким войском до Москвы и сжег Кремль. Наглость хана не знала границ: он требовал отдать ему Казань, Астрахань и убрать нашу крепость на Тереке. Но военное счастье переменчиво: новый набег Девлета на Русь окончился его полным разгромом

на подступах к Москве. От сдачи Астрахани он счел за лучшее отказаться, но Терки русским все же пришлось снести.

Князь Темрюк умер от ран, полученных в боях с крымцами, и с новым посольством в Москву отправился его брат Канбулат, принявший от царя грамоту с золотой печатью. Крепость возле устья Сунжи поставили снова. Снова она получила название Терки, и снова ее пришлось разрушить, – на этот раз по требованию Магомет-Гирея. Позднее у русских в устье Терека появился Тюменский острог (по названию реки Тюменки), с сильным гарнизоном и пушками, а на Сунже, на месте старой крепости, Сунженское городище, где обосновались «ратные люди». При царе Федоре Ивановиче было основано и Терское воеводство.

Движение молодой империи на юг решительно устремил Петр. Взятием Азова он попытался прорубить окно в Азию, а в 1722 году, предприняв Дагестанский поход, без боя покорил Дербент и в устье реки Сулак основал крепость Святой крест. Через десять лет небольшой экспедиционный отряд, направленный из этой крепости на территорию современной Чечни, имел боевое столкновение с жителями аула Чечень. Таким образом, и первые сведения, да и само название чеченцев вошли в русскую жизнь и русский язык из военных реляций.

Вскоре у русских появилось на Тереке два новых опорных пункта – Кизляр и Моздок. Кизляр, находившийся в 50 верстах от берега Каспия, впервые упомянут еще в 1616 году в «отписке» терского воеводы Хохлова. В 1735 году город становится пограничной крепостью, с постоянным гарнизоном и таможней. Городское население составляли русские, армяне, грузины, татары и персияне. По кривым улочкам тянулись то саманные домики, то турлучные сакли с плоскими кровлями. В Кизляре в 1765 году, в семье небогатого офицера русской службы, родился Петр Иванович Багратион, будущий герой Аустерлица и Бородина.

Моздок основан позже. В 1762 году на левом высоком берегу Терека, в урочище Моздогу (по-кабардински – «дремучий лес»), поселился владелец Малой Кабарды Кургоко Канчокин, принявший православие и получивший от русских чин подполковника. Лес вокруг постепенно вырубали, и ландшафт принял степной характер, с цепью снеговых гор на горизонте. Терек, едва вырвавшись из глубины ущелий, здесь еще «дик и злобен» и стремительно несет к Каспию свои бурные мутные воды. В 1770 году в Моздоке разместился батальон пехоты, на земляных валах уста-

новили 40 орудий и с Дона переселили до ста казачьих семей. Моздокская укрепленная линия, представлявшая собой череду станиц, редутов и сторожевых постов, протянулась до Кизляра. Устройством Линии в западном направлении, от устья Лабы и по правому берегу Кубани до Азова, занятым в 1777–1780 годах командир Кубанского корпуса А.В. Суворов. Земля за Кубанью и побережье Черного моря находились еще под властью Турции. Укрепленная Линия, пересекая кавказский перешеек от моря и до моря, получила название сначала Азово-Моздокской, а позднее Кавказской.

В 1785 году указом Екатерины II было основано Кавказское наместничество, состоявшее из двух областей – Кавказской и Астраханской. Первым наместником стал Павел Сергеевич Потемкин, родственник светлейшего князя Г.А. Потемкина. Он перенес свою резиденцию в Екатериноград (при слиянии Терека и Малки), выстроил здесь дворец и поставил каменные триумфальные ворота с надписью «Дорога в Грузию».

Основные события разгоравшейся Кавказской войны происходили в некотором удалении от Горячих вод, и, понимая это, Пушкин впоследствии признавался в письме к Н.И. Гнедичу, что «сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа – я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца...»

Побывать в 1820 году на Тереке Пушкину не довелось, но кубанский отрезок Линии он обозрел, что называется, своими глазами, когда вместе с семьей Раевских возвращался из кавказских странствий. «Видел я берега Кубани, – писал он брату Льву, – и сторожевые станицы – любовался нашими казаками. Вечно верхом; вечно готовы драться; в вечной предосторожности! Ехал в виду неприязненных полей свободных, горских народов...»

Жизнь на границе была трудна и опасна. Гребенские, терские и кубанские казаки вели необъявленную и непрерывную войну, защищая в стычках с горцами свои жилища и земли. Настоящий же «битвы гром» грянул на Линии в 1785 году. Уроженец чеченского аула Алды по имени Ушурма, постигнув премудрости шариата, стал проповедовать соплеменникам газават, то есть войну против «неверных». Он внушал им простую идею: бедствия, которые горцы терпят от русских, есть наказание всевышнего, посланное им за отступничество от истинной веры. Ушурма принял имя шейха Мансура, что означало «победоносный». Его призы-

вы имели успех, и, почувствовав опасность, военные власти направили в Алды карательный отряд полковника Пьери, дабы захватить «лжепророка» и доставить его на Линию. При первых же выстрелах Мансур успел скрыться, русские сожгли аул и, посчитав дело конченным, двинулись восвояси. И вот тут в дремучих лесах на берегах реки Сунжи разыгрались главные трагические события этого печального дня. Сам Пьери и восемь его офицеров были убиты. Отряд, состоявший из трех батальонов пехоты, почти полностью истреблен, часть людей и два орудия захвачены нападавшими. По чеченскому преданию, от всего русского войска остались только фуражки, несшиеся по течению реки. Уцелела лишь горстка наших, а среди них, по счастью, адъютант Пьери – двадцатилетний унтер-офицер Петр Багратион. Прошло еще пять лет, и когда в 1791 году генерал И.В. Гудович взял штурмом у турок неприступную Анапу, ее десяти тысячный гарнизон был почти полностью истреблен, а укrywшийся в крепости Мансур взят в плен и отправлен в столицу империи.

Теперь мы обратимся к впечатляющей военной экспедиции, состоявшейся в 1796 году и известной под названием Персидского похода графа Зубова. Нет сомнений, что на протяжении долгих лет эта тема находилась в кругу творческого внимания Пушкина. Даже после того, что он увидел на Кавказе своими глазами в 1829 году, совершив путешествие в действующую армию в Арзрум, «призрак невозвратимых дней» продолжал тревожить его воображение. Пристально вглядываясь с вершин Машука и Бештау в даль «глухих ущелий Кавказа», туда, «где рыскает в горах воинственный разбой», Пушкин стремился проникнуть мысленным взором и в даль времен – к грандиозным событиям минувшей екатерининской эпохи.

«Потщитесь и низринется...»

На закате своего царствования Екатерина II решила привести в исполнение так называемый «греческий проект» Потемкина, состоявший в том, чтобы, изгнав турок из Европы, отнять у них Константинополь и образовать новое «греческое королевство», трон которого императрица предназначала для своего второго внука Константина.

Фантастический (или, как сказали бы в старину, – химерический) план предстоящей военной экспедиции был предложен фаворитом Екатерины Платоном Зубовым. Турецкую столицу предполагалось осадить с трех сторон:

Суворов должен был перейти Балканы и угрожать городу с европейского берега Босфора, другой экспедиционный корпус – продвинуться по южному берегу Черного моря, а сама Екатерина с Платоном, находясь при Черноморской эскадре, осадила бы город с моря. Стратегический размах операции был столь широк, что простирался до пределов Индии и предусматривал захват торговых путей от Персии до Тибета с установлением наших гарнизонов в наиболее важных пунктах. Заблаговременно был составлен даже проект медали, лицевую сторону которой украшал чеканный профиль государыни, а по окружности шла надпись: «Божьей милостью Екатерина II. Императрица и самодержица всероссийская. Заступница верным». На обороте, среди волн морских, – объятый пламенем Константинополь с падающими башнями минаретов, над ним же – победно воссиявший православный крест. И надписи: «Потщитесь и низринется. Поборнику православия».

Однако выполнение этого невероятного плана осложнялось тем, что в 1795 году персидский шах Ага-Мохаммед-хан с 80-тысячным войском вторгся в Грузию и разгромил незначительные силы царя Ираклия. Этот «ужас Ирана», как прозвали его в соседних странах, некогда кастрированный по приказу шаха Надира, нечеловечески свирепый, разорил и залил потоками крови Тифлис. Россия, под покровительством которой находилась единоверная Грузия, не могла оставаться в стороне.

Кавказский наместник генерал-аншеф Иван Васильевич Гудович немедленно отправил в Тифлис отряд полковника Сырохнева, а другой, генерал-майора Савельева, – в Дербент, считавшийся тогда воротами в Персию. Савельев Дербента не взял: городским стенам, по которым можно было ездить в телеге, его шесть пушчонок не были страшны. Ответные вылазки, предпринятые дербентским правителем Шейх-Али-ханом, также не имели решительного успеха. Гудович тем временем начал собирать в Кизляре внушительный отряд, рассчитывая лично возглавить поход. Но Екатерина рассудила по-своему.

Для войны с Персией был сформирован отдельный Каспийский корпус, состоявший из двух кавалерийских и двух пехотных бригад, усиленный казаками и каспийской флотилией (всего около 35 тысяч человек). Есть сведения, что «Суворов отказался принять начальство над войсками, назначенными в персидский поход» и тогда командовать корпусом получил приказ 24-летний гене-

рал-поручик и андреевский кавалер Валериан Александрович Зубов (родной брат Платона Зубова), прошедший боевую школу суворовских кампаний. Участник штурма Измаила, своего первого «Георгия» он получил из рук легендарного полководца. В одном из польских походов ему ядром оторвало ногу, и, находясь на излечении за границей, он заменил ее искусственной, позволявшей ему по суткам находиться в седле. За это персы стали называть его потом Кизил-аяг (Золотоногий).

Греческий митрополит Хрисанф Контарини, имея опыт личных впечатлений, подготовил для Зубова путеводные записки о Бухаре, Хиве, Кабуле и Кашмире, особое внимание уделяя дорогам, численности тамошних войск и местным обычаям. Соображения, которые он при этом высказал, приличествуют более представителю военной разведки, нежели служителю церкви: «Бухария уподобляется саду удивительной красоты; но к сожалению, наслаждаются сею частию света варвары. Из сопредельных или ближайших к оной государств, ни которое покорить ее не в состоянии, кроме России при помощи Божией, но не прежде однако ж как заняв Хиву и отправя оттуда отряд войск на легких судах, могущих дойти по реке Аму-Дерье до самой Бухарии; поелику сухим путем, в рассуждении лежащей между сими местами пусты степи и недостатка в дровах и воде, проходить почти нет возможности. Бухария почти превосходит самую Индию в богатстве и изобилии во всех жизненных потребностях... В Кабуле воздвигнул свой престол Авганский государь пятьдесят лет по смерти Надир-шаха... Государь сего владения чрезмерно богат дорогими камнями и жемчугами, денег же не имеет и едва может содержать себя своими доходами; войска имеет всегда в готовности до двадцати тысяч, а не более... В случае нужды число войска их может быть собрано до пятидесяти тысяч человек; но пять тысяч россиян чрез два часа сражения истребят оное и возьмут самого государя с женами и имуществом его... Главнейшая сила их состоит во многих верблюдах, из коих на каждом прикреплена фальконета, который сидящий на верблюде всадник оборачивает на все стороны, и в действии сем они довольно искусны... Войско его вообще состоит из одной конницы, и всё нужное имеет каждый навьюченное на лошади... Для вящего удостоверения и подробнейшего во всех частях к сведению вашему нужных замечания можно отправить в те края людей вами избранных, с на-

блюдением однако ж той осторожности, чтобы не походили они на русских, имели короткие волосы и странствовали бы под видом врачей, путешествующих для собрания произрастений...»

В марте 1796 года граф Зубов прибыл в Кизляр, откуда вскоре началось движение русских войск к Дербенту.

Дербент по-персидски означает «узел ворот». На тюркских языках его имя звучит иначе – Демир-Капи, то есть Железные Врата, упоминания о которых есть и в русских летописях. Его стены помнят великого Тимура и золотоордынского хана Тохтамыша, а в 1722 году Дербент без боя покорился русскому царю Петру. Из-за мелководья его корабли не могли подойти близко к берегу Каспия, тогда он приказал матросам нести себя на доске над волнами и первым ступил на кавказскую землю.

В рядах Каспийского корпуса находились многие из прославившихся впоследствии боевых командиров: П.Д. Цицианов, П.С. Котляревский, М.И. Платов, Н.Н. Раевский – будущий благодетельный спутник Пушкина в поездке на Горячие воды, от которого поэт и мог услышать подробности дела и сыну которого Николаю посвятил потом своего «Пленника». Был среди них и 19-летний офицер, начавший военную карьеру лишь за два года до персидского похода. Звали его Алексей Петрович Ермолов. Раздосадованный же Гудович сдал дела на Кавказской линии генералу Исленьеву и, сославшись на болезнь, покинул Кавказ.

В первых числах мая передовые казачьи разъезды появились под стенами Дербента. Город был надежно укреплен: стена Даг-Бары, построенная еще арабами для защиты от набегов хазар, уходила вглубь гор. Городские стены достигали в толщину трех метров. В верхней части города на неприступной скале высилась старинная цитадель – Нарын-Кала.

Решительный штурм привел русских к успеху: 10 мая под ударами нашей артиллерии рухнули крепостные ворота, и Шейх-Али-хан, не дождавшийся помощи ни от персов, ни от турок, счел за лучшее сдаться на милость победителя. Серебряные ключи от города Зубову поднес столетний старец, который за 74 года до этого вручил их императору Петру. Великий Державин посвятил Валериану Зубову оду – «На покорение Дербента» и сравнивал своего героя с самим Александром Македонским, имея в виду предстоящее завоевание Индии.

В короткий срок войсками корпуса был занят прибрежный Дагестан, русские продвинулись от устья Терека до устья Куры и покорили все ханства восточного Закавказья. Екатерина наградила Зубова чином генерал-аншефа и орденом святого Георгия второго класса. За Дербент он получил также алмазные знаки к «Андрею Первозванному» (что считалось высшей степенью этого ордена) и бриллиантовое перо на шляпу, а всем нижним чинам и казакам на радостях было роздано по одному рублю. Не встречая сопротивления, русские кавалерийские отряды перешли Куру и вступили в Муганскую степь. Дорога на Тегеран была открыта...

Впрочем, при более пристальном рассмотрении ситуация, в которую попал Каспийский корпус, не казалась столь безоблачной. «Опрометчивость, которую был запечатлен весь план персидского похода Валериана Зубова, – читаем в обширном историческом очерке, посвященном братьям Зубовым «Русской стариной», – не замедлила принести горькие плоды, и сам покоритель Дербента не мог не сознаться, что его положение на Кавказе было почти критическое». Сказывались необеспеченность продовольствием, нехватка войск и непривычные условия горной войны, когда нападения можно было ожидать в любой момент и с тыла и с флангов. «Валериан Зубов, – продолжает автор «Русской старины», – обуянный ужасом при виде естественных твердынь Кавказа и тысячи препятствий, подробно писал о них брату своему и умолял: “Обеспечка мое пропитание, снабдите меня предполагаемую прибавкою войск к осеннему времени и примите к сему верные меры, ибо должен вам признаться, что все идет крайне медленно...”».

Осень, действительно, принесла новые беды, и отряд быстро терял подвижность и боеспособность. Очевидец событий передает, в какой отчаянной ситуации оказался зубовский корпус: «Между тем войско находилось в трудном положении. От чрезвычайных жаров и употребления плодов появились в оном болезни, и сего несчастья ничем другим отвратить было не можно, кроме запрещения привозить фрукты, для чего поставлены были везде караулы. Лошади, верблюды и быки большею частью попадали от недостатка в фураже, ибо трава была почти вся или вытравлена, или выгорела, а напоследок сделалась и вредною по серному свойству земли; притом же наступила ненастная погода и дожди. Посему граф дал по-

веление немедленно выступить к Шамахе, которая хотя не далее была как верст на 15, однако переход сей за недостатком лошадей, верблюдов и волов для перевозки тяжестей был очень затруднителен».

Сложно сказать, могла ли эта кампания, столь доблестно начатая на берегах Каспия, победоносно завершиться на берегах Босфора: смерть престарелой императрицы круто изменила положение дел. Восшедший на престол Павел, враждебно настроенный ко всем начинаниям Екатерины, отдал войскам приказ немедленно вернуться в прежние границы, на Кавказскую линию, и возвратил Персии все завоеванные провинции.

С «Золотоногим» же император поступил издевательски хитроумно: приказ к отступлению был послан отдельно каждому из командиров полков, участвовавших в экспедиции, то есть всем кроме самого Зубова, – в расчете, видимо, на то, что, лишенный войск, тот сложит голову за хребтом Кавказа. Но Зубова выручил Платов – вернулся в Россию вместе с ним, а за незапятнанную солдатскую честь заплатил заключением в крепость.

Обратный путь Каспийского корпуса представлял собой печальную картину и более походил на беспорядочное отступление проигравших сражение войск. По словам участника этого ледового похода А.П. Ермолова, полки, «предоставленные судьбе, не снабженные ни теплою одеждою, ни продовольствием, ни фуражом, шли среди суровой снежной зимы, сопровождаемой в горах и обширных кумыкских равнинах страшными вьюгами, – шли поодиночке, каждый сам себе, и в результате бедственный поход стоил стольких человеческих жертв и такого материального ущерба, каких нельзя было ожидать при самой неудачной кампании».

Павел вернул Гудовича на Кавказ, возместив ему превратности фортуны графским титулом. При Александре он стал и генерал-фельдмаршалом (за полный разгром турок на реке Арпачай в 1807 году). Пушкин назвал его имя в «Путешествии в Арзрум», описывая крепость «с заржавыми пушками, не стрелявшими со времен графа Гудовича».

«Ты самый молодой, но самый храбрый генерал в Европе»

Кто знает, не виделась ли Пушкину «даль романа» о Зубове: причудливый сюжет его жизни весьма к тому располагает.

Круто вознесенный судьбою к самому подножию российского престола, он в одночасье лишился всех монарших милостей. Победоносно пробившись с войсками за грани Кавказа – так далеко, как никто еще из русских полководцев, был вынужден без славы покинуть поля сражений. Недавний баловень удачи, сосланный и забытый, в отчаянной попытке вернуть утраченное, он вошел в кровавый заговор царевубийц.

«Современники не сходятся в оценке нравственных качеств графа В.А. Зубова, – писал о нем великий князь Николай Михайлович. – Одни говорят, что внутренние свойства не соответствовали его красивой внешности. Человек далеко не умный, но менее ограниченный, чем его знаменитый брат, Зубов, легкомысленный, развратный и расточительный, был злопамятен и жесток. Другие, например Державин, напротив, отзываются с большой похвалой о его храбрости, благородстве и честности».

Валериан Александрович Зубов родился в 1771 году и вскоре, по обычаю века, был записан вахмистром лейб-гвардии в конный полк. Чин следовал ему, как выражался классик, но, разумеется, стремительная военная карьера Зубова зависела не столько от личной доблести или полководческого таланта, а определялась положением при дворе его всемогущего брата Платона. Когда в 1790 году Суворов взял у турок Измаил, то с известием об этой победе Потемкин отправил в Петербург именно Валериана, пожалованного на радостях «Георгием» 4-й степени и званием флигель-адъютанта. Екатерина всегда относилась к нему с материнской заботой. В письме 1792 года, лично извещающая его о пожаловании генерал-майором, она делает замечательную приписку: «Послушай, мальчик! Не давай себя в излишние опасности. Дело с поляками того не стоит; а за то, что хорошо поступаешь, тебе спасибо».

Чувствительное сердце императрицы не обманулось в своей тревоге: именно злополучное польское ядро нанесло ее любимцу неизгладимое увечье. На Зубова сыпались новые, бесконечные милости: графский титул, орден святого Александра Невского, «Георгий» третьей степени, потом высший орден империи «Андрей Первозванный» и чин

генерал-поручика. По мнению многих современников, Валериан превосходил красотой своего старшего брата, и в собенности отличался белизною лица, на котором всегда играл нежный румянец. Вот потому Платон, опасаясь соперничества, и отправил его подалее, завоевывать персиян. «Должно заметить, – сообщает биограф фаворита, – что удаление Валериана Зубова из Петербурга было следствием раздора, возникшего между ним и Платоном. Екатерина II благоволила обоим братьям одинаково; но Платон не мог терпеть совместничества в получении наград даже и с братом».

Екатерина пристально следила за этим походом, вникая в детали, известные ей по донесениям Валериана, и не уставая своими письмами поддерживать и направлять молодого героя. «Все твои донесения я читала с удовольствием, – восклицает она, – и приказала до тебя доставить все, в чем только можешь иметь нужду или надобность. Нимало не сомневаюсь о твоём усердии...»

Взятие Дербента было отмечено в Царском Селе и Петербурге пушечной пальбой. Известия о быстром и победном продвижении русских на юг достигли европейских столиц и замелькали на страницах газет. Находясь в невероятной дали, говоря словами державинской оды, «ревут в мрак бездн сердиты реки», Зубов об этом знать не мог, но Екатерина не замедлила отправить к нему фельдъегеря с этой ошеломляющей новостью, поднявшей, говоря современным языком, полководческий рейтинг Валериана на небывалую прежде высоту. «Ты самый молодой, но самый храбрый и наиболее привлекающий внимание генерал в Европе, – пишет Екатерина Зубову в июле 1796 года. – С чрезвычайным удовольствием и со слезами на глазах читала я похвалы тебе в Гамбургской газете. Там говорят, что храбрый и заслуженный граф Валериан Зубов Дербентом овладел, и имя твоё напечатано большими буквами. Заподлинно большими буквами твоё имя напишется в истории, как продолжишь толь разумно как начал, о чем нимало не сомневаюсь. Геройский твой дух люблю как душу. Ради Бога продолжай, яко начал...»

Петр Бартнев, опубликовавший в своём «Русском архиве» письма и записки императрицы к Зубову, сделал особое примечание от себя, что «граф Валериан Александрович был лучшим из четырёх братьев Зубовых, с 1789 года получивших большое значение при Русском дворе и в делах государственных: современники почти единогласно от-

зываются о нем с сочувствием и уважением. Проживи Екатерина долее, молодому герою предстояла деятельность всемирно-историческая: по свидетельству Державина, имевшего всю возможность знать дело, персидский поход рассчитан был на овладение Константинополем со стороны Малой Азии и на установление прямой торговли с Индией (в предотвращение английских захватов). Мелкодушные двух следующих царствований дозволило увлечь себя губительным вмешательством в западно-европейские дела. Из-за этих дел здравая и народная политика Екатерины не пролила ни капли русской крови, имея виды несравненно более обширные, но для России плодотворные».

О «всемирно-исторической» миссии Зубова говорить трудно даже предположительно. Справедливы ради положим на чашу весов мнение человека, вполне осведомленного в перипетиях его персидского анабазиса, но не ослепленного блестящими достоинствами этого, по выражению Екатерины, «героя во всей силе слова».

В том, что Валериан Зубов самый молодой генерал в Европе, императрица, вероятнее всего, не ошибалась. Но с суждением о том, что он «самый храбрый и наиболее привлекающий внимание», явно поторопилась: над Европой уже взошла яркая звезда Наполеона. Он был, действительно, двумя годами старше Зубова, но его альпийский поход (начатый, как и зубовский, в апреле 1796 года) получил высочайшую оценку того, кто разбирался в военном искусстве, говоря очень мягко, никак не хуже Екатерины.

«О, как шагает этот юный Бонапарт! – восклицал восхищенный Суворов. – Он герой, он чудо-богатырь, он колдун! Он побеждает и природу и людей; он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе; он спрятал в карман грозные их вершины, а войско свое затаил в правом рукаве своего мундира... Не заботясь о числе, он везде нападает на неприятеля и разбивает его начисто. Ему введима неодолимая сила натиска – более не надобно... В действиях свободен он, как воздух, которым дышит; он движет полки свои, бьется и побеждает по воле своей!»

Старший брат Валериана – Николай был зятем Суворова; помимо этого в нашей истории известен тем, что именно он, человек громадного роста и необыкновенной силы, нанес Павлу роковой удар золотой табакеркой по голове. Так или иначе, в письмах великого полководца разбросаны различные замечания о братьях Зубовых. Цитируемые ниже письма адресованы Д.И. Хвостову, женатому на пле-

мяннице Суворова, который покровительствовал ему и даже выхлопотал для него графский титул Сардинского королевства. Хвостов, в свою очередь, говорил о Суворове, что «нет тайны, которой бы он мне не вверял».

«Театр на Востоке: герой Граф Валериан за Дербент, – пишет Суворов из Тульчина в мае 1796 года; – покорит и укрепит Каспийское море, прострит свои мышцы до Аракса, далее завоевание Петра великого, и ограничит Грузию. Тогда ему фельдмаршал мал».

Столь высокая оценка сменяется вскоре, уже в сентябре, горечью и досадой. Валериана Суворов иронически называет «графом Анадолийским» – имея в виду предполагавший поход на Константинополь по южному, турецкому, берегу Черного моря (эта область носит название Анатолии). Подобная почетная приставка к фамилии, как, например, Потемкин Таврический или Суворов Рымникский, служила высшим признанием полководческой доблести.

Далее Суворов ревниво комментирует какое-то из доносений самого Зубова или сообщение о его изрядно преувеличенных успехах: «Граф Валериан освободил грузинское царство!..» Ложь, он там не был. «Лютый Магмут». Он с ним не встречался. «Покорение». Покоряют ослушных и противуборных. Дербент 150 тысяч сдавался Савельеву. Баку занят казаками, и так войски вошли в Шемаху. «Соблюдение войск». Последняя ложь. Здесь умирают в год 50 человек, а там в полгода тысячи и, говорят, 3 тысячи побито. Запрещено о том рассуждать под смертною казнию...» («Лютый Магмут» – персидский шах Ага-Мохаммед-хан).

И в следующем письме: «Что мне о Персии писать? Новый завоеватель Шемахи будет после такового ж областью Гилянскою, Рящем и Гаванью обладать или хоть нечто еще и по малой мере Генерал-Аншеф. Сие стремление князя Платона должно быть для присвоения ему и себе армии и армиев. Гибель по сей игантической экспедиции пойдет гулять на облака». (Гилян – персидская провинция, охватывающая юго-западный берег Каспийского моря; Рящ (правильно Решт) – главный город Гиляна; Гавань – вероятно, искаженное персидское название; «игантический» – гигантский; «пойдет гулять на облака» – то есть останется безнаказанной).

В письме от 25 ноября (спустя лишь двадцать дней по смерти Екатерины) Суворов пишет уже об «уничтожении полном Персицкой Экспедиции», то есть о возвраще-

нии Каспийского корпуса в прежние границы. Этот странный поступок эксцентричного Павла превратил зубовский бросок на юг в бессмысленную военную демонстрацию, пусть и «игантическую» по размаху, но не имевшую никаких политических последствий, что, впрочем, для нас теперь не так важно, как те замечательные последствия, которые она имела в отечественной литературе.

«В рассуждении достоинства он никогда не переменяет мыслей»

Блистательный певец Фелицы не обошел вниманием и нашего героя, которого всегда искренне считал «как лицом, так и нравами человеком прекрасным».

В своих записках Державин рассказал о появлении Валериана при дворе с известием о взятии Измаила. Находясь в это время в комнатах фаворита, «в первом восторге о сей победе» он дал слово радостному вестнику написать оду, что и было вскорости исполнено. Государыня пожаловала успешному придворному автору богато осыпанную бриллиантами табакерку. Сообразно течению времени и свершению исторических событий Державин посвятил «юному вождю» ряд стихотворений: «К красавцу» (1794), «На покорение Дербента» (1796), «На возвращение графа Зубова из Персии» (1797), «Волхов Кубре» (1804). Самый же ценный для нас источник – это уникальные «Объяснения на сочинения Державина относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору токмо известна; также изъяснение картин, при них находящихся, и анекдоты, во время их сотворения случившиеся». Эти «Объяснения» составлены самим Державиным, но изложены, как было тогда принято, от третьего лица.

Если в оде «К красавцу» поэт воспевал «души и тела красоту» и «сердце доброе» Валериана, не забыв отметить и «ужасный вред», нанесенный ему войною, то есть оторванную польским ядром ногу, другими словами – славил его личные качества, то в дальнейших творениях Державин возвел своего героя уже в статус полководца, обagrившего свой меч кровью «противных Россам Персиян» и покрытого лавровым венцом.

В пояснениях к оде «На покорение Дербента» Державин изложил план нашей наступательной кампании – в том виде, каким он был известен самому поэту: «...Гра-

фу Зубову препоручено было исполнение сего предприятия таким образом, чтоб он, заняв важные чрез Персию до Тибета торговые места, оставил там гарнизоны, а потом обратился с своей армией вправо к Анатолии и там, взяв Анапу, пресек все подвозы и сношения с Константинополем, а тогда же бы Суворов чрез горы и Адрианополь шел к помянутой столице Оттоманской порты. Императрица же сама лично на флоте имела намерение осадить сей город, и сей план должен был начаться в будущий 1797 г., к чему уже Суворов и приуговлялся; но Провидение, имея свои планы, не допустило сему свершиться».

И далее, в пояснениях к строке «Кому чертеж дают Платоны», имеется и указание на автора «сего предприятия», хотя и завуалированное, почтительно и прозрачно, именем древнегреческого философа, но вполне понятное современникам предначертателя этого грандиозного военного проекта – Платона Зубова.

Что же касается анекдотов, то к ним можно, пожалуй, отнести эпизод с «Петровыми ключами», то есть ключами от Дербента, поднесенными сначала императору Петру, а потом, три четверти века спустя, тем же самым жителем города, уже «столетним старцем» – Зубову. Не все находят этот случай достоверным. Но, как говорится, если это и неправда, то хорошо придумано. Державин, видимо, передает эту историю со слов самого Валериана. Во всяком случае, в его бумагах находилась копия зубовского письма с изложением всего происшедшего в тот победный миг, когда русские, уже не встречая сопротивления, ринулись сквозь поверженные городские ворота. «Но един, – доносит Зубов, – остановил наше стремление, и был то 120-и летний старец, поднесший в начале столетия ключи Дербентской крепости Петру Великому Первому. Оруженосец Екатерины Второй те же ключи от того же старца принял 10 мая 1796 года».

Верил или нет сам Державин в историю с ключами, но в поэтическом смысле постарался извлечь из нее максимум возможного, намного превзойдя и без того чрезвычайно лестную для Валериана параллель с Петром: старца с ключами он уподобил персидскому царю Дарию, а Зубова – покорителю Персии и величайшему полководцу всех времен и народов Александру Македонскому:

В столетнем старце Дарий зрится,
А юный Александр в тебе!

Александр при начале войн с Дарием был еще моложе «оруженосца Екатерины», но Дербента завоевать не мог (город был основан много позже его походов), так что вся державинская метафорическая система, связанная с его именем («В тебе я Александра чтил»; «Ступавший Александр в след») есть плод заблуждения или далеко зашедшей поэтической фантазии.

Гиперболическая несоразмерность такого сравнения могла показаться и плохо скрытой насмешкой (подобно «графу Анадолийскому»), но в данном случае была вполне искренней и подходила общему духу державинской баталистики, которую Екатерина сравнила однажды с громкой трубой.

Этот выпирающий перебор с Александром все же не остался не замеченным и еще имел свои последствия. В самом деле, написание оды «На покорение Дербента» было естественным поэтическим актом: она воспевала не просто очередную, а плановую, предрешенную «чертежом Платона» победу русского оружия, одержанную под знаменами того, кому сама государыня не уставала пророчить великую будущность. Появление же оды «На возвращение графа Зубова из Персии» не только не вытекало естественным образом из хода событий, но и, опасно противореча ему, сулило автору только неприятности и требовало, несомненно, каких-то особых побудительных причин. Сам Державин объясняет это так:

«К сочинению сей оды повод был следующий: По восшествии на престол императора Павла, когда у графа Зубова была отобрана команда, то, будучи при дворе, кн. С.Ф. Голицын упрекнул автора той одой, которая на взятие Дербента Зубову сочинена, сказав: что уже герой его не есть Александр и что он уже льстить тепер не найдет за выгодное себе; он ему отвечивал, что в рассуждении достоинства он никогда не переменяет мыслей и никому не льстит, а пишет истину, что его сердце чувствует.

– Это неправда, – отвечивал Голицын: – нынче ему не напишешь.

– Вы увидите.

Поехав домой, сочинил сию оду в то время когда Зубов был в совершенном гонении, которая хотя и не была напечатана, но в списке у многих была, несмотря на неблагорасположение Императора к Зубову».

Отзывы об оде «На возвращение графа...» есть у Пушкина, Гоголя и Белинского. Видимо, именно по этой при-

чине издатели по сей день охотно включают ее в сборники державинских стихотворений. Приведем здесь две строфы, помещенные Пушкиным в примечаниях к «Пленнику»:

О юный вождь! Сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.

Ты зрел – как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеаясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизо-янтарна,
Навесаь, смотрит в темный бор;
А там заря злато-багряна
Сквозь лес увеселяет взор.

Ода увидела свет в сентябрьской книжке «Друга просвещения» за 1804 год, где была помещена под заглавием «На возвращение чрез Кавказские горы графа В.А. Зубова, 1797 года». За текстом оды следовало еще четверостишие, прибавленное автором по поводу недавней кончины Валериана в Курляндии:

Пришел теперь к сему покою
И ты, прекрасный человек;
Когда б толь славною стезею
И мой пресекась век!

Но Державин писал не только оды. Зубовский цикл он завершил стихотворным посланием «Волхов Кубре». Поясним, что на Волхове находилось имение Державина Званка, а Кубра – приток Нерли, там в своем имении Слободка проживал граф Д.И. Хвостов, личный друг Державина и Суворова, к тому же неутомимый графоман. Исчерпывающую ха-

рактистику этого, как говорили в старину, стихокропателя приводит в «Старой записной книжке» П.А. Вяземский: «Хвостов сказал: “Суворов мне родня, и я стихи плету”. – “Полная биография в нескольких словах, – заметил Блудов, тут в одном стихе все, чем он гордиться может и стыдиться должен”». Пушкин посвятил «Оду его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову», полную иронии и неприкрытых насмешек.

Поэтическим посланием к Хвостову Державин откликнулся на смерть Зубова в 1804 году:

Уже и вождь, ногой железной
Ступавший Александра в след,
Прекрасный человек, любезный,
Луч бедных – блещет между звезд.

Хотя имени персонажа здесь нет, оно, по ряду очевидных примет, не вызывает сомнений, к тому же в «Объяснениях» сам автор сделал потом примечание к этим строкам, что в них имеется в виду «шедший по следам Александра Великого, царя македонского, завоевавшего Персию, граф Зубов, который имел поддельную железную ногу вместо настоящей, потерянной, как выше сказано, на сражении в Польше».

Поэт до конца верил в высокие душевные свойства Валериана, резко отличая его в этом от заносчивого Платона, которого и упомянул только однажды, в связи с вышеизложенным «чертежом». «Сей граф Зубов, – читаем в «Объяснениях», – был человек снисходительный, говорил и выслушивал всякого с откровенным сердцем, не так как брат его, любимец Императрицы, несравненно старших и почтеннейших себе людей принимал весьма гордо, не удостоивая иногда и преклонением головы».

Поверим на слово русскому поэту, считая, что в данном случае приговор – окончательный...

«Державин в превосходной оде графу Зубову первый изобразил дикие картины Кавказа»

Современному читателю слог державинской оды может показаться тяжеловесным. Мнения же людей, более близких к Державину по времени, разноречивы.

Несмотря на сентиментальные воспоминания о лицейском благословении, Пушкин в доверительном письме к А.А. Дельвигу как-то заметил, что «у Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а про-

чье сжечь». В 1825 году в письме к А.А. Бестужеву в ряду лучших произведений Державина Пушкин назвал и оду к Зубову, упомянув, что она «недавно открыта»: ода появилась в печати только после смерти императора Павла, а до этого ходила в списках.

Также и пораженный Гоголь в своей знаменитой статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» процитировал и прокомментировал отрывок из этого державинского шедевра: «Сравнительно с другими поэтами, у него все глядит исполином: его поэтические образы, не имея полной окончательности пластической, как бы теряются в каком-то духовном очертании и оттого приемлют еще более величия. Например: поэт изображает старца Каспия в то время, когда он, рассерженный бурей:

Встает в упор ее волнам:
То скачет в твердь, то, в ад стремяся,
Трезубцем бьет по кораблям;
Столбом власы седые вьются,
И глас его гремит в горах.

Тут, казалось, хотел создаться зримо образ старца Каспия, но потерялся в каком-то духовном, незримом очертании: ухо слышит один гул гремящего моря, и вместе с седыми власами старца подымется волос на голове самого читателя, пораженного суровым величием картины. Всё у него крупно».

Белинский высоко ценил автора оды как человека и гражданина: «Во многих стихотворениях Державина личный характер его как человека является с весьма хорошей стороны. Несмотря на то, что его век был век милостивцев и что лесть и угодничество считались добродетелями, он льстил больше как ритор, чем как поэт. Когда Суворов, в отставке, перед походом в Италию, проживал в деревне без дела, Державин не боялся хвалить его печатно. Ода «На возвращение графа Зубова из Персии» принадлежит к таким же смелым его поступкам».

Но далее, когда речь заходит уже о поэтических достоинствах оды, а не о нравственных достоинствах ее автора, тут интонация у Белинского совершенно меняется. Он искренне и страстно восхищался «Кавказским пленником» Пушкина, а когда отправился на Юг, то перечитывал поэму и в Пятигорске, находя, что «Кавказский пленник» его здесь,

на Кавказе, получает новое значение». Он настаивал, что первооткрывателем Кавказа в русской поэзии был именно Пушкин, – настаивал вопреки словам самого Пушкина, благородно уступившего пальму первенства «старикам Державину». «Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями, – писал Белинский в знаменитой «Шестой статье», – в первый раз был воспроизведен русскою поэзиею, – и только в поэме Пушкина в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом, давно уже знакомым России по оружию. Мы говорим – в первый раз: ибо каких-нибудь двух строф, довольно прозаических, посвященных Державиным изображению Кавказа, и отрывка из послания Жуковского к Воейкову, посвященного тоже довольно прозаическому описанию (в стихах) Кавказа, слишком недостаточно для того, чтоб получить какое-нибудь, хотя сколько-нибудь приблизительное понятие об этой поэтической стороне. Мы верим, что Пушкин с добрым намерением выписал в примечаниях к своей поэме стихи Державина и Жуковского и с полною искренностью, от чистого сердца хвалит их; но тем не менее он оказал им через это слишком плохую услугу: ибо после его исполненных творческой жизни картин Кавказа никто не поверит, чтоб в тех выписках шло дело о том же предмете...»

Но и этого критику показалось мало. В рецензии на издание «Сочинений» Державина в 1845 году Белинский еще раз прошелся по оде, безопасно и безнаказанно иронизируя по поводу ее создателя: «Многие не знают, как и восхвалить Державина за оду «На возвращение графа Зубова из Персии», а между тем, что в ней – сперва резонерство в холодных стихах, потом не совсем верные и живые (даже поэтически) картины Кавказа. Что такое, например, эти стихи:

Ты видел, как в степи средь зною
Огромных змей стога кишат,
Как блещут пестрой чешуею
И льют, шипя, друг в друга яд.

В те времена поэту не было никакого дела до действительности: он опирался только на свою фантазию. Что ему за дело, что Кавказ – не Индия, и в нем нет огромных змей, что змеи нигде не кишат стогами, что в стога складывается только сено и что змеи никогда не забавляются переливанием яда друг в друга?»

Однако не все оказалось так просто, и Белинский, сам видевший Кавказ не далее курортного Пятигорска, радо-

вался рано. Рисуя фантастические картины Кавказа, где «бездны пламень извергают» и «в воздухе пары сгорают» (то есть воспламеняются нефтяные и газовые выбросы), и выстраивая калейдоскопический ряд других ужасных и непредставимых для русского читателя образов, Державин ничего не выдумывал, а передавал реальные впечатления участников похода и, вероятно всего, самого Зубова. Что касается так зацепившей Белинского строки «Огромных змей стога кишат», то сам Державин объясняет ее следующим образом: «Недоходя до Испагана от Каспийского моря находится степь, на которой в летние месяцы такое великое число собирается больших змей, что никоим образом пройти невозможно, и для того путешественники проезжают только сие место осенью и зимой, когда змеи скрываются».

Приведем и выдержку из статьи известного советского литературоведа Б.С. Виноградова, детально рассмотревшего вопрос о том, что же преобладает в державинской оде – поэтический вымысел или историческая действительность: «Встреча со скопищем змей тоже не фантазия. Еще Плутарх сообщал, что после сражения на левом берегу Алазани Помпей двинулся к Каспийскому морю, но вследствие множества ядовитых пресмыкающихся отказался от этого намерения. Советский историк К.В. Тревер, комментируя Плутарха, разъясняет, что большое количество змей имеется и в настоящее время в Мильской и Муганской степях. Белинского более всего удивила такая строка оды: «И льют, шипя друг в друга яд». Великий критик иронически заметил: «Змеи никогда не забавляются переливанием друг в друга яда». А Державин описал драку змей, побоище пресмыкающихся, наблюдающееся и в наше время».

Более того, ученому удалось разыскать сведения о современном состоянии этого природного серпентария. Заметка об этом была помещена в газете «Молодежь Азербайджана» 14 июля 1967 года: «Интересное сообщение поступило из Евлаха. Неподалеку от шоссеной дороги Евлах – Халдан, в нескольких сотнях метров от Куры, произошла настоящая битва между змеями. По рассказам очевидцев, на поле боя было свыше трехсот змей. В смертной злобе с шипением змеи бросались друг на друга. До темна длилось это побоище, а на следующее утро на месте битвы были обнаружены десятки погибших змей. Тут возможна встреча двух пресмыкающихся групп. Не исключено, что это была случка змей».

«А то, что у Державина огромные змеи, – заключает Виноградов, – видимо, на совести изумленных очевидцев, передававших свои впечатления поэту». Впрочем, даже не изумление очевидцев тому виной, а скорее всего, действительные размеры и обилие в Муганской степи столь ужасных пресмыкающихся. У нас есть возможность не реконструировать ту давнюю ситуацию по современным данным, а просто оценить ее на момент происходивших событий. Вот свидетельство участника зубовского похода, оставившего в своих записках довольно подробную заметку на этот счет: «Муганская степь есть единственная и обширнейшая из всех степей Персии, но могла быть полезна для армии только в то время, в которое на нее пришли: она по всему ее пространству, как и лагерное место, покрыта лучшею и полезною травою потому, что селитряное свойство земляной подошвы сообщает ей некоторую соленость, которая для скота полезна и выпадающий снег тотчас растворяла; но с весны до наступления осеннего времени пространство степи сей есть жилище, или, так сказать, царство бесчисленного множества змей и других многообразных вредных и ядовитых пресмыкающихся гадов. Воздух делается тогда тяжелый, горький и совсем неудобный к дыханию, так что и в некотором от нее расстоянии нельзя сносить оно; шум же и свист шипящих змей бывает слышим проезжающими издалека; словом, что в продолжение весны и лета ни человек, ни же какой-либо скот или зверь к сему месту приблизиться не может. Войско для зимованья построило землянки. При сем случае и здесь выкапывали множество змей; некоторые из сих ядовитых животных были в окружности около 12 вертков».

12 вертков – так в тексте; следует читать, очевидно, «12 вершков», что равняется без малого 50 сантиметрам. Диаметр, то есть толщина змеи составляет в таком случае 16 сантиметров. Встречи с таким гадом не пожелаешь никому.

И, наконец, еще один автор – на этот раз сам Валеринан Зубов. Он блеснул пером в 1801 году, составив «Общее обозрение торговли с Азиею». Это краткие заметки о наших торговых делах на Каспии с древних времен до Петра и Екатерины. Что касается персидского похода, то его целью, как пишет Зубов, было не только наказание «хищника Ага-Мегмед-хана» и защита Грузии, но и «главнейшее основать твердым образом с Персиею нашу торговлю».

Для военного обеспечения торговых интересов России предполагалось «ниже впадения реки Аракса построить

крепость» и основать город под названием Екатериносерб, который «был бы в совершенной возможности ограждать нашу торговлю от буйных и хищных горских народов...»

«Сколь ни велик и ни обширен план сей, – замечает Зубов, – Великая Екатерина предполагала исполнить его мимоходом; и я, напоенный духом ея, считал сие тем более удобовозможным, что был уже близок к совершению оногo...»

Можно понять его огорченность, но все же, уйдя в своем стремлении на юг в небывалую прежде даль, Зубов оказался не столь дальновиден в своих политических оценках. Проблема наших рубежей в Закавказье решалась отнюдь не «мимоходом», и здесь еще не раз сталкивались под орудийный гром интересы России и ее беспокойных южных соседей.

«Ты зрел, как Терек в быстром беге меж виноградников шумел...»

История стихотворного послания В.А. Жуковского «К Воейкову», отрывок из которого Пушкин поместил в примечаниях к своему «Пленнику», не столь велика и занимательна, как зубовский цикл Державина, но некоторое внимание ей также необходимо уделить. Прежде всего, несколько слов об адресате. Александр Федорович Воейков – русский поэт, переводчик, критик, журналист, издатель и едва ли не одна из самых карикатурных фигур во всей нашей литературе. По личным свойствам это был совершенно отвратительный и циничный субъект, втершийся в доверие к своему однокашнику Жуковскому и обманом женившийся на его племяннице Александре.

Получив начальное образование в Московском университетском пансионе, Воейков служил в кавалерии, вышел в отставку в скромном чине и на военную службу, то есть в ряды ополчения, вернулся в 1812 году. После изгнания французов путешествовал по южным областям России, побывав, в том числе, на Тереке и Дону. Промотав состояние, обратился за помощью к Жуковскому, и тот выхлопотал ему кафедру русской словесности в Дерптском университете. Профессор из него получился неважный: «совершенный невежда», как писал о нем Н.И. Греч, Воейков пьянствовал со студентами и распутничал, а на коллег строчил мерзкие доносы, несколько не стесняя своей буйной фантазии. Изгнанный за это из Дерпта, вновь воспользовался покровительством Жуковского и получил место инспектора классов артиллерийского

училища в Петербурге. В столице он занялся журналистикой, погрязнув в литературных склоках и мелких махинациях. Даже кроткого Жуковского Воейков гнусными выходками умудрялся довести до белого каления, и тот дупил своего «приятеля» палкой по плечам. В ответ Воейков скандализовал домашних, обещая убить Жуковского, а потом зарезать и себя.

Один из близких приятелей Воейкова оставил записки о нем, причем утверждал, что на совести этого типа лежало, по крайней мере, семь смертных грехов и по природе своей был он коварен, лукав и «даже в безделицах, где не нужно было хитрости, он не переставал хитрить, как будто влекла его к этому натура... Лицо А.Ф. Воейкова было смуглое и калмыковатое, голова большая, с волнистыми, густыми волосами. Он был довольно толст и неуклюж. Еще более он неловок стал от хромоты, сломав себе ногу...».

Как поэт Воейков прославился большой сатирой «Дом сумасшедших», куда поместил почти всех известных русских литераторов, в том числе и себя самого. Сатира, или, как писали о ней, «образец литературной брани», долгое время ходила в списках, так как пребывала под цензурным запретом, и вышла в свет только через 20 лет после смерти автора. В 1816 году Воейков был принят в литературное общество «Арзамас», где носил имена «Дымная печурка» и «Две огромные руки».

Не раз обруганный Воейковым Николай Иванович Греч написал о нем пространный очерк и написал его злым пером, пересыпая свои заметки насмешками, уколами, а иногда и откровенной бранью: «Александр Воейков вышел из службы при императоре Павле, поселился в Москве, начал шалить, играть, пить и спустил все свои две тысячи душ, шатался среди самого гнусного общества, ездил по разным губерниям... Воейков имел природное остроумие и дар писать стихи; знал, с грехом пополам, французский язык и более ничего... Талант Воейкова, как и душа его, разведен был желчью. Он писал не эпиграммы, а полные пасквили, и если не одолевала его лень, он напорол бы целые томы всяких ругательств на людей честных и почтенных. Всем известен его «Сумасшедший дом», в котором с большою замысловатостью разные лица размещены по кельям – не по вине и заслугам, а более по расположению к ним автора. Любимою его формою стихотворения были послания, разделявшиеся, как полосы полицейских будок, на белые и черные.

Он в них или льстил знатным, сильным и богатым, или осыпал бранью людей, которых ненавидел; а он не любил никого в мире, всего менее тех, кто делал ему добро».

Пушкин знал Воейкова лично, был знаком с его женой и детьми и прекрасно понимал ему настоящую цену, а потому и относился к нему по преимуществу иронически. Упоминания имени Воейкова, почти всегда полные сарказма, довольно часто встречаются в письмах и заметках поэта. Так, в письме к брату Льву в 1824 году из Одессы он назвал Воейкова своим «высоким покровителем и знаменитым другом». Передают, впрочем, что Пушкин восхищался его стихами из «Дома сумасшедших», направленными против Булгарина и Греча.

«Послание к Воейкову» написано и опубликовано Жуковским в 1814 году, в ответ на «Послание к Жуковскому из Сарепты 1813 г.» самого Воейкова. Впоследствии, сожалея уже о выражении в этом стихотворении дружеских чувств к адресату, Жуковский в некоторые строки внес изменения. Публика встретила эти стихи с полным восторгом. Пушкин выписал из послания пространный отрывок в 53 строки, предварив его особой заметкой: «Жуковский, в своем послании к г-ну Воейкову, также посвящает несколько прелестных стихов описанию Кавказа». Вот некоторые строки оттуда:

Ты зрел, как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел,
Где часто, притаясь на берегу,
Чеченец иль Черкес сидел
Под буркой, с гибельным арканом;
И вдалеке перед тобой,
Одеты голубым туманом,
Гора вздымалась над горой,
И в сонме их гигант седой,
Как туча, Эльборус двуглавый...
...Но там – среди уединенья
Долин, таящихся в горах, –
Гнезятся и Балкар и Бах,
И Абазех, и Камукинец,
И Карбулак, и Абазинец,
И Чечереец, и Шапсук;
Пищаль, кольчуга, сабля, лук,
И конь – соратник быстроногий
Их и сокровища и боги...

...В дыму клубящемся сидят
И об убийствах говорят,
Иль хвалят меткие пищали,
Из коих деды их стреляли;
Иль сабли на кремнях острят,
Готовясь на убийства новы.

Со временем поэтические краски этого описания довольно потускнели. Мы уже приводили весьма прохладную оценку Белинского, который и вспомнил-то о «Послании» лишь для того, чтобы отметить благородство Пушкина, не поскупившегося на похвалы дорогому учителю. А уж те, кто увидел Кавказ своими глазами, чуть ли не в каждой строке тут стали наткаться на всякого рода неточности. Известный дореволюционный автор-кавказовед Е.Г. Вейденбаум не упустил заметить, что Эльбрус, например, не виден с берегов Терека и что не стоило сравнивать эту гору, покрытую вечными снегами, с тучей, как передающей представление о чем-то мрачном и черном. «Согласно тогдашнему воззрению на горца, как на хищника, – продолжает Вейденбаум, – промышляющего исключительно разбоем и грабежом, все перечисленные племена, по словам Жуковского, только и делают, что “как серны скачут по скалам”, подстерегают путников и в них “бросают смерть из-за утеса”; дома же курят трубки, беседуют об убийствах и острят на кремнях свои сабли, “готовясь на убийства новы”. Нечего и говорить, что такое изображение кавказского горца очень односторонне даже и для того времени: миллионное население не может кормиться только плодами грабежа и насилия. Порядок, в котором Жуковский перечислил племена, обусловлен исключительно потребностью рифмы. Некоторые названия (камукинец, чечереец) совершенно неизвестны в этнографической номенклатуре Кавказа».

Все это, увы, справедливо. Ну, ладно еще – «камукинец»; это, можно догадаться, почти неузнаваемо искаженный «кумык». «Бах» – по-видимому, «убых», были и такие. А вот невразумительный «чечереец» совсем уж никуда не годится. Скажем еще, что Пушкин, вопреки утверждению Белинского, оказал Державину и Жуковскому вовсе не плохую, а поистине историческую услугу, продлив внимание к их кавказским творениям на бесконечно долгий срок.

«Граф Зубов поддерживал добрые отношения с народами Кавказа»

К лету 1797 года Зубов вернулся морем в Астрахань. Позади осталось много пережитого в этой удивительной кампании, впереди ждала пугающая неизвестность. Облегчить душу смещенный главком смог в разговоре с человеком, которому его рассказ оказался интереснее, чем кому-то другому во всем белом свете. Это был польский путешественник и археолог Ян Потоцкий.

Он успел объехать Европу, Северную Африку, Турцию, а в дальнейшем, в составе посольства графа Ю.А. Головкина, совершил и транссибирский вояж к границам Монголии. Круг его научных интересов был необыкновенно широк: история, география, этнография, лингвистика и – литература, ибо, отдыхая от ученых занятий, граф сочинял еще пьесы и писал большой роман из испанской истории. Потоцкий имел и некоторый военный опыт: в молодые годы успел послужить лейтенантом австрийской армии. В период восстания Тадеуша Костюшко, в звании капитана польских инженерных войск, возводил на берегах Вислы укрепления против наступающих суворовских полков, в рядах которых находились 23-летний генерал-майор Валериан Зубов и его 17-летний приятель капитан Алексей Ермолов, впервые получивший под свою команду шесть артиллерийских орудий. За участие в смуте Потоцкий был внесен русскими властями в черные списки, грозившие ему потерей поместий и свободы, но был спасен влиятельной родней, а позже, в царствование Александра I, счел за лучшее принять российское гражданство и, пользуясь протекцией своего кузена Адама Чарторыйского, в то время министра иностранных дел России, поступил на службу в наш азиатский департамент. И прозывался тогда по-русски Иваном Осиповичем.

Свои многочисленные монографии, статьи и книги Потоцкий писал на французском языке, они выходили в свет в Варшаве, Париже, Берлине и Петербурге. Его знаменитый роман «Рукопись, найденная в Сарагосе» – занимательный, пугающий, полный иронии и головоломных интриг с неожиданной развязкой – высоко оценил Адам Мицкевич. Им же зачитывался Пушкин и даже, находясь под сильным впечатлением, начал писать большое стихотворение на тот же сюжет. Наш поэт упомянул Потоцкого в своем «Путешествии в Арзрум», признав, что его «ученые изыскания столь же занимательны, как и испанские романы».

О встрече с Зубовым Потоцкий поведал в своей книге «Путешествие в степях Астрахани и Кавказа», вышедшей в свет уже после смерти автора. Книга издана в Париже в 1829 году и помимо текста имела две гравированные карты и семь рисунков. Годом раньше петербургский «Северный архив» опубликовал отрывок из «Путешествия» в переводе с французского на русский, причем с упоминанием об этой астраханской встрече. Недавние противники, теперь они счастливо обрели друг друга, и польский граф оказался, таким образом, интервьюером молодого полководца и записал свой рассказ буквально из первых уст:

«5 июня я с удовольствием провел несколько часов с графом Валерианом Зубовым, который возвращался с персидской войны. Я слушал его с участием, но с сердцем сокрушенным от потери стольких неизведанных впечатлений, которые сама судьба, казалось, предназначала для меня.

Я следил, сколь возможно, за движением русской армии по карте восточной части Кавказа, которая была тщательно составлена в ходе кампании. Русские, перейдя Койсу, вступили во владения шамхала Тарковского; этот князь уже отдался под покровительство России, и генерал Зубов не встречал трудностей на своем пути. Он овладел Дербентом, городом, почти полностью окруженным владениями Табасаранского кадия, что представляет собой невысокий духовный сан. Наконец, Зубов обосновал свою штаб-квартиру в Муганской степи.

В течение всей кампании русские сражались только с лезгинами, живущими в совершенно неприступных горах. За ними обитает Авар-хан. Имя Авар, которое носит этот хан, происходит от одного древнего гуннского народа, вот почему в сравнительном словаре всех языков, изданном в Санкт-Петербурге, наречие этих аварцев помещено сразу за венгерским языком, хотя я не нашел ничего общего между ними.

Граф Зубов поддерживал добрые отношения как с народами Кавказа, так и с более отдаленными, такими как туркмены, бухарцы и афганцы. Бухарцы, то есть согдиане в древности, смешались с туркменами и узбеками. Их хан, который недавно отправил в Санкт-Петербург своего министра и слона, хочет включить последних в свои владения. У него есть небольшое войско европейского образца, состоящее в основном из русских, которых ему весьма дорого продали киргизы.

Афганцы – это воинственные народы, живущие между Персией и Индостаном и не раз покорявшие эти страны. Ученое общество Калькутты выпустило об их происхождении ряд записок, которые отнюдь нельзя признать удовлетворительными. По словам графа Зубова, народы Кавказа утверждали, что берут свое начало от этих афганцев».

Как видим, Потоцкого привлекали не столько успехи русского оружия, сколько возможность получить новые сведения об интересующих его предметах. Слушая рассказы Валериана, этого нового Синдбада, граф невольно сожалел, что судьба не позволила ему самому удостовериться и поведать миру обо всех этих, словами поэта, неведомых дорожках и невиданных зверях. Что же касается Пушкина, то он настолько увлекся испанским романом Потоцкого, что попытался даже разыскать рукопись «Сарагосы», – по всей видимости, для перевода ее на русский язык и дальнейшей публикации.

Судьба романа оказалась столь же запутанной, как и его сюжет. Начальные главы этой бесконечной истории о висельниках впервые были изданы в Петербурге в 1805 году в количестве 50 или 100 экземпляров, тут сведения расходятся. Раздобыть этот раритет Пушкин не сумел, зато в его библиотеке имелись парижские издания романа 1813 и 1814 годов. Более того, по возвращении из Арзрума, в 1830 году, он приобрел и упомянутое парижское издание «Путешествия в степях Астрахани и Кавказа», подготовленное и выпущенное в свет учеником Потоцкого – Генрихом Юлиусом Клапротом, сообщавшим, между прочим, в своих комментариях о том, что сохранилось пять рукописных копий текста «Сарагосы» и что одна из этих копий находится где-то в Польше или России. В надежде разыскать эту рукопись Пушкин обращался даже к графине Е.К. Воронцовой. Дело в том, что по рождению Елизавета Ксаверьевна – полька, графиня Браницкая, две старшие ее сестры, Екатерина и Софья, были выданы замуж за поляков из рода Потоцких. Свидетельств этой просьбы, кажется, не сохранилось, зато известно ответное, написанное по-французски, письмо графини к поэту – от 26 декабря 1833 года из Одессы:

«Я пользуюсь случаем, чтобы сообщить вам, что мои поиски рукописи (о трех повешенных) графа Яна Потоцкого оказались тщетными. Поверьте, сударь, что я получила сведения из первых рук. Ни у кого из родни этой рукописи нет, вероятно, так случилось потому, что граф Я.П. окон-

чил жизнь в одиночестве, в какой-то деревне, и его рукописи были потеряны просто по небрежности».

Напомним, что родился и умер граф Потоцкий на Украине, близ Винницы, причем умер, действительно, «в какой-то деревне» – в Уладовке, которую и на карте не отыщешь. В 1815 году, в возрасте 54 лет, по неведомой причине он покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе в голову. Обстоятельства его смерти до сих пор до конца не ясны. Смертоносную серебряную пулю Иван Осипович отлил сам, отломав ручку у сахарницы, и перед тем, как загнать ее шомполом в ствол пистолета, предусмотрительно освятил у капеллана. По некоторым воспоминаниям, он еще успел нарисовать карикатуру, на которой изобразил себя таким, каким станет после смерти, и оставил письмо, где в шуточный тон сообщал, что ему наскучила жизнь.

Мечта Пушкина о переводе «Сарагосы» на русский сбылась, но очень не скоро. В 1847 году роман перевели с французского на польский. После этого авторскую рукопись потеряли. Более точный перевод на польский, исправленный по прижизненным изданиям Потоцкого и отрывкам его рукописей, обнаруженным в польских архивах, вышел в свет более века спустя, в 1965. И только после этого «Сарагосу» перевели с польского на русский и дважды издали у нас в стране, в 1989 и 1994, каждый раз тиражом по 50 тысяч экземпляров.

«Описание многих любопытных предметов»

Подробное описание персидского похода можно найти (несколько неожиданно) в автобиографических записках, известных под сокращенным названием «Жизнь Артемия Араратского». Полное же название книги занимает несколько строк и звучит следующим образом: «Жизнь Артемия Араратского, уроженца селения Вагаршапата близ горы Арарата, и приключения, случившиеся с ним от младенчества до совершенных лет; удаление его от своего Отечества в Грузию; оттуда в Россию, потом в Персию и наконец возвращение обратно в Россию чрез Каспийское море, с описанием многих любопытных предметов, находящихся в его стороне и прочих местах Персии, с приложением шести гравированных эстампов, изображающих виды городов Персидских. Писанныя и переведенныя им самим с Армянского на Российский».

Изданы записки в двух частях в Петербурге в 1813 году. Имеется в книге и посвящение, адресованное одному

из главных героев нашего рассказа: «Его светлости князю Платону Александровичу Зубову, генералу от инфантерии и разных орденов кавалеру нижайшее приношение армянина Артемия Богданова».

Артемий Богданов, то есть Артемий Богданович, – это русская калька с армянского Арутюна Аствацатуровича. С фамилией (или с фамилиями) автора дело обстоит несколько сложнее: в истории он остался под именем Араратского, что по современным меркам следует считать литературным псевдонимом. Иногда его называют также Вагаршапатским, по месту рождения. Селение это, основанное в глубокой древности армянским царем Вагаршом, в 1945 году получило новое название – Эчмиадзин. В ученых трудах, посвященных Араратскому, можно встретить и его, так сказать, настоящую фамилию – Хачикянц. Краткая Литературная Энциклопедия предлагает, видимо, в интересах национально-исторической справедливости, еще один вариант – Араратян. Родился Артемий в 1774 году в семье мастера-каменотеса Аствацатура, но уже четырех месяцев от роду остался без отца. Молодые годы будущий писатель провел в бедности и скитаниях по Закавказью. Попав в услужение к офицеру из корпуса Зубова, проделал с войсками всю кампанию, от Кизляра до Астрахани, откуда сумел добраться и до нашей северной столицы. Сведения о дальнейшей судьбе Араратского отрывочны и скудны. Известно, что имел он невысокий чин на русской службе, некоторое время жил в Париже, а в Москве состоял действительным членом «Общества любителей древности при армянском учебном заведении гг. Лазаревых». Годом его смерти предположительно называют 1831.

В ноябре 1827 года в Эчмиадзине с Араратским встретился Николай Николаевич Муравьев Карский, будущий наместник Кавказа, а к тому же и автор необыкновенно пространных записок, которые вел всю свою жизнь. Не преминул он занести на страницы своих мемуаров и этот эпизод, набросав портрет Артемия и его психологический абрис. «В Эчмиадзине, – пишет Муравьев, – познакомился я с Араратским. Человек сей по странности своей заслуживает, чтобы о нем в нескольких строках здесь упомянуть. Араратский – бедный армянин, родившийся в предместье монастыря в бедном звании. В молодости своей возымел он страсть к путешествиям и пустился по свету без всяких средств; он таскался очень долго по Европе и Азии, кажется, был и на северных берегах Африки, жил вспомошествованиями,

несколько себя образовал, оделся по-европейски и принял наши обычаи, научился несколько языкам и написал небольшую книгу о своих путешествиях; странностью своею приобрел он много знакомых и людей, принимавших в нем участие. Он не имеет никакой собственности, так же беден, как и прежде был, любит много говорить, не может нигде ужитья и под старость лет своих, возвратившись на родину, поселился в монашеской келье, где занимается, иногда выбегает, дабы познакомиться с проезжими и рассказать им прошедшее и предположения свои на будущие путешествия свои, в кои он собирается и для коих сборы его будут, вероятно, не велики, ибо он никогда не заботился ни о платье своем, ни о пище, ни об опасностях в дороге. Название Араратского дал он себе в воспоминание горы, соседственной его родине. Кочевая жизнь его соделала его совершенно странным явлением: но он не имеет ничего приятного в обществе и на первых порах надоеет своею болтливостью. Ему было тогда уже около 50-ти лет по крайней мере и, кажется, он имел слабость к напиткам».

Книга Араратского имела заметный успех и получила европейскую известность: ее перевели на английский, немецкий и французский языки, а потом и на грузинский, а еще потом – уже в конце XIX века – снова на армянский, так как изначальный авторский текст остался неизвестным. Впрочем, не все здесь так однозначно. Некоторые полагают, что Артемий никогда свою книгу по-армянски и не писал, следовательно, и с армянского не переводил, а сразу написал ее на русском языке. Другие же упрекают автора в разного рода неточностях и небылицах, а знаменитый академик-лингвист и востоковед Николай Яковлевич Марр остался при мнении, что «Артемий Араратский обморочил читающую публику, выдав за свои, будто изо дня в день писавшиеся мемуары, составленный им впервые на русском языке сентиментальный роман, материалы для которого он черпал главным образом из своей фантазии».

Современная наука, хотя и признает, что «книга Араратского полна выдумок и порою эпизодов, граничащих с фантазией», однако относит ее к ценнейшим историко-этнографическим источникам. Что касается зубовской экспедиции, то автор сообщает важные подробности таких ее событий, как, например, бегство молодого Шейх-Али-хана из русского лагеря. По ходу текста рассеяны многочисленные замечания о милосердии и доброте души Валериана. Автор описывает и прощание Зубова с войсками: «Между

тем главнокомандующий получил повеление вернуть армию в пределы России и вследствие сего стали готовиться к походу. При армии остались только полковые орудия, а главная артиллерия была уже погружена на суда и отправлена морем. Главнокомандующий при сем случае в виду бесчисленного множества зрителей сам спрашивал почти у каждого солдата, не имеет ли он на него какого неудовольствия. Но в ответ все солдаты в один голос кричали ему, что они почитают его своим отцом, что во век не забудут любви его к ним и будут благословлять имя его, и проч. и проч. Начальник сей и в самом деле расставался с войсками, как нежнейший отец с своими детьми, и сия сцена тронула всех до глубины души. Не было почти ни одного, который бы не плакал. Со всех сторон солдаты, рыдая, кричали: «Прощай, отец наш», – и осыпали графа всеми благословениями от чистого сердца в продолжение нескольких минут непрерывно; потом в честь его выстрелили по нескольку патронов. Великодушный, чувствительный граф, по совершенной доброте души и несравненной нежности сердца своего единственный, был столь растроган любовью и привязанностью к нему войска, что не мог также удержаться от слез, которые, может быть, против воли его падали обильно на благодарную грудь его».

Был ли на самом деле Артемий свидетелем этой слезоточивой сцены или только отдал дань притворной придворной риторике, судить теперь трудно. Упоминания о его книге есть у Грибоедова и Пушкина, причем автор «Кавказского пленника», имея интерес к описанию путешествий, держал ее в собственной библиотеке.

«И только некоторые военные люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке»

Под пушкинским пером Кавказ из геополитической абстракции быстро превращался в обетованную землю русской поэзии – «ужасный край чудес», пугающий и прекрасный одновременно. Первый биограф поэта П.И. Бартечев передавал со слов Марии Раевской, что жизнь на Кавказе – «вольная, заманчивая и совсем не похожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлений, жизнь в кибитках и палатках, разнообразные прогулки, ночи под открытым южным небом и кругом причудливые картины гор, новые, невиданные племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность горских черкесов, а в нескольких часах

пути упорная, жестокая война с громким именем Ермолова, – все это должно было чрезвычайно как нравиться молодому Пушкину».

Ермолов надолго попал в круг творческого внимания поэта. Сообщая в письме к брату Льву о своей жизни на юге, он упомянул и прославленного генерала. И хотя в этих строках не обнаруживается еще поэтических намерений, но контекст, окружающий имя «проконсула», весьма многозначителен: «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои – излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакую существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею...»

Пылкое воображение влечет поэта гораздо дальше «знойной границы Азии», и если здесь еще не говорится прямо, что успехи «в будущих войнах» для него связаны прежде всего с Ермоловым, то очень скоро в эпилоге «Кавказского пленника» Пушкин именно ему предречет роль покорителя Кавказа:

Но се – Восток подъемлет вой!..
Поникни снежную главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!
И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно...

Предсказание поэта не оправдалось. Когда он, девять лет спустя, предпринял новую поездку на Юг, то Ермолов был уже не у дел, в опале, а Кавказ все еще оставался неусмиренным. Здесь начинало разгораться жаркое пламя газавата. Но писать о Кавказе и обойтись без Ермолова было невозможно. «Кончилась ли у вас война? – спрашивал Пушкин в письме у брата, служившего тогда в Тифлисе. – Видел ли ты Ермолова и каково вам после него?» Личная встреча Пушкина с Ермоловым произошла в мае 1829 года: поэт проделал двести лишних верст пути и захватил в Орел, чтобы познакомиться с пребывающим в отставке генералом (о чем рассказал на первых же страницах «Путешествия в Арзрум»). Описывая встречу, Пушкин даже в деталях постарался подчеркнуть по-прежнему важ-

ную для него неразрывность двух тем – «Кавказ» и «Ермолов»: «Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе. Он, по-видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие».

Самый известный портрет Ермолова был выполнен английским художником Джорджем Доу для Военной галереи Зимнего дворца. Именно об этом портрете вспомнил Пушкин, рассказывая о личной встрече с пребывающим в отставке проконсулом Кавказа: «С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом».

Свои впечатления о встрече с поэтом оставил и Ермолов. Они известны в передаче его двоюродного брата Дениса Давыдова, который в декабре того же 1829 года сообщил П.А. Вяземскому, что Пушкин «проездом в Грузию заезжал к Ермолову», и приводил при этом несколько строк из письма генерала: «Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь вообразить себе, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения...»

Эта встреча в Орле могла иметь и литературные последствия. Вполне вероятно, что Пушкин видел в Ермолове героя своих будущих произведений. Удовлетворив свои исторические интересы в созданных образах Петра и Пугачева, он искал возможности запечатлеть и современную ему личность исторического масштаба. В том, что поэт именно так подходил к оценке Ермолова, сомневаться не приходится: в его письмах дважды встречается весьма характерное в этом отношении (хотя и косвенное) сопоставление Ермолова с Наполеоном. Так или иначе, спустя несколько лет, в апреле 1833 года, Пушкин принялся составлять письмо к генералу. Беловик письма остался не известен, и в собраниях сочинений Пушкина оно публикуется в виде «сводки», то есть с учетом всех исправлений, сделанных поэтом, и с максимальным приближением к тому, что могло бы получиться у автора в окончательном варианте:

«Собирая памятники отечественной истории, напрасно ожидал я, чтобы вышло наконец описание Ваших Закавказских подвигов. До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает всё – и только некоторые военные люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке.

Обращаясь к Вашему высокопревосходительству с просьбою о деле для меня важном. Знаю, что Вы неохотно решитесь ее исполнить. Но Ваша слава принадлежит России и Вы не вправе ее утаивать. Если в праздные часы занялись вы славными воспоминаниями и ставили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если ж Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас дозволить мне быть вашим историком, даровать мне краткие необходимейшие сведения, и etc.».

Письмо черновое и, стало быть, имеет обычные в таких случаях исправления, то есть зачеркнутые или перенесенные с места на место слова и фразы и новые слова, вписанные взамен. Иногда Пушкин начинал фразу, но бросал ее, так как предыдущий смысл его не устраивал. Мысль поэта, словно ручей по весне, преодолевая препятствия и заторы, пробивалась к конечному результату.

Суть письма понятна. Обращаясь к Ермолову, Пушкин выражал желание издать его записки, а если таковых не имеется – стать его историком. К тому же поэта заботит и восстановление исторической справедливости, ибо поход Наполеона затемняет ту славу, которая по достоинству должна достаться Ермолову.

При первом, беглом знакомстве с текстом письма может показаться, что речь в нем идет о вещах вполне очевидных: «поход Наполеона» – это нашествие французской армии в Россию в 1812 году, а «Закавказские подвиги» Ермолова относятся к периоду его управления Кавказом в 1816–1827 годах. Ираклий Андроников так, например, и понял смысл этих пушкинских выражений. В одной из своих статей он пишет по этому поводу следующее: «Интерес к личности Ермолова и его деятельности в Грузии побудил Пушкина обратиться к нему с письмом, в котором поэт изъявлял желание написать историю ермоловских войн на Кавказе или быть издателем его записок».

Тут наш знаменитый лермонтовед ошибается или лукавит, ибо ни Кавказ вообще, ни любезная ему Грузия конкретно в письме Пушкина даже не упомянуты, речь там идет о Закавказье, по каким-то своим причинам Пушкин, обращаясь к генералу, предпочел выразиться именно так:

«описание Ваших Закавказских подвигов». В период же своего правления Ермолов никаких войн в Закавказье не вел и, следовательно, никаких подвигов там не совершал.

Теперь о «походе Наполеона». В черновых набросках письма Пушкин упомянул в этой связи еще и «шум 12-го года», и «пожар Москвы», и «бегство Наполеона», но все это потом вычеркнул и оставил только два слова. Эта короткая формула – «поход Наполеона» – нам сегодня недостаточно ясна и требует некоторых комментариев. Если Пушкин имел здесь в виду вторжение 12-го года, то почему тогда он обращается к Ермолову как к очевидцу и участнику каких-то военных событий, которые «в то же самое время происходили на Востоке»? Ермолов находился тогда, то есть в 12-м году, вовсе не на Востоке, а пребывал в должности начальника штаба 1-й армии Барклая, сохранив эту должность и при назначении Кутузова, и от начала до конца проделал всю знаменитую кампанию, так что спрашивать его о каких-либо восточных делах было бы совершенно бессмысленно.

Очевидно, что речь в письме Пушкина идет о чем-то другом, и это другое большой тайны не составляет, ибо до своего назначения главкомом в Грузию Ермолов побывал на Кавказе и в Закавказье один-единственный раз – участвуя в Персидском походе графа Зубова в 1796 году. Именно тогда его воинская доблесть (другими словами – подвиги) была отмечена владимирским крестом. Блестящий Итальянский поход Наполеона, которым так восхищался Суворов, состоялся в том же 1796-м; вот он-то как раз все «затемняет и заглушает».

Ермолов мог сообщить о Зубовых много интересного. С графом Валерианом он был знаком еще со времен польских событий, связанных с восстанием Тадеуша Костюшко. Вот что пишет об этом биограф полководца Александр Ермолов:

«Возникшие в 1794 году волнения в Польше, разразившиеся изменническим избиением русских в Варшаве и вызвавшие принятие со стороны русского правительства решительных репрессивных мер побудили А.П. хлопотать об отправлении его в Польшу. Он был назначен в число офицеров, посылаемых с отрядом Дерфельдена, с предписанием состоять при генерал-майоре графе Валериане Александровиче Зубове. Вскоре после того все отдельные отряды русских войск, находившиеся в Польше, поступили под начальство Суворова. В сентябре он прибыл к польской границе и направился к Варшаве; авангар-

дом Дерфельдена командовал граф В.А. Зубов. При Кобылке должны были соединиться все отряды. Во время сбора русской армии у этого пункта А.П. получил в первый раз отдельную часть: ему было дано 6 орудий... Приняв А.П. весьма благосклонно, граф В.А. был с ним во время всего похода в самых приятельских отношениях и неоднократно в самых лестных выражениях отзывался о нем Дерфельдену; к тому же оба были молоды – Валериану Зубову было 23 года, Ермолову 18 (даже только 17) и оба жаждали военной славы».

Некоторые подробности этих событий находим и в записках В. Ратча, составленных большей частью со слов самого Ермолова:

«Авангардом его (Дерфельдена – Н.М.) командовал граф В.А. Зубов, человек решительный и смелый. Дерфельден поручил ему авангард потому, что знал, что быстрее его никто не очистит дорогу для соединения в назначенное время с Суворовым... Поляки быстро отступали перед Зубовым, который шел по пятам. 13-го октября, перейдя Буг, неприятель стал разрушать мост у местечка Попково; наши казаки, шедшие впереди, были остановлены неприятельскою артиллериею, поставленною на том берегу. Зубов, посадив тотчас свою пехоту на обозных лошадей, прыскал к переправе; Ермолов был при нем и получил приказание под выстрелами неприятеля кинуться вперед и сбросить в воду работников, разрушавших мост. Ермолов кинулся за охотниками. Это было последнее приказание Зубова в эту кампанию: ему оторвало ногу ядром».

Тяжелое ранение, из-за которого Валериан вынужден был покинуть теснившие неприятеля войска, придало ему все же совершенно особый «знак отличия» – известную уже нам железную или даже золотую ногу, с которой он, в качестве персонажа, и вошел в историю нашей литературы. Ермолов же при штурме предместий Варшавы удачно действовал с вверенными ему шестью орудиями и заслужил свой первый Георгиевский крест, полученный им из рук великого Суворова.

Отзывы Ермолова о Зубовых известны в передаче Михаила Петровича Погодина, выдающегося историка и публициста. Погодин на протяжении многих лет посещал Ермолова в его московском доме и вел записи бесед и высказываний генерала. Вот как в своих воспоминаниях он передает слова полководца:

«Валериан был гуляка, по тогдашнему обычаю, но молодец. Платон имел отличные способности, очень хорошо образован и до случая своего слыл нелюдимом, говорил прекрасно и знал Россию как нельзя лучше; знал, когда и чем можно действовать на русского человека. В заточении своем он беспрестанно занимался, и я, встретясь с ним в 18... году, любил пользоваться его беседой».

В письмах Пушкина дважды встречается сопоставление Ермолова с Наполеоном: в черновом письме к самому генералу и в более раннем, от 24 сентября 1820 года, к брату Льву. Здесь, высоко оценив свершения Ермолова в вверенном ему крае, Пушкин спустя всего несколько строк замечает, что покоренный Кавказ «не будет нам преградой в будущих войнах – и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии». Позднее, пережив какое-то разочарование, Пушкин отказался от своих творческих намерений, связанных с образом Ермолова, и в дневниковой записи назвал его «великим шарлатаном» – как полагают, из-за склонности последнего к политическим интригам.

Близкий друг Пушкина Петр Вяземский ставил в вину поэту то, что, упомянув в эпилоге «Кавказского пленника» имена Котляревского и Ермолова, тот «окровавил последние стихи своей повести». Взгляд Вяземского на кавказские события резко отличался от восторженных, панегирических строк пушкинского эпилога. «Что за герой Котляревский, Ермолов? – риторически вопрошал он в одном из писем. – Что тут хорошего, что он Как черная зараза губил, ничтожил племена? От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если мы просвещали бы племена, то было бы что воспеть. Поэзия – не союзница палачей: политике они могут быть нужны, – и тогда суду истории решить, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта никогда не должны быть славословием резни. Мне досадно на Пушкина: такой восторг – настоящий анахронизм».

Поздняя критика пыталась сгладить этот упрек: воспевая покорителей Кавказа, Пушкин якобы лукавил, и «эпилог «Кавказского пленника» был написан с дипломатическим расчетом – подействовать на власти и подготовить возможность возвращения из ссылки». Но едва ли Пушкин заслуживает подобных упреков, едва ли нуждается и в оправданиях. Истекшее время показало, что его «Кавказский пленник» – это гениально начертанный про-

лог к трудной и горькой теме, продолжением которой явились «Валерик» Лермонтова и кавказские рассказы Льва Толстого.

Последний бросок на юг

Эксцентричный Павел, так необдуманно и так пагубно для своих же войск положивший конец «персической экспедиции», некоторое время спустя затеял, тем не менее, своеобразное продолжение этой истории, столь же скоропалительное в исполнении, как и возвращение Каспийского корпуса из Закавказья. Неожиданное сближение с Бонапартом придало замыслам Павла поистине наполеоновский характер: он не только поддержал планы о вытеснении англичан из Индии, но сделал первые шаги к осуществлению этой сумасбродной идеи. По его указанию был составлен проект совместной русско-французской военной экспедиции к берегам Инда, в результате которой предполагалось «изгнать англичан безвозвратно из Индостана; освободить эти прекрасные и богатые страны от британского ига; открыть новые пути промышленности и торговле просвещенных европейских народов, в особенности Франции...»

Объединенный корпус представлял собой, по крайней мере – на бумаге, внушительную военную силу в 70 тысяч человек, по 35 с каждой стороны, и мог бы, конечно, доставить англичанам серьезные неприятности, но до Индии еще нужно было дойти. В географическом отношении это было бы в полном смысле хождение за три моря – Черное, Азовское и Каспийское. Наши части, собранные в Астрахани, составляли 25 тысяч регулярных войск, усиленных 10 тысячами казаков. Они должны были первыми отправиться морем в Астрабад – персидский порт на юго-восточном берегу Каспия, куда, заметим кстати, во время Дагестанского похода планировал добраться еще Петр Великий. Французы же на барках спускались вниз по Дунаю и в устье его пересаживались на наши торговые суда, которые доставили бы их в Таганрог. Отсюда предполагалось уже движение пешком порядком в Царицын. По пути намечалось приобрести у калмыков лошадей для французской кавалерии. Из Царицына – вниз по Волге до Астрахани и далее – в тот же Астрабад, где размещалась бы штаб-квартира союзной армии со всеми арсеналами и провиантскими складами. Начав поход в мае 1801 года, войска должны были сосредоточиться здесь через пять месяцев – к концу сентября.

Весь экспедиционный корпус был составлен из кавалерийских частей и артиллерии; роль авангарда, разведки и охраны отводилась казакам. Для обеспечения движения создавалась служба особо уполномоченных – комиссаров, которые, опережая армию, заблаговременно удовлетворяли бы все ее нужды: готовили транспорт и места привалов, заготавливали фураж, занимались доставкой багажа и прочего.

Достаточно внимания уделялось и, так сказать, идеологической подготовке экспедиции. Еще до отплытия наших в Астрабад комиссары должны были разъяснить всем ханам и мелким властителям, встреченным по дороге, что единственная цель похода – «освободить Индию от тиранического и варварского ига англичан» и что «князья и народы всех стран, через которые пройдет союзная армия, не должны ни сколько ее опасаться». Доходчивости этих заверений способствовал бы набор замечательных подарков для туземных правителей, для чего следовало припасти карманные и настенные часы, сервский фарфор, зеркала и французские сукна разных цветов. «Союзная армия, – говорилось в заготовленной прокламации, – не будет взимать контрибуций, будет все закупать по обоюдному соглашению и платить чистыми деньгами за все предметы, для существования ее необходимые...» Тут же прилагалась справка, что в Персии и Индии «особенно обращаются и ценятся венецианские цехины, голландские червонцы, венгерские дукаты, русские импералы и рубли».

С высадкой первой французской дивизии в Астрабаде первая русская должна была покинуть город и начать движение на восток. «Тотчас же по прибытии союзной армии на берега Инда должны начаться и военные действия», – гласил в заключение проект, обрываясь на самом интересном месте: что будет дальше и на чьей стороне окажется военное счастье, не мог знать никто.

Впрочем, столь грандиозное и многосложное предприятие не могло не вызвать справедливых сомнений у такого прозорливого практика войны, каким был первый консул Французской республики Бонапарт, уже имевший к тому же печальный опыт своей Египетской экспедиции. Ознакомившись с проектом, он сделал ряд вопросов и замечаний: о наличии у русских достаточного количества транспортных судов на Черном и Каспийском морях, о возможном противодействии экспедиции со стороны турецкого султана или английской эскадры, которая могла бы войти в Черное море и потопить транспорты с французами.

Особые опасения вызывали предстоящие трудности неизведанного пути от Астрабада до Индии через бесплодные и дикие страны.

Все эти разумные соображения Павел отвел самым решительным, если не сказать – самоуверенным, тоном, заявляя, что он в состоянии «принудить Порту делать все то, что ему угодно», и что английской эскадре адмирала Кейта он не позволит пройти сквозь Дарданеллы, ибо «для этого у него есть средства действительнее, нежели думают». Что касается трудностей пути, то и здесь российский император не видел серьезной преграды, полагая, что «французская и русская армии жаждут славы; они храбры, терпеливы, неутомимы; их мужество, постоянство и благородствие начальников победят какие бы то ни было препятствия».

Вся эта безумная затея, размах которой не уступал, а скорее всего, и превзошел бы масштабы зубовской экспедиции, так и осталась на бумаге да в воспаленном воображении несчастного Павла, убитого вскоре заговорщиками. От посылки своих войск в Россию и далее, в самые недра Азии, Наполеон на этот раз благоразумно воздержался, чего не сделал всего лишь 12 лет спустя, предпочтя, себе же на горе, союзу с русскими вторжение в их погибельные просторы.

Известно также, что Павел в начале 1801 года отдал распоряжение атаману Войска Донского генералу Орлову готовиться к походу, но уже по другому маршруту. «От нас ходу до Индии от Оренбурга месяца три, – писал нетерпеливый император, – да от вас туда месяц, итого четыре. Поручаю всю сию экспедицию вам и войску вашему, Василий Петрович. Соберитесь вы с оным и выступайте в поход к Оренбургу, откуда любую из трех дорог или всеми пойдете с артиллериею прямо через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведение английские, по ней лежащие. Войска того края их такового же рода, как и ваше, так имея артиллерию, вы имеете полный авантаж. Приготовьте все к походу. Пошлите своих лазутчиков приготовить или осмотреть дороги; все богатство Индии будет нам наградою за сию экспедицию. Соберите войско к задним станицам и тогда, уведомив меня, ожидайте повеления идти к Оренбургу...»

Вдогонку Павел отправил атаману «подробную и новую карту всей Индии» и потребовал попутно освободить в Хиве «столько-то тысяч наших пленных подданных». Однако испытать на себе все прелести индийского похода довелось не Орлову, а другому прославленному атаману донцов – Платову. Вот как рассказывает об этом историк Е.В. Тарле:

«Казачий атаман Матвей Иванович Платов, по неведомой причине засаженный Павлом в Петропавловскую крепость и находившийся там уже полгода, внезапно был извлечен из своего каземата и доставлен прямо в царский кабинет. Тут ему без всяких предисловий был задан изумительный вопрос: знает ли он дорогу в Индию? Ничего абсолютно не понимая, но, сообразив, что в случае отрицательного ответа его, вероятно, немедленно отвезут обратно в крепость, Платов поспешил ответить, что знает. Немедленно он был назначен начальником одного из четырех эшелонов войска донского, которому почти в полном составе приказано было идти в Индию. Всего же выступили в поход все четыре эшелона – 22500 человек. Выступили они с Дона 27 февраля 1801 г., но шли недолго...»

Тут самое время пояснить, что Платов в качестве походного атамана участвовал в зубовской экспедиции. Три казачьих полка двигались в авангарде отряда, и платовские казаки оказали корпусу неоценимые услуги: они не только первыми форсировали полноводный мо-гучий Самур, но и спасли многих пехотинцев, унесенных бурным течением реки. Казаки заняли Баку, их передовые разъезды преодолели Куру и готовы были идти на Тегеран...

Николай Смирной, правитель канцелярии и биограф атамана, в свое время сожалел, что не мог доискаться подробностей этого славного предприятия, и возлагал надежды на будущих историков. «Граф Зубов, – писал он, – зная уже отличные достоинства Платова, пожалованного пред тем генерал-майором, желал непременно, чтобы он был начальником всех иррегулярных войск, в состав вверенной ему армии входивших, и тем доказал, что ему, хотя еще неопытному полководцу, однако же известна была важность хорошего выбора людей и самое искусство быть в сем выборе безошибочным. Монархиня, склоняясь на убеждение молодого героя, повелела генерал-майору Платову быть в армии графа Зубова походным войсковым атаманом как донских, так и прочих там действовавших казачьих полков. Что избрание сие было им в полной мере оправдано новыми воинскими подвигами, мужество и храбрость его подтвердившими, то это доказывается тем, что за сию персидскую кампанию, два года продолжавшуюся, Платов от всемилостивейшей государыни своей удостоился получить в награду орден св. равноапостольного князя Владимира 2-й степени и саблю, украшенную алмазами, с надписью за храбрость. Граф Зубов почитал его своим другом и в нем имел всегда того твердого и ревностного

исполнителя высоких предназначений своих, которые принесли пользу отечеству... Современники и потомство справедливое право имеют ожидать подробного исторического описания незабвенных подвигов покойного графа Валерия-на Александровича Зубова, коими ознаменовал он веденную им войну с персами. Тогда, вероятно, не останется в забвении Платов и вообще все те, которые участвовали в сем достославном походе. С сокрушением сердца признаться должен, что я не мог достать достоверных сведений о делах сей войны, в коих Платов непосредственно участвовал, и потому не решился описывать их по одним изустным повествованиям».

При императоре Павле Платову довелось пережить не лучшие времена, в том числе ссылку в Костроме и заключение в крепость. Свой срок он отбывал по ничтожному и совершенно ложному доносу о намерении бунтовать Дон, и, вероятнее всего, его политическое забвение могло тянуться бесконечно, если бы Павлу не загорелось послать наши войска в Индию. На этот раз Смирной не упустил случая передать все подробности достопамятной аудиенции, пользуясь, по-видимому, «изустным повествованием» своего патрона и героя:

«Платов долженствовал предстать пред монарха своего, недавно гневного и вдруг гнев на милость пременившего: минута важная, положение затруднительное; но Платов и тут не потерял присутствия духа. Несмотря на слабость изнуренных сил своих, он явился во дворец с тою же самою бодростию духа, с тою же непринужденностию, какая свойственна ему была во всех чрезвычайных случаях... Прием не описанной милости, благоприветливости и снисхождения исполненный, самым приятнейшим образом изумил и поразил Платова. Казалось, государь желал истощить все средства, чтобы заставить Платова забыть прошедшее. Он явился ему в образе ангела утешителя. Глубоко пронзенный нежнейшими чувствами верноподданнической благодарности, Платов в восторге радостном, с слезящимися глазами, повергся к стопам великодушного монарха и облобызал его десницу. Государь в сердечном умилении поспешил приподнять его – и тут же, в ознаменованье особенной милости и высочайшего благоволения своего, украсил его командорственным крестом ордена св. Иоанна Иерусалимского. По тогдашней слабости сил Платова государь простер снисхождение свое до того, что дозволил ему пред собою сесть, и в таком положении начал весьма милостиво расспраши-

вать его о многих предметах, до войска Донского относящихся, как то: о порядке управления оногo, об образе службы и проч. Скорые решительные и точные ответы Платова удовлетворили ожиданиям монарха и более еще удостоверили в тех способностях его, которые государю были уже известны. Следствием сего было то, что его величество изволил открыть Платову тайные преднамерения свои о предначинанном тогда весьма важном походе в Астрахань и далее, в котором войско Донское должноствовало принять главнейшее участие... Император повелел Платову немедленно отправиться на Дон...»

Заглянем еще в «Записки декабриста» Николая Ивановича Лорера, слышавшего рассказ об индийской экспедиции из уст самого атамана. Переведенный в 1837 году из сибирской ссылки рядовым в войска Отдельного Кавказского корпуса, он по дороге на юг, в Новочеркасске, посетил могилу прославленного героя, с которым был знаком в прежние времена:

«Заговорив о Платове, я привел себе на память рассказ его, слышанный мною еще в Варшаве в 1815 году, по возвращении наших войск из-за границы, от него самого. Он так любопытен, что помещаю его. В одном доме, после сытного обеда, Матвей Иванович, по обыкновению немного подвыпивший, сел на диван, со многими сотоварищами-генералами, а мы, молодежь, окружали эту любопытную группу. Кто-то спросил Платова, чем он был при императоре Павле Петровиче? Матвей Иванович, почесав у себя в голове, с расстановкою, своим малороссийским наречием сказал:

«Я, господа, при императоре Павле Петровиче по доносу одного из сослуживцев своих сидел в Петропавловской крепости вместе с Алексеем Петровичем Ермоловым. Я был тогда в чине генерал-майора и заправлял до сего донцами. Крепко грустил я в крепости, не зная, чем кончится моя участь. «Не грусти казак – атаманом будешь», – сказал мне А.П. Ермолов. В одну ночь меня потребовали во дворец и ввели в кабинет государя, пред которым я упал на колени. Государь велел мне встать и сказал: «Генерал Платов, вот тебе табакерка с моим портретом». Не понимая причины такой милости, я однако ж облобызал его царскую руку. Государь продолжал: «Поезжай на Дон, собери полки и выступи в поход. Пред выступлением получишь маршрут, карту и узнаешь, куда идти, и тогда же пришлешь мне рапорт с надежным офицером об исполнении моего повеления. Ступай...» С Павлом шутить нельзя было, не такой был человек, но

я чувствовал, что не к добру взвалил он на меня это поручение... Я знал, что Павел верил доносу на меня, и был убежден, что дело идет о том, чтоб меня погубить. Так или иначе, а действовать было надобно. Поехал я на Дон, живо собрал 20 тысяч казачков, отслужил молебен и готовился потянуться в неизвестный путь, как получил, по обещанию государя, карту, маршрут и приказ: открыть путь в Индию... Легкое дело!.. Я хранил все это в тайне, по приказу царя. Вот прошли мы Саратовскую губернию, Астраханскую и втянулись в необозримые киргизские степи. Пока были мы в своих границах, донцы мои были веселы, и пес-ни их раздавались беспрестанно. Полковники и офицеры старались узнать, куда я их веду, но я крепко хранил тайну. Жары нас одолевали, провиант истощался, воды часто не было, и только отвратительные гадюки (змеи) ползали вокруг нас. Уже шесть недель, что мы в походе, а нет надежды к нашему возвращению, и, кажется, придется всем нам сложить свои головы. Сначала, правда, думал я, что государь хочет нас наказать небольшой прогулкой, а там помилует и возвратит. Но нет... И часто оглядывался я на родную сторону, не пошлет ли она нам вестника возвращения... В одно утро старшины и сотники объявили мне, что полки два дня уже без воды, в войске ропот, что казачки отказываются идти далее. Полководцы просили меня сказать, куда я их веду... плохо! «Погодите до завтра, детушки, – сказал я, – утром вынесу свой походный образ, отслужим молебен, и тогда скажу войску, куда мы идем». Грустно разошлись мои товарищи, печально полез я в свой шатер и, на бурке лежа, так рассуждал; или свои меня убьют, или Павел повесит, за неисполнение приказа. Тут смерть и там смерть. Ежели завтра не будет нам приказа вернуться, то передамся я со всем войском туркам и буду служить новому царю... Так пролежал я целую ночь и не смыкал глаз. Стало светать. Вдруг полы шатра моего зашевелились, и лезет ко мне на четвереньках человек не человек, черт не черт, зверь не зверь, и мычит каким-то хриплым голосом: «Воды... воды...» Я вскочил на ноги и подал несчастному, лежавшему на земле, несколько глотков, и тогда только он проговорил: «Павел скончался... Императором – Александр, и возвратитесь на Дон!..» Я так напугался, что в первые минуты не знал, радоваться ли мне или печалиться, а все-таки думал, не шпион ли это какой-нибудь, и потому только по прочтении приказа действительно возрадовался. При воцарении Александра первый указ, им подписанный, был о нашем возвращении на Дон. Послано было 6 гонцов

с приказанием непременно настичь нас и вернуть, и только один, едва живой, исполнил поручение. Остальные не довели. Утром мы весело присягнули новому царю и поплелись в наши станицы, потеряв, однако много людей и лошадей».

Так кончил свой рассказ Матвей Иванович».

«Химерический план Наполеона»

Упомянув в письме к брату Льву имя Наполеона и его химерический план завоевания Индии, Пушкин не сделал никаких пояснений, словно бы речь шла о предмете, всем давно и хорошо известном. И действительно, ни для кого из современников 12-го года в этом не было большого секрета. Мы долго молча отступали, об исходе войны тогда можно было только гадать, и уже общим было мнение, что «Москва будет взята, мир в ней подписан, и мы пойдем в Индию сражаться за французов». Это слова Дениса Давыдова, чей авторитет не позволяет усомниться в правдивости такого свидетельства. Удрученный положением дел, он тогда же обратился к князю Багратиону, у которого служил адъютантом, с требованием выделить ему трехтысячный отряд для рейда по французским тылам. «...Если должно непременно погибнуть, то лучше я лягу здесь! – горячо убеждал князя наш партизан. – В Индии я пропаду со ста тысячами моих соотечественников без имени и за пользу, чуждую России, а здесь я умру под знаменами независимости, около которых столпятыся поселяне, ропщущие на насилие и безбожие врагов наших...А кто знает! Может быть, и армия, определенная действовать в Индии!...». Трех тысяч ему не дали. Дали только пятьдесят гусар и сто пятьдесят казаков, и вместо карты Индии Багратион вручил ему свою личную карту Смоленской губернии.

Оказывается, маленький злопамятный корсиканец ничего не забыл. Еще во времена Павла он настойчиво стремился заключить с Россией военный союз. «Идея союза, – писал об этом Е.В. Тарле, – диктовалась двумя соображениями: во-первых, отсутствием сколько-нибудь сталкивающихся интересов между обеими державами и, во-вторых, возможностью со временем совокупными силами грозить (через южную Россию и Среднюю Азию) английскому владычеству в Индии. Мысль об Индии никогда не оставляла Наполеона, начиная от египетского похода и до последних лет царствования».

Сам Наполеон не раз выражался в том смысле, что если бы он даже с малым отрядом добрался до Индии, то непре-

менно выгнал бы оттуда англичан. «Александр Македонский достиг Ганга, отправившись из такого же далекого пункта, как Москва, – увлеченно рассуждал он в начале похода в Россию. – Предположите, что Москва взята, Россия повержена, царь пошел на мир или погиб при каком-нибудь дворцовом заговоре, и скажите мне, разве невозможен тогда доступ к Гангу для армии французов и вспомогательных войск, а Ганга достаточно коснуться французской шпагой, чтобы это здание меркантильного величия Англии обрушилось».

Вслед за императором об Индии на все лады толковали его brave вояки: «...Настроение большей части армии в момент перехода через Неман было бодрое. В победе мало кто сомневался, а люди повосторженнее говорили вслух об Индии, куда они пойдут после победы над русскими, о золотых слитках и кашемировых тканях Дели и Бенареса». Нашествие на Индостан, с использованием вспомогательной русской армии, Наполеон планировал сделать одним из условий мира с Александром. Однако через несколько считанных месяцев после вторжения в Россию ему пришлось уяснить, что никакого мира ни на каких вообще условиях он не получит, а в том, что касается вождельной Индии, то, вопреки всякой географии, из холодной сожженной Москвы до нее было гораздо дальше, чем от берегов Немана. Индия, еще недавно казавшаяся доступной, теперь предстала ускользящим миражом, химерой, – о чем, собственно, и упомянул Пушкин в письме к своему брату.

Между тем, смерть Павла вовсе не похоронила окончательно наши собственные надежды помыть солдатские сапоги в Индийском океане. Русские военные стратеги вплоть до самой середины XIX века напрягали извилины «в рассуждении завоевания Индии». Поражение в Крымской кампании и наше вечное «за державу обидно» вновь вызвали к жизни проект неожиданного и мстительного удара по англичанам. На этот раз его автором явился генерал-лейтенант Евгений Егоров, чье имя давно затерялось на пожелтевших страницах старинных журналов. В сущности, это был голос широких генеральских масс, кипевших в нетерпении расквитаться с европейцами за позорную сдачу Севастополя. «Вникнув в политику главнейших государств Европы, – провидчески выводило острое генеральское перо, – мы увидим, что все ее пружины, все усилия и замыслы устремлены постоянно к тому, чтобы уничтожить или, по крайней мере, ослабить Россию, убить ее про-

изводительные силы и лишить ее возможности не только действовать, но даже думать наравне с европейскими державами».

План кампании не отличался большой оригинальностью и в общих чертах повторял предыдущий, разве что теперь мы должны были бы действовать без французских союзников и выдвинуться к Астрабаду либо по Каспию, либо сухим путем из Грузии. Дальнейшее движение не представлялось автору проекта сколько-нибудь затруднительным, ибо афганцы «с восторгом примут того, кто придет доставить им случай отмстить за себя англичанам». Что касается продовольствия для наступающей армии, то его можно приобрести у местных жителей, и командующему достаточно захватить с собой мешок с золотом. Справиться с англо-индийской армией тоже возможно, надо только стремительно атаковать ее, а главное, иметь равновесие в силах против регулярных английских частей. Если же придется выступить против сипаев, то есть туземных войск, сформированных англичанами, то эта чумазая сволочь разбежится во все стороны при первом залпе нашей артиллерии. Дальше, согласно плану, следовал триумфальный марш нашего корпуса вплоть до Бомбея и Калькутты.

Как всегда у нас, на бумаге все выходило гладко. На деле же могло статься, что счастливый обладатель золотого мешка и шестидесяти тысяч войск, едва вступив в каменистые пустыни Афганистана, очень скоро остался бы и без золота и без своих солдат. Известно также, что этот проект был читан знаменитому покорителю Плевны и Шипки генералу Скобелеву и Михаил Дмитриевич остался в полном восторге.

Индия, благодаренье Господу, осталась нами не завоеванной. Если кто и достиг ее пределов, то это не полководец, а тверской купец Афанасий Никитин. Что касается Персии, то «голубая родина Фирдуси», этот загадочный и опасный южный сосед еще долго манил к себе русских поэтов. Там погиб Грибоедов, и персидский принц Хозрев-Мирза привез нам «цену его крови» – знаменитый алмаз «Шах». В Персию собирался и Лермонтов, но, предпочтя «милый север», отправил в этот роковой путь своего Печорина. В персидских мотивах слышал что-то родное Сергей Есенин. Ну что ж, пусть лучше говорят музы, чем пушки.

Сведения об авторах

Авдеев Владимир Семенович. Родился в 1938 году в селе Отказном на Ставрополье. Бывший суворовец, он окончил Одесское военное командное училище. Долгие годы посвятил службе в рядах советской армии, уйдя в отставку полковником. Окончил Пермский госуниверситет. Преподавал в военном училище. С юности увлекался поэзией. Автор двух поэтических сборников. Активный участник ставропольского «Есенинского клуба». Живет в Ставрополе.

Аксенов Иван Михайлович. Родился в 1935 году в селе Привольном Ставропольского края. Окончил Ставропольский пединститут и многие годы работал в школе учителем, завучем. Автор многих сборников прозы, стихотворений, эссе. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии губернатора Ставропольского края им. А. Губина. Жи-вет в Новопавловске.

Бродовский (Петросян) Валерий Давидович. Родился в Украине. Окончил Ставропольский медицинский институт. Автор двух книг прозы. Работает врачом. Живет в Ставрополе.

Воропаев Олег Владимирович. Родился в 1963 г. в городе Заполярном Мурманской области. Окончил Петро-заводский госуниверситет. Сменил несколько профессий. Служил в милиции. Ветеран боевых действий в Чеченской республике. Член Союза писателей России. Живет в Ново-павловске.

Дмитриченко Валентина Гапуровна. Родилась в с.Лу-зинка Северо-Казахстанской области. Окончила культпро-светучилище. Сменила несколько профессий. Автор многих поэтических сборников, пользующихся неизменным инте-ресом у читателей и коллег. Лауреат литературной премии Фонда им. В.Слядневой. Член Союза писателей России. Жи-вет в Невинномысске.

Игнатъев Олег Геннадьевич. Родился в 1949 году на Сахалине. Окончил Ставропольский медицинский инсти-тут и Высшие литературные курсы СП СССР. Поэт, прозаик. Лауреат литературной премии им. В. Пикуля. Автор многих

поэтических сборников и исторических романов. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Кустов Виктор Николаевич. Родился в 1951 году в Смоленской области. Прозаик. Журналист. Драматург. Лауреат премии «Литературный Олимп» и премии губернатора СК им. А. Губина. Главный редактор журнала «Южная звезда». Член Союза писателей России. Живет в Ставрополе.

Маркелов Николай Васильевич. Родился в 1947 году. Окончил филологический факультет МГУ. Автор многих книг и публикаций, посвященных истории Кавказа и связанных с ним выдающихся соотечественников. Член Союза писателей России. Лауреат престижных литературных премий. Член Союза писателей России. Награжден Золотой медалью Международного фонда имени Лермонтова. Живет в Пятигорске.

Маляров Владимир Константинович. Родился на хуторе Ивановском Саратовской области. Окончил Литературный институт им. Горького. Сменил несколько профессий. Возглавлял краевую писательскую организацию. Автор многих прозаических книг. Лауреат премии губернатора Ставропольского края. Член Союза писателей СССР и России. Живет в Михайловске.

Пидоренко (Берег) Игорь Викторович. Родился в 1953 году в Ставрополе. Выпускник Пятигорского института иностранных языков. Работал журналистом, переводчиком, редактором книжного издательства. Известный писатель-фантаст и автор приключенческих произведений. Лауреат литературной премии им. А. Фадеева СП России и премии губернатора Ставропольского края им. А. Губина. Член Союза писателей России. Живет в Ставрополе.

Чекалов Петр Константинович. Родился в ауле Кубина Карачево-Черкесской республики. Окончил Ставропольский педагогический институт. Доктор филологических наук. Профессор. Автор многочисленных публикаций о русских и северокавказских писателях. Живет в Ставрополе.